

801-04
3667

С 92
64

ИСТОРИЯ

СВЯТАГО ГРАДА

ИЕРУСАЛИМА,

ОТЪ ВРЕМЕНЪ АПОСТОЛЬСКИХЪ И ДО НАШИХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С. П. Б.

Въ типографіи III. отдѣл. собств. Е. И. В. канцеляріи.

1844.

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ

Отъ Комитета С. Петербургской Духовной Цензуры печатать по-
зволяется. Марта 13 1844 года.

Цензоръ Морскаго Собора
Протоіерей Тимовей Никольскій.

ИСТОРИЯ

ИЕРУСАЛИМА.

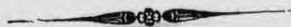
312	Глава XVII. Разрушение Иерусалима Римлянами.	—
302	Глава XVI. Разрушение Иерусалима Персами.	—
287	Глава XV. Разрушение Иерусалима Ассирийцами.	—
300	Глава XIV. Разрушение Иерусалима Египтянами.	—
315	Глава XIII. Разрушение Иерусалима Вавилонянами.	—
323	Глава XII. Разрушение Иерусалима Ассирийцами.	—
310	Глава XI. Разрушение Иерусалима Персами.	—
323	Глава X. Разрушение Иерусалима Ассирийцами.	—

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Глава I. Разрушение Иерусалима Римлянами.	1
— II. Церковь Иерусалимская въ три первые вѣка.	17
— III. Сооружение храма Св. гроба и прочихъ святилищъ	34
— IV. Святительство Св. Кирилла Иерусалимскаго	56
— V. Иночество въ Палестинѣ	67
— VI. Переселенцы Римскіе.	82
— VII. Смятенія отъ Пелагіанъ.	97
— VIII. Обители Виолесема и пустыни.	113
— IX. Кончина и ученики Св. Евѳимія.	143
— X. Св. Савва освященный и Осодосій киновіархъ	158
— XI. Патріаршество Иліи и Іоанна.	176
— XII. Святительство Петра.	201
— XIII. Смятенія Оригенистовъ.	216
— XIV. Обитель Серида	235

Глава XV.	Духовный лугъ Іоанна Мосха	245
— XVI.	Раззореніе Іерусалима Персами	265
— XVII.	Завоеваніе Іерусалима Арабами	283
— XVIII.	Халифатъ Омміадовъ	300
— XIX.	Гоненія иконоборцевъ	315
— XX.	Халифатъ Аббасидовъ	332
— XXI.	Упадокъ Аббасидовъ	349
— XXII.	Халифатъ Фатимитовъ	363

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1	Раззореніе Іерусалима Персами	I	—
17	Завоеваніе Іерусалима Арабами	II	—
31	Халифатъ Омміадовъ	III	—
50	Халифатъ Аббасидовъ	IV	—
67	Упадокъ Аббасидовъ	V	—
82	Халифатъ Фатимитовъ	VI	—
97	Гоненія иконоборцевъ	VII	—
113	Духовный лугъ Іоанна Мосха	VIII	—
143	Раззореніе Іерусалима Персами	IX	—
158	Завоеваніе Іерусалима Арабами	X	—
176	Халифатъ Омміадовъ	XI	—
201	Халифатъ Аббасидовъ	XII	—
216	Упадокъ Аббасидовъ	XIII	—
232	Халифатъ Фатимитовъ	XIV	—

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Въ послѣдній разъ хотѣлъ я проститься съ Іерусалимомъ и обнять его взорами, съ Масличной вершины. Еще до зари, оставивъ за собою спящія твердыни, одиноко поднялся я на Элеонъ. Тамъ, на скалѣ плача, гдѣ плакалъ Господь о Сіонѣ, погрузился я въ созерцаніе весенняго утра, въ землѣ нѣкогда обѣтованной. — Все было тихо окрестъ Іосафатовой долины; робкія козы паслись, промежду ветхихъ оливъ, и ихъ дикій пастырь, медленно спускаясь за ними въ плачевную юдоль,

изумленный, оперся на длинное копье свое, при видѣ странника: мы встрѣтились взорами, и онъ удалился.

«Солнце, встающее изъ за Элеона, мало по малу, освѣтило предо мною очаровательное и вмѣстѣ страшное зрѣлище Св. града. Обнесенный зубчатою стѣною, онъ весь лежалъ предъ очами, на скасть горы, издали, какъ бы вновь созданный и безъ слѣда развалинъ. Обширная, зеленая площадь Соломонова храма, живописно отдѣлялась отъ стѣсненныхъ позади ея зданій, изъ груды коихъ возвышались два купола Св. гроба, крѣпость Давида и нѣсколько минаретовъ и башень. Съ лѣвой стороны, вне ограды, домъ Тайной вечери вѣнчалъ Сіонъ: еще южнѣе, чрезъ оврагъ Геенны, гора Соблазна вставала надъ деревнею Силоама, и монастырь Пророка Иліи мелькалъ вдали, промежъ маслинъ, на высотахъ ведущихъ къ Вилеему. Съ правой стороны города, позади разсыянныхъ садовъ и утесовъ, село Пророка Самуила ограничивало горизонтъ, на высокомъ хребтѣ Силома, гдѣ такъ долго хранился кивотъ завѣта. У ногъ моихъ извивалось изсохшее русло Кедрона, по зеленой долинѣ Юсафатовой, усыпанной гробами Евреевъ. Могила Авессалома и вертепъ Геосиманскій стояли гранями, на двухъ краяхъ сей вѣщей долины.

«Такая дивная картина развивалась восхищеннымъ взорамъ, и пламенно бы я желалъ всегда имѣть ее, хотя мысленно, предъ собою. Я бы желалъ выразить то необыкновенное волненіе, которое овладѣло духомъ, когда, въ одномъ великомъ зрѣлищѣ, предстали мнѣ оба завѣта: все пророчества Ветхаго и ихъ событіе въ Новомъ, все клятвы и благословенія, попеременно висѣвшія надъ роковымъ градомъ, доколь не сбылись наконецъ судьбы его, доколь благодать, однажды излившись на міръ изъ сего таинственного кладезя, не положила вѣчной печати безмолвія на его изсыхающее устье, отколѣ нѣкогда истекало столько видѣній. — Псалмы, гремѣвшіе во дни славы Сіона, плачь Іереміи, оглашавшій его паденіе, сія таинственная юдоль плача, гдѣ начались страданія Спасителя, — юдоль Юсафатова, въ имени коей уже начинается звукъ послѣдней судной трубы... о кто найдетъ, въ такомъ хаосѣ предметовъ и воспоминаній, въ такой бурѣ взволнованныхъ чувствъ, довольно мыслей и глаголовъ, и что, кромѣ слезъ, можетъ облегчить сердце, на томъ мѣстѣ гдѣ плакалъ Богъ!

«Если же, не отвлекая взоровъ отъ сего очаровательнаго вида, обнять мыслію весь рядъ вѣковъ, славно или горько протекшихъ надъ Іерусалимомъ, — какое обширное поприще раскроется для

высокихъ думъ! какая чудная судьба встанетъ надъ нимъ изъ мрака протекшаго, ярко отмѣчая каждое звѣно сей длинной цѣпи столѣтій! Которому изъ градовъ вселенной данъ былъ подобный удѣлъ — быть святилищемъ столькихъ народовъ? и какіе въ нихъ бурные приливы и отливы вѣры и невѣрія, то облакающіе полнотою славы Иерусалимъ, то обращающіе его въ пустыню! Онъ стоитъ на распутіи племень, но не мимо его течетъ рѣка торговли; его ближнее море Мертвое; скалы служатъ дикимъ щитомъ ему отъ алчности завоевателей; участь его не зависитъ отъ причинъ земныхъ; но въ его собственныхъ недрахъ зародышъ благъ и золь, по мѣрѣ его вѣры или невѣрія!

— «На высотѣ Моріи сонмъ жрецовъ приноситъ безчисленныя жертвы, псалмы гремятъ въ дыму благоуханій, слава Іеговы потрясаетъ исполненный ею притворъ храма, и царство Соломона во всемъ своемъ блескѣ; Тадморъ и пустыня его дальнія грани. Но на сосѣднихъ горахъ начинаются требища идольскія; рощи и потоки Геенны посвящены богамъ чуждымъ... и какъ буря возстаютъ Пророки, въ устахъ ихъ гибель Іерусалиму, надъ нимъ уже исполненный фіалъ гнѣва. Но Іосафатъ, но Іезекія, но Іосія, сокрушаютъ идоловъ, посыпаютъ це-

пломъ главу свою, и отсрочена месть. Манассія дополняетъ послѣднюю каплю гнѣва, и весь фіалъ излился! — Сіонъ и Морія пусты. Обрѣлся завоеватель дикой Іудеи; она же, проникнувъ въ дѣра Навуходносорова царства, на него обратила горнее мщеніе. Киромъ сокрушены желѣзныя веревы Вавилона; но сей новый владыка Востока, отъ чрева матери, былъ уже предсказанъ Исаіею и, какъ бурный конь, узнающій голосъ всадника, смиряется предъ глаголомъ пророчествъ. Сіонъ цвѣтетъ вѣрою во дни его преемниковъ. Грознымъ потокомъ стремится Александръ на міръ ему обреченный, но онъ не страшень Св. граду; Даниилъ уже предвидѣлъ его теченіе, и побѣдитель Персіи у ногъ Первосвященника. Антиохъ борется со святынею, — онъ попраень. Помпей водружаетъ орлы Римскіе на стѣнахъ града; но храмъ Іеговы стоитъ, въ ожиданіи послѣдней, искупительной жертвы.

«Совершились семьдесятъ седмиць Даниловыхъ, и жертва сія является міру; обуявшіе Первосвященники приносятъ ее, соответственно съ таинственными указаніями закона Моисеева, и сами не вѣдая узаконяютъ. Они беругъ ее чистою, безъ всякаго порока, вѣнчаютъ терніемъ вмѣсто цвѣтовъ, обременяютъ всеми клятвами и, за вратами города, закалаютъ за грѣхи цѣлаго народа. Принесена

послѣдняя жертва, въ которой все предшествовавшія были только приготовленіемъ; отсель храмъ ветхозавѣтный уже теряетъ свое высокое знаменованіе, рушится, и какъ прахъ разсыивается все племя Іудейское. Титъ и Адрианъ мстители за кровь Праведнаго. На пустотъ Сіона стоитъ его судьба и пишетъ, на пепѣ царства, конецъ пророчествъ Моисея: — ту клятву грядущаго расточенія, которою грозилъ онъ, еще въ пустынь, непокорному народу Израильскому.

«Все ветхое миновалось; мгла неизвестности надъ Іерусалимомъ, и новая вѣра быстро подымается посреди общаго разрушенія. По манію Елены, новый ликующій Сіонъ радостно возвышаетъ чело, гимнами оглашается пустыня, вся Палестина какъ одинъ храмъ, воздвигнутый православію; но она престала быть обѣтованною, уже вся земля наслѣдіе Бога. Протекли первые шесть вѣковъ Христіанства, ереси и распри раздраютъ Церковь, и какъ тяжкій искусъ, подымается изъ песковъ Аравіи враждебный законъ, сокрушая Востокъ именемъ Магомета. Тогда житейскія бѣдствія пробуждаютъ Христіанъ къ подвигамъ духовнымъ, мечъ Агарянскій зоветъ ихъ на бой. Два народа, во всемъ пылу своемъ, хотятъ измѣрить силы въ жестокой борьбѣ; одинъ, дѣйствуя въ полнотѣ свое-

го духа, скликаетъ къ битвѣ Востокъ; другой, отклонясь отъ мирной цѣли, обращаетъ крестъ свой въ крестообразный мечъ и движетъ весь Западъ. Іерусалимъ избранъ поприщемъ для ихъ поединка, и по тщетнымъ порывамъ, падаютъ поборники Христа. Иной болѣе свѣтлый Іерусалимъ имъ назначенъ; судьбы же земнаго они не въ силахъ измѣнить. Чуждый, одинокій свидѣтель рожденія и паденія царствъ, онъ стоитъ, притчею народовъ, на распутіи ихъ вѣръ, славнымъ протекшимъ облакая настоящій позоръ свой и, во свидѣтельство вѣкамъ грядущимъ, та же судьба пишетъ, на чело его, конецъ пророчествъ Христовыхъ: «Іерусалимъ будетъ попираемъ язычниками, доколь не окончатся времена язычниковъ*!»

Такія мысли, такія чувства, исполняли мою душу, когда, за четырнадцать лѣтъ предъ симъ, прощался я со Св. градомъ; то что, съ вершины горы Элеонской, только мелькнуло глазамъ моимъ, теперь развилось предо мною, въ болѣе пространномъ объемѣ, когда я постепенно углублялся мыслию въ таинственныя судьбы Св. града, — а между тѣмъ протекали годы. Въ священной исторіи, изданной мною, уже я коснулся ветхозавѣтнаго Іерусалима, и старался, по мѣрѣ слабыхъ силъ

* Луки XXI, 29.

моихъ, изобразить половину той картины, которая мнѣ представилась нѣкогда, съ высотъ Элеонскихъ. Теперь я довершаю начатое и представляю вторую половину сего необычайнаго зрѣлища: исторію возавѣтнаго Іерусалима, исполненную столькихъ чудныхъ событій, отъ временъ Апостольскихъ и до нашихъ.

— 2 —

I.

**РАЗЗОРЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА
РИМЛЯНАМИ.**

(Іаковъ, братъ Божій, первый Епископъ.)

Протекло семьдесятъ лѣтъ отъ Рождества Христа Спасителя, и менѣ сорока отъ Его вознесе- нія, какъ уже приспѣла предсказанная имъ кончина Іерусалиму, надъ коимъ плакалъ Онъ съ такою сердечною скорбію: «Іерусалимъ, Іерусалимъ, градъ, избившій Пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! — сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собирающая птенцевъ своихъ подъ крылія, и вы не восхотѣли! — се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ!» (Мате. XXIII. 37)

Часть I.

Уже завѣтъ новый Бога съ человѣками, чрезъ страданія Христовы, утвержденъ былъ на вѣки; надлежало запечатлѣться ветхому, временно заключенному съ избраннѣмъ народомъ, въ которомъ преимущественно сохранялось чистое ученіе о Божествѣ, дабы явить міру, что отнышѣ истинные поклонники поклонятся ему на землѣ, уже не въ одномъ Іерусалимѣ. Разрушеніе его сопряжено было со многими необычайными событіями, въ знаменіе долголѣтняго высокаго его значенія.

Послѣ славнаго племени Маккавеевъ, которые избавили Іудею отъ насилія Антиоховъ Сирійскихъ и вступили въ союзъ съ Римлянами, милостію ихъ воцарился въ Сіонѣ иноплеменникъ Иродъ, сходно съ пророчествомъ древняго Патріарха, Іаковъ возвѣстилъ двѣнадцати сынамъ своимъ, что не оскудѣетъ князь отъ Іуды до пришествія Мессіи, и Мессія родился во дни чуждаго пришельца Ирода, племя коего продолжало господствовать въ Палестинѣ, притѣсняя юную Церковь Христову; въ самомъ же Іерусалимѣ повелѣвали игемоны Римскіе, подобно Пилату, подъ властію Проконсуловъ Сиріи.

По мудрому устроенію Промысла, со времени истребленія Вавилонскаго, большая часть колѣнъ Израилевыхъ осталась въ Месопотаміи и оттоль разсыпалась по Востоку. Многіе изъ Іудеевъ основались также въ западныхъ областяхъ Рима, приобретаая себѣ права гражданства въ столицахъ языческаго міра и умножая число своихъ прозелитовъ, въ лучшихъ городахъ поморія. Такимъ образомъ міръ

приготовлялся къ принятію ученія Христова, потому что Апостолы повсюду начинали проповѣдь свою съ Іудеевъ, какъ сохранявшихъ преданіе о Мессіи. Наипаче въ Египтѣ, гдѣ славилась просвѣщеніемъ Александрія, многочисленны были Евреи и гордились своимъ ученіемъ, смѣшаннымъ съ философіею Еллинскою.

Въ Александріи произошло и начало болѣзней, по сѣтившихъ народъ Израильскій за его невѣріе. Тамъ впервые поднялась на него рука Еллиновъ, когда вспыхнулъ мятежъ Евреевъ, раздраженныхъ за поруганіе Царя ихъ Агриппы, внука Ирода, который шелъ изъ Рима властвовать, по волѣ Кесаря, въ Палестинѣ. Многія тысячи, всякаго возраста, истреблены были яростію языческой черни, и въ послѣдствіи подобныя убійства повторились по городамъ Сиріи и у Пароянъ, ибо вездѣ были ненавидимы Евреи; вездѣ подозрѣвали ихъ въ зажигательствахъ и въ нарушеніи общественнаго спокойствія. Такая печать отверженія повсемѣстно на нихъ легла, съ тѣхъ поръ какъ отвергли они своего Мессію. Іудеямъ грозило другое бѣдствіе, которое едва могли отклонить они, посольствомъ своего ученаго согражданина Филона и ходатайствомъ въ Римѣ Царя Агриппы. Безумный Кесарь Калигула, негодуя, что одни Іудеи не воздають ему почестей божескихъ, велѣлъ правителю Сиріи поставить изваяніе свое въ святилищѣ Іерусалимскомъ, какъ бы въ обличеніе непокорнаго народа, который еще недавно не хотѣлъ признать, въ томъ самомъ храмѣ, лице истиннаго Сына Божія, въ смиренномъ образѣ человѣка.

Одинъ только страхъ всеобщаго возстанія отчаянныхъ, готовыхъ погибнуть за оскорбленіе своей святыни, удержалъ Проконсула исполнить волю Кесаря. Но хотя, съ воцареніемъ Клавдія, совершенно оставлена была цельная мысль сія, однако же часъ отъ часу болѣе тяготѣло надъ Іерусалимомъ иго Римское, и возраставшее хищничество правителей Сиріи превосходило мѣру терпѣнія людей, не научившихся терпѣнію Христову, доколь наконецъ частные мятежи соединились въ одинъ общій всего народа, при Кесарѣ Неронѣ.

Началу войны предшествовали знаменія. Ночью, на праздникъ опръсноковъ, ввезанный свѣтъ осіялъ алтарь и храмъ, и восточные мѣдные врата его, съ трудомъ отверзаемые силою двадцати человѣкъ, отверзлись сами собою, и на вечернемъ небѣ явились, въ разныхъ мѣстахъ Палестины, конники и колесницы, стремящіеся къ Св. граду; въ день же пятидесятницы, жрецы и левиты, вошедшіе въ храмъ для принесенія обычныхъ жертвъ, съ ужасомъ почувствовали тяжкое его колебаніе, и внезапно изшелъ изъ внутренности святилища громкій гласъ: «изыдемъ отсель!» Но ежедневныя жертвы, утратившія свое значеніе, съ тѣхъ поръ какъ принесена была однажды примирительная жертва Христова, не прекращались. Продолжался и рядъ Первосвященниковъ, по чину Ааронову, утратившихъ свою законность въ лицѣ Каіафы, который, не вѣдая самъ силы словъ своихъ, прорекъ о Христвъ: «что лучше одному человѣку умереть за всѣхъ» и тѣмъ самымъ призналъ его Первосвященникомъ вѣчнымъ,

по чину Мелхиседекову. Временные преемники Каіафы смѣнялись непрестанно, по прихоти народной или властію дѣтей Ирода; ослѣпшіе не хотѣли видѣть конца завѣта ветхаго и грядущаго событія всѣхъ пророчествъ надъ Іерусалимомъ; они не внимали вѣщему воплю Іисуса, сына Ананова, который, за четыре года до паденія, скитался по всему городу, повторяя непрестанно: «гласъ отъ востока, гласъ отъ запада, отъ четырехъ странъ вѣтровъ, гласъ на Іерусалимъ, на храмъ и новобрачныхъ, гласъ на весь народъ!» Вѣщій голосъ сей замолкъ только во время осады, когда Іисусъ, воскликнувъ однажды: «горе и мнѣ!» пораженъ былъ брошеннымъ изъ снаряда осаждавшихъ камнемъ. — И какъ все теченіе духовной и гражданской жизни народа Еврейскаго, отъ временъ патриархальныхъ Авраама, описано въ его священныхъ книгахъ: такъ и кончина ветхозавѣтнаго города, съ разительною точностію, передана была потомству, очевидцемъ событія, знаменитымъ по своей учености Іудеемъ Іосифомъ Флавіемъ, который, послѣ многихъ битвъ, самъ находился плѣнникомъ въ осадномъ станѣ Римлянъ.

Іосифъ поставляетъ одною изъ причинъ, навлекшихъ казни Божію на его соотечественниковъ, убіеніе ими праведнаго Іакова, брата Господня, перваго Епископа Іерусалимскаго, который, по древнимъ преданіямъ, рукоположенъ былъ въ санъ сей самимъ Господомъ (Златоу. толк. на Коринѣ. гл. XV). Тридцать лѣтъ уже правилъ онъ Церковію Христовою, и до такой степени приобрѣлъ любовь гражданъ,

что названіе праведнаго присоединилось къ его имени, и, ради общаго уваженія, имѣлъ онъ даже дозволеніе всегда входить въ святилище Іудейское. Отъ юныхъ дней посвятивъ себя на служеніе Богу, Іаковъ непрестанно умолялъ Господа о спасеніи своего народа; колѣна его отвердѣли отъ напряженной молитвы, а тѣло изнурилось постами. Въ виду ветхозавѣтнаго храма собиралъ онъ живую Церковь Бога живаго, въ горщищѣ Сіонской, и установилъ порядокъ молитвъ при совершеніи вечери Христовой, который послужилъ основаніемъ и образцемъ послѣдующихъ литургій; первоначальная же сохранила имя Іакова. Бѣдствія вѣрующихъ между Евреями и поврежденіе нравовъ отъ лжеученій, внушили любящему его сердцу написать соборное посланіе ко всей братіи, о дѣлахъ истинной вѣры и пагубныхъ слѣдствіяхъ чувственности, о преодолѣніи искушеній, смиреніи, нищелюбіи, ожиданіи суда, и о двухъ таинствахъ исповѣди и елеосвященія, для поддержанія немощныхъ.

Священники Іудейскіе боялись, чтобы сильное вліяніе Іакова на сердца народа не привлекло еще болѣе людей къ распятому Мессіи, и возстали на праведника. Сперва лестію надѣялись они убѣдить его отречься отъ Христа, и превознося хвалами смиреннаго, просили, въ день Пасхи, взойти на крыло церковное, чтобы оттолкъ объявить въ слухъ всего вѣрующаго народа, сколь тщетно обольщается онъ ученіемъ Христовымъ. Готовый умереть за исповѣданіе истины, мнимо повиновався Іаковъ и взошелъ на террасу храма. Тамъ громъ

кимъ голосомъ, сказали ему книжники: «мужъ праведный, которому подобаетъ всякая вѣра, народъ обольщается, послѣдую распятому Христу; научи насъ истинѣ: что есть жертва Іисуса на крестѣ?» — и столь же громко отвѣтствовалъ имъ Іаковъ: «что спрашиваете меня о Сынѣ Человѣческомъ? Онъ сѣдитъ одесную силы Божіей и грядетъ на облакахъ небесныхъ.» Разъяренные книжники, посреди восклицаній народныхъ: «осанна сыну Давида!» свергли праведника съ вершины храма, и умирающей успѣлъ еще молиться, подобно Стефану, за своихъ убійць, пока они добивали его камнями.

Три милліона Евреевъ собрались на Пасху въ Іерусалимъ, когда въ послѣдній разъ тиетно просили они Прокопсула, Кестія Галла, остановить хищность ихъ частнаго правителя Флора, и не смотря на кроткія убѣжденія Царя Агриппы младшаго, внука Иродова, роковой мятежъ вспыхнулъ. — Сынъ Первосвященника Ананія, юный Елеазаръ, начальствовавшій надъ стражею храма, возбудилъ народъ и взялъ приступомъ башню Антоніеву, главную твердыню города; всѣ воины Римскіе, изгнанные изъ прочихъ укрѣпленій, умерщвлены были яростію черни. Въ тотъ же день 20,000 Евреевъ пали въ сосѣдней Кесаріи, подъ мечемъ язычниковъ, и вѣсть сія взволновала всю Палестину. Жестокая война возгорѣлась по всѣмъ городамъ и селамъ Сиріи, между Іудеями и Сирійцами: распутія и вертепы наполнились разбойниками; войска Евреевъ овладѣли многими замками, но за то

граждане ихъ немилосердно избиваемы были по всемъ мѣстамъ, и въ Александріи погибло ихъ до 50,000. При самомъ началѣ можно было уже видѣть, что война сія должна окончательно рѣшить участь цѣлаго народа. Вооружился проконсулъ, и усмиривъ Галилею, двинулся къ Іерусалиму, но отчаянное сопротивление Іудеевъ принудило его удалиться.

Тогда, по небесному внушенію, Христіане Іерусалимскіе, видя, что уже мерзость запустѣнія, предсказанная Данииломъ, является на мѣстѣ святомъ, бѣжали изъ Іудеи въ горы и удалились въ Сирійскій городъ Пеллу, на рубежъ пустыни. Іудеи же, гордые своимъ успѣхомъ, вооружили бойницами городъ. Веспасіанъ заступилъ мѣсто Галла, и въ короткое время покорилъ Галилею и окрестности Іудейскія, но предоставилъ сыну своему Титу конечное покореніе Іерусалима, когда самъ, по смерти Кесаря Нерона, превозглашенъ былъ Императоромъ. Онъ устремился на западъ, превознесенный пророчествами востока о всемірной монархіи, потому что къ его лицу относили темные гадатели обѣтованное издревле владычество Мессіи по вселенной.

Между тѣмъ, еще прежде меча Римскаго, уже губили внутренніе раздоры Іерусалимъ. Опытнѣйшіе въ немъ хотѣли мира, болѣе пылкіе войны. Первосвященникъ Ананія, съ другими старѣйшинами, которые одни только могли управлять народомъ, умерщвлены были зилотами. Вожди такъ называемыхъ ревнителей, Іоаннъ Гискала и Елеа-

заръ, владѣли храмомъ и призывали хищныя колына Идумейцевъ, для грабежа и убійствъ, по улицамъ бѣдствующаго города; раздѣлились между собою и самыя зилоты. Нѣкто Симонъ варъ Сіора собралъ за Іорданомъ шайку разбойниковъ, какъ бы въ отмщеніе за смерть Первосвященника Ананія, и овладѣлъ Сіономъ и нижнею частію города. Съ своей стороны Гискала укрѣпился во вѣншихъ галлереяхъ храма, сражаясь то съ нимъ, то съ Елеазаромъ, который затворился во внутреннемъ дворѣ святилища, доколѣ наконецъ, пользуясь праздникомъ Пасхи, Іоаннъ ворвался во внутрь его и приобрѣлъ всѣхъ зилотовъ; Симонъ же съ Идумеями остался владыкою города.

Тогда подступилъ Титъ съ легіонами Римскими, отъ пути сѣвернаго, и осадилъ Іерусалимъ. Часть его войска расположилась на горѣ Элеонской, и жестоко было противъ нее первое нападеніе осажденныхъ; внутренніе раздоры препятствовали дальнѣйшимъ успѣхамъ. Болѣе милліона народа, собравшагося на послѣднюю свою Пасху, впало въ гибельную осаду: голодъ и моръ жадно налегли на пожираемый раздорами городъ. Въ теченіе первыхъ пятнадцати дней орудія Римскія разбивали сѣверную стѣну Іерусалима, и черезъ девять дней совершенно вытѣснили Евреевъ изъ за старой ограды; они остановились у башни Антоніевой и укрѣпленнаго храма. Желая спасти городъ и храмъ, военачальникъ послалъ именитаго плѣнника Іосифа, убѣждать къ сдѣлать Іоанна Гискалу, но ему отвѣчали камнями. Между тѣмъ голодъ возвысился

до такой степени, что единокровные оспаривали другъ у друга пищу и отцы вырывали ее у дѣтей; многіе покушались искать себѣ пропитанія за стѣнами города; но бѣжавшихъ отъ голода распинали тысячами въ виду Голгоѣы, такъ что не доставало мѣста и дерева для крестовъ, въ страшную память того креста, на коемъ отцы ихъ распяли Царя славы, съ страшнымъ воплемъ: «кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!»

Не менѣе смертей сръталось и внутри города, обреченнаго гнѣву Божию. Алчные убійцы врывались въ дома, гдѣ только подозрѣвали найтти пищу, которой самыя гнусныя роды все уже истощены были отчаяніемъ, и обрѣли наконецъ послѣдній — мать пожирающую собственнаго младенца. Она сама открыла испеченный трупъ его, привлеченнымъ на запахъ яствы, и сказала: «это мой сынъ и мое дѣло; вѣште, ибо я ѣла; — или вы нѣжиѣ женщины и мягкосердечнѣе матери?» Съ ужасомъ бѣжали отъ нее голодные, и когда вѣсть о томъ дошла до стана Римскаго, Титъ призвалъ Бога во свидѣтели, что невиненъ въ такомъ злодѣянн, ибо не преставалъ предлагать миръ. Послѣ многократныхъ напрасныхъ приступовъ къ Антоніевой башнѣ, Римляне, съ невѣроятною скоростію обнесли въ теченіи трехъ дней весь городъ, многобашеннымъ валомъ, такъ что уже никто изъ жителей не могъ переходить за роковую черту, и до двухъ тысячъ бѣжавшихъ Евреевъ сдѣлались жертвою корыстолюбія Сирианъ, которые искали золота въ ихъ угро-

бѣ. Трупы умершихъ съ голода, несмѣтнымъ множествомъ бросали со стѣпъ, такъ что отъ смрад-наго воздуха задыхались въ городѣ.

Съ необычайными усиліями овладѣли наконецъ Римляне Антоніевою башней, потому что до такой степени опустошена была окрестность Іерусалима, что за двадцать верстъ привозили лѣсъ для стѣнобитныхъ орудій. Уже Титъ совершенно подступилъ къ храму, но междоусобіе не прекращалось; послѣдняго Первосвященника Матаѳіа убилъ Симонъ, Іоаннъ же ограбилъ самый храмъ, и тогда прекратилась ежедневная жертва. Желая сохранить святилище, еще однажды послалъ Титъ убѣждать Іоанна не осквернять святыни и спасти ее, но Іоаннъ отвѣчалъ: «что Божию граду не можетъ угрожать разрушеніе» и поставилъ орудія, метавшія камни, въ самыхъ вратахъ храма, такъ что святилище подобно было крѣпости, окруженной трупами. Военачальникъ въ послѣдній разъ послалъ сказать Іоанну: «призываю во свидѣтели отеческихъ моихъ боговъ и Бога, который нѣкогда охранялъ храмъ сей, а нынѣ его оставилъ, что я не вынуждаю васъ осквернять святилище; хотите ли избрать другое поприще для битвы? и никто изъ Римлянъ къ нему не прикаснется, ибо я, вопреки вашей воли, хочу спасти храмъ.» Но нечестивый Іоаннъ принялъ великодушіе вождя за малодушіе, и послѣ страшнаго ночнаго приступа, сгорѣли постепенно великолѣпныя галлерей, окружавшія храмъ съ запада и

съвера; шесть дней непрестанно били орудія Римскія въ великолѣпнѣйшій изъ всѣхъ притворъ восточный, и съ трудомъ могли вырвать только нѣсколько камней внѣшней одежды: столь прочно было зданіе. По лѣстницамъ поднялись воины на его стѣны и зажгли все, что подлежало огню. Оставался одинъ храмъ, и вопреки совѣта своихъ полководцевъ, хотѣлъ сохранить его Титъ, для славы имени Римскаго; но Господь судилъ иначе, ибо давно уже обречь свое святилище пламени, говоритъ Іосифъ. Одинъ изъ Римскихъ воиновъ взялъ головню изъ пылающаго притвора и, поднявшись на плеча своего товарища, безъ всякаго страха бросилъ ее въ золотое окно храма. Громко воскликнули Іудеи, увидя пламя внутри; Іоаннъ отважился на послѣднюю вылазку. Посреди боя Титъ съ военачальниками поспѣшилъ гасить огонь; но напрасно разсылалъ онъ повелѣнія, неистовые легіоны не слышали ихъ или не хотѣли слышать. Безоружные и мятежники одинаково убиваемы были на помость, и со ступеней храма текла струями кровь. Титъ устремился въ самую внутренность святилища и надѣялся еще спасти его, потому что пламя охватило только внѣшнія стѣны. Онъ скликалъ воиновъ для погашенія пожара и велѣлъ сотнику даже убивать непокорныхъ: — все напрасно. Ненависть къ Іудеямъ, ярость битвы, жажда корысти превозмогли послушаніе Римское. Тотъ самый воинъ, который послѣдовалъ за Титомъ, въ горящее преддверіе, непримѣтно подложилъ огонь подъ затворы вну-

треннихъ вратъ, и внезапно вспыхнуло пламя изъ самой середины, такъ что и самъ Титъ принужденъ былъ удалиться и, вопреки его воли, объялось огнемъ все святилище.

Съ заревомъ храма прекратилось всякое состраданіе: дѣти, старцы, жрецы и народъ гибли безъ пощады. Весь покрытый трупами, холмъ святилища, пылалъ и орошался кровію: побѣдные клики Римлянъ, вой мятежныхъ Іудеевъ среди мечей и огня, вопли народа страшно сливались съ трескомъ пламени. Неизчислимыя богатства сгорѣли съ сокровищницею храма; на одной изъ пылавшихъ галлерей погибло до 6,000 женъ и дѣтей, которыхъ обольстилъ лжепророкъ предсказаніемъ, что оттолъ узрятъ они спасеніе. На пепелищѣ храма провозгласили Римскіе воины начальника своего Императоромъ. Въ пятый день, голодъ принудилъ священниковъ Іудейскихъ сойти съ одной изъ обгорѣвшихъ стѣнъ, и просить пощады. «Время милости миновалось, сказалъ Титъ, храма нѣтъ, ради коего можно было бы пощадить васъ; теперь же прилично вамъ съ нимъ вмѣстѣ погибнуть», и всѣ они преданы были смерти.

Симонъ и Іоаннъ, вожди мятежныхъ, просили переговоровъ съ Титомъ, и онъ обѣщалъ имъ жизнь, если положить оружіе, но они хотѣли имѣть свободный выходъ изъ крѣпости въ пустыню, и раздраженный Титъ велѣлъ все истреблять въ городъ: пламя охватило со всѣхъ сторонъ часть его, называемую Акрою; мятежники удалились на Сіонъ, и

тамъ осадили ихъ Римляне; осмнадцать дней длилась осада, и еще бы могла продлиться, по неприступности башенъ и стѣнъ, но внезапный страхъ овладѣлъ осажденными; они сами ихъ оставили, и не въ силахъ будучи прорваться сквозь Римскую стражу, укрылись въ подземныхъ ходахъ около купели Силоамской. Римляне проникли въ оставленный ими городъ, и до ночи продолжались убійства въ тѣсныхъ улицахъ, гдѣ нашли цѣлые дома наполненные трунами; ночью же пламя охватило и Сионъ. Самъ Титъ, изумился твердости башенъ, которыя безъ оружія достались ему въ руки. «Съ помощію Божіею окончили мы войну, сказалъ онъ, ибо руки человѣческія не въ силахъ были бы вытѣснить Іудеевъ изъ такихъ укрѣпленій.»

Воины утомились отъ убійствъ, но еще много оставалось Іудеевъ. Изъ нихъ казнены были всѣ принимавшіе участіе въ мятежъ; красивые юноши оставлены были для триумфа; многихъ сослали въ рудокопни Египетскія, многихъ обрекли для амфитеатра; 2500 Іудеевъ пали на одномъ побоищѣ въ Кесаріи, многія тысячи распроданы въ неволю; отъ несмѣтнаго числа ихъ и обилія золота, найденнаго въ Палестинѣ, упала цѣна невольниковъ и металла. По исчисленію Іосифа до 100,000 плѣнныхъ достались въ руки Римлянъ и болѣе 1,000,000 погибли въ осадѣ, ибо собравшіеся на Пасху, со всѣхъ концовъ Іудей, заключены были въ Іерусалимъ, какъ въ темницѣ.

Болѣе 2000 труповъ еще найдено было въ подземельяхъ, изъ коихъ вышли наконецъ вожди мя-

тежниковъ, сперва Іоаннъ и потомъ Симонъ, какъ пѣкое привидѣніе, возставшее изъ развалинъ, въ бѣлой одеждѣ и пурпурной мантии; ихъ сковали для триумфа. Уже болѣе нечего было падить въ Іерусалимъ; тогда Титъ велѣлъ воинамъ своимъ разметать до самыхъ основаній весь городъ и храмъ, сохранивъ только три башни: конную, Фазаеля и Маріамны, для памяти минувшаго великолѣнія и силы, одолѣвннхъ храбростію Римскою: воины такъ уравнили землю, что нельзя было даже подозрѣвать существованія города.

Вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Веспасіаномъ, Титъ торжествовалъ въ Римъ конечное одолѣніе Іудей, и казнены были вожди мятежныхъ, предъ жертвоприношеніемъ. Златой подсвѣчникъ, священные сосуды храма, самыя книги закона носимы были въ торжествѣ по стогнамъ Римскимъ. Сосуды поставилъ Веспасіанъ во вновь устроенномъ имъ храмѣ мира, а пурпурную завѣсу скинии и книги закона хранилъ въ собственномъ дворцѣ. Таковъ былъ печальныйъ конецъ св. града, въ коемъ пѣкогда возсіяла слава Божія, избраннаго самимъ Господомъ, дабы тамъ пребывало имя его, и который даже язычники называли именитѣйшимъ городомъ во всемъ Востокѣ. — Въ 70 году по Р. Х. 7 Мая началась сія послѣдняя губительная осада Іерусалима и окончилась совершенно 11 Сентября; храмъ же сгорѣлъ въ субботу, 10 Августа, въ самый день истребленія перваго храма Соломонова, Царемъ Вавилонскимъ*).

* Іосифъ о войнѣ Іудейской Кн. 5, 6, 7.

Взирая на сіе страшное наказаніе цѣлаго народа, невольно вспомнишь опять предсказаніе Господа, когда плакалъ онъ надъ Иерусалимомъ, нисходя съ горы Элеонской, посреди вербнаго торжества своего, и восклицалъ: «о если бы и ты, хотя въ сей день твой, узналъ, что служить къ миру твоему! но сіе скрыто отъ очей твоихъ; ибо придутъ на тебя дни, когда враги твои обложатъ тебя окопами и окружаютъ тебя и стѣснятъ отъсюду и разорятъ тебя до основанія, и избіютъ тебя и дѣтей твоихъ посреди тебя, и не оставятъ въ тебѣ камня на камнѣ, за то что ты не уразумѣлъ времени посѣщенія своего». (Луки XX. 42 — 44). И когда одинъ изъ учениковъ показывалъ ему великолѣпное зданіе храма, говоря: «Учитель, посмотри, какіе камни и какія зданія!» онъ отвѣчалъ: «видишь ли сіи огромныя зданія? все это будетъ разрушено, такъ что не останется здѣсь камня на камнѣ.» (Марк. XIII 1. 2).

II.

ЦЕРКОВЬ ІЕРУСАЛИМСКАЯ ВЪ ТРИ ПЕРВЫЕ ВѢКА.

Епископы Св. Симеонъ, Іустъ, Іуда, Маркъ, Наркиссъ, Александръ.

Послѣ мученической смерти перваго Епископа и по разореніи Иерусалима, которое вскорѣ за нею послѣдовало, оставшіеся еще въ живыхъ Апостолы и ученики Господа, съ родственниками его по плоти, собрались для избранія преемника Св. Іакову и, по общему согласію, признали достойнѣйшимъ Симеона, сына Клеопы, упоминаемаго въ Евангеліи, двоюроднаго брата Спасителя. Такимъ образомъ престолъ Иерусалимскій, на который самъ Господь посвятилъ Іакова первымъ Епископомъ во вселенной, по особенной важности своей, представленъ былъ роду Давидову. Св. Златоустъ въ толкованіи своемъ на дѣянія Апостольскія, говоритъ, что верховные Апостолы Петръ, Іаковъ, Іоаннъ, не спорили между собою, кому изъ нихъ быть первымъ Епископомъ Иерусалима, но смиренно уступили санъ сей брату Божію. Посему и гора Сіонъ названа была матерію Церквей, а Евсевій свидѣтель-

ствуешь, что въ его время еще существовала деревянная каеэдра Иакова, спасенная Христiанами, бѣжавшими въ Пеллу; * ее и до нынѣ показываютъ въ патрiархіи Иерусалимской. Можно предполагать, что многочисленныя пещеры, которыя видны въ противулежащей Сіону горѣ, за оврагомъ Геенны, служили мѣстомъ жительства для первыхъ Христiанъ, возвратившихся на пепелище Иерусалимское.

Мученическая кончина ожидала также и престарѣлаго Симеона, во второе гоненіе противъ Христiанъ, при Императорѣ Траянѣ. Враждебныя истинной вѣрѣ послѣдователи Керинѳа и Николая, обвинили предъ проконсуломъ Аттикомъ православнаго Епископа, не только какъ Христiанина, но и какъ потомка Давидова. Въ продолженіи многихъ дней, терзаемый бичами, двадцатилѣтній старецъ изумилъ своимъ терпѣніемъ жестокаго судію и скончался на крестѣ, подобно божественному сроднику своему по плоти, Господу Иисусу, послѣ сороколѣтняго управленія его Церковію**. Еще при жизни Симеоновой, родство со Спасителемъ міра возбуждало страхъ властителей Римскихъ. Императоръ Веспасіанъ, котораго лезть Иудеевъ называла Мессіею, издалъ повелѣніе истребовать въ Римъ всѣхъ происходившихъ отъ племени Давидова, дабы не оставалось болѣе надежды на явленіе Мессіи. Жестокой сынъ его Домитіанъ возобновилъ указъ сей; услышавъ, что внуки Иуды, называемаго братомъ Господнимъ, еще живы и происходили не только отъ племени

* Евсев. кн. III. ** Кн. VII. 15.

Давидова, но были и родственниками распятаго Христа, онъ велѣлъ привести ихъ въ Римъ и спросилъ: сколько у нихъ имѣнія и въ чемъ оно состоитъ? — Они отвѣчали, что общее ихъ богатство можно оцѣнить въ 9000 денаріевъ, и что это имущество не въ деньгахъ, а въ поляхъ, которыя они воздѣлываютъ собственными руками, въ потъ лица своего, издерживая одну часть на себя, а другую отдавая въ казну. Въ доказательство истинны словъ своихъ показали они Императору свои руки, загрузившія отъ работы. Властитель Римскаго міра, не менѣе Ирода опасавшійся Виолеемскаго младенца, спросилъ еще, подобно Пилату, у родственниковъ Христовыхъ, о его вѣчномъ царствѣ: гдѣ оно? и услышавъ что на небѣ, отпустилъ ихъ съ миромъ, видя крайнюю нищету, ибо не имѣлъ причины ихъ опасаться.

По смерти Симеона, * избранъ былъ ему преемникомъ Іустъ, одинъ изъ числа многихъ увѣровавшихъ Иудеевъ. Нѣкоторые его принимаютъ за того праведнаго Іуста или Варсаву, коему, вмѣстѣ съ Матеіемъ, Апостолы давали жребій, для занятія мѣста Иуды предателя. Но историкъ Евсевій ясно говоритъ, что послѣ Симеона, уже не оставалось болѣе въ живыхъ ни одного изъ ближайшихъ Апостоловъ и учениковъ Христовыхъ; онъ замѣчаетъ также, что всѣ преемники Симеона, до послѣдняго разоренія Евреевъ при Императорѣ Адріанѣ, умирали скоро, по причинѣ жестокихъ гоненій. Въ теченіи 16 лѣтъ ихъ смѣнилось пят-

* 110 по Р. X.

надцать, на бѣдствующей кафедрѣ брата Божія, и все они были Евреи, до послѣдняго изъ нихъ Иуды, потому что Церковь Иерусалимская, составленная собственно изъ Иудеевъ, хотѣла, чтобы ея Епископы носили на себѣ и печать обрѣзанія Моисеева. Последнее возмущеніе сего народа, послѣдовавшее 58 лѣтъ послѣ перваго разоренія Римскаго, совершенно измѣнило остатки ветхозавѣтнаго Иерусалима.*

Путешествія Кесаря Адриана, по его обширной имперіи, были причиною смятеній. Страдая томительною болѣзнію, искалъ онъ облегченія въ Св. градѣ, ибо громко было во всѣхъ народахъ имя Іеговы.** Посреди развалинъ Иерусалима изумился Кесарь великолѣпно трехъ уцѣлѣвшихъ башенъ Иродовыхъ; на пепелищѣ Сіона нашелъ онъ только одну убогую церковь Христіанскую, и возбужденный памятію древней святыни, велѣлъ обновить разрушенный городъ и воздвигнуть капище Юпитеру на мѣстѣ храма Іеговы. — Тогда вспыхнуло негодованіе Иудеевъ, оскорбленныхъ новымъ поруганіемъ святыни, столь близкой ихъ сердцу; они могли вынести зрѣлище развалинъ Соломоновыхъ, но не славу языческаго капища. Последній и ужаснѣйшій мятежъ взволновалъ всю Палестину, которому неуспѣшно сперва противились военачальники Римскіе. Нѣкто Варко-хева, принявъ сіе имя, означавшее сына звѣзды, выдалъ себя народу за обѣтованнаго Мессію, за низпавшую съ неба звѣзду для просвѣщенія сѣдящихъ во мракѣ, о которой пророчествовалъ древній волхвъ Валаамъ. Онъ со-

* Евсев. кн. IV. ** Истор. Патр. Досіо. кн. I гл. 8.

бралъ войско, овладѣлъ Иерусалимомъ, укрѣпился въ башняхъ Сіонскихъ, принудилъ раввиновъ Еврейскихъ, потомковъ Гамалила, которые основали свое училище по сосѣдству Св. града, признать себя владыкою, и нѣсколько лѣтъ управлялъ своимъ народомъ, какъ Царь; равно жестокой къ язычникамъ и Христіанамъ, онъ терзалъ ихъ за то, что не хотѣли обрѣзываться и воевать противъ Римлянъ. Уже Евреи, въ надеждѣ на ложнаго своего Мессію, хотѣли опять предпринять строеніе храма. Императоръ Адрианъ принужденъ былъ, для ихъ усмиренія, вызвать изъ Британіи проконсула Юлія Севера съ его легіонами. Опытный вождь сталъ постепенно брать приступомъ каждое укрѣпленіе; проникая въ ущелія горъ, онъ разрушилъ 50 крѣпостей, срылъ 985 селеній и умертвилъ до 580000 Евреевъ: безчисленное ихъ множество продаю было въ неволю близъ Иерусалима, въ той славной долинѣ Теревинской, гдѣ некогда отрокъ Давидъ поразилъ исполина Голиаа, и самое мѣсто торга осталось горько памятнымъ, подъ именемъ торжища Адрианова. Пльнники Иудейскіе опять наводнили собою вселенную и наипаче Испанію, гдѣ съ тѣхъ поръ основались до новаго ихъ изгнанія, уже въ среднихъ вѣкахъ; дикіе звѣри приходили выть въ опустѣвшія ихъ жилища, ибо сіе последнее плѣненіе было ужаснѣе Навуходносорова. На берегу озера Галилейскаго, въ Тиверіадѣ, сосредоточилось отчасти управленіе ихъ умаленнаго народа, подъ властію такъ называемыхъ патриарховъ Иудейскихъ, потомковъ Гамалила, которыхъ преемственное на-

слѣдство сохранилось тамъ до исхода IV вѣка; но чуждымъ навсегда остался для нихъ Иерусалимъ. Опасаясь, чтобы зрѣлище древней столицы не возбудило опять къ войнѣ безпокойнаго народа, Адрианъ запретилъ сынамъ Израиля приближаться къ Иерусалиму и даже издали смотрѣть на него, съ какой либо окрестной высоты; разъ только въ годъ позволено было отчаяннымъ приходитъ плакать на одну изъ горъ, въ виду древней своей столицы, и, чтобы омерзить Иудеямъ самый входъ въ Иерусалимъ, Адрианъ велѣлъ поставить на вратахъ Виолеемскихъ изваяніе ненавистнаго имъ животнаго.

Совершенно чуждое населеніе язычниковъ переведено было въ новый городъ, который измѣнилъ древнее свое псаломное имя, ради языческаго обновленія Эліемъ Адрианомъ, и назвался Эліею Капитолиною. Онъ раздѣленъ былъ на семь частей и въ немъ устроились опять великолѣпныя зданія, театры и общественныя гульбища, но, по малолюдству города, Сионъ исключенъ былъ изъ стѣнъ его. Адрианъ поручилъ обновленіе Иерусалима язычнику Аквилъ, уроженцу Понтійскому, который, видя чудеса Христіанъ, сперва принялъ самъ ихъ вѣру, но, по своей привязанности къ астрології, былъ изгнанъ изъ церкви и совратился къ Иудейству; тогда съ большимъ стараніемъ изучилъ языкъ Еврейскій и сдѣлалъ новый переводъ Св. писанія на Греческій, думая исправить текстъ 70 толковниковъ, затмѣніемъ ясныхъ свидѣтельствъ о Господѣ Исусѣ*.

* Флери кн. III. гл. 25.

Императоръ языческій не пощадилъ и святыни Христіанской, смѣшавъ съ Иудеями Христіанъ и осквернивъ идолами мѣста ихъ поклоненія. Надъ пещерою воскресенія поставилъ онъ кумиръ Юпитера, а на Голгоѣ кумиръ Венеры, такъ что, по свидѣтельству Св. Амвросія Медиоланскаго, все мѣсто и вся окрестность Голгоѣ назвалось Афродисіею; оно слыло также и мѣстомъ сора, скупиціонъ, потому что прежде сего туда свозили всякую нечистоту, чтобы истребить изъ памяти мѣсто страданія Спасителя; но не могло оно укрыться, какъ не могла быть забыта и пещера Виолеемская, хотя вокругъ нее насадилъ Адрианъ цѣлую рощу въ честь Адониса. По преданію нѣкоего монаха Александра, на которое ссылается Патріархъ Иерусалимскій Досифей*, вѣрныя, зная мѣсто Св. Голгоѣ, ежедневно приходили съ благоговѣніемъ ему поклоняться, и хотя оно въ послѣдствіи осквернено было требищами идольскими, царственные цвѣты васильки (отъ Греческаго слова василикъ, царскій) непрестанно росли на этомъ мѣстѣ: напрасно нечестивые старались истреблять ихъ, они опять появлялись, и отсель произошло въ Иерусалимѣ обыкновеніе совершать водоосвященіе съ васильками, для памяти сего чуда.

Вотъ что пишетъ блаженный Иеронимъ къ другу своему Епископу Павлину,** о состояніи святыхъ мѣстъ во времена язычества: «отъ дней Адриана и до царствованія Константина, въ теченіе 180 лѣтъ, язычники поклонялись на мѣ-

* Кн. I. гл. 9. ** Письмо XIII.

ствѣ, освященномъ воскресеніемъ нашего Спасителя, идолу Юпитера, а на горѣ Голгоѣѣ мраморному идолу Венеры, потому что виновники гоненій думали, оскверненіемъ святыхъ мѣствъ, истребить въ насъ вѣру въ воскресеніе и крестъ Господа Иисуса Христа. Селеніе Виолеемское, гдѣ я теперь живу и которое есть самое священное мѣсто на всей землѣ, ибо отсель, по предсказанію псалмѣвца: «Истина отъ земли возсіяла», селеніе сіе было осквернено рошею въ честь Адониса, и язычники оплакивали смерть любимца Венеры, въ томъ самомъ вертепѣ, гдѣ раздались первые младенческіе вопли новорожденнаго Христа.»

Но въ которомъ мѣствѣ Св. града стояла первая Христіанская церковь, которую засталъ Адрианъ? — Св. Епифаній Кипрскій пишетъ, что она была на Сіонѣ, куда собрались для вкушенія хлѣба Апостолы, послѣ воскресенія Христова, и гдѣ въ послѣдствіи сооруженъ монастырь; онъ же утверждаетъ, что на горѣ Элеонской было семь мѣствъ подъ землею, для тайныхъ собраній, изъ коихъ одно оставалось до времени Императора Константина, отъ чего и произошло въ Церкви Христіанской обыкновеніе зажигать свѣтильники во время богослуженія*. Когда послѣ разоренія Адрианова не оставалось болѣе обрѣзанныхъ между Христіанами, впервые избранъ былъ Епископомъ Иерусалима, изъ числа необрѣзанныхъ, Маркъ и послѣ него уже всѣ святители Св. града продолжали поставляться изъ обращенныхъ язычни-

* Ист. Досно. кн. I. гл. 8.

ковъ, а не изъ Евреевъ. Но десять преемниковъ Марка до Наркисса, жившаго въ исходъ втораго вѣка, извѣстны только по имени. — Частыя гоненія были конечно виною краткаго ихъ святительства, ибо то время, по словамъ Оеофила, Епископа Антиохійскаго, «было истиннымъ садомъ, въ которомъ цвѣли и розы мучениковъ, и крины дѣвъ, и фіалки вдовиць, и плющъ замужнихъ; Марія Магдалина не ошиблась, принявъ за вертоградара Христа, ибо онъ, своею рукою, насадилъ добродѣтели вѣрующихъ, во славу Божию, прекраснѣе всѣхъ Азіійскихъ садовъ*.»

Однимъ изъ благовонныхъ цвѣтовъ сего духовнаго вертограда былъ Наркиссъ Иерусалимскій. Древній историкъ Евсевій свидѣтельствуетъ о добродѣтели его и чудесахъ**. Однажды, въ великую субботу, недостало въ кандилахъ елея и много о томъ печалился народъ; но божественный мужъ велѣлъ почерпнуть воды изъ кладезя и благословилъ воду сію, которая при вліяніи въ лампы получила внезапно качество елея. Другіе же говорятъ, что когда недостало елея помазанія при крещеніи, онъ велѣлъ влить воду въ сосудъ, и помолившись обратилъ ее въ елей, въ присутствіи Императора Александра Севера. При зрѣніи такихъ чудесъ, могъ ли сей властитель Римскій не быть склоннымъ къ Христіанству? Но, не смотря на чистоту ангельской своей жизни, и Наркиссъ подвергся клеветѣ злобныхъ людей, которые сами не могли сносить его обличеній; страш-

* Ис. Досно. гл. 9. ** Кн. VI.

ныя клятвы употребили они въ подтвержденіе своей клеветы, и клятвы сіи обрушились на нихъ самихъ. — Одинъ говорилъ: если не истинно мое свидѣтельство, пусть огонь небесный попалитъ меня; другой обрекалъ тѣло свое тлѣнію и червямъ, третій, въ случаѣ лжи, готовъ былъ лишиться зрѣнія. Хотя богобоязненные Христіане и не вѣрили тяжкимъ обвиненіямъ противъ Наркисса, однако онъ укрылся на многіе годы въ пустыню. Но недремлющее око Божіе, которое, для обращенія грѣшниковъ, не спѣшитъ совершать судъ свой, видя ихъ нераскаянность, обличило каждаго изъ клеветниковъ, исполненіемъ избранной имъ самимъ казни, и тѣмъ засвидѣтельствовало чистоту Наркисса. Третій изъ нихъ, видя событіе клятвы, со страхомъ исповѣдалъ свое прегрѣшеніе, но и его не миновала призванная имъ клятва, хотя съ душевною для него пользою, ибо онъ лишился зрѣнія, проливая непрестанно слезы о своемъ грѣхѣ.

Однако, во время отсутствія Наркисса, клиръ Иерусалимскій избралъ ему преемника; десять лѣтъ спустя, уже при третьемъ Епископѣ Гордіѣ, явился опять Наркиссъ, какъ бы воскресшій изъ мертвыхъ, и былъ умоленъ народомъ, раздѣлить заботы святительскія съ Гордіемъ. Переживъ и сего Епископа просилъ онъ, по глубокой своей старости, избрать другаго, вмѣсто себя, и братіямъ Иерусалимскимъ было откровеніе, принять Епископомъ того, кто на слѣдующее утро первый встрѣтится имъ во вратахъ города. Благодать Божія послала имъ Александра, Епископа Каппадокійска-

го, который уже однажды исповѣдалъ Христа въ узахъ и, освободясь изъ темницы, по небесному внушенію, пришелъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ; онъ остался въ Иерусалимѣ и еще нѣсколько лѣтъ раздѣлялъ кафедру съ старцемъ, который скончался на рукахъ его 116 лѣтъ. Имя Наркисса сохранилось и въ окружномъ посланіи собора Кесарійскаго, о законномъ времени празднованія Пасхи, ибо сей вопросъ возбудилъ много преній въ исходѣ втораго вѣка; кротость Епископовъ Восточныхъ, при обличеніи непокорныхъ, угасила пламя раздора, едва не разгорѣвшееся отъ надменности Епископа Римскаго Виктора.

Благочестивый Александръ, какъ ученикъ знаменитаго Климента Александрійскаго, который посвятилъ ему свои творенія, покровительствовалъ и его преемнику Оригену, когда сей послѣдній основалъ въ Кесаріи Палестинской обширное училище. Онъ же и рукоположилъ Оригена въ пресвитера, по согласію съ Епископомъ Кесаріи Феоктистомъ, но тѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе Святителя Александрійскаго Димитрія, къ чьей епархіи принадлежалъ Оригенъ. Не вѣдая тайной причины, которая воспрещала возвестъ его въ санъ іерейскій, Александръ оправдывалъ себя предъ Димитріемъ, собственными его грамотами, исполненными похвалъ Оригену, продолжалъ содѣйствовать ему въ распространеніи просвѣщенія духовнаго по всей Палестинѣ, и собралъ самую богатую бібліотеку въ Иерусалимѣ. Въ половинѣ третьяго вѣка, сорокъ лѣтъ спустя послѣ перваго сво-

его исповѣданія имени Христова, Александръ сдѣлался опять исповѣдникомъ и потомъ мученикомъ за Христа; въ жестокое гоненіе Декіево. Онъ вызванъ былъ въ Кесарію Палестинскую; тамъ, безъ всякаго уваженія къ почтеннымъ съдинамъ, ввергли его въ темницу, гдѣ и скончался по долгомъ томленіи. Мозаванъ заступилъ мѣсто святителя, и его имя стоитъ въ числѣ обличителей западной ереси Новатія.

Во дни Именея, Епископа Іерусалимскаго, многіе Христіане пострадали въ Кесаріи Палестинской, отъ преслѣдованій Императора Валеріяна; но самъ Святитель сохранился ко благу своей Церкви и, какъ поборникъ православія, дважды ходилъ на соборъ Антіохійскій, для осужденія мѣстнаго Епископа Павла Самосатскаго, который отвергалъ божество Господа Иисуса. При второмъ преемникѣ Именея, Ермонѣ, въ началѣ IV вѣка, открылось жестокое гоненіе Императора Діоклетіана на Христіанъ, распространившееся и на Палестину. Первый изъ пострадавшихъ въ ней былъ Прокопій, родомъ изъ Іерусалима, чтець церкви Скиѳопольской, отъ юности посвятившій себя на служеніе Богу. Въ Кесаріи исповѣдалъ онъ вѣру свою предъ судилищемъ проконсула и отрекся возливать вино, по обрядамъ языческимъ, въ честь Императоровъ; ему отсѣкли голову; вслѣдъ за нимъ, въ томъ же городѣ, пострададо много Епископовъ, клириковъ и мірянъ. Нѣкоторые малодушествовали отъ жестокости мученій, но большая

часть мужественно довершила подвигъ, и тщетно язычники, силою привлекая связанныхъ къ алтарямъ и закрывъ имъ уста, старались показать, будто Христіане жертвовали богамъ: но и полумертвые еще хулили ихъ нечестивыя требища.

Съ отреченіемъ отъ престола Императора Діоклетіана не уменьшилось гоненіе, а еще болѣе разгорѣлось въ Палестинѣ, по жестокости другаго Императора Галерія и Кесаря Максимиана, которому достался удѣломъ Востокъ. Въ Кесаріи, какъ областномъ городѣ Палестины, совершались всѣ ужасы, ибо туда влекли на судъ Христіанъ. Историкъ Евсевій, въ книгѣ своей о мученикахъ Палестины, сохранилъ подвиги нѣкоторыхъ изъ нихъ. Юноша Апфіанъ, именитый родомъ, проникнутый чтеніемъ Св. писаній, услышавъ о новомъ указѣ Кесарей, чтобы всѣ жертвовали богамъ, смѣло приступилъ къ областному начальнику Урвану, въ минуту приношенія жертвы, и удержалъ его за руку, обличая суету идолослуженія. Воины, какъ лютые звѣри устремились на Апфіана и осыпавъ его ударами, повлекли въ темницу; на другой день онъ подвергся жестокимъ истязаніямъ на судилищѣ: его терзали бичами, ему обвертели ноги фитилемъ и зажгли ихъ, такъ что огонь проникалъ во внутренность самыхъ костей; но онъ остался твердымъ и полумертвый брошенъ былъ въ море. Внезапно поднявшаяся буря, на морѣ и на сушѣ, извергла тѣло мученика къ вратамъ города, чему былъ свидѣтелемъ самъ Евсевій. — Братъ его

Едессій и другой юноша Іустинъ, имѣли ту же участь.

Годъ спустя, въ той же Кесаріи, когда жестокой Кесарь Максиминъ праздновалъ день своего рожденія, игрищами амфитеатра, нѣкто Агапій, уже трижды исповѣдавшій имя Христова въ темницѣ и однажды брошенный звѣрямъ, на сей разъ окончилъ мученическій подвигъ святой жизни; отвергнувъ предлагаемую пощаду, онъ громогласно объявилъ желаніе умереть въ своей вѣрѣ, и былъ растерзанъ дикимъ медвѣдемъ, а потомъ брошенъ въ море. Потоплению подверглась также и дѣва Θεодосія, за то что привѣтствовала въ преторіи нѣсколькихъ узниковъ христіанскихъ. Многихъ сослали въ рудокопни Палестинскія, и съ ними пресвитера Сильвана, бывшаго потомъ Епископомъ и мученикомъ. Старецъ Авксентій брошенъ былъ звѣрямъ, витія Домникъ сожженъ, нѣкоторые обречены игрищамъ; инымъ исповѣдникамъ, осужденнымъ на рудокопни, выжгли правый глазъ и жилу праваго колѣна; въ томъ числѣ и будущему Епископу Іерусалимскому Максиму. Одна слабая дѣва смѣло обличила жестокость Кесаря Максимиана и, опрокинувъ предъ лицомъ его олтарь идольскій, мужественно перенесла испытаніе огненное. Исповѣдникъ Павелъ, готовясь на смерть, просилъ только дать ему время помолиться, и громогласно молилъ Бога, о спасеніи Христіанъ, обращеніи Іудеевъ и язычниковъ, дабы познали они истиннаго Бога; наконецъ о Императорахъ, судіи своемъ и даже о палачѣ,

* Муч. Пал. гл. 4.

дабы не вмѣнилась имъ въ грѣхъ его смерть; онъ молился съ такою теплотою, что присутствовавшіе язычники не могли удержаться отъ слезъ. Еще три исповѣдника, пресвитеры Антоній, Зевина и Германъ, приблизились къ новому правителю Кесаріи Фирмиліану, въ часъ жертвоприношеній, и всенародно просили его оставить заблужденія; они заплатили жизнью за свою смѣлость. Тѣла безчисленныхъ мучениковъ, брошены были безъ погребенія, и хищныя птицы разносили ихъ члены по всѣмъ частямъ города, такъ что гиушались симъ зрѣлищемъ враги Христіанъ, хотя и не трогалось ихъ жестокое сердце. Но мраморныя столпы общественныхъ зданій, посреди коихъ совершались всѣ сіи ужасы, внезапно, при ясной погодѣ, покрылись потомъ; вода стекла отъ нихъ по улицамъ и площадямъ, отчего возникла молва народная, что земля и камни плачутъ о сихъ неистовствахъ.

Однимъ изъ послѣднихъ, знаменитѣйшихъ мучениковъ Палестины, былъ ученый пресвитеръ Кесарійскій, Памфилъ, съ двѣнадцатью своими сподвижниками. Проведшій всю свою жизнь въ постѣ, молитвѣ и добрыхъ дѣлахъ, онъ глубоко изучилъ Св. писанія и собралъ въ Кесаріи знаменитую библіотеку, ибо самъ былъ свѣтильникомъ своего времени; Памфилъ исповѣдалъ Христа на судилищѣ и вверженъ былъ въ темницу; за нимъ діаконъ церкви Іерусалимской, престарѣлый Валентъ, и третій Павелъ, изъ сосѣдняго города Іамніи, и пять молодыхъ Египтянъ, схваченныхъ во вратахъ Кесаріи. Священное имя Іерусалима было въ та-

комъ забвеніи, что когда судія, спросившій одного изъ нихъ: «отколѣ онъ родомъ?» услышалъ въ отвѣтъ: «изъ Іерусалима,» онъ сталъ жестоко пытатъ его, чтобы дознаться, гдѣ находится сей городъ? Хотя не болѣе двухъ дней пути, отъ Кесаріи до Іерусалима, однако языческое имя Эліи Адріановой привело въ забвеніе библейское. Мученикъ сей, по имени Ілія, не желая осквернить священнаго названія языческимъ, продолжалъ среди истязаній восклицать только: «что городъ сей на востокъ и есть отчизна праведныхъ людей.» Смущенный судія, полагая, что это какой либо замокъ, который Христіане хотѣли укрѣпить противъ Римлянъ, напрасно требовалъ новыхъ объясненій и велѣлъ наконецъ отсѣчь ему голову.

Жестокій правитель осудилъ на ту же казнь ученаго Памфила, послѣ двухлѣтняго заточенія, и тѣхъ, которые исповѣдали, вмѣстѣ съ нимъ, вѣру свою на судилищѣ. Мужественный рабъ Памфила, Порфирій, хотѣвшій предать тѣло его погребенію, сожженъ былъ, малымъ огнемъ, съ другимъ исповѣдникомъ Іуліаномъ. Двухъ бросили звѣрямъ и правитель Фирмилианъ не пощадилъ собственнаго служителя, почтеннаго старостію Θεодула, за то что исповѣдалъ имя Христова; но и самъ мучитель вскорѣ подвергся казни, по приговору Кесаря Максимиана. Другъ Памфила, Епископъ Евсевій, сохранилъ потомству его подвиги и прочихъ мучениковъ. Послѣ всѣхъ пострадалъ престарѣлый Епископъ Газы, Сильванъ, знавшій наизусть все Святое писаніе, и съ нимъ обезглавили въ одинъ

день 39 мучениковъ. Ими окончилось жестокое гоненіе, продолжавшееся въ Палестинѣ восемь лѣтъ, до 310 года. Тогда уже на каедрѣ Іерусалимской сіялъ своими добродѣтелями благочестивый Епископъ Макарій, которому суждено было, видѣть славное обновленіе Св. мѣсть.

Протекла трехвѣковая буря, которая десять разъ принималась опустошать Церковь вселенскую, разражаясь мученіями во всѣхъ предѣлахъ міра. Константинъ великій, руководимый небеснымъ знаменіемъ креста, побѣдилъ постепенно жестокихъ гонителей. Отъ внѣшнихъ ужасовъ отдохнула Церковь, исповѣдники ея возсіяли на каедрахъ святительскихъ; вскорѣ однако опять спокойствіе ея возмущено было бурей Аріянства, отвергавшаго тотъ основной догматъ, за который пролито было столько крови мучениками, — божественность Господа Іисуса Христа. Первый вселенскій соборъ, созванный въ Никей, обличилъ ересь Аріеву и сложилъ символъ вѣры, во всеобщее единодушное исповѣданіе Церкви; однимъ изъ 318 святыхъ Отцевъ сего знаменитаго собранія, исполненнаго великихъ пастырей и исповѣдниковъ, былъ Макарій Іерусалимскій. Вскорѣ усердіе Константина и благочестивое странствіе его матери Елены къ Св. мѣстамъ, совершенно измѣнило языческой видъ Іерусалима въ Христіанскій, подобно какъ нѣкогда Адріаново странствіе обратило Іудейскій въ языческой. Послушаемъ современника и очевидца Евсевія, Епископа Кесарійскаго, который самъ присутствовалъ на торжествѣ обновленія Сіона.

III.

СООРУЖЕНІЕ ХРАМА СВ. ГРОБА И ПРОЧИХЪ СВАТИЛИЩЪ.

Епископы Макарій и Максимъ.

«По окончаніи Никейскаго собора, боголюбивый Императоръ предпринялъ въ Палестинѣ дѣло, достойное вѣчной памяти. Онъ почелъ священнымъ долгомъ благоустроить въ Иерусалимѣ мѣсто воскресенія Господа нашего, драгоценное для всѣхъ человѣковъ, и немедленно повелѣлъ соорудить на ономъ великолѣпный храмъ, не безъ Божіяго внушенія; самъ Спаситель возбудилъ къ тому его сердце: поелику нечестивые люди, или лучше сказать весь сонмъ демоновъ, руками нечестивыхъ людей, покусились погрузить во мракъ забвенія сіе свидѣтельство нашего безсмертія, тотъ памятникъ, отъ коего нѣкогда свѣтлый Ангелъ отвалилъ камень, равно какъ и отъ души искавшихъ между мертвыми живаго Христа. Сію то спасительную пещеру старались совершенно истребить изъ памяти

нечестивые, безумно мечтая, что такимъ образомъ можно утаить истину, и съ немалымъ трудомъ, нанесенною землею, засыпали вокругъ все мѣсто. Возвысивъ нѣсколько насыпь, они обложили ее камнемъ и такимъ образомъ укрыли вертепъ, а къ довершенію устроили сверху св. гроба гробницу для душъ, темное капище мертвыхъ своихъ идоловъ, въ честь сладострастнаго нѣкоего демона, именуемаго Венерою, гдѣ и приносили жертвы на нечестивыхъ олтаряхъ.

Ослѣпленные не разумѣли, что невозможно было побѣдителю смерти потерпѣть ихъ преступное дѣло, какъ и солнцу, обтекающему поднебесную, укрыться отъ зрѣнія. Сила же Спасителя нашего далеко превосходитъ изліяніе свѣта, и не только просвѣщаетъ тѣла, но проникая и души, давно уже исполнила собою міръ. Однако, не смотря на то, долго пребывало неприкосновеннымъ дѣло нечестивыхъ и не нашлось для его истребленія никого между столькими властителями, кромѣ одного благочестиваго Императора, который не могъ равнодушно перенести такого поруганія святыни. По внушенію Божію, онъ полагалъ, что та часть земли, которая наиболѣе была опозорена, наипаче должна быть предметомъ его благочестивыхъ заботъ, о ея украшеніи, и по сему повелѣлъ немедленно обрушить все созданное на ней къ обольщенію людей, и самихъ идоловъ низвергнуть, отбросивъ какъ можно далѣе остатки нечестія. Но и тѣмъ не удовлетворилась его ревность; онъ велѣлъ глубоко окопать кругомъ все мѣсто, чтобы

отнюдь не оставалось на немъ земли, оскверненной
требищами.

Тогда открылась первоначальная почва, т. е. святое мѣсто бывшее внизу, и сверхъ всякаго чаянiя просiалъ самый священный памятникъ воскресенiя Господня; пещера, по истинѣ могущая называться святою святыхъ, явила собою нечто, подобное воскресенiю Спасителя нашего, когда внезапно опять произошла на свѣтъ, изъ-подъ трехъ вѣковаго мрака; она представила взорамъ народа, стекшагося на сiе утѣшительное зрѣлище, какъ бы самую повесть чудесъ, нѣкогда въ ней совершившихся; ибо громче всякаго гласа свидѣтельствовала о воскресенiи Спасителя нашего. Обрадованный Императоръ опредѣлилъ, съ великолѣпiемъ истинно царскимъ, обильныя даванiя, для сооруженiя достойнаго храма, вокругъ спасительной пещеры, и предписалъ начальникамъ областей Восточныхъ, не щадить для сего никакихъ издержекъ; Епископу же Св. града послалъ грамоту, въ коей излилась явственно его благочестивая вѣра.

«Константинъ, побѣдитель, великiй, Августъ, Макарию Епископу Иерусалимскому.

Милость, оказанная намъ Спасителемъ нашимъ, столь чрезвычайна и изумительна, что не достаетъ словъ для ея выраженiя. По истинѣ, что можетъ быть чуднѣе судебъ Его промысла, по коимъ скрывалъ Онъ подъ землею, столь долгое время, памят-

никъ своихъ страданiй, доколь не былъ побѣжденъ врагъ благочестiя и не освободились вѣрные служители. Мнѣ кажется, если бы собрали всѣхъ мудрецовъ и риторовъ вселенной, не могли бы они сказать ничего достойнаго сего чуда, ибо оно столько же превосходитъ всякое чаянiе, сколько вѣчная мудрость свѣше разума нашего. По сему вознамѣрился я возбудить всѣ народы къ принятию истинной вѣры, съ ревностiю достойною дивныхъ событiй, коими она утверждается со дня на день. Не сомнѣваюсь, что какъ сiе мое намѣренiе уже всѣмъ извѣстно, такъ и ты вѣришь, что одно изъ самыхъ пламенныхъ моихъ желанiй — украсить великолѣпнѣйшими зданiями мѣсто, которое будучи свято само по себѣ, освящено еще свидѣтельствомъ страданiй Спасителя нашего, и, по волю Божiей, освобождено было моимъ старанiемъ отъ требища идольскаго. Поручаю опытности твоей принять нужныя мѣры, дабы зданiе сiе, величiемъ и красотою, превзошло все, что только есть великаго и славнаго въ мiрѣ. Я повелѣлъ любезному намъ Дракилiану, намѣстнику епарха и правителю области, употребить, по твоему указанiю, лучшихъ художниковъ для сооруженiя стѣнъ. Извѣсти меня, какiе желаешь имѣть мраморы и колонны; я бы хотѣлъ знать твое мнѣнiе: должно ли святiлище сiе имѣть потолки? ибо въ такомъ случаѣ можно бы ихъ позолотить. Увѣдомь скорѣе назначенныхъ мною сановниковъ, о числѣ строителей и нужномъ количествѣ денегъ, о мраморахъ, колоннахъ и богатѣйшихъ, какiя только можно, украсе-

ніяхъ, дабы я могъ скорѣе о томъ быть извѣщенъ. Господь да сохранить тебя, возлюбленный братъ*.»

Блаженная Елена, мать Императора, отнесла письмо сіе въ Палестину. Она возбудила въ немъ свѣтъ истинной вѣры**, и укрѣпляла его примѣромъ своихъ добродѣтелей. Осьмидесятилѣтній возрастъ не воспрепятствовалъ ей предпринять дальняго пути. Проходя области восточныя, ознаменовала она странствіе свое необычайными милостями ко всѣмъ къ ней прибѣгавшимъ, деньгами и одеждою надѣлая убогихъ, открывая темницы, возвращая изъ заточенія и рудокопней, ибо такую власть даровалъ ей, съ титуломъ Августы, благоговѣвшій предъ нею сынъ. Въ самой Палестинѣ обнаружилось еще болѣе благочестіе души ея, почестями, какія воздала двѣмъ, посвященнымъ на служеніе Богу: созвавъ ихъ въ свои палаты, она сама рабски имъ служила, возливая имъ воду и предлагая яства во время трапезы. Столь глубоко была проникнута Царица чувствомъ истиннаго смиренія; въ ея присутствіи совершались работы около святаго вертепа.

Но ревностной Царицѣ желательно было обрѣсти животворящее древо честнаго креста, на коемъ распятъ былъ Господь славы, ибо Голгоѳа завалена была землею***, подобно какъ и Св. гробъ; она сокрушалась духомъ о сей утратѣ. Богу угодно было указать, въ сонномъ видѣніи, нѣкоторымъ изъ благочестивыхъ мужей, самое мѣсто гдѣ на-

* Евсевій, житіе Констант. кн. III. ** Осодоритъ, кн. I, гл. 18.

*** Созоменъ, кн. II, гл. I.

ходилъ крестъ. Преданіе говоритъ также, что одинъ изъ Евреевъ, по имени Иуда, уже преклонный годами*, сохранялъ письменное свидѣтельство отцевъ своихъ, о томъ, гдѣ обрѣталась святыня Христіанская, и угрозами вынужденъ былъ открыть ее. (Еще другое преданіе дополняетъ, что самъ онъ, обращенный къ вѣрѣ, зрѣніемъ чудесъ, сдѣлался въ послѣдствіи Епископомъ Іерусалимскимъ, подъ именемъ Кириака, но его нѣтъ въ спискѣ Патріарховъ Св. града). Послѣ многихъ трудовъ обрѣтены были въ ндрахъ земли, съ сѣверовосточной стороны Голгоѳы, три креста и начертаніе на трехъ языкахъ, Еврейскомъ, Греческомъ и Римскомъ; но нельзя было распознать, который изъ сихъ трехъ крестовъ послужилъ орудіемъ смерти Спасителю нашему, ибо воины небрежно бросили ихъ съ Голгоѳы и начертаніе отпало съ древа. Надлежало опять промыслу Божію указать животворящій крестъ Господень, и Епископъ Маркарій успокоилъ смятенное сердце Царицы, вѣрою испросивъ знаменіе.

Въ Іерусалимѣ лежала на одрѣ смертномъ одна именитая жена; Святитель велѣлъ принести къ болящей три креста и преклонивъ колѣна со всѣмъ народомъ, такъ помолился: «Ты Господи, едиnorodнымъ Сыномъ твоимъ, даровавшій спасеніе роду человѣческому, чрезъ крестное его страданіе, и въ новѣйшія времена вложившій въ сердце рабы твоей, искать сіе блаженное древо, на коемъ висѣло спасеніе наше, — Самъ явственно укажи нынѣ, кото-

* Сократъ, кн. I, гл. 17.

рый изъ сихъ трехъ крестовъ послужилъ ко славу Господней и которые изъ нихъ только для рабской казни? даруй, дабы сія полумертвая жена, однимъ прикосновеніемъ къ спасительному древу, внезапно возвратилась отъ вратъ смертныхъ къ жизни!»* Произнесши сію молитву, Макарій приложилъ къ болящей сперва одинъ крестъ, а потомъ другой, и не было отъ нихъ никакого дѣйствія; но едва прикоснулся къ ней третій, болящая внезапно открыла глаза и, вставъ съ одра, укрѣпилась въ силахъ своихъ, еще болѣе нежели въ прежнемъ состояніи здоровья, и, бѣгая по всему дому, громко прославляла силу Божию. Нѣкоторые говорятъ еще, что и мертвый воскресъ отъ прикосновенія животворящаго древа.

Историки Сократъ, Созоменъ, Θεодоритъ и Руфинъ, свидѣтельствуютъ повѣсть сію, какъ слышанную ими отъ людей достовѣрныхъ и записанную для благочестиваго преданія потомству. Св. Елена оставила большую часть честнаго древа Епископу Макарію, заключивъ ее въ серебряный ковчегъ, для храненія въ новомъ храмѣ, дабы всѣ вѣрные могли поклоняться святынь; отсель получилъ начало благочестивый обрядъ воздвиженія честнаго креста, ибо блаженный Макарій, стоя на возвышенномъ мѣстѣ, воздвигалъ оный предъ всѣмъ народомъ; другую часть креста Царица послала къ сыну своему, вмѣстѣ съ обрѣтенными гвоздями, изъ которыхъ одинъ онъ вдѣлалъ въ шлемъ свой, для охраненія царственной главы.

* Руфинъ, кн. X, гл. 8.

Вмѣстѣ съ Епископомъ Макаріемъ ревностно приступила Царица къ исполненію воли сыновней, и надъ самымъ памятникомъ смерти Господней возникъ новый Іерусалимъ, славнѣе древняго, который послѣ убіенія Господня подвергся крайнему запустѣнію за грѣхи народа. Около сего новозавѣтнаго святилища, бывшаго внѣ стѣнъ древняго Іерусалима, быстро образовался новый городъ, и тогда оставлено было языческое имя Эліи Капитолины, данное Адрианомъ. Императоръ воздвигъ трофеей побѣды, одержанной Спасителемъ нашимъ надъ смертію, говоритъ Евсевій, и сей-то храмъ быть можетъ тѣмъ новымъ Іерусалимомъ, о которомъ провѣщали Пророки и столько писали въ божественныхъ своихъ книгахъ, движимые Духомъ Святымъ.*

Прежде и выше всего украшена была священная пещера, лучшимъ мраморомъ и великолѣпнѣйшими колоннами, какъ венець всего зданія и божественное свидѣтельство того обновленія, которое возвѣстилъ некогда міру, у дверей ея, небеснымъ свѣтомъ возсіявшій Ангель. Изъ внутренности сей пещеры выходили подъ открытое небо, на весьма обширное мѣсто, помость коего устланъ былъ свѣтлымъ камнемъ, а съ трехъ сторонъ возвышались длинныя галереи; напротивъ входа пещеры, обращеннаго къ востоку солнца, была соборная церковь, зданіе великолѣпное, по чрезвычайной высотѣ своей, длинѣ и ширинѣ. Внутренность ея убрана была разноцвѣтнымъ мраморомъ, а наруж-

* Евсевій, житіе Констант. кн. III.

ныя стѣны гладкими камнями, столь искусно выровненными, что они ничѣмъ не уступали мрамору, по виду своему и красотѣ. На вершинѣ сводовъ крыша охранена была свинцомъ отъ зимней непогоды, а подъ нею потолокъ, составленный изъ брусевъ изваянныхъ и переплетенныхъ между собою, распространялся, на подобіе обширнаго моря, чрезъ всю церковь и, покрытый чистѣйшимъ золотомъ, озарялъ ее какъ бы лучами свѣта. Съ обѣихъ сторонъ храма, во всю длину его, простирались двѣ двухъярусныя галлерей, съ двойными аркадами, украшенныя также золотомъ по сводамъ. Наружная галлерей, съ лицевой стороны храма, т. е. соборной церкви, поддерживалась огромнѣйшими колоннами, а съ внутренней пиластрами, украшенными съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ. Трое, стройно расположенныхъ вратъ, принимали толпы входящаго народа, лицомъ къ востоку. Напротивъ сихъ вратъ, во главѣ полу-кружія, находился алтарь, увѣнчанный двѣнадцатю столбами, въ честь Апостоловъ Господнихъ и тѣмъ оканчивался храмъ; капители ихъ украшались большими чашами, вылитыми изъ серебра, которыя Императоръ посвятилъ Богу своему. Идущимъ оттолъ къ выходамъ храма, т. е. изъ собора, встрѣчалось опять открытое пространство. Здѣсь съ обѣихъ сторонъ, на первомъ дворѣ, или паперти, были галлерей и главныя врата, за которыми, на средней торговой площадѣ, возвышалось преддверіе всего зданія, устроенное съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ, такъ что сквозь него, внутренній

видъ святилища уже поражалъ входящаго; ибо ничего не пощадилъ Императоръ для его украшенія, и невозможно изчислить всѣхъ даяній его, золотомъ и серебромъ и драгоценными камнями.»

Когда сравниваешь сіе великолѣпное описаніе храма Иерусалимскаго съ нынѣшнимъ его состояніемъ, то едва можешь себѣ вообразить первоначальное его расположеніе; ибо съ тѣхъ поръ онъ нѣсколько разъ былъ опустошенъ и однажды совершенно разрушенъ, Халифомъ Египетскимъ; но знающій мѣстность можетъ отчасти угадать планъ перваго храма. Скажемъ сперва о Св. гробѣ, о которомъ вотъ что пишетъ Патріархъ Иерусалимскій Досиѣей, въ своей исторіи *; «гробъ Господень есть двойная пещера, поелику, по обычаю Евреевъ, высѣкали въ камняхъ какъ бы домъ, иногда большой, иногда малый, а внутри дѣлали или одинъ гробъ или нѣсколько, и когда погребали кого нибудь, то ничего не клали сверху, а только дверь закладывали большимъ камнемъ. Такъ и Аримаѣейскій Іосифъ высѣкъ себѣ изъ самороднаго камня гробницу, сперва одинъ покой и далье дверь въ другой, а во внутренности онаго, съ сѣверной стороны, сдѣлалъ новый гробъ, въ коемъ положено было безсмертное тѣло Господа нашего, и ничего поверхъ его; внутренняя дверь была открыта, а наружная завалена большимъ камнемъ. Поелику мѣсто, съ котораго срыли землю, было неровно, а пещера Св. гроба низка, то Св. Елена повелѣла все оное мѣсто очистить, доколѣ не об-

* Кн. II, гл. 4.

разовалась большая площадь, такъ чтобы памятнику воскресенія быть посреди оной; Царица велѣла обложить его снаружи мраморомъ, чтобы казался какъ бы построеннымъ внутри стѣнъ внѣшняго храма. Поелику же она повѣсила внутри Св. гроба лампы, то вверху пещеры, изъсѣченной изъ одного цѣльнаго камня, просверлила камень въ разныхъ мѣстахъ для исхода дыма. Вокругъ пещеры на площади построенъ былъ храмъ Воскресенія Христова, новый, предсказанный Пророками Иерусалимъ, и зодчимъ его, по сказанію Теофана, былъ нѣкто по имени Евсеимій.»

Все сіе сходно съ мѣстностію и съ Евсеіемъ, но вотъ гдѣ начинается разность: святая пещера стоитъ теперь внутри храма, подъ куполомъ, который однако не совсѣмъ сведенъ и открытъ сверху; Евсеіій же прямо свидѣтельствуетъ, что пещера воскресенія стояла совершенно подъ открытымъ небомъ, на площадкѣ, окруженная только съ трехъ сторонъ галереями. Быть можетъ не посему ли Императоръ Константинъ, прежде построенія храма, спрашивалъ, въ письмѣ своемъ у Епископа Макарія: надобно ли и какаго рода дѣлать потолки? если только это относилось не къ самой соборной церкви, а къ зданію около пещеры Св. гроба. Вѣроятно судили тогда неприличнымъ, чтобы памятникъ Воскресенія, только что открывшійся міру, былъ опять закрытъ, хотя и сводами храма, и воспоминаніе сего сохранилось донынѣ въ отверстіи купола надъ пещерою.

Главная соборная церковь и теперь находится къ востоку противъ входа въ пещеру гроба, и полукружіе ея алтаря доселѣ сходно съ описаніемъ Евсевія; но тогда она составляла особенное зданіе, примыкавшее только къ галереямъ, которыя окружали вертепъ гроба, и въ нее входили тремя вратами съ площадки, бывшей около вертепа. Теперь портикъ сей уничтоженъ и замѣненъ такъ называемою царскою аркою; ибо хотя и доселѣ два разные купола надъ церковью и вертепомъ, но они составляютъ нераздѣльный храмъ. Двухъярусныя галереи, по обѣимъ сторонамъ соборной церкви, и теперь отчасти существуютъ, ибо кругомъ ея идетъ галерея съ малыми придѣлами, а съ правой стороны возвышается двухъярусная Голгоѳа; но, изъ описанія Евсевія, видна совершенная правильность зданія, которой теперь вовсе нѣтъ, ибо съ сѣвера и востока прилегаютъ бывшій домъ Патриарховъ и монастырь Абиссинскій, а съ полудня къ Голгоѳѣ, монастырь Авраама. Но что весьма удивительно, Евсеіій ни слова не упоминаетъ о Голгоѳской церкви, ни о подземной обрѣтеніи креста, при описаніи храма, хотя и говоритъ о нихъ, какъ объ отдѣльныхъ церквахъ, въ похвальномъ словѣ Константину, изчисляя устроенныя имъ въ Палестинѣ святилища. Быть можетъ, описывая только красоту зданія вообще, онъ не коснулся отдѣльныхъ частей, и подъ именемъ двухъяруснаго притвора разумѣлъ и Голгоѳу, или въ то время еще не было на ней сооружено особенной церкви, и сія часть зданія окончана послѣ. Быть можетъ

еще и то, что св. Голгова была всегда отдельною церковію и только въ послѣдствіи, при Крестовыхъ, включена въ общее святилище, какъ о томъ пишетъ Вильгельмъ, Архіепископъ Тирскій*.

Есть еще одно не совсѣмъ разгаданное мѣсто у Евсевія: это главный входъ. Описавъ соборъ, онъ просто говоритъ, что идущимъ къ его выходамъ встрѣчалось открытое мѣсто, и это можно отнести къ площади около Св. гроба, хотя онъ упоминаетъ еще потомъ о первомъ дворѣ съ галлереями. Судя по сему описанію, можно бы предполагать, что предъ площадью, бывшею около Св. гроба, находилась еще другая, въ родѣ вишняго двора съ западной стороны, т. е. прямо противъ Св. гроба и лежащаго за нимъ собора; но сего кажется, не позволяла мѣстность, ибо Патріархъ Досіеѣй ясно говоритъ, что храмъ имѣетъ къ западу одну только стѣну, потому что съ той стороны находится гора, и сіе совершенно справедливо, такъ какъ въ ней и досель показываютъ гробы Іосифа и Николаима, изсѣченныя въ скаль. Главныя и единственныя врата находятся и теперь съ южной стороны, а на малой площадкѣ, предъ ними лежащей, видны остатки столбовъ, и точно съ сей стороны могла находиться торговая площадь, о коей упоминаетъ Евсевій. А какъ онъ не говоритъ, чтобы главный входъ былъ прямо съ запада, и нѣтъ причины предполагать, чтобы его измѣнили въ послѣдствіи, то весьма справедливо можно заключить, что и во времена Евсевія, входъ сей,

* Кн. VIII, гл. 5.

по расположенію мѣстности, находился какъ теперь, съ полуденной стороны. «Благочестивая Царица» не могла видѣть окончанія заложеннаго ею храма; она украсила только пещеру Св. гроба и соорудила два другіе храма: одинъ надъ тою пещерою, гдѣ родился Эммануиль (съ нами сущій Богъ), другой же на той горѣ, отколѣ вознесся на небо къ пославшему его Отцу; ибо Господь, нашего ради спасенія, благоволилъ явиться міру въ Виѳлеемѣ, и сію священную пещеру украсила, со всевозможнымъ великолѣпьемъ, Елена, а немного спустя Императоръ почтилъ ее царственными дарами, золотыми и серебряными сосудами, и драгоценными тканями, не уступая въ щедрости своей боголюбивой матери. Она же, въ память вознесенія Спасителя нашего, воздвигла величественныя зданія на самой вершинѣ горы Масличной, вмѣстѣ съ церковью. Правдивое преданіе свидѣтельствуетъ, что близъ сего мѣста находится та священная пещера, въ которой Спаситель наставлялъ учениковъ своихъ тайнамъ царствія небеснаго, и благочестивый Императоръ также почтилъ въ ней Царя всѣхъ многими дарами. (Здѣсь нельзя онять угадать, о какой пещерѣ говоритъ Евсевій: о той ли, которая въ полугорѣ, или о Геосиманской у ея подошвы?) Сіи два великолѣпные памятника надъ двумя святыми пещерами, въ бессмертную славу своего имени и въ залогъ пламенной любви къ общему всѣхъ Спасителю, оставила по себѣ Царица, и не много спустя, по счастлі-

* Евсев. жит. Констант. гл. III.

вомъ возвращеніи въ объятія своего семейства, достигнувъ крайняго предѣла старости, хотя и въ совершенномъ здравіи тѣла и духа, перешла она отъ временной жизни къ вѣчной.» Позднѣйшій историкъ Никифоръ приписываетъ еще Царицѣ строеніе многихъ другихъ церквей въ Палестинѣ, какъ то: въ Геосиманіи и Виолеемѣ, и на томъ полѣ, гдѣ пастыри слышали пѣніе Ангеловъ славославившихъ новорожденного младенца и на Иорданѣ, одну въ честь Предтечи около его пещеры, а другую въ честь Іліи Пророка; въ Тиверіадѣ, во имя Апостоловъ, также и въ Капернаумѣ на Фаворѣ и на Сіонѣ, гдѣ была тайная вечеря*.

По примѣру благочестивой Елены, и мать Императрицы Фавсты, Евтропія, родомъ изъ Сиріи, посѣтила святыя мѣста и писала къ Императору, о видѣнномъ ею нечестіи при дубѣ Мамврійскомъ, гдѣ некогда Авраамъ оказалъ гостепріимство тремъ Ангеламъ**. Мѣсто сіе, на разстояніи десяти часовъ хода отъ Іерусалима, называлось также Теревинѣомъ, по древнему тамъ находившемуся дереву, при коемъ ежегодно совершались торжества идольскія и стекались на торжище купцы Финикійскіе и Аравійскіе, ибо оно было въ глубокомъ уваженіи Христіанъ, Евреевъ и язычниковъ, ради памяти Патріарха и Ангеловъ. Самые язычники приносили имъ жертву, почитая ихъ за боговъ, и, по древнему преданію, сохраняли себя въ совершенной чистотѣ, во все время празднества, опасаясь гнѣва

* Кн. VIII, гл. 30. ** Созоменъ, кн. II, гл. 4.

Божія за нарушеніе святости мѣста; но, по причинѣ возліяній идольскихъ, Христіане не могли черпать изъ колодезя Авраамова. Императоръ, извѣстясь о томъ, немедленно написалъ грамоту Макарію и другимъ Епископамъ Палестины, кротко упрекая ихъ, что досель терпѣли такое поруганіе святыни. Онъ сообщилъ имъ, что уже предписалъ правителю области, Акакію, сокрушить олтарь, сжечь идоловъ и строго наказывать тѣхъ, которые вопреки сего повелѣнія, дерзнутъ еще осквернять мѣсто, на коемъ велѣлъ соорудить церковь; Епископовъ же просилъ только извѣщать его о безпорядкахъ, если еще какіе произойдутъ. Во исполненіе воли Императора, воздвигнута была великолѣпная церковь у дуба Мамврійскаго, надъ двойною пещерою Хевронскою, гдѣ погребены Патріархи Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ.

Императоръ велѣлъ соорудить и другія церкви, въ разныхъ мѣстахъ Палестины, ознаменованныхъ событіями Евангельскими. Совершителемъ благочестивой воли его былъ нѣкто Іосифъ, родомъ изъ Евреевъ Тиверіадскихъ, возведенный имъ въ достоинство комита и, по дивному промыслу, обращенный къ свѣту Христову. Патріархъ Іудейскій Гиллель, потомокъ знаменитаго Гамалила, чувствуя приближеніе своей кончины, призвалъ, въ качествѣ врача, сосѣдняго Епископа Христіанскаго и, подъ предлогомъ бани, принялъ отъ него въ купели св. крещеніе. Онъ оставилъ по себѣ преемникомъ малолѣтняго сына, подъ опекою Іосифа, который втайнѣ видѣлъ кре-

щеніе Патріарха, и еще болѣе убѣдился въ истинѣ, когда отважившись проникнуть въ его сокровищницу, нашелъ въ ней, вмѣсто золота, Евангеліе и другія священныя книги. Самъ Господь явился ему, въ сонномъ видѣніи и сказалъ: «Я Иисусъ, котораго распяли отцы твои, вѣруй въ меня.» Многія болѣзни посѣтили его съ такими же таинственными видѣніями; но еще долго не смягчалось сердце Іосифа, даже когда и самъ онъ, по небесному внушенію, исцѣлилъ знаменіемъ крестнымъ, одного бѣснумаго. Наконецъ жестокаго гоненія, со стороны единоплеменниковъ, обратили его къ Богу истинному и онъ, принявъ крещеніе, явился ко двору Императора Константина. Тамъ испросилъ себѣ позволеніе строить церкви въ селеніяхъ Іудейскихъ, и первую соорудилъ въ своемъ отечествѣ Тиверіадѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ исцѣлилъ Спаситель тещу Петрову*.

Любопытно заглянуть въ путевыя записки современнаго поклонника западнаго, изъ Бурдигалии, который посѣтилъ Св. мѣста въ 333 году, чтобы видѣть въ какомъ видѣ онъ ихъ засталъ: «когда идешь отъ Сіона къ вратамъ Неапольскимъ, съ правой стороны въ долину, есть арка, гдѣ былъ домъ или преторій Понтія Пилата, и гдѣ предсталъ на судилище Господь, прежде своей страсти; съ лѣвой же стороны холмъ Голгофы, на коемъ распятъ былъ Господь: оттолъ какъ бы на верженіе камня есть пещера, гдѣ положено было тѣло его и въ третій день воскресло. Тамъ, по повелѣнію Импе-

* Епифанія о ересяхъ XXX.

ратора Константина, сооруженъ храмъ чрезвычайной красоты, имѣющей по сторонамъ водохранилища, отколъ почерпается вода, а позади купели, гдѣ омываютъ дѣтей. Идущимъ также, отъ Іерусалима къ вратамъ восточнымъ, чтобы подняться на гору Элеонскую, представляется долина, именуемая Іосафатовою, гдѣ по лѣвую сторону есть виноградники: тамъ Іуда предалъ Христа; съ правой же стороны пальмовое дерево, съ котораго дѣти срывали вѣтви, чтобы подстилать ихъ грядущему Христу. Потомъ восходишь на гору Элеонскую, гдѣ Господь наставлялъ своихъ Апостоловъ, прежде страданій, и тамъ сооружена церковь повелѣніемъ Константина. Далѣе къ востоку село, именуемое Вифанія, и пещера, гдѣ положенъ былъ Лазарь, воскрешенный Господомъ*.» Путешественникъ говоритъ еще о Вифлеемѣ и Хевронѣ, гдѣ по приказанію Императора, сооружены также великолѣпные храмы, сходно съ показаніемъ Евсевія.

Уже окончено было великолѣпное святилище воскресенія Христова въ Іерусалимѣ, но перваго его строителя не было въ живыхъ. Другой исповѣдникъ Максимъ, посвященный Макаріемъ въ Епископа Лидды, былъ удержанъ народомъ на его кафедрѣ. Онъ ходилъ вмѣстѣ съ прочими Епископами въ Тиръ, для сужденія великаго Аванасія Александрійскаго, котораго оклеветали Аріяне, и тамъ еще однажды исповѣдалъ правую вѣру свою предъ лицемъ всего собора. Св. Пафнотій, Епископъ Фиваидскій, другъ Аванасія

* Vol. III. Itinéraire de Chateaubriand.

сіевъ, увидѣвъ блаженнаго Максима, взялъ его за руку и сказалъ: «такъ какъ ты носишь одинаковые со мною знаки и каждый изъ насъ потерялъ по одному глазу за Господа Иисуса Христа, то я не могу видѣть тебя сидящимъ въ этомъ собраніи.» Онъ вывелъ его съ собою и, открывъ ему все козни противъ великаго Аѳанасія, побудилъ возвратиться въ Іерусалимъ.

Между тѣмъ Императоръ, достигнувъ тридцатилѣтней эпохи своего царствованія, почелъ время сіе самымъ приличнымъ, для возблагодаренія Царя всѣхъ за все оказанныя ему милости, освященіемъ созданнаго имъ храма*. Грамотою царскою повелѣлъ онъ собору, бывшему въ Тирѣ, немедленно идти въ Іерусалимъ, и мѣсто сіе внезапно исполнилось собраніемъ Епископовъ всея вселенной: ибо и Македоняне послали туда своего предстоятеля, и жители Мидіи и Панноніи, недавно обращенные къ Богу, лучшей цвѣтъ своего племени. Присутствовалъ тамъ и украшеніе Епископовъ Перскихъ, Іаковъ, мужъ святой и опытный въ божественныхъ писаніяхъ. Изъ Виѳиніи и Фракіи Епископы почтили своимъ лицемъ собраніе; тамъ были и святители Киликіи и Каппадокіи, славные ученостію и краснорѣчіемъ. Вся Сирія, Месопотамія, Финикія и Палестина, весь Египетъ, Аравія и Фиваида, сошедшись воедино, составили одинъ священный ликъ. За ними послѣдовало безчисленное множество народа изъ всѣхъ областей, и все они угощались на счетъ казны царской, ибо нарочно при-

* Евсев. жизнь Констант. кн. IV.

сланы были изъ палатъ Императора мужи почетные для ихъ приѣма. Надъ ними начальствовалъ сановникъ, близкій къ Царю, именитый вѣрою и ученіемъ, который во времена гоненій много разъ былъ исповѣдникомъ и вполне заслуживалъ такое назначеніе. Онъ съ щедростію, истинно царскою, принималъ многочисленныхъ Епископовъ, убогимъ же изъ народа раздавалъ милостыню, пишу и одежды, а самую церковь украсилъ неоцѣненными дарами. Служители Божіи провождали дни торжественные, частію въ молитвѣ, частію въ проповѣди слова Евангельскаго; нѣкоторые восхваляли благодарность Императора, къ общему всѣхъ Спасителю, и величіе храма; другіе услаждали слушателей духовною трапезою догматовъ богословія; иные толковали тексты Св. писанія и проясняли глубокой смисль таинствъ. Кто же не въ состояніи былъ проповѣдывать, тотъ безкровными жертвами умолялъ Бога, о мирѣ всего міра и благосостояніи святыхъ Божіихъ Церквей и о благочестивомъ Императорѣ. Такъ, по описанію Евсевія, совершилось обновленіе храма Іерусалимскаго въ 13 день Сентября 335 года; оно продолжалось восемь дней, какъ нѣкогда обновленіе Соломонова, и съ сего времени Церковь не престаеетъ праздновать день сей, наканунѣ воздвиженія честнаго креста. Патріархъ Іерусалимскій Досиеей пишетъ, что поклоненіе Св. кресту приносили и во дни Пасхи, по случаю явленія особеннаго свѣта на гробѣ Христовомъ, и что такое же поклоненіе бывало,

ради многочисленнаго собранія вѣрныхъ, въ третіе воскресеніе великаго поста.

Опъ же, въ своей исторіи*, вѣроятно по мѣстному преданію, говоритъ, что великій Аѳанасій, убѣжавъ изъ Тира, прежде нежели явился Императору въ Константинополь, посѣтилъ втайнѣ Іерусалимъ, и по провидѣнію Божію, сдѣлалъ обновленіе Св. гроба, вмѣстѣ съ Епископомъ Максимомъ, чтобы онъ не былъ обновленъ Аріянами. Но хотя Аріи и принять былъ въ общеніе, на соборъ Іерусалимскомъ, однако большая часть Епископовъ не раздѣляли его мнѣній, а только были обмануты его мнимою покорностію догматамъ Церкви. Четырнадцать лѣтъ спустя, Максимъ Іерусалимскій имѣлъ утѣшеніе принять въ Св. градъ великаго исповѣдника Аѳанасія, со славою возвратившагося изъ своего долгаго изгнанія; всѣ Епископы Палестины, числомъ до шестнадцати, кромъ двухъ закоснѣлыхъ въ Аріанствѣ, Акакія Кесарійскаго и Патрофила Скинопольскаго, собрались въ Іерусалимъ, для свиданія съ защитникомъ православія, и написали соборно поздравительную грамоту Епископамъ Египетскимъ, о радостномъ возвращеніи ихъ Архипастыря.

«Святый соборъ, соединившійся въ Іерусалимъ, пресвитерамъ и діаконамъ, и вѣрнымъ Египта, Ливіи и Александріи, нашимъ возлюбленнымъ братьямъ, во Христа радоватися**».

Никогда не возможемъ мы, возлюбленные братья, воздать Богу, творцу и блюстителю всѣхъ

* Кн. II, гл. 5. ** Созоменъ, кн. III, гл. 22.

тварей, должныя хвалы, за дивныя дѣла его во всякое время, и наипаче нынѣ, за тѣ, какія оказалъ вашей Церкви, возвративъ ей пастыря вашего Аѳанасія, сослужителя нашего смиренія. Кто когда либо надѣялся на такую милость? но Господь сжалился надъ вашею Церковію, исполнилъ молитвы ваши, внялъ плачу и воздыханіямъ. Вы были какъ овцы заблудшія и разсѣяныя, не имѣвшія пастыря; но истинный Пастырь, пекущійся о стадѣ своемъ, воззрѣлъ на васъ съ высоты и далъ вамъ того, кого пожелали. Мы же, ищущіе только мира церковнаго и вполне единомысленные съ вами, для его сохраненія, мы приняли его отъ всего сердца и просили доставить вамъ письмо сіе, въ коемъ изъявляемъ радость о его возвращеніи, дабы вы знали, что мы находимся съ нимъ въ общеніи. Праведно вамъ вознести молитвы къ Богу, о благочестивыхъ Императорахъ, которые признавъ его невинность и желаніе ваше паки имѣть Аѳанасія, возвратили его вамъ, съ такою для него почестію; и такъ примите его съ радостію и воздайте хвалу Богу, чрезъ Іисуса Христа Господа нашего, имъ же слава Отцу во всѣ вѣки.»

IV.

СВЯТИТЕЛЬСТВО СВ. КИРИЛЛА ИЕРУСАЛИМСКАГО.

Вскорь послѣ сего скончался блаженный Епископъ Максимъ, и еще болѣе именитый пастырь, Св. Кириллъ, возсіалъ на каедрѣ Иерусалимской. Начало его святительства ознаменовано было небеснымъ явленіемъ креста, которое донинѣ празднуется Церковію вселенскою 7 Мая, въ незабвенную память утѣшительнаго событія, обратившаго многихъ Іудеевъ и язычниковъ къ свѣту Христову. Св. Кириллъ извѣстилъ о томъ грамотою Императора Константія.

«Во дни, блаженныя памяти, родителя твоего Константина, обрѣтено было въ Иерусалимѣ спасительное древо креста Господня, когда онъ, имѣя величайшую ревность къ благочестію, чрезъ содѣйствіе божественной благодати, открылъ сокровенныя святаыя мѣста; при тебѣ же, о благочестивѣйшій Государь, уже не изъ земли, а съ неба чудеса бывають, ибо въ сіи святаыя дни Пятидесятницы,

седьмаго числа Мая, около третьяго часа дня, торжественное знаменіе побѣды Господа нашего надъ смертію, величайшій крестъ, весь сляанный изъ свѣта, явился надъ святою Голговою, простираясь даже до святой горы Масличной, и видимъ былъ чрезвычайно ясно, не однимъ или двумя человеками, но цѣлымъ народомъ всего города. — Это не было, какъ бы могли полагать, нѣкое преходящее явленіе, потому что многіе часы оно продолжалось надъ землею, видимо для всѣхъ и ярче солнца, коего свѣтъ конечно бы затмилъ оное, еслибы свѣтъ отъ креста не испускалъ болѣе яркихъ лучей. Немедленно весь народъ сбѣжался въ церкви, со страхомъ и радостію: старцы и юноши, мужи и жены и даже уединенныя дѣвы, Христіане, туземцы и пришельцы, и язычники со многихъ мѣстъ стекшіеся. Всѣ единогласно восхваляли Господа нашего Іисуса Христа, едиnorodнаго Сына Божія, совершителя дивныхъ, видя на опытъ истину Христіанскаго ученія, не отъ человекъ только возвѣщаемаго, но съ небесъ отъ Бога свидѣтельствуемаго.» Св. Кириллъ заключилъ письмо свое, благочестивымъ желаніемъ, дабы Императоръ всегда восхвалялъ святую и единосущную Троицу, чѣмъ ясно засвидѣтельствовалъ онъ непоколебимую привязанность свою къ символу вѣры Никейскаго собора, противъ котораго возставали тогда Аріане.

Ревность сего благочестиваго Пастыря къ православію отразилась въ его огласительныхъ бесѣдахъ, которыя донинѣ служатъ лучшимъ памят-

* Созом. кн. IV. гл. 5. Сокр. кн. II. гл. 28.

никомъ догматическаго ученія и богослужебныхъ обрядовъ того времени. Св. Кириллъ произносилъ ихъ въ храмъ воскресенія, или на Голгоѣ, часто приводя ее и Св. гробъ во свидѣтельство истины евангельской. Нѣсколько свѣдѣній, о святыхъ мѣстахъ, можно почерпнуть, изъ его поученій. «Господь истинно былъ распятъ за грѣхи наши, говоритъ Св. Кириллъ; еслибы ты захотѣлъ отвергнуть сіе, то видимое нами мѣсто обличило бы тебя, сія блаженная Голгоѣа, на которой собрались мы теперь, ради распятаго на ней, да и вся вселенная имѣетъ уже части честнаго древа.» — Голгоѣа означаетъ лобное мѣсто, и не пророчески ли наименовано Голгоѣою то мѣсто, гдѣ претерпѣлъ крестъ истинная глава Христосъ, о коемъ говоритъ Апостолъ: «иже есть образъ Бога невидимаго,» и далѣе «той есть глава тѣлу Церкви.»** Какъ замѣнительно сіе пророческое наименованіе! — Да будетъ тебѣ крестъ первымъ незыблемымъ основаніемъ, и на ономъ созидай все прочее ученіе вѣры; не отрекайся распятаго, ибо если отречешься, то многое обличитъ тебя: — преторія Пилата, запустѣвшая нынѣ силою распятаго; сія святая возвышающаяся Голгоѣа, видимая и до днесь, и доннынѣ показывающаяся, какъ распались тогда для Христа камни; вблизи находящаяся гробница, въ которой онъ положенъ былъ, и при входѣ камень, доселѣ лежащій при гробницѣ. Крестъ собралъ всѣхъ, и доннынѣ исцѣляетъ болѣзни, прогоняетъ злыхъ духовъ, разсѣиваетъ обольщенія.*** — Хочешь ли

* Оглаш. IV. ** Колос. I. 15—18. *** Оглаш. XIII.

знать и о мѣстѣ воскресенія? продолжаетъ Св. Кириллъ. — Самъ Господь говоритъ въ пѣсни, устами Соломона: «въ вертоградъ орѣховъ внидохъ»^{*} ибо тамъ садъ былъ, гдѣ онъ распятъ; хотя теперь мѣсто сіе весьма украшено царскими дарами, но прежде оно было садомъ; признаки сего и даже остатки еще доселѣ находятся. «Потерпи меня, глаголетъ Господь, устами другаго Пророка Софоніи, ** въ день воскресенія моего во свидѣтельство.» — Видишь ли, что Пророкъ предвидѣлъ и мѣсто воскресенія, называемое Мартиріонъ, свидѣтельство: ибо по какой причинѣ сіе мѣсто Голгоѣы и воскресенія не церковію называется, какъ другія церкви, но Мартиріонъ? — вѣроятно на основаніи словъ Пророка: «въ день воскресенія моего во свидѣтельство.» Откуда же возсталъ Спаситель? — въ пѣсни пѣсней говоритъ онъ: «возстани, прииди ближняя моя, въ покровъ камень.»*** Покровомъ каменнымъ онъ назвалъ пещеру, находящуюся тогда предъ дверью гроба Спасителя, и въ томъ же самомъ камнѣ изсѣченную, какъ обыкновенно здѣсь дѣлается при гробахъ. Теперь ее не видно, (т. е. преддверія), ибо пещера она изсѣчена была тогда предъ гробомъ для нужнаго украшенія, и прежде нежели благоговѣйная царская любовь устроила гробъ, пещера находилась предъ камнемъ (т. е. утесомъ гроба). Но гдѣ камень, при которомъ пещера? Среди ли города онъ лежитъ, или при стѣнахъ на концѣ города? въ старыхъ ли стѣнахъ онъ находится, или въ оградѣ

* VI. 10. ** III. 8. *** II. 10. 14.

предъ стѣнами, послѣ сдѣланной? — На сіе онъ отвѣчаетъ въ пѣсняхъ: «въ покровъ каменнъ близъ стѣны.» Много свидѣтелей воскресенія Спасителя: камень гробовой, его вмѣстившій, и онъ противустанетъ въ лице Іудеямъ, ибо видѣлъ Господа, и камень отваленный, который и досель лежитъ, будетъ также свидѣтельствовать о воскресеніи *» Такимъ образомъ Св. Кириллъ, вступившій на кафедру въ 351 году, 16 лѣтъ послѣ освященія храма, воздвигнутаго Императоромъ Константиномъ, дополняетъ намъ сказанное о святилищѣ, историкомъ Евсевіемъ, свидѣтельствуя о Св. гробѣ и Голгофѣ, и о томъ, что мѣста сіи находились за стѣнами древняго Іерусалима, около коихъ образовался новый городъ.

Патріархъ Досіоей** относитъ къ памяти блаженнаго Кирилла и чудо честнаго креста, который не только сохранился нетлѣннымъ въ землѣ 300 лѣтъ, но и не умаляясь могъ раздѣляться во всѣ части міра, ибо вотъ что рассказываетъ блаженный Епископъ Павлинъ, въ 4 письмѣ своемъ: «крестъ, хотя вещество безчувственное, однако спасаетъ, т.е. имѣетъ животворящую силу; посему, со времени обрѣтенія его, дается въ благословеніе Христіанамъ, для общей пользы душъ, по дѣйствию Божественной благодати, не подлежа истлѣнію или сокращенію, но оставаясь неизмѣннымъ и цѣлымъ: будучи раздѣляемъ, онъ не уменьшается и опять все-цѣло чувствуется съ благовѣніемъ и вѣрою; ибо

* Оглаш. XIV. ** Кн. II. гл. II.

какъ неистлѣнную силу, такъ и несокрушимую твердость, получилъ отъ того, чьею кровію былъ наполненъ, и плоть коего на немъ страдала, но не видѣла истлѣнія.» — Кто не знаетъ древняго обычая Іерусалимской Церкви, тотъ не можетъ понять словъ сихъ: ибо издавна приходившіе на поклоненіе Св. мѣстамъ уносили съ собою какую либо часть честнаго древа, во свидѣтельство благочестиваго странствія. Повидимому, древо сіе и умножалось въ той же мѣрѣ, въ какой было раздробляемо и раздаваемо Архіереемъ Іерусалимскимъ, подобно какъ и пять хлѣбовъ, напитавшіе пять тысячъ человекъ въ пустынь, умножались въ рукахъ Апостоловъ, ихъ раздававшихъ народу, или какъ милостыня, не оскудѣвающая въ рукъ дающаго.

Милостыня Св. Кирилла и его православіе навлекли и на него гоненіе, во время долгой бури Аріанской, колебавшей востокъ и западъ. — Премникъ историка Евсевія, на кафедрѣ Кесарійской, Епископъ Акакій, состязался съ Св. Кирилломъ, за свои мнимыя права епархіальныя, и вздумалъ подчинить Апостольскій престолъ Іерусалима митрополіи Кесарійской, какъ областному городу; но тайною причиною его вражды было то, что православный Пастырь, сходно съ догматами Никейскаго собора и вопреки лжеученія Аріанскаго, исповѣдывалъ Сына Божія единосущнымъ Отцу. Акакій, хотя и самъ низложенный съ кафедры, опредѣленіемъ собора Сардикійскаго, потребовалъ къ себѣ на судъ Св. Кирилла, который не почелъ нужнымъ явиться. — Тогда Акакій заочно осудилъ

его за то, что не предсталъ на судъ и за разхищеніе будто бы казны церковной; ибо милостивый пастырь, въ голодную годину, по недостатку денегъ, продалъ нѣсколько утварей церковныхъ, для пропитанія убогихъ. — Св. Кириллъ воззвалъ къ большому собору для своего оправданія, но гонитель не удовольствовался однимъ осужденіемъ; онъ изгналъ изъ Иерусалима законнаго пастыря, который принужденъ былъ удалиться сперва въ Антиохію, а потомъ въ Тарсъ; тамъ благочестивый Епископъ Сильванъ, не смотря на угрозы Акакія, раздѣлилъ съ гонимымъ заботы церковныя. Пять лѣтъ продолжалось изгнаніе Св. Кирилла, однажды оправданный на соборѣ Селевкійскомъ, онъ опять былъ осужденъ Аріянами въ Константинополь, и даже на его мѣсто поставленъ другой Епископъ, по имени Иринеи. — Смерть Императора Константія прекратила гоненія; отступникъ Іуліанъ, провозглашенный языческими легіонами, желалъ сперва показать равнодушіе философа къ вѣрѣ Галилеянъ, какъ онъ называлъ Христіанъ, и велѣлъ возвратить всѣхъ Епископовъ на прежнія кафедры; но сіе мнимое равнодушіе обратилось вскорѣ въ жестокое, хотя и болѣе скрытое гоненіе, ибо онъ хотѣлъ искоренить вѣру, имъ оставленную, и только показалъ міру безсиліе язычества.

По ненависти къ Христіанамъ, Іуліанъ покровительствовалъ Евреямъ; онъ простилъ имъ многія подати и благосклонно писалъ къ ихъ Тиверіадскому Патріарху, называя его достопочтеннымъ братомъ, ибо на его молитвы возлагалъ свои на-

дежды, о успѣхъ войны съ Персами, и вмѣстѣ съ нимъ желалъ воздать славу Богу Іудейскому въ Иерусалимѣ. Отступникъ обѣщалъ даже врагамъ Христовымъ, возстановить для нихъ отечественный храмъ; по любви своей къ жертвоприношеніямъ, онъ спросилъ однажды Евреевъ почему не исполняютъ законныхъ обрядовъ? и они отвѣчали, что жертвы ихъ могутъ быть пріятны Богу только въ одномъ Иерусалимѣ. Іуліанъ имѣлъ цѣль, сооруже-ніемъ храма, явить ложными пророчества Даниила, о конечномъ его заустыніи, и пророчество Христово о томъ, что не останется камня на камнѣ отъ древняго святилища. Онъ собралъ лучшихъ художниковъ, для строенія храма Іудейскаго, какъ некогда великій дѣдъ его Константинъ, для храма Христова воскресенія, и, поручивъ искреннему другу своему Алипію наблюденіе за работами, не велѣлъ щадить никакихъ издержекъ.

Со всѣхъ сторонъ стеклись обрадованные Евреи въ Иерусалимъ, ругаясь надъ Христіанами и угрожая нанести имъ еще болѣе вреда, нежели некогда отцы ихъ нанесли Римлянамъ, какъ будто бы уже царство ихъ возстало во всей своей силѣ. Жены Еврейскія лишали себя драгоценнѣйшихъ украшеній, чтобы участвовать въ необходимыхъ издержкахъ для строенія, и сами носили землю въ богатыхъ своихъ одеждахъ; говорятъ даже, что иные устроили для благочестиваго подвига серебряныя лопаты и корзины. Но Св. Кириллъ, недавно возвратившійся изъ своего изгнанія, спокойно смотрѣлъ на всѣ сіи суетныя приготовленія, твердо вѣруя

въ непреложность словъ Христовыхъ, и въ присутствіи многихъ сказалъ: что пророчества сіи скоро исполнятся надъ новымъ храмомъ, отъ котораго не останется также камня на камень*.

Когда ископали основаніе, нечаянно сдвинутый съ мѣста камень, обнаружилъ устье пещеры, изсѣченной въ скаль. Опущенный въ нее каменщикъ погрузился въ воду до колѣнъ и, простирая въ темнотѣ руки, осязалъ столпъ, возвышавшійся поверхъ воды, а на немъ книгу, обвитую тонкимъ полотномъ. Онъ подалъ знакъ, чтобы его опять извлекли изъ пещеры, и всѣ изумились, увидя, какъ могла сохраниться книга невредимою въ такой сырости; но общее удивленіе умножилось, когда язычники и Іудеи, раскрывъ книгу, прочли въ ней начертанное большими буквами: «въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово;» книга сія была Евангеліе отъ Іоанна**.

Алипій, другъ Іуліановъ, вмѣстѣ съ правителемъ области, старался подвинуть работы, но по свидѣтельству даже языческаго писателя, Амміяна Марцелина***, страшные огненные шары, исторгаясь непрестанно изъ самыхъ основаній, сдѣлали мѣсто неприступнымъ и нѣсколько разъ обжигали работниковъ, такъ что они принуждены были наконецъ оставить напрасный трудъ. По свидѣтельству же Христіанскихъ писателей, послѣ пророчества Св. Кирилла, наканунѣ того дня, въ который готовились приступить къ строенію, страшное землетрясеніе

* Сократ. кн. III, гл. 20. ** Филост. кн. VII, гл. 14.

*** Кн. XVIII, 1.

внезапно разметало не только оставшіеся камни древняго храма, но и окрестныя зданія. Множество Евреевъ было подавлено и ранено въ обрушившихся галлерейхъ, гдѣ они временно поселились, и бурный вихрь разнесъ далеко песокъ, известь и камни; въ то же время воспылавшій внезапно огонь истребилъ совершенно всѣ орудія, собранныя для предпринимаемаго труда, и на другой день пламенные потоки, исторглись изъ-подъ земли, разлились по всей площади и погубили многихъ Евреевъ, которые сбѣжались на сіе дивное зрѣлище. На слѣдующую ночь новое знаменіе ихъ поразило: свѣтлый крестъ явился на небѣ и темные кресты на одеждахъ строителей, которые они напрасно старались стереть. Тогда многіе изъ нихъ невольно исповѣдали Христа, распятаго ихъ отцами, и просили Св. крещенія, другіе же, болѣе ожесточенные, возвратились въ дома свои, ожидая еще большей казни; обратились къ Богу и нѣкоторые изъ язычниковъ*. Такъ совершенно разрушился храмъ Іудейскій, вмѣсто того чтобы возникнуть, и хотя чудо сіе, по словамъ Θεодорита, было такъ гласно, что не могло не дойти до слуха Іуліанова, но отступникъ ожесточился, подобно Фараону, и вскорѣ погибъ отъ стрѣлы Персовъ. Если же кто либо сомневается въ семъ чудѣ, присовокупляетъ историкъ Созомень, жившій нѣсколько времени спустя**, пусть спроситъ у тѣхъ людей, которые это слышали отъ самихъ очевидцевъ, и даже у Евреевъ и

* Сокр. Θεодор. кн. III, гл. 20. ** Кн. V, гл. 22.

язычниковъ, коихъ отцы предпринимали дѣло, но не могли окончить, или лучше сказать, не могли даже и начать. О томъ же свидѣтельствуеъ и краснорѣчивый современникъ Іуліана, Св. Григорій Богословъ, въ обличительномъ словѣ своемъ противъ отступника, и симъ дивнымъ знаменіемъ укоряетъ невѣрующихъ.

Новая буря Аріанская, волновавшая Востокъ, въ теченіи четырнадцати лѣтъ царствованія Императора Валента, миновала однако Св. Кирилла. Онъ остался неприкосновеннымъ на Апостольской кафедрѣ Іерусалима, ко благу паствы, и даже имѣлъ утѣшеніе посвятить племянника своего Геласія на кафедру Кесарійскую, которая одно время спорила о первенствѣ съ матерію всѣхъ Церквей, Сіономъ. Второй вселенскій соборъ ста пятидесяти Епископовъ, въ числѣ коихъ былъ и Св. Кириллъ, созванный въ Константинополь благочестивымъ Императоромъ Θεодосіемъ, навсегда упрочилъ самостоятельность престола Іерусалимскаго; ибо онъ строго запретилъ, чтобы областные Епископы простирали власть на Церкви, за предѣлы своихъ областей, и подтвердилъ прежнее правило перваго вселенскаго собора, о достоинствѣ Іерусалимской Церкви: «поелику утвердилось обыкновение и древнее преданіе, чтобы чтить Епископа, пребывающаго въ Эліи, то да имѣетъ онъ наследованіе чести, съ сохраненіемъ достоинства, присвоеннаго митрополіи*».

* Пр. 7.

V.

ИНОЧЕСТВО ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

Св. Харитоній и Имаріонъ великій.

Долгое святительство Кирилла ознаменовалось утѣшительнымъ явленіемъ иночества въ Палестинѣ, которое вскорѣ исполнило всѣ ея каменистыя пустыни; отшельники стали прославлять Бога, въ дикихъ ущеліяхъ, служившихъ дотолѣ берлогами для звѣрей. Три самые цвѣтушіе вѣка жизни иноческой, съ половины четвертаго столѣтія и до разореній Сарацинскихъ, оставили по себѣ высокую лѣтопись того совершенства, до какого можетъ, съ помощію благодати Божіей, достигнуть природа наша, и столь необычайная эпоха житія, болѣе ангельскаго нежели человѣческаго, достойна особеннаго вниманія; она переноситъ насъ въ совершенно иной, духовный міръ, которому теперь мы только издали удивляемся и часто не хотимъ вѣрить, потому что сами не въ силахъ подражать ему. Но сіе невѣріе горько и постыдно для души нашей, ибо оно показываетъ, до какой степени мы упали духовно, въ сравненіи съ тѣми, которые совершенно себѣ покорили земную свою оболочку,

влекущую насъ долу, и сдѣлались чрезъ то истинными владыками міра.

Первымъ изъ сихъ отшельниковъ почитается въ Палестинѣ Св. Харитоній*, который исповѣдалъ имя Христово, еще во времена Императора Аврелиана, въ исходѣ третьяго вѣка, и потомъ посѣтилъ Іерусалимъ. Господь испыталъ однажды въру его, въ продолженіи сего благочестиваго странствія. На разстояніи двухъ часовъ отъ Св. града къ Іерихону, онъ впалъ въ вертепъ разбойниковъ, но видимое покровительство Божіе спасло Харитонія, ибо змѣй, вползшій въ пещеру, нечаянно отравилъ напитокъ разбойниковъ и всѣ они погибли. Сдѣлавшись такимъ образомъ наслѣдникомъ собраннаго ими богатства, онъ употребилъ его на благія дѣла, раздавъ частію убогимъ, частію же обративъ на устроеніе церкви въ той самой пещерѣ, гдѣ былъ спасенъ отъ смерти. Долго оставался онъ одинъ въ своемъ вертепѣ; нѣкоторые изъ Христіанъ, бѣжавшихъ отъ гоненій на берега Мертваго моря, мало по малу собрались около его пещеры, и образовали въ послѣдствіи славную лавру Фаранскую, давшую много великихъ мужей Палестинѣ.

Строгая жизнь первыхъ отшельниковъ протекала, подъ назиданіемъ духовнаго отца ихъ, въ непрестанной молитвѣ, пѣніи псалмовъ и работѣ. Устроивъ ихъ обитель, Харитоній искалъ себѣ опять уединенія въ другой пещерѣ, близъ Іерихона, гдѣ питался только дикими травами, но и

* Четвъ Минея, 28 Сентября.

тамъ исцѣленія болящихъ обнаружили славу его, и около него составилаь иная лавра, названная Іерихонскою. Оттолъ онъ удалился въ пустынный окрестности Фекуи, на родину Пророка Амоса, но и туда стеклись къ нему ученики, и произошла новая лавра, подъ именемъ Сухумской. Наконецъ святой отшельникъ укрылся въ малую разсѣлину горы, висѣвшую надъ бездною, чтобы совершенно посвятить себя богомыслию, и тамъ пребывалъ, доколь Господь не извѣстилъ его, о приближающейся кончинѣ; тогда спустился изъ вертепа въ первую свою лавру Фаранскую, гдѣ нѣкогда чуднымъ образомъ сохранилась его жизнь; возбудивъ учениковъ своихъ къ новымъ подвигамъ и предсказавъ имъ бурю Аріянскую, онъ предалъ праведную душу Богу, въ глубокой старости. Это было около 340 года; но три его лавры прославились только въ исходѣ четвертаго столѣтія*.

Не Харитоній однако, а другой отшельникъ, Иларіонъ великій, почитается отцемъ иночествующихъ въ Палестинѣ, подобно какъ и великій Антоній въ Египтѣ. Святой Иларіонъ** родился въ селеніи близъ Газы, въ исходѣ IV вѣка, отъ языческаго семейства, какъ роза между терній, по словамъ блаженнаго Іеронима, описавшаго его житіе. Въ Александріи, куда отпустили отрока для просвѣщенія мірскими науками, просвѣтился онъ свѣтомъ Христовымъ, при самомъ началѣ жестокаго

* Vies des peres du desert de l'Orient, L. II, ch. 1. Michel Ang. Marin. Paris, 1854. ** Четвъ Минея 28 Октября.

гоненія Діоклитіанова, которое не поколебало его вѣры. На шестнадцатомъ году отъ рожденія, услышавъ о иноческихъ подвигахъ великаго Антонія, юноша оставилъ міръ, чтобы научиться духовной жизни, подъ его назиданіемъ; но вскорѣ, испуганный множествомъ притекавшихъ къ святому аввъ, онъ возжелалъ большаго уединенія и, съ благословеніемъ Антонія, возвратился въ Палестину, гдѣ предназначено ему было просіять жизнью пустынною.

Слѣдуя заповѣди евангельской, онъ роздалъ все свое имѣніе братьямъ и убогимъ, оставивъ себя небо единственнымъ наслѣдіемъ, и поселился въ обширной пустынь, между Газою и Египтомъ, недалеко отъ приморскаго города Маіумы. Напрасно удерживали его родственники и друзья, представляя мѣсто сіе опаснымъ по разбоямъ; Иларіонъ говорилъ имъ, что боится только убивающихъ душу, и въ столь нѣжномъ возрастѣ сталъ измощать тѣло свое строгими постами, веренося зной и непогоды, въ одной кожаной одеждѣ, данной ему великимъ Антоніемъ. Сперва не имѣлъ онъ постоянного жилища, сплетая себѣ шалаши изъ тростника, потому что принужденъ былъ переходить изъ одного мѣста въ другое, отъ частаго нападенія разбойниковъ. Однажды они искали его цѣлую ночь и, нашедши только поутру, спросили: «что бы онъ сдѣлалъ, если бы на него напали?» — отшельникъ отвечалъ: «что ничего немѣющему не страшны разбойники.» — «А еслибы тебя убили?» еще спро-

сили они; «не боюсь и смерти, потому что я къ ней приготовленъ,» опять отвѣчалъ пустычникъ, и тронутые его отвѣтомъ, оставили его въ мирѣ, обѣщавъ исправить жизнь свою.

Иларіонъ, по мѣрѣ возраста, умножалъ строгость поста, не разрешая его ни въ праздники, ни для болѣзни. Двадцати лѣтъ онъ выстроилъ себѣ убогую хижину, близъ моря, въ которой едва могъ протянуться; временно отказывалъ себѣ даже въ употребленіи хлѣба, опредѣливъ ежедневною пищею только пятнадцать смоквъ; иногда же нѣсколько дней сряду лишалъ себя и сей убогой пищи, при малѣйшемъ искушеніи помысла. Занятіемъ его было, въ часы свободные отъ молитвы, воздѣлываніе земли, или плетеніе кошницъ, и въ такомъ уединеніи провелъ онъ многіе годы, не входя въ города и селенія. Въ Іерусалимѣ же былъ одинъ только разъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Палестинѣ, и то дабы не упрекнули его въ пренебреженіи къ Св. мѣстамъ. Не менѣе великаго отца своего Антонія, испыталъ онъ и демонскія искушенія въ пустынь; но не смотря на жажду къ уединенію, не могъ укрыться отъ молвы народной, по случаю исцѣленій, отъ него проистекавшихъ.

Супруга одного изъ именитыхъ сановниковъ царскихъ, только что возвратившаяся изъ Египта, отъ Св. Антонія, съ тремя малолѣтными дѣтьми, приведена была въ отчаяніе внезапною ихъ болѣзнію и, услышавъ о великомъ подвижникѣ, устремилась къ нему въ пустыню. Она долго умоляла

гоненія Діоклитіанова, которое не поколебало его вѣры. На шестнадцатомъ году отъ рожденія, услышавъ о иноческихъ подвигахъ великаго Антонія, юноша оставилъ мѣръ, чтобы научиться духовной жизни, подѣ его назиданіемъ; но вскорѣ, испуганный множествомъ притекавшихъ къ святому аввѣ, онъ возжелалъ большаго уединенія и, съ благословеніемъ Антонія, возвратился въ Палестину, гдѣ предназначено ему было просіять жизнью пустынною.

Слѣдуя заповѣди евангельской, онъ роздалъ все свое имѣніе братьямъ и убогимъ, оставивъ себѣ небо единственнымъ наслѣдіемъ, и поселился въ обширной пустынѣ, между Газою и Египтомъ, недалеко отъ приморскаго города Маіумы. Напрасно удерживали его родственники и друзья, представляя мѣсто сіе опаснымъ по разбоямъ; Иларіонъ говорилъ имъ, что боится только убивающихъ душу, и въ столь нѣжномъ возрастѣ сталъ измощать тѣло свое строгими постами, переносилъ зной и непогоды, въ одной кожаной одеждѣ, данной ему великимъ Антоніемъ. Сперва не имѣлъ онъ постоянного жилища, сплетая себѣ шалаши изъ тростника, потому что принужденъ былъ переходить изъ одного мѣста въ другое, отъ частаго нападенія разбойниковъ. Однажды они искали его цѣлую ночь и, найдши только поутру, спросили: «что бы онъ сдѣлалъ, если бы на него напали?» — отшельникъ отвѣчалъ: «что ничего немѣющему не страшны разбойники.» — «А если бы тебя убили?» еще спро-

сили они; «не боюсь и смерти, потому что я къ ней приготовленъ,» опять отвѣчалъ пустышникъ, и тронутые его отвѣтомъ, оставили его въ мирѣ, обѣщавъ исправить жизнь свою.

Иларіонъ, по мѣрѣ возраста, умножалъ строгость поста, не разрешая его ни въ праздники, ни для болѣзни. Двадцати лѣтъ онъ выстроилъ себѣ убогую хижину, близъ моря, въ которой едва могъ протянуться; временно отказывалъ себѣ даже въ употребленіи хлѣба, опредѣливъ ежедневною пищею только пятнадцать смоквъ; иногда же нѣсколько дней сряду лишалъ себя и сей убогой пищи, при малѣйшемъ искушеніи помысла. Занятіемъ его было, въ часы свободные отъ молитвы, воздѣлываніе земли, или плетеніе кошницъ, и въ такомъ уединеніи провелъ онъ многіе годы, не входя въ города и селенія. Въ Іерусалимѣ же былъ одинъ только разъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Палестинѣ, и то дабы не упрекнули его въ пренебреженіи къ Св. мѣстамъ. Не менѣе великаго отца своего Антонія, испыталъ онъ и демонскія искушенія въ пустынѣ; но не смотря на жажду къ уединенію, не могъ укрыться отъ молвы народной, по случаю исцѣленій, отъ него проистекавшихъ.

Супруга одного изъ именитыхъ сановниковъ царскихъ, только что возвратившаяся изъ Египта, отъ Св. Антонія, съ тремя малолѣтними дѣтьми, приведена была въ отчаяніе внезапною ихъ болѣзнію и, услышавъ о великомъ подвижникѣ, устремилась къ нему въ пустыню. Она долго умоляла

его придти въ городъ и спасти ея дѣтей, которыхъ самъ Антоній держалъ на рукахъ своихъ, и ради сего великаго имени, не могъ отказать плачущей Иларіонъ; онъ послѣдовалъ за нею и исцѣлилъ отроковъ. Быстро распространилась молва о семъ чудѣ и всѣ окрестныя области стали притекать съ своими болящими къ пустыннику, который, по примѣру Господа, возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, чрезъ плюювеніе, и страшень былъ демонамъ, бѣжавшимъ отъ его приближенія. Одинъ изъ сановниковъ Императора Константія, Готѣъ родомъ, испросилъ у своего Государя позволеніе идти искать себѣ исцѣленія въ Палестинѣ, и съ великою пышностію посѣтилъ Св. мужа, уединенно ходившаго на поморіи. При первомъ взглядѣ на посѣтителя, Иларіонъ постигъ уже, какимъ недугомъ онъ томился, и велѣлъ злomu демонy, мучившему его отъ самаго младенчества, оставить его, ради имени Иисуса Христа. — Самые язычники уважали святаго отшельника и принимали благословеніе мимоходящаго по ихъ пустынямъ; однажды, когда онъ нечаянно пришелъ на идольское празднество, они толпами къ нему притекли съ женами и дѣтьми, и тронутые увѣщаніями святаго, всѣ обратились къ Христіанству, а бывший жрецъ ихъ первый принялъ Св. крещеніе.

Великій Антоній, услышавъ утѣшительную вѣсть о духовныхъ подвигахъ ученика своего, вступилъ съ нимъ въ письменную бесѣду, и часто говорилъ приходившимъ къ нему за исцѣленіями, изъ дальнихъ предѣловъ Сиріи: «зачѣмъ ищите вы меня

съ такими трудами, изъ столь далекихъ странъ, когда вы имѣете у себя сына моего Иларіона?» Не одни тѣлесныя, но и душевныя исцѣленія, истекали отъ святаго, ибо вокругъ него собралось множество учениковъ, жаждавшихъ спасенія, и мало по малу множество обитателей наполнило пустыню, по которой нѣкогда скитался одинокій Иларіонъ; всѣ онъ были подъ его духовнымъ начальствомъ и авва, переходя изъ одной въ другую, назидалъ иноковъ словомъ и примѣромъ: «преходить образъ міра сего, говорилъ онъ, и сія есть истинная жизнь, которую можемъ мы пріобрѣтать подвигами покаянія въ здѣшнемъ вѣкѣ.»

Однако множество братій и народа, къ нему притекавшаго, уже становилось въ тягость любителю уединенія, и онъ часто сожалѣлъ о прежнихъ годахъ жизни пустынной, когда вся его забота была только о небесномъ и бесѣда съ однимъ Богомъ. «Мнѣ ли не огорчаться? говорилъ онъ инокамъ, спросившимъ его о причинѣ грусти, я возвратился въ міръ, инымъ путемъ, и уже въ здѣшней жизни получилъ свою награду; или не видите, что во всей Палестинѣ и окрестныхъ областяхъ меня уважаютъ, какъ будто бы я чего либо стоилъ? и вотъ, подъ предлогомъ нужды монастырскихъ, я владѣю селами и движимымъ имуществомъ.»

Иларіону было уже тогда 65 лѣтъ; ученики его, и наипаче Исихій, любимѣйшій изъ всѣхъ, замѣтивъ въ немъ желаніе удалиться, стали пристальнѣе наблюдать за своимъ аввою; въ такомъ колебаніи провелъ онъ еще два года. Въ это время

посѣтила его супруга епарха Восточнаго, у которой исцѣлилъ онъ трехъ дѣтей, и открыла желаніе свое видѣть еще однажды Св. Антонія; онъ отвѣчалъ ей со слезами: «ахъ! и я бы весьма хотѣлъ идти къ нему; но кромѣ того, что я здѣсь какъ узникъ въ собственной обители, путешествіе сіе бесполезно, ибо уже два дня лишился міръ великаго аввы!» Вскорѣ горькая вѣсть, о блаженной кончинѣ Антонія, подтвердила его откровеніе.

Наконецъ, не смотря на всѣ убѣжденія учениковъ, Иларіонъ объявилъ имъ твердое свое намѣреніе удалиться, и велѣлъ привести себѣ осла, потому что отъ истомленія силъ своихъ постами, не могъ совершать странствованія пѣшкомъ. При сей горестной вѣсти, внезапно собралось до десяти тысячъ челоувѣкъ, чтобы мольбами своими удержать старца; но онъ остался непоколебимъ и, разгребая песокъ своимъ посохомъ, говорилъ: «не обманываетъ меня Богъ мой; не могу видѣть церкви обрушенными, и алтари Христовы попранными, и пролитую кровь моихъ дѣтей!» Такъ заранѣе предвидѣлъ жестокое гоненіе, воздвигнутое въ языческой Газѣ, противъ Христіанъ и его обителей, отступникомъ Іуліаномъ, который искалъ умертвить и самаго Иларіона, какъ главную опору Христіанства въ Палестинѣ. Когда же старецъ увидѣлъ, что народъ не хочетъ отпустить его, поклонялся, что не станетъ принимать пищи, если не отпустятъ, и семь дней не вкушалъ ничего, доколь наконецъ не вынуждены были усту-

пить его желанію. Далекѣ провожали его безчисленныя толпы плачущихъ, съ которыми простился на рубежѣ пустыни Египетской, взявъ съ собою только сорокъ братій, изъ числа своихъ иноковъ.

Посѣтивъ дорогою нѣкоторыхъ изъ Епископовъ Египетскихъ, изгнанныхъ Аріянами, онъ достигъ, съ большими трудами, пустынной обители великаго Антонія, на вершинѣ горы. Ученики усопшаго аввы показали пришельцу тѣсную келлію, и мѣсто его молитвы, и малый садикъ, гдѣ трудился собственными руками, но не смѣли открыть его могилы, по тайному завѣщанію блаженнаго учителя, который боялся почестей по смерти. Перейдя изъ обители Антоніевой въ другую пустыню, Иларіонъ удержалъ при себѣ только двухъ изъ своихъ послѣдователей, и молитвою испросилъ обильный дождь жителямъ страны, три года страдавшей отъ безводія. Оттолкъ удалился къ знакомымъ ему инокамъ, въ предмѣстіи Александрійскомъ, которые приняли его съ любовію, но и ихъ оставилъ, предчувствуя гоненія Іуліана; ибо на другой день, послѣ его отшествія въ пустыню Скитскую, пришли ликторы искать его. По смерти мучителя, Иларіонъ бѣжалъ уже не отъ гоненій, а отъ собственной славы, его преслѣдовавшей, и тайно отплылъ въ Сицилію, но и тамъ непрестанныя исцѣленія обнаружили святаго мужа.

Исихій, ученикъ долго его искавшій, услышавъ о его пребываніи на островѣ, поплылъ за своимъ великимъ учителемъ, и съ радостными слезами бросился къ его ногамъ. За нимъ по-

слѣдовалъ онъ въ варварскую тогда Далматію, гдѣ даже и языкъ былъ ему чуждъ. Епидавръ сдѣлался свидѣтелемъ новаго чуда, когда выступившее море едва не истребило волнами всего города: трикреста, начертанные Иларіономъ на пескѣ поморія, и рука, воздвигнутая имъ противъ бурной стихіи, остановили ее; съ страшнымъ ревомъ воздымалось море и нависло горою, но внезапно упало и возвратилось въ свои предѣлы. Весь городъ, по словамъ блаженнаго Іеронима, уроженца Далматскаго, былъ свидѣтелемъ чуда, и въ его время матери еще рассказывали о томъ дѣтямъ, чтобы они передали потомству.

Кипръ былъ послѣднимъ пристанищемъ святаго, который во время своего плаванія спасъ корабль отъ морскихъ разбойниковъ, укоривъ спутниковъ въ маловѣрїи. Но желаннаго спокойствія не обрѣлъ Иларіонъ и въ новомъ своемъ уединеніи, близъ Паѳоса, ибо отовсюду стали къ нему стекаться болящіе и бѣсы, имъ изгоняемые, отличали его присутствіе. Исихій слышалъ опять отъ своего аввы, о его желаніи удалиться въ Египетъ, въ мѣста дикія, куда еще не проникло имя Христова; но онъ умолялъ его остаться въ Кипрѣ, гдѣ приобрѣлъ ему, въ ущеліяхъ горъ, малый уединенный садикъ, орошенный источникомъ. Св. Епифаній, Епископъ острова, воспитанный также въ одной изъ обителей Палестины, убѣдилъ наконецъ старца успокоиться въ его епархіи. Предъ кончиною писалъ Иларіонъ любимому ученику, завѣщая ему Еванге-

ліе и свою убогую одежду, ибо Исихій ходилъ тогда навѣстить братію Палестинскую. Чувствуя приближеніе послѣдняго часа, старецъ просилъ погребсти его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ провелъ остатокъ дней, и въ минуту исхода своего, молитвенно произнесъ: «изыди, душа моя, изыди, что медлишь? уже около семидесяти лѣтъ служишь ты Господу Іисусу Христу, и еще ли боишься смерти?» Послѣдняя воля его была исполнена, но чрезъ восемь мѣсяцевъ, возвратившійся ученикъ тайно выкопалъ мощи великаго аввы и перенесъ ихъ въ родную обитель Палестинскую, гдѣ протекли первые годы его отшельнической жизни.

Съ тѣхъ поръ какъ великій Иларіонъ, примѣромъ и назиданіями, показалъ всю красоту жизни иноческой въ Палестинѣ, вся она исполнилась обителями, мужескими и женскими. Первые раздѣлялись на монастыри собственно, въ коихъ обитали иноки, собранные вмѣстѣ, подъ надзоромъ настоятеля, и на лавры, т. е. келліи отшельниковъ, разсѣянные по пустынѣ, хотя также подъ духовнымъ руководствомъ какого-либо великаго аввы; но отшельники сихъ дикихъ уединеній сходились только по субботамъ, въобщую церковь, и потомъ расходились послѣ воскресной службы, для одинокой молитвы, при строгомъ постѣ и непрестанномъ рукодѣліи. Отъ Харитонія произошли первыя три лавры, отъ Иларіона безчисленныя обители.

Самый древній монастырь, о коемъ упоминается

въ Іерусалимѣ*, имѣлъ, во времена Св. Кирилла, настоятелемъ нѣкоего благочестиваго игумна Филиппа. Когда Императоръ Іуліанъ отступникъ далъ волю язычникамъ, дѣйствовать противъ Христіанства, они стали преслѣдовать усоншихъ на равнѣ съ живыми, и выкопавъ, въ Севастіи, мощи Предтечевы, разсыяли ихъ по землѣ. Нѣкоторые изъ иноковъ монастыря Филиппова, пришедшіе въ Севастію, для поклоненія гробу Крестителя, съ ужасомъ увидѣли такое поруганіе, и вмѣшавшись въ толпу язычниковъ, которые собирали нетлѣнные останки, чтобы предать ихъ огню, успѣли сохранить часть святыхъ мощей; они принесли ихъ въ свою Іерусалимскую обитель. Обрадованный игумень Филиппъ, не почитая себя достойнымъ такого сокровища, послалъ святыя мощи, къ великому Аѳанасію Александрійскому, который принялъ ихъ съ благоговѣніемъ и положилъ въ церкви, имъ устроенной во имя Предтечи, на развалинахъ капища Сераписова.

Гора Элеонская, отколѣ вознесся во славу пострадавшій ради насъ Господь, была уже исполнена отшельниками; они проводили молитвенную жизнь въ ея разсѣлинахъ, по сосѣдству великолѣпнаго храма воздвигнутаго Еленою, или въ юдоли Іосафатовой, между гробовъ пророческихъ и царскихъ, и близъ той священной пещеры, гдѣ положено было двѣственное тѣло Богоматери; гора вся усѣяна была ихъ малыми келліями. Самъ лѣтописецъ Руфинъ, писавшій подвиги святыхъ, имѣлъ

* Руфинъ, кн. II, гл. 28.

на ней свое уединенное жилище, и другой ихъ описатель Палладій, также житель Іерусалимскій, упоминаетъ о нѣкоемъ отшельникѣ, пресвитерѣ Иннокентіѣ, который будучи сперва сановникомъ при дворѣ Императора Константія, уединился на святую гору, и устроилъ тамъ малую церковь во имя Предтечи. Богъ даровалъ ему власть изгонять демоновъ и исцѣлять различные недуги. Палладій говоритъ тоже и о другомъ отшельникѣ, Адоліи, родомъ изъ Тарса, который назидалъ всѣхъ строгостію своихъ постовъ. Съ вечера и до полночи стоялъ онъ на молитвѣ, не смотря на непогоду, и потомъ ходилъ будить братію, разсѣянную по горѣ, для ночнаго псалмопѣнія, не пропускаая ни одной божественной службы и въ теченіи дня.

Преемникъ блаженнаго Кирилла, Іоаннъ, былъ также изъ числа иноковъ Іерусалимскихъ*. — Непрестанныя странствія по святымъ мѣстамъ, отъ всѣхъ концовъ вселенной, умножились тогда до такой степени, что уже нѣкоторые Епископы возставали противъ нихъ, по причинѣ случавшихся на пути опасностей и безпорядковъ. Такимъ образомъ братъ великаго Василія Архіепископа Кесарійскаго, отца иночествующихъ, который и самъ былъ поклонникомъ въ Іерусалимѣ, св. Григорій Нисскій, пишетъ къ одному пресвитеру Каппадокійскому**, что онъ не находитъ полезными подобныя странствія для людей, отказавшихся отъ міра и предпочтительно посвятившихъ себя совершенству

* 386 годъ. ** Eleury, I. XVIII, 49.

Христіанскому; потому что мы къ тому не обязаны никакою заповѣдію Евангельскою, и развлеченія опасны отшельникамъ, которые избрали себѣ въ удѣлъ безмолвіе. «Если я самъ странствовалъ въ Іерусалимъ, продолжаетъ св. Григорій, то потому, что былъ посланъ для устройства церквей въ Аравіи, и долженъ былъ на пути совѣщаться съ предстоятелями Іерусалимскими; но во время пути мы постились и непрестанно воспѣвали хвалы Господу. Прежде посѣщенія Св. мѣстъ, мы уже исповѣдали Христа, и странничество не умножило и не убавило нашей вѣры; прежде нежели увидѣли Виолеемъ, мы вѣрили, что Сынъ Божій воплотился изъ утробы Дѣвы, и не видѣвъ еще его гроба, вѣрили его воскресенію и исповѣдали славное вознесеніе его, не поклонившись еще горѣ Элеонской. Одно только узнали мы изъ нашего странствія, что собственныя мѣста наши болѣе святы, нежели чуждыя, ибо никакое мѣсто во вселенной не исполнено столькими церквами, какъ Кападокія, и въ ней, по истинѣ, обитаетъ Спаситель, если только присутствіе его обнаруживается священными памятниками. Переходящіе изъ страны въ страну не приближаются къ Богу, но самъ Господь обрѣтаетъ тебя вездѣ, гдѣ бы ты ни былъ, и вселится въ душу твою, если найдетъ ее достойною своего жилища. Но если внутренность твоя исполнена нечестія и бурныхъ помысловъ, то гдѣ бы ты ни былъ, на Голгоѣ ли, или на горѣ Элеонской, или у Св. гроба, ты еще будешь столь же далекъ отъ Христа, какъ и многіе, никогда не познавшіе исти-

ны его святой вѣры. И такъ внушай братіямъ твоимъ, не исходить изъ Кападокіи въ Палестину, но внѣ собственного тѣла, стремиться духомъ ко Христу. Если же кто-либо приведетъ противъ насъ во свидѣтельство заповѣдь, данную Апостоламъ, въ минуту вознесенія, не оставлять Іерусалима: то заповѣдь сія относилась только къ тому времени, доколь не пріяли они даровъ Св. Духа и не облеклись силою свыше; иначе и мы бы должны были донынѣ стремиться все къ одному мѣсту, гдѣ низшелъ Духъ Святыи въ видѣннхъ огненныхъ языковъ; но поелику божественный Духъ сей дышетъ повсюду, гдѣ только хочетъ, то и всякій вѣрующій причастится даровъ его благодати, судя по плодамъ своей вѣры, а не ради странствія въ Іерусалимъ.»

Но уже слова святаго любителя безмолвія не могли остановить общаго влеченія народовъ къ колыбели ихъ вѣры, къ которой какъ бы склонился весь міръ, и по сему невольному склону текли и одинокіе путники, и цѣлыя племена, съ своими вождями, соединяясь въ одно духовное цѣлое, на лонѣ матери Церквей. Въ числѣ державныхъ посѣтителей Св. мѣстъ, былъ и великій Θεодосій, по свидѣтельству Георгія Кедрина, которое приводитъ въ своей исторіи Патріархъ Досифей*. Онъ говоритъ, что Императоръ, въ простой одеждѣ, пришелъ, никому невѣдомый, въ Св. градъ, и постучался въ запертыя двери храма воскресенія; когда же одинъ изъ служите-

* Кн. III, гл. 6.

лей отворилъ ихъ неизвѣстному страннику, внезапно возжглись сами собою все угашенныя лампы, какъ бы въ праздникъ. Изумленный служитель возвѣстилъ о томъ Епископу Иоанну, который, по внушенію Духа, узналъ въ смиренномъ поклонникѣ великаго Θεодосія и привѣтствовалъ его какъ Императора.

VI.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ РИМСКІЕ.

Св. Меланія, Иеронимъ, Павла и Евстохія.

Древній Римъ послалъ цѣлую колонію именитыхъ мужей и женъ своихъ въ Иерусалимъ, и первая открыла имъ путь Меланія, изъ славнаго дома Антоніевъ*, блиставшая своими богатствами и еще болѣе добродѣтелями, во всемірной столицѣ. Оставшись вдовою въ юномъ возрастѣ, съ однимъ малолѣтнимъ сыномъ, послѣ потери двухъ старшихъ, она перенесла удары сіи съ необычайною твердостью, и припавши мысленно къ ногамъ Христовымъ, такъ молилась, съ видомъ болѣе веселымъ,

* Vies des pères du désert L. VII, ch. 8.

нежели печальнымъ: «Господи, поелику ты захотѣлъ снять съ меня бремя заботъ житейскихъ, отнынь я буду свободнѣе служить тебѣ.» Немедленно рѣшилась она посѣтить святыя мѣста, чтобы тамъ посвятить Богу остатокъ жизни, вопреки всѣхъ препятствій со стороны своихъ родственниковъ, и поручивъ сына Публиколу опекунамъ, въ зимнее время, тайно отплыла въ Александрію. Ей сопровождалъ одинъ только пресвитеръ Аквилейскій Руфинъ, описавшій житія видѣнныхъ имъ святыхъ.

Неизвѣстно, застала ли еще Меланія въ живыхъ великаго Аеанасія, но она имѣла утѣшеніе бесѣдовать тамъ съ другими подвижниками: слѣпцомъ Дидимомъ, Исидоромъ страннопріимнымъ, который зналъ ее нѣкогда посреди величія Римскаго, и совѣтовалъ навѣстить отшельниковъ пустыни Нитрійской. Пришествіе ея въ Египетъ было спасительно для иноковъ и Епископовъ, гонимыхъ Аріянами; она защитила ихъ именемъ своимъ и твердостью предъ областнымъ правителемъ, когда и противъ нее самой возсталъ буря Аріянская. Пренебрегая угрозами людей, она думала только о любви Христіанской, и въ теченіе трехъ дней питала до 5,000 отшельниковъ, укрывшихся отъ гоненій; милостыни ея были неистощимы; она даже послѣдовала въ Палестину за толпою исповѣдниковъ, туда изгнанныхъ, снабжая ихъ всемъ нужнымъ и услуживая имъ сама, какъ простая рабыня. Правитель Палестины хотѣлъ устрашить ее, чтобы воспользоваться ея богатствомъ, и велѣлъ

посадить въ темницу, не зная ея высокаго рода. Она же, съ такимъ смиреніемъ перенесшая народныя оскорбленія въ Египтъ, ради Христа, поступила здѣсь, подобно Апостолу Павлу, который защитилъ себя гражданствомъ Римскимъ. Меланія послала сказать правителю: «я дочь такого Патриція и была супругою такого-то, которые оба высоко стояли въ семъ мірѣ; теперь же я смиренная раба Христова. Не думай пренебрегать мною, ради моего мнимаго убожества, ибо отъ меня зависить измѣнить сіи одежды въ самыя великолѣпныя; не надѣйся также изумить меня твоими угрозами, ни овладѣть моимъ имуществомъ, потому что я имѣю довольно силы удержатъ тебя. Тебѣ же даю изъ снисхожденія совѣтъ сей, чтобы по невѣдѣнію не впалъ ты въ погрѣшность.» Испуганный правитель поспѣшилъ извиниться, и воздавъ ей большія почести, дозволилъ посѣщать исповѣдниковъ.

Тогда Меланія собрала въ Іерусалимъ до 50 инокинь и основала монастырь, гдѣ пребыла двадцать семь лѣтъ, имѣя духовнымъ своимъ руководителемъ пресвитера Руфина, который устроилъ себѣ келлію на горѣ Элеонской, это было въ 373 году. Милостыня ея была столь велика, что, по свидѣтельству Палладія, обширнѣйшій пожаръ едва ли могъ бы поглотить столько имущества, сколько истощило пламя ея ревностной любви къ ближнимъ: ибо и Персы и Британцы, и востокъ и западъ, и сѣверъ и югъ, испытали ея благодѣянія; обители, церкви, богадѣльни, темницы, все къ ней

прибѣгало и содержалось на шеть ея, такъ что огромныя суммы денегъ, посылаемыя къ ней съ запада, ея родственниками, служили только масломъ для сей нищелюбивой лампы.

Вскорѣ послѣ Меланіи, пришелъ поселиться въ пещерѣ Виелеемской и блаженный пресвитеръ Іеронимъ*. Влекомый жаждою уединенія, онъ оставилъ родину свою Далматію и Римъ, гдѣ былъ слишкомъ извѣстенъ своею ученостію, чтобы во глубинѣ Востока оплакивать грѣхопаденія юности; пустыня Халкійская, на рубежѣ Сиріи и Аравіи, была первымъ поприщемъ его духовныхъ подвиговъ. Можно видѣть изъ собственныхъ его писемъ, сколь велика была начальная борьба его съ самимъ собою въ пустынь, посреди воспоминаній минувшаго и жестокихъ лишеній настоящаго; — огненная рѣчь его выражаетъ всю силу пламеннаго характера отшельника.

«О, сколько разъ, скитаясь въ безпредѣльной пустынь, опаляемой знойнымъ солнцемъ, я воображалъ себѣ наслажденія Рима! Одинокъ сидѣлъ я, исполненный горькихъ думъ; прахомъ обезображенъ былъ ликъ мой, Эѳіопскою чернотою покрылась кожа, роскошью была бы мнѣ прохладная струя. Когда же сонъ одолевалъ борящееся съ нимъ тѣло, однѣ кости со стукомъ ложились на землю, и я, заключившійся страха ради геенны, въ подобную темницу, я, сожитель звѣрей и скорпіоновъ, еще могъ иногда переноситься мыслями въ хороводы дѣвъ; ликъ мой, умерщвленный по-

стами, еще прежде смерти отжилъ, но въ хладномъ тѣлѣ кипѣли страстные порывы. Такъ, лишенный всякой помощи, припадалъ я къ Спасителю; я проливалъ слезы, я рвалъ волосы, семидневнымъ голодомъ сокрушалъ свою плоть. Помню, какъ часто ночь заставляла меня, біющаго себя въ перси, доколь не водворялось въ нихъ желанное спокойствіе; я даже страшился своей келліи, какъ свидѣтеля нечестивыхъ помысловъ, и въ брани самъ съ собою погружался въ пустыню. Во глубинѣ долинъ, на вершинѣ горъ, въ ущелии утесовъ, искалъ я мѣста молитвы, мѣста казни бѣдственной моей плоти, и тамъ, сквозь пелену текущихъ слезъ, прикинувъ взорами къ неподвижному небу, я мнилъ себя въ ликахъ Ангельскихъ, и радостно повторялъ ихъ дивныя гимны*.

Въ сей пустынь раздѣлялъ онъ время, между молитвенными подвигами и изученіемъ языка Еврейскаго, который труденъ ему казался въ зрѣломъ возрастѣ и жестокъ послѣ родственного языка Латинскаго; но онъ укрѣпился въ своемъ намѣреніи, страшнымъ видѣніемъ неумолимаго небснаго Судіи, угрожавшаго ему казню за пристрастіе къ языческимъ твореніямъ, вмѣсто пророческихъ богодуховенныхъ писаній. Въ пустынь Халкійской потерялъ онъ послѣднюю земную отраду, трехъ своихъ друзей, изъ коихъ одинъ его оставилъ, а двое переселились въ вѣчность. Напрасно призывалъ онъ къ себѣ покинувшаго его друга, изображалъ ему всю красоту пустыни: «о сладостное уедине-

* Письмо къ Евтохіи.

ніе, гдѣ вѣчная весна благоухаетъ цвѣтами, насажденными руками Сына Божія! о красная пустыня, гдѣ собраны камни, для созиданія Апокалиптического града великаго Царя! о бесѣдная келлія, приближающая насъ къ Богу! — Братъ мой, что медлишь ты въ міръ, который меньше тебя? доколь останешься въ темницѣ твоего дома? Повѣрь мнѣ, здѣсь ярче свѣтъ, которымъ наслаждаюсь! пріятно стремиться за симъ сладостнымъ свѣтомъ, пренебрегая бременемъ тѣла. Если же тебя страшитъ неизмѣримость пустыни, переносись мысленно въ равнины небсныя и ты перестанешь быть въ пустынь!» Неустройство Церкви Антиохійской побудило его оставить первое уединеніе, гдѣ провѣлъ четыре года; странствуя по святымъ мѣстамъ Палестины, наконецъ основался онъ въ Виѣлеемъ; потомъ посѣтилъ Антиохію, гдѣ былъ посвященъ въ пресвитеры, Епископомъ Павлиномъ, и Царьградъ, гдѣ на время сдѣлался ученикомъ Григорія Богослова, и наконецъ Римъ, куда призывалъ его Папа Дамазь. Тамъ пріобрѣлъ себѣ благочестивыхъ ученицъ для пустыни Виѣлеемской, именитую Павлу, изъ рода Сципіоновъ, и дочь ея Евстохію; но зависть и гоненія, которыя онъ возбудилъ противъ себя въ Римѣ, славою своею и даже самымъ обращеніемъ именитыхъ женъ, отравили ему пребываніе во всемірной столицѣ и еще сильнѣе повлекли въ тихое уединеніе Виѣлеема. «Безумный! восклицалъ онъ, и я хотѣлъ воспѣть пѣснь Господню на землѣ чуждой, и оставивъ гору Си-

* Письмо къ Пліодору.

найскую искать себѣ помощи въ Египтъ! Я позабылъ притчу Евангельскую, которая научаетъ насъ, что тотчасъ по выходѣ изъ Иерусалима, мы впадаемъ въ руки разбойниковъ, обнажающихъ и убивающихъ насъ!

Это было въ послѣдніе годы четвертаго столѣтія. Блаженный Иеронимъ, основавшій уже навсегда въ Иерусалимѣ, устроилъ тамъ обитель и гостиницу, для того чтобы, по словамъ его, Иосифъ и Марія нашли себѣ пристанище, если бы еще однажды посетили Иерусалимъ. По недостатку средствъ для страннопріимства, онъ послалъ брата своего Павлиніана на родину, продать остатокъ своего имущества, уцѣлѣвшій отъ варварскихъ набѣговъ, и подражая милосердію Спасителя къ дѣтямъ, непрестанно допускалъ ихъ къ себѣ, въ своемъ уединеніи, и даже завелъ для нихъ училище. Таже пламенная ревность, которая одушевляла отшельника пустыни Халкійской, исполняла его и въ вертепѣ Виолеемскомъ; съ необычайною дѣятельностію занимался онъ, то переводомъ Св. писанія съ Еврейскаго на Латинскій, то его объясненіемъ и обличеніями противъ различныхъ ересей, то обширною перепискою со всеми замѣчательными лицами своего вѣка, такъ что онъ даже не имѣлъ времени исправлять писемъ, которыя со словъ его писали скорописцы. Такимъ образомъ, убогій вертепъ Виолеемскій обратился, по гласу Иеронима, въ обширное училище просвѣщенія духовнаго.

* Письмо къ Азелѣ.

Вотъ какъ описывалъ Иеронимъ свое мирное убожище Виолеемское, одной изъ именитыхъ жень столицъ, Маркеллъ, столько же славной своими богатствами, сколько и благочестіемъ: «будемъ говорить о селеніи Маріи и о томъ мѣстѣ, которое послужило ей пріютомъ; ибо всякій восхваляетъ то, что ему близко, но какими устами опишу тебѣ вертепъ Спасителя? — Мнѣ кажется, я болѣе почту благоговѣйнымъ молчаніемъ святыя ясли, изъ коихъ раздались первые вопли младенца Иисуса, нежели слабою моею рѣчію! Не ищите здѣсь великолѣпныхъ чертоговъ, которыми превозносятся суетная тварь выше всехъ красотъ Божіей вселенной! Виолеемъ, хотя и убогій уголокъ земли, былъ однако почтенъ рожденіемъ Творца неба и земли; здѣсь повился онъ въ ясляхъ, здѣсь поклонялись ему пастыри, здѣсь звѣзда указала его волхвамъ: и сей убогій уголокъ предпочитаю я блеску Капитолія, который столько разъ уже былъ поражаемъ молніями, что нельзя полагать его пріятнымъ Богу. — Говорить ли о суетѣ всемірной столицы? Здѣсь напротивъ, на родинѣ Христовой, совершенная простота; одно только пѣніе псалмовъ нарушаетъ безмолвіе, вездѣ лишь слышатся божественные гимны; оратай, опираясь на плугъ свой, поетъ аллилуія, жнецъ освѣжается псалмами посреди знойныхъ трудовъ, и виноградарь, обрѣзывая лозы свои, имѣетъ непрестанно въ устахъ своихъ стихи Давида; это обычные напѣвы земли сей! — Незнаю, наслаждаетесь ли вы сладкимъ отдыхомъ, посреди Вавилона, и не вздыхаете ли о

Виолеемъ? а я наконецъ обрѣлъ въ ономъ желанный мѣръ, я здѣсь внимаю въ ясляхъ воплямъ предвѣчнаго младенца, и мнѣ бы хотѣлось, чтобы и вамъ были слышны теченіе слезъ его и тихія жалобы.»

По его примѣру, Павла и Евстохія, убѣждали также Маркеллу поселиться съ ними въ Виолеемъ, и письмо ихъ выражаетъ, какими священными памятниками наполнена была Палестина. * «Когда принесется намъ щастливая вѣсть, что Маркелла приплыла къ берегамъ Палестины, и лики иноковъ и дѣвъ воспоютъ о томъ радостные гимны? Наступитъ ли тотъ день, когда намъ можно будетъ вмѣстѣ взойти въ пещеру нашего Спасителя и плакать надъ его гробомъ? Когда поклонимся мы честному древу креста на Голгоѣ, и со святой горы Элеонской вознесемъ на небо къ Господу, пламенными желаніями нашего сердца?»

Блаженная Павла, которая писала трогательныя слова сіи Римской своей подругѣ, оставила сама все возможное величіе земное, для убожества истинно Христіанскаго. ** Дочь Сциніоновъ и Гракховъ, оставшись вдовою въ юныхъ лѣтахъ, съ несмѣтнымъ богатствомъ и малолѣтними дѣтьми, посвятила себя единственно подвигамъ благочестія, расточая богатства свои неимущимъ, вопреки всѣхъ убѣжденій родственниковъ; единственнымъ ея желаніемъ было умереть въ такой нищетѣ, чтобы даже и саванъ для нее заимствовали Христа ради.

* Пис. Павлы къ Маркеллѣ. ** Пис. VIII. Иерон. къ Евстохіи.

Непрестанный постъ истощалъ ея силы тѣлесныя, ибо она хотѣла удовлетворить за то обиліе, которымъ наслаждалась во дни своего величія. Домъ ея былъ страннопріимницею убогихъ и святыхъ мужей, и она дала у себя пріютъ Епифанію Кипрскому, вмѣстѣ съ блаженнымъ Иеронимомъ, который убѣдилъ ее совершенно оставить мѣръ. Жестока была для нее разлука съ близкими ея сердцу, но она принесла и сію жертву Богу, въ рою побѣждая самую природу. Лишивъ себя наследства, ради царствія небеснаго, Павла все отдала дѣтямъ, и съ одною дочерію Евстохією, навсегда съ нею неразлучною, исторглась изъ ихъ объятій и отплыла въ Палестину.

Прокопсулъ, зная высокій санъ ея, приготовилъ ей въ Иерусалимѣ приличное помѣщеніе; но она предпочла остановиться въ убогомъ домѣ, и посѣтила въ Св. землѣ всѣ мѣста, означенныя подвигами Спасителя, съ такимъ усердіемъ, что одно только желаніе облобызать тѣ изъ нихъ, которыя еще не видала, могло ее отторгнуть отъ тѣхъ, къ коимъ уже принадлежала. Она, съ пламенною вѣрою, поклонилась и честному кресту, какъ бы еще видя на немъ самаго распятаго Господа, и приникла устами къ мѣсту, гдѣ лежало божественное тѣло, желая утолить жажду свою источниками живою воды, текущей въ вѣчность; весь Иерусалимъ дивился ея благочестію. Оттолъ поднялась она на гору Сіонскую, градъ Царя Давида, и тамъ ей показали столпъ, къ коему Спаситель былъ привязанъ, поддерживающій преддверіе церкви, и еще обгагрн-

ный его кровию, и храмину, гдѣ Духъ Святый сошелъ на Апостоловъ. Блаженная Павла предалась въ Виолеемъ пламеннымъ восторгамъ любви своей къ Господу: при видѣ яслей представились ей самый Младенецъ въ пеленахъ, посреди пастырей и Ангеловъ и волхвовъ, и Матерь Дѣва, съ обручникомъ Иосифомъ, у колыбели воплощеннаго Слова. «Привѣтствую тебя, воскликнула она, въ потокъ радостныхъ слезъ, Виолеемъ, по истиннѣ домъ хлѣба, въ коемъ родился для насъ хлѣбъ, нисшедшій съ небесъ. О какъ удостоилась я, убогая грѣшница, прикоснуться устами къ яслямъ воплощеннаго! здѣсь мѣсто моего покоя, вселюся здѣсь въ избранной родинѣ моего Спасителя!»

Посѣтивъ и отшельниковъ Египетскихъ, она наконецъ основалась въ Виолеемъ, гдѣ устроила одну обитель для иноковъ и другую для дѣвъ, разделенную на три части, по разности ихъ состоянія, чтобы разность сія не была между ними причиною несогласій. Иеронимъ былъ общимъ ихъ руководителемъ; сама она подавала имъ примѣръ совершеннаго смиренія и богомыслія, не отступая ни на шагъ отъ наставленій своего блаженнаго учителя, и дочь ея Евстохія во всемъ подражала благочестивой матери, какъ списокъ образцу. Такъ и понынѣ изображены онѣ обѣ, надъ своей гробницею, въ пещерѣ Виолеемской, лежащими одна подле другой, какъ будто бы сонъ ихъ былъ только усыпленіемъ отъ всеобщихъ подвиговъ; положеніе

* Liv. VII, ch. 5.

ихъ и лица такъ сходны, что одна лишь разность лѣтъ отличаетъ дочь отъ матери.

Когда наступила послѣдняя минута для Павлы, нѣжная дочь отходила отъ нее только къ священнымъ яслямъ, чтобы умолилъ божественнаго младенца, о сохраненіи ей любимой матери, но умирающая жаждала преселенія въ вѣчность и тихо повторяла стихи псалмовъ: «коль возлюблены селенія твои, Господи силъ! желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни; яко лучше день единъ въ дому Господнемъ, паче неже жити ми въ селеніяхъ грѣшничихъ!» Иеронимъ спросилъ ее: не препятствуютъ ли ей страданія говорить? она же отвѣчала, что ей почти не больно, и съ той минуты, закрывъ глаза, шептала только псалмы до послѣдняго издыханія; 58 лѣтъ она скончалась, изъ коихъ провела двадцать въ Виолеемъ. Епископъ Иерусалимскій Іоаннъ присутствовалъ при ея блаженной кончинѣ, со множествомъ духовенства, отшельниковъ и дѣвъ. Онъ совершилъ и погребеніе; блаженное тѣло несли на рукахъ Епископы, при пѣніи псалмовъ на Еврейскомъ, Греческомъ, Латинскомъ и Сирійскомъ, ибо столько разнородныхъ племенъ стеклось для возданія послѣдняго долга смиренной отшельницѣ. Земная разлука съ матерію была величайшею жертвою, какую принесла дѣва Евстохія Господу. Она продолжала послѣ нее, по совѣту блаженнаго Иеронима, управлять основанными ею обителями, до своей кончины, и поручила настоятельство, послѣ себя, племянницѣ, младшей Павлѣ, которая по добро-

дѣтелямъ была достойна старшей, оставивъ также въ юныхъ лѣтахъ величіе Рима для убожества Виолеемскаго.

И старшая Меланія, въ послѣдній годъ своей временной жизни, нашла себѣ послѣдователей изъ своего семейства, невѣстку Албину и внуку Меланію младшую*. Услышавъ о ихъ благочестивомъ расположеніи, она отплыла въ Римъ, не смотря на свой старческій возрастъ, и убѣдила ихъ оставить величіе мірское. Шествіе ея, отъ берега морскаго въ Римъ, было настоящимъ торжествомъ евангельскаго смиренія, ибо она вѣхала на ослицѣ въ бѣдной одеждѣ, а за нею слѣдовали всѣ ея родственники, первые вельможи вселенной, на великолѣпныхъ колесницахъ. Въ это время материнское сердце было огорчено смертію сына ея Публиколы; но она вооружилась мужествомъ Христіанскимъ и отплыла опять въ Іерусалимъ, гдѣ послѣ сорока дней, окончила свое духовное поприще. Смерть Публиколы разрѣшила и внуку ея Меланію, вмѣстѣ съ благочестивою своею матерію Албиною и стольже набожнымъ супругомъ, Апиніаномъ, оставить всемірную столицу: они въ ней промедлили нѣсколько времени только для того, чтобы продать свои имѣнія и дворцы, которымъ нельзя было найти покупателей, по ихъ великолѣпію. Разореніе Рима Аларикомъ, въ 409 году, уменьшило ихъ цѣну и тѣмъ способствовало къ продажѣ; но уже Меланія, съ матерію и супругомъ, успѣли заблаговременно удалиться въ Сици-

* Четьи Минея 31. Декабря.

лію и потомъ въ Африку, гдѣ проведя семь лѣтъ при блаженномъ Августинѣ, достигли наконецъ Палестины. Такимъ образомъ, благочестивый совѣтъ старшей Меланіи, о удаленіи изъ Рима, былъ для нихъ пророческимъ предостереженіемъ, для спасенія отъ варваровъ. Скоро поморіе Сирії наполнилось бѣглецами всемірной столицы, разсѣянными нашествіемъ варваровъ, и изъ убогой своей келліи Виолеемской оплакивалъ отшельникъ Іеронимъ паденіе Рима.

«Нѣтъ ничего могущаго имѣть конецъ, что бы могло назваться долговѣчнымъ, ибо весьма давняя истина: все, что растетъ, должно состариться, и нѣтъ такого дѣла рукъ человѣческихъ, которое бы въ свой урочный часъ не погибло рукою времени. Но ахъ! кто бы подумалъ, что и самый Римъ, возвеличившійся добычею вселенной, нѣкогда падетъ и, бывъ матерію народовъ, сдѣлается ихъ гробомъ! и что поморія Африки и Востока исполнятся бѣгущими изъ развалинъ всемірной столицы, и даже убогой приютъ Виолеемскій, дастъ у себя пристанище богатѣйшимъ, именитѣйшимъ гражданамъ всея земли! — о суета суетъ и всяческая суета!»

Не всѣхъ однако призывалъ блаженный Іеронимъ въ свою пустыню, отклоня иногда отъ странствія къ Св. мѣстамъ, утѣшительною мыслию, что царствіе Божіе повсюду, или жалуясь на безпорядки Іерусалима въ его время. Такъ писалъ онъ къ другу своему Св. Павлину, Епископу Ноланскому: «гораздо лучше хорошо прожить въ Іерусалимѣ,

* Письмо XXI. къ Иліодору.

нежели только посѣтить его! Не тотъ городъ должно желать увидѣть, который, умертвивъ Пророковъ, пролилъ и кровь Христову, но тотъ, который будучи орошаемъ рѣкою мира, вѣчно радуется, и не можетъ укрыться, стоя на верху горы, называемый отъ Апостола матерію святыхъ, и гражданствомъ коего самъ онъ хвалится. — Не въ осужденіе самому себѣ говорю сіе, какъ будто бы напрасно подражалъ я Аврааму, оставивъ землю свою и родителей: но потому что не смѣю полагать преграды всемогуществу Божию и втѣснять въ малое пространство, наполняющаго Собою вселенную. Не ради достоинства обитаемыхъ мѣстъ цѣнятся вѣрные, но ради своей вѣры, и истинный поклонникъ поклоняется Богу, не въ одномъ Иерусалимѣ, но повсюду, духомъ и истиною, ибо Господня земля и ея исполненіе; не въ одной Іудеи громко имя Божіе, но во всю землю прошло вѣщаніе Апостоловъ, и съ запада и востока собрались многіе на лоно Авраамово. — И такъ весьма полезно зрѣлище Св. мѣстъ, посвященныхъ памяти страданія и воскресенія Христова, для тѣхъ, которые нося крестъ его и ежедневно съ нимъ воскресая, дѣлаются чрезъ то достойными столь благоговѣйнаго жительства; однако врата небесныя не далѣе отъ Англіи, нежели отъ Иерусалима, ибо царствіе Божіе внутри насъ. — Если бы еще мѣста, посвященныя памяти воскресенія Спасителя, не находились посреди большаго города, гдѣ вмѣстѣ и присутственныя палаты и пребываніе правителя области, гдѣ подобно какъ и въ другихъ городахъ,

встрѣчаешь скомороховъ и лицедѣевъ, или если бы въ немъ обитали только люди, отрекшіеся отъ міра, — конечно такое святое мѣсто желательно было бы для жилища пустынниковъ! Но не безопасно тебѣ, оставившему городъ, домъ и родныхъ и общество людей, погрузиться здѣсь опять въ шумную толпу народа; ибо сюда стекаются со всѣхъ предѣловъ земли, и Иерусалимъ исполненъ людьми всякаго рода, такъ что ты вполне долженъ будешь переносить здѣсь ту суету, которой искалъ избѣжать у себя.»

VII.

СМЯТЕНІЯ ОТЪ ПЕЛАГІАНЪ.

Епископы Іоаннъ и Праилъ, Св. Порфирій Газскій.

Іеронимъ, привыкшій къ своему Вилеємскому вертепу, не охотно посѣщалъ Иерусалимъ, и по тѣмъ еще неудовольствіямъ, какія имѣлъ съ Епископомъ его Іоанномъ. Первою ихъ причиною бы-

ло посвященіе брата Іеронимова, Павлиніана, въ діаконѣ и потомъ въ пресвитера, Св. Епифаніемъ, Епископомъ Кипрскимъ; хотя Павлиніанъ принадлежалъ къ епархіи Іоанна, но и Епифанія нельзя было обвинять въ нарушеніи правилъ церковныхъ, потому что онъ совершилъ рукоположеніе въ собственной обители, отъ него зависѣвшей въ области Палестинской, и жалоба Іоанна Архіепископу Теофилу Александрійскому возбудила только напрасныя смуты между святителями. Св. Епифаній старался оправдать себя, кроткимъ посланіемъ, предъ Іоанномъ, представляя ему, какимъ образомъ евангельская простота нравовъ, на его островѣ Кипръ, не только терпитъ, но и съ любовію приѣмлетъ такого рода посвященія въ чуждыхъ епархіяхъ; онъ обличалъ предъ нимъ и ересь Оригена, которая начинала распространяться по Востоку, внушая ему удалиться отъ общенія Руфина и Палладія, принесшихъ ее изъ Египта въ Іерусалимъ. Раздраженный Іоаннъ отвѣчалъ на письмо сіе, окружнымъ посланіемъ къ Теофилу и всѣмъ Епископамъ, такъ что нѣкоторые стали требовать объясненія по сему предмету у Іеронима. Отвѣтъ его не былъ растворенъ кротостію евангельскою, ибо онъ жестоко обличалъ Іоанна въ неприязни противъ Св. Епифанія.

Когда Папа Епифаній проповѣдывалъ въ твоей церкви противъ мнѣній Оригена, писалъ онъ къ Іоанну, и тебя обличалъ подъ его именемъ, ты и твои приверженцы, надмѣнною осанкою, показывали, сколько пренебрегали вы проповѣдникомъ. Не по-

слалъ ли ты своего архидіакона, предъ святымъ гробъ, сказать Епифанію, чтобы онъ пересталъ говорить? — какой Епископъ обращался такимъ образомъ, даже съ своимъ пресвитеромъ, предъ лицомъ народа? И когда вы шли вмѣстѣ, отъ мѣста воскресенія къ Голгоѣ, и толпа народа, всякаго возраста и пола, къ нему сбѣгалась, подымая къ нему дѣтей, цѣлуя его ноги, отрывая воскрилія его одежды, такъ что вы оба не могли подвигаться и даже держаться на ногахъ: не зависть ли къ славѣ святаго старца заставила тебя воскликнуть ему въ глаза, что онъ нарочно останавливается? Вспомни тотъ день, когда народъ оставался въ церкви до часа послѣ полудня, въ надеждѣ слышать Епифанія. Ты съ яростію говорилъ противъ антропоморфитовъ, которые грубо приписываютъ безплотному Богу члены человѣческіе, и нарочно обращалъ рѣчь свою на Епифанія, чтобы возбудить противъ него подозрѣніе въ сей ереси. Когда же ты умолкъ, онъ поднялся съ мѣста, и подавъ знакъ рукою, что хочетъ говорить, сказалъ: все, что собратъ мой проповѣдалъ противъ антропоморфитовъ, согласно съ истиною; и я ихъ также осуждаю; но поелику мы осуждаемъ сію ересь, справедливо осудить и неправыя мнѣнія Оригена! — Ты помнишь, я думаю, какія одобрительныя восклицанія поднялись отовсюду?» Обвиняя Іоанна въ потворствѣ къ мнѣніямъ Оригена, Іеронимъ осуждалъ его и за то, что обратился съ жалобами къ Архіепископу Александрійскому, какъ будто ему одному поручена забота о всѣхъ Церквахъ; оправ-

дывая самъ себя въ томъ нареканіи, что раздраетъ Церковь съ нѣкоторыми иноками, отшельникъ приводилъ во свидѣтельство, какимъ образомъ, во время солнечнаго затмѣнія, когда все ожидали кончины міра, онъ представилъ изъ обители Виолеемской до сорока человекъ, всякаго возраста, Епископу Иоанну, для крещенія, хотя въ обители сей находилось пять священниковъ; ибо Иоаннъ запретилъ Виолеемскимъ совершать у себя крещеніе. Нельзя однако составить себѣ вѣрнаго сужденія о Иоаннѣ, по письмамъ Иеронима, ибо свойственная ему пылкость, раздражившая противъ него и Римское духовенство, увлекала его иногда и на Востокъ изъ предѣловъ любви Христіанской*.

Ересь Пелагія, бывшая отголоскомъ Оригеновой, возбудила между ними новыя неудовольствія. Пелагій, родомъ изъ Британіи, заслужилъ въ Римѣ уваженіе многихъ знаменитыхъ мужей, строгостию своей жизни, но сошедшій съ Руфиномъ, который возвратился изъ Палестины, принялъ отъ него отчасти мнѣнія Оригеновы и впалъ въ заблужденіе, касательно благодати Божіей и воли человѣческой. Онъ не признавалъ первороднаго грѣха Адамова въ его потомствѣ, и полагалъ, что человекъ можетъ спастись собственными силами, безъ пособія благодати Божіей; однако тщательно скрывалъ свое лжеученіе, подъ личиною православія. Осужденный въ Карфагенѣ, блаженнымъ Августиномъ, онъ отплылъ въ Палестину и вкрался въ довѣренность Епископа Иоанна, который не подозрѣвалъ его лести.

* Флери, кн. XIX, гл. 43, 45.

Переписка, возникшая по предмету мнѣній Пелагія, между двумя свѣтильниками Церкви Западной, Иеронимомъ и Августиномъ, побудила сего послѣдняго послать въ Палестину ученаго пресвитера Испанскаго, Павла Орозія, съ обличительными письмами противъ Пелагія, ибо ересь сія начинала уже смущать Западъ; сильно вооружился противъ нее на Востокъ Иеронимъ*. Орозій вызванъ былъ изъ уединенія Виолеемскаго въ Іерусалимъ, чтобы присутствовать на совѣщаніяхъ Епископа Иоанна, касательно мнѣній Пелагія и ученика его Келестина. Иоаннъ и собранные съ нимъ пресвитеры просили Испанскаго пресвитера сообщить имъ все, что происходило въ Африкѣ по сему предмету, и онъ удовлетворилъ ихъ желанію, представивъ во свидѣтельство и писанія блаженнаго Августина противъ ересеначальника. По волю Иоанна, Пелагій явился въ собраніе и, къ общему неудовольствію, посаженъ былъ между пресвитерами, хотя мірянинъ и еретикъ. На вопросъ о его ученіи, которое осуждено было Августиномъ, онъ отвѣтствовалъ, что не хочетъ знать Августина; когда же Епископъ Іерусалимскій объявилъ, что самъ заступаетъ его мѣсто, Орозій возразилъ: «если принимаешь на себя лице его, раздѣлай и мнѣнія.» Не смотря однако на обличенія и приводимыя имъ свидѣтельства Африканскаго собора противъ Пелагія, и вопреки голоса Іерусалимскихъ пресвитеровъ, которые не хотѣли судить еще однажды о ереси, уже осужденной многими Епископами, Иоаннъ вступилъ въ преніе

* Флери, кн. XXIII, гл. 19—21.

сь Пелагіемъ. Орозій, не зная по Гречески и не имѣя хорошаго переводчика, не могъ ясно понимать словъ Іоанна и требовалъ, чтобы судъ Пелагія, какъ уроженца Западнаго, отнесенъ былъ къ Епископу Римскому Иннокентію. Согласился наконецъ Іоаннъ, однако послѣ многихъ напрасныхъ споровъ, возбудившихъ несогласіе между нимъ и пресвитеромъ Испанскимъ. Они укоряли другъ друга въ неправильномъ образѣ мыслей, и потому примиреніе, которое хотѣлъ устроить Іоаннъ на совѣщаніи Іерусалимскомъ, наложивъ молчаніе на Пелагія и Орозія, до суда соборнаго, оказалось тщетнымъ.

Въ томъ же году соединился соборъ противъ Пелагія, въ Лиддѣ или Діосполисѣ, состоявшій изъ четырнадцати Епископовъ Палестинскихъ, въ числѣ коихъ были Евлогій Кесарійскій и Св. Порфирій Газскій; первенствовалъ Евлогій и ему подали обличеніе противъ Пелагія два Епископа Галликанскіе, лишенные своихъ кафедръ; но сами они, по причинѣ болѣзни, равно какъ и Орозій, не могли явиться въ назначенный день на соборъ. Пелагій воспользовался ихъ отсутствіемъ, чтобы выставить, въ лучшемъ свѣтѣ, неправильныя свои мнѣнія и обольстить, хитрыми изворотами, Епископовъ Греческихъ, которые не могли вникнуть въ смыслъ Латинскихъ обвиненій, а внимали только оправданіямъ, ибо Пелагій объяснялся по Гречески. По ихъ приглашенію, лукавый еретикъ предалъ даже анафемъ тѣхъ, которые держались неправильнаго образа мыслей, будто бы ему чуждаго, и тѣмъ доулетворилъ собору, хотя только избѣжалъ пря-

мыхъ обличеній, хитрымъ сплетеніемъ словъ, и такимъ образомъ, осудивъ отчасти собственное мнѣніе, принять былъ въ общеніе церковное, какъ православный.

Печальное впечатлѣніе, произведенное соборомъ Діосполійскимъ, изгладилось утѣшительнымъ открытіемъ мощей первомученика и архидіакона Стефана. Недалеко отъ Іерусалима, въ селеніи Кафаргамала, на родинѣ именитаго учителя Павлова, Гамалила, нѣкто благочестивый пресвитеръ Лукіянъ имѣлъ видѣніе. Ночью представился ему въ ризницѣ, гдѣ онъ обыкновенно спалъ, для храненія утвари, величественный старецъ, съ длинною сѣдою бородою, въ бѣлой одеждѣ, съ золотыми крестами на воскриліяхъ и золотымъ жезломъ въ рукахъ, и, коснувшись его жезломъ, сказалъ ему по Гречески: «Лукіянъ, Лукіянъ, иди въ Іерусалимъ и скажи Епископу Іоанну: долго ли еще будемъ мы заключены? открой скорѣе гробницу, гдѣ небрежно лежатъ наши мощи, дабы Господь чрезъ нихъ открылъ міру двери своего милосердія. Не о себѣ я забочусь, но о святыхъ, со мною лежащихъ,» — «Кто ты?» спросилъ старца изумленный Лукіянъ. — «Я Гамалилъ, законоучитель Апостола Павла, отвѣчалъ онъ, и подлѣ меня, съ восточной стороны, владыка мой Стефанъ, который былъ побитъ камнями отъ Іудеевъ, за съверными вратами города. Тамъ пребылъ онъ день и ночь, по приказанію нечестивыхъ священниковъ, чтобы тѣло его было съедено звѣрями, но ни звѣрь, ни

Marcell. Chronic. № 415.

птица его не коснулись. Ночью послалъ я вѣрныхъ, знакомыхъ мнѣ въ Иерусалимѣ, и давъ имъ всѣ необходимыя средства, убѣдилъ ихъ втайнѣ привезти, на моей колесницѣ, тѣло мученика въ домъ мой, и здѣсь, послѣ сорока дней, похоронилъ его въ моемъ гробѣ, съ восточной стороны. Здѣсь, въ другомъ гробѣ, и Никодимъ, приходившій къ Спасителю ночью и котораго крестили его ученики. Евреи, узнавъ о томъ, лишили его должности и изгнали изъ Иерусалима; я же принялъ его въ загородный домъ свой, гдѣ содержалъ до конца жизни, и похоронилъ съ почестію близъ Стефана. Тамъ похоронилъ я и сына моего Авиву, умершаго прежде меня, двадцати лѣтъ, но принявшаго однако крещеніе вмѣстѣ со мною. Онъ въ третьемъ, болѣе возвышенномъ гробѣ; тутъ и меня положили по смерти; но жена моя, Эона, и сынъ мой старшій, Селемія, не хотѣвшіе принять вѣру Христову погребены въ иномъ селеніи ихъ матери.» — «Гдѣ же искать тебя?» спросилъ опять Лукіянъ и услышалъ въ отвѣтъ: «въ предмѣстіи, называемомъ Делагабри.»

Проснувшись, пресвитеръ, помолился Господу, чтобы видѣніе сіе, если оно истинно, повторилось дважды и трижды, и наложилъ на себя строгій постъ. Недѣлю спустя, опять представился ему тотъ же старецъ, спрашивая: отчего не извѣстилъ онъ Епископа Іоанна? и на отвѣтъ его, что боялся быть принятымъ за оболъетителя, возразилъ: «повинуйся, повинуйся, повинуйся! Ты хотѣлъ знать, гдѣ наши мощи? — смотри, продолжалъ Гамалилъ,

принесшій ему три золотыя корзины и одну серебряную, съ благоухающими цвѣтами, это Стефанъ, почивающій у входа гробницы; другая корзина Никодимъ, положенный подлѣ двери; бѣлая корзина знаменуетъ сына моего, въ совершенной чистотѣ оставившаго міръ, и съ нимъ соединена моя.» Послѣ сихъ словъ, онъ исчезъ; на третьей недѣлѣ, въ тотъ же день и часъ, опять повторилось видѣніе; но уже Гамалилъ угрожалъ пресвитеру за его небрежность, говоря: «или не видишь, какая засуха опечаливаетъ міръ? Сколько есть святыхъ мужей въ пустынь, гораздо лучше тебя; но мы ихъ оставили и тебя избрали, чтобы намъ открыться; для сего и перевели тебя изъ другаго селенія сюда въ пресвитеры.»

Тогда испуганный Лукіянъ поспѣшилъ въ Иерусалимъ, къ Епископу Іоанну, который со слезами прославилъ Бога, и пожелалъ перенести мощи Св. Стефана въ церковь Сіонскую; онъ велѣлъ искать ихъ подъ грудю камней, наваленныхъ среди поля, гдѣ пресвитеръ надвѣялся ихъ обрѣсти; но старанія его и собраннаго имъ народа остались тщетными; ничего не нашли подъ грудю камней. На другой день, нѣкто благочестивый инокъ Нугетій, имѣвшій также ночное видѣніе, указалъ настоящее мѣсто погребенія первомученика, въ развалинахъ древняго памятника, и въ немъ обрѣли три гроба, съ именами Стефана, Никодима, Гамалила и Авива, изсѣченными на камнѣ. Лукіянъ поспѣшилъ о томъ уведомить Епископа Іоанна, въ Діосполисѣ, и онъ, съ двумя Епископами, Севастійскимъ и Іерихон-

скимъ, оставилъ соборъ, чтобы поднять святыи
мощи, при многочисленномъ стеченіи народа. Чрез-
вычайное благовоніе пролилось изъ гроба Стефана,
отъ коего сохранился одинъ только остовъ, въ совер-
шенной цѣлости, но безъ всякой плоти, и прико-
сновеніе къ симъ священнымъ останкамъ исцѣлило
внезапно болѣе семидесяти болящихъ всякаго рода;
мощи архидіакона перенесены были въ церковь
Слонскую, гдѣ нѣкогда принялъ онъ рукоположе-
ніе отъ Апостоловъ, и память перенесенія праз-
днуется 2 Августа*; пресвитеръ же Лукіянъ изло-
жилъ, въ простомъ чистосердечномъ описаніи, по-
вѣсть сего необычнаго обрѣтенія, которая рас-
пространилась по всему Западу, чрезъ Орозія, быв-
шаго тогда въ Палестинѣ.

Въ то же время обрѣтены были, неподалеку отъ
сего мѣста, въ предѣлахъ Елевѣрополя, мощи
Пророка Захаріи**; онъ явился, въ сонномъ видѣніи,
нѣкому рабу, по имени Калимеру, управлявшему
селеніемъ своего господина, и велѣлъ ему копать
землю подлѣ дороги, ведущей къ городу Витере-
віи; Пророкъ былъ найденъ въ двойномъ гробѣ,
облеченный въ бѣлую священную одежду, но это
былъ сынъ первосвященника Юдая, а не сынъ
Варахія, отъ коего осталась намъ книга проро-
честв***.

Одинъ изъ Епископовъ, присутствовавшихъ вмѣ-
стѣ съ Іоанномъ, на соборѣ Діосполиса, былъ Св.
Порфирій Газскій, котораго ублажаетъ Церковь за

* Четьи Минея, 2 Августа. ** Флери, кн. XXIII, гл. 22, 24.

*** Созоменъ, кн. IX, гл. послѣдн.

его великіе подвиги противъ идолослуженія: ибо
онъ обратилъ къ свѣту Христову упорную свою
паству, долѣе всѣхъ противившуюся истинной вѣ-
рѣ; предѣстники его, Асклепа, Ирриніонъ и Эней,
не могли успѣть. Порфирій* родился въ Фессало-
никѣ, въ половинѣ IV вѣка, отъ именитаго и бо-
гатаго семейства, и получилъ образованіе достойное
своего высокаго званія; но пустыня была предме-
томъ его желаній, и во цвѣтъ лѣтъ онъ избралъ
самую жестокую изъ пустынь, Скитскую, на
рубежѣ Ливіи. Потомъ, посѣтивъ Св. мѣста,
еще на пять лѣтъ уединился въ вертепъ Јордан-
скомъ, отколь тяжкая болѣзнь заставила его идти
въ Іерусалимъ. Тамъ, разслабленный, ежедневно
посѣщая Св. мѣста, съ посохомъ въ рукахъ, исцѣ-
лился чуднымъ образомъ; однажды, съ трудомъ
дошедши до Голгоѣы, упалъ онъ безъ чувствъ на
каменный помостъ ея, и будучи внѣ себя, увидѣлъ
Господа Іисуса распятаго, который велѣлъ благо-
разумному разбойнику сойти со креста къ боляще-
му и взявъ его за руку исцѣлить. Порфирій всталъ
исцѣленнымъ и продолжалъ строгую жизнь свою
въ Іерусалимѣ, раздавъ все свое имущество бѣд-
нымъ и монастырямъ. Епископъ Іоаннъ, произ-
велъ его въ пресвитера и поручилъ ему храненіе
честнаго древа креста, которое соблюдалъ онъ три
года, доколѣ не былъ избранъ въ Епископа. Ми-
трополитъ Кесарійскій Іоаннъ, по смерти Святителя
Газскаго Энея, не зная кому поручить столь труд-
ную паству, наложилъ на себя трехдневный постъ

* Vies des peres Liv. VII. ch. 3. Четьи Минея Февр. 26.

и просилъ Господа открыть ему достойнаго пастыря: Господь указалъ на Порфирія.

Митрополитъ написалъ къ Иоанну Иерусалимскому, и самъ Порфирій имѣлъ ночью другое видѣніе: І. Христосъ повелѣвалъ ему отдать обратно ввѣренное его заботамъ сокровище, ибо онъ хотѣлъ дать ему супругу убогую, но добродѣтельную, которую долженъ былъ такъ украсить, чтобы она была первобытное свое состояніе. Порфирій тогда только понялъ таинственный сонъ, когда вызванный въ Кесарію, былъ противъ воли посвященъ Епископомъ въ Газу. Жестоко приняли его идолослужители сего города, ибо, по темнымъ предсказаніямъ жрецовъ своихъ, они ожидали отъ него сокрушенія язычества. Первое обращеніе произвелъ Порфирій, испрошеніемъ обильнаго дожда во время ужасной засухи, и присоединилъ до двухъ сотъ новокрещенныхъ къ прежнимъ тремъ стамъ, которые составляли дотолъ всю его паству; но онъ за то подвергся гоненіямъ, и не видя себѣ никакой помощи отъ правителя области, рѣшился обратиться съ письмами въ Царьградъ, къ великому Иоанну Златоусту, который и самъ былъ нѣкогда поклонникомъ святыхъ мѣстъ Иерусалимскихъ. Златоустъ могъ только испросить у Императора Аркадія заключеніе капищъ идольскихъ. Молитвы и исцѣленія Порфирія мало помалу умножали число Христіанъ; но каждое обращеніе отзывалось ему местію со стороны язычниковъ. Онъ уже хотѣлъ оставить свою неблагодарную паству, но Митрополитъ Кесарійскій убѣдилъ его ильть съ нимъ вмѣ-

сть въ Царьградъ, чтобы тамъ искать помощи у самаго Императора. Благополучно было ихъ плаваніе, и заступленіе Златоуста открыло имъ входъ въ палаты царскія; они предрекли Императрицѣ Евдокіи счастливое рожденіе сына и получили отъ Императора желанный указъ, о сокрушеніи идольскихъ капищъ въ Газѣ.

Радостно встрѣтилъ возвратившихся, въ городѣ Маіумѣ, Св. Епископъ Зинонъ, который и самъ былъ въ числѣ исповѣдниковъ, съ опасностію жизни избѣжавъ жестокаго гоненія Іуліанова; Христіанскіе жители Газы, съ крестомъ въ рукахъ, вышли также на встрѣчу Порфирію, но исполненіе указа царскаго стоило многихъ усилій. Воины разрушили, въ теченіе семи дней, семь капищъ идольскихъ, къ утвари коихъ не позволилъ прикасаться Порфирій; но еще стояло главное капище Марнаса и колебались: истребить ли его огнемъ, или обратить въ Христіанскую церковь, ради его великолѣпія? Голосъ семилѣтняго отрока обнаружилъ волю Божію, о истребленіи нечистаго капища, со всѣми его идолами и сокровищами, и вскорѣ воздвиглась надъ его развалинами великолѣпная церковь, во имя Предтечи, пособіемъ Императрицы Евдокіи и ревностію благочестиваго пастыря. День заложенія храма ознаменовался чуднымъ спасеніемъ трехъ младенцевъ, упавшихъ въ колодезь, и обращеніемъ трехъ сотъ язычниковъ; прочіе однако не оставляли въ покоѣ святаго. Однажды, умертвивъ семь Христіанъ, устремились они въ жилище Епископа, и Порфирій долженъ былъ спастись бѣгствомъ,

вмѣствъ съ ученикомъ своимъ Маркомъ, въ сосѣдній домъ, гдѣ исцѣлилъ разслабленную дѣвицу. Но смиреніе его, постоянство и пламенная любовь къ своей паствѣ, не изменили ему до послѣдняго часа, и онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть, предъ своею блаженною кончиною, почти весь народъ Газу обращеннымъ къ Христіанству.

Соборомъ Діоспольскимъ не успокоилось волненіе, возбужденное въ Палестинѣ ересью Пелагія. Три года спустя, толпа его послѣдователей, ожесточенныхъ противъ блаженнаго Иеронима за его обличенія, ворвалась въ Виелеемскія обители и сожгла ихъ, умертвивъ нѣсколькихъ ипоковъ, въ томъ числѣ и одного діакона; Иеронимъ едва успѣлъ спастись въ укрѣпленную башню. Пелагіане не пощадили и женской обители Евстохіи и Павлы, которыя также съ большимъ трудомъ избѣжали смерти, посреди разоренія и убійства. Онъ жаловался письменно Папѣ Иннокентію, на равнодушіе, съ какимъ Епископъ Іоаннъ оставилъ безъ наказанія такое преступленіе, и Папа съ своей стороны написалъ ему увѣщательную грамоту, но она уже не застала его въ живыхъ. Лестъ Пелагіанская была столь обоюдна, что и преемникъ Іоанна, Праилъ, увлекся сперва обманчивыми свидѣтельствами начальника ереси и писалъ объ немъ въ Римъ: Папа Зосима принялъ также благосклонное участіе въ Пелагіи и Келестинѣ, доколѣ усиліями блаженнаго Августина, соборъ Африканскій не обличилъ совершенно тайной ихъ ереси. Наконецъ и на Востокъ обличилась ересь сія, и самъ Епископъ

Іерусалимскій Праилъ изгналъ лжеучителей изъ Св. мѣствъ.

Страшныя знаменія исполнили въ то время ужасомъ всю Палестину: 19 Іюля 418 года, въ яркій полдень, солнце затмилось до такой степени, что звѣзды появились на небѣ, и необыкновенная засуха распространила смерть между людьми и скотомъ; странный свѣтъ, въ видѣ кометы, показался на небѣ въ часъ затмѣнія, и продолжался въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, какъ знаменіе грядущихъ бѣдъ, и страшное землетрясеніе обрушило много городовъ и селеній; когда колебалась земля, съ неба падалъ огонь, не вредившій однако людямъ, потому что сильный вѣтръ уносилъ его на море, и онъ продолжалъ еще, къ общему изумленію, сіять на волнахъ. Самъ Господь Іисусъ Христосъ явился нѣкоторымъ, въ облакѣ на горѣ Элеонской, и язычники внезапно увидѣли блестящіе кресты на своихъ одеждахъ, такъ что многіе изъ нихъ пріяли святое крещеніе. Ожидали кончины міра; мнѣніе сіе было предметомъ писемъ, между блаженнымъ Августиномъ и Исихіемъ, Епископомъ Далматскимъ. Августинъ, ссылаясь на Иеронимово истолкованіе пророчествъ, благоразумно отвѣчалъ: «не смѣю рассчитывать впередъ время втораго пришествія Господня, и не думаю, чтобы кто-либо изъ Пророковъ опредѣлилъ оное, ибо я держусь словъ Господнихъ: что никто не знаетъ времени сего, которое положилъ Отецъ во власти своей. По словамъ Христовымъ извѣстно, что прежде кончины

* Marcell Chron. Philost. X. c. 6.

міра, Евангеліе проповѣдано будетъ по всей вселенной; но нельзя знать, сколько еще осталось народовъ, которымъ оно не проповѣдано, и еще меньше, сколько останется времени, послѣ ихъ обращенія, до кончины міра. Я бы лучше желалъ вѣдать, нежели не вѣдать то, о чемъ меня спрашиваютъ; но мнѣ пріятнѣе сознаться въ моемъ невѣдѣніи, нежели похваляться ложнымъ знаніемъ.»

На другой годъ, послѣ сихъ знаменій, скончался, въ Виолеемскомъ своемъ вертепѣ, и девяностолѣтній старецъ Іеронимъ, изнуренный годами и строгою жизнію; онъ погребенъ былъ въ той пещерѣ, гдѣ провелъ болѣе 30 лѣтъ въ глубокомъ уединеніи, и гробница его доселѣ сохранилась въ подземельи. Ему предшествовала Евстохія, оставивъ по себѣ управленіе обителію племянницъ своей Павлѣ: Такимъ образомъ, мало по малу, переселялась въ вѣчность вся именитая колонія Римская, ученыхъ пресвитеровъ и благородныхъ женъ, измѣнившихъ суету столицы всемірной на уединеніе Палестины. Оставалась еще Меланія младшая, которая по возвращеніи своемъ изъ Египта, устроивъ мать и супруга въ Іерусалимѣ, сама безвыходно затворилась въ келліи на горѣ Элеонской, и только послѣ четырнадцати лѣтъ строжайшихъ постовъ и моленій, временно ее оставила, чтобы основать обитель инокинь въ Іерусалимѣ. Іеронимъ устроилъ ей сіи келліи, и его совѣтами избѣжала она лести Пелагіанской. Она имѣла еще утѣшеніе обратить въ Христіанство дядю своего,

* Флери, кн. XXIV. гл. 13.

именитаго сановника Валузіяна, для котораго нарочно отплыла въ Константинополь, и тамъ снискала любовь Императрицы Евдокіи, супруги младшаго Θεодосія; когда же Евдокія посѣтила, въ свою чреду, Іерусалимъ, Меланія исцѣлила ее молитвою отъ болѣзни. Предчувствуя близкую свою кончину, она еще однажды обошла весь Св. мѣста Іерусалима и его окрестностей, провела недѣлю рождества въ Виолеемѣ, и возвратясь въ Св. градъ, приобщилась въ послѣдній разъ Св. таинъ. Множество духовенства, отшельниковъ и народа стеклось, чтобы быть свидѣтелями ея блаженной кончины.

VIII.

ОБИТЕЛИ ВИОЛЕЕМА и ПУСТЫНИ.

Св. Марія Египетская, Евопій великій и Оеоктистъ.

Между обителями Виолеема славилась и та, въ которой начали свои постническіе труды святые Кассіянъ и Германъ, также пришельцы Западные, какъ о томъ свидѣтельствуеетъ прозваніе Римля-

нина, сохранившееся первому *. Кассіанъ, оставив-
 шій намъ описаніе знаменитыхъ отшельниковъ пу-
 пустыни Скитской и Нитрійской въ Египтѣ, отзы-
 вается съ большою похвалою о собственной обители
 Виѳеемской, гдѣ находилось много великихъ по-
 подвижниковъ. Самая трудность, съ какою оба инока
 могли исходатайствовать себѣ дозволеніе идти въ
 Египетъ, уже свидѣтельствуесть о строгости правилъ
 сей обители, ибо опытный ихъ авва боялся, чтобы
 странствіе, хотя и благочестивое, не отвлекло юно-
 шей отъ безмолвія келейнаго. Изъ ихъ обители рас-
 пространилось на всю Церковь учрежденіе читать
 псалмы и молитвы перваго часа, послѣ славословія
 утренняго; по прежнему чину, иноки могли отдыхать
 отъ всенощнаго бдѣнія до третьяго часа дня, но стар-
 цы Виѳеемскіе, опасаясь излишняго послабленія ма-
 лодушнымъ, положили и сей первый часъ дня про-
 водить въ молитвѣ, дабы приучить ихъ къ непре-
 станному бодрствованію.

Странствованіе Кассіяна и Германа совершилось
 въ самыхъ послѣднихъ годахъ четвертаго столѣтія;
 съ любовію возвратились они въ свою обитель, и
 сообщили Палестинскимъ инокамъ Ангельскую жизнь
 отшельниковъ Египетскихъ; потомъ оба посѣтили
 Царьградъ, гдѣ Св. Златоустъ рукоположилъ одно-
 го въ пресвитера, а другаго въ діакона; но по слу-
 чаю возникшихъ гоненій противъ Святителя, они
 удалились на западъ. Тамъ, по просьбѣ одного изъ
 Епископовъ Галликанскихъ, изложилъ Кассіанъ
 духовную жизнь и совѣты иноковъ Египетскихъ.

* L. VII, ch. 4. 29 Февраля.

Въ его описаніи сохранилась намъ и повѣсть, о
 мученической кончинѣ нѣсколькихъ отшельниковъ
 пустыни Фекуа, избѣенныхъ Сарацинами, во время
 его пребыванія въ Виѳеемѣ. Молва о ихъ святой
 жизни распространилась столь далеко, что Еписко-
 пы Аравійскіе, съ большимъ множествомъ народа,
 пришли собрать ихъ останки, и нѣсколько городовъ
 оспаривали другъ у друга почестъ ихъ погребенія.
 Въ обители блаженной Римлянки Павлы, ис-
 какала себѣ также спасенія духовнаго одна великая
 грѣшница, по имени Зоя *, которая проводя страст-
 ную жизнь въ Кесаріи Палестинской, отважилась
 даже искутить нѣкоего святаго отшельника Марти-
 ніяна. Облекшись въ рубище, она пришла въ бур-
 ную ночь къ его пустынной келліи, прося себѣ
 убѣжища отъ непогоды, и была челоѵколюбиво
 принята имъ въ преддверіе. На другой день онъ
 съ изумленіемъ увидѣлъ у себя женщину, облечен-
 ную въ роскошныя одежды; опасаясь козней діа-
 вольскихъ, подвижникъ зажегъ огонь посреди кел-
 ліи и, въ присутствіи грѣшницы, вступивъ въ него
 босыми ногами, говорилъ самъ себѣ: «каковъ тебѣ
 кажется огонь сей, Мартиніанъ? можетъ ли онъ
 сравниться съ адскимъ? но если желаешь пламени
 адекаго, то приближься къ сей женщинѣ!» Изум-
 ленная такимъ самоотверженіемъ грѣшница, броси-
 лась къ ногамъ святаго отшельника, исповѣдала
 ему грѣхи свои, прося у него исцѣленія духовнаго,
 и онъ отвелъ ее въ монастырь Св. Павлы, гдѣ
 провела остатокъ дней своихъ въ покаяніи.

* Liv V, ch. 15. Четвъ Минея 13 Февраля.

Къ сему же времени относится другой, еще болѣе изумительный примѣръ покаявшейся грѣшницы, Маріи Египетской*, который сохранился намъ изъ описанія Патріарха Іерусалимскаго Софронія; назидательная повѣсть сія утѣшительно свидѣтельствуешь, до какой степени совершенства можетъ достигнуть самая падшая природа наша, при содѣйствіи благодати Божіей. Бурно провела Марія первыя тридцать лѣтъ своей жизни въ Александріи, славясь красотой, утопая въ наслажденіяхъ чувственныхъ. Для новыхъ житейскихъ дѣлъ отплыла она вмѣстѣ съ поклонниками въ Іерусалимъ; тамъ любопытство повлекло ее въ храмъ на праздникъ воздвиженія, но волненіе народное безпрестанно отдаляло ее отъ св. вѣровъ. Тогда тайный укоръ пробудился въ ея сердцѣ: не высшая ли сила препятствуетъ ей, за тяжкіе грѣхи, проникнуть въ святилище? и сей первый укоръ былъ минутою ея обращенія. Съ горькими слезами поклялась она загладить покаяніемъ прежнюю жизнь, и поклонясь Св. гробу, укрылась, по внушенію сердца, во глубину пустыни Аравійской за Іорданъ.

Протекло около пятидесяти лѣтъ; игумень Зосима, спасавшійся въ одномъ изъ монастырей Іорданскихъ, во дни поста, когда вся братія расходилась по разнымъ пустынямъ, былъ увлеченъ далеко за Іорданъ, желаніемъ обрѣсти образецъ совершенства иноческаго, въ комъ либо изъ забвенныхъ отшельниковъ. Много уже дней онъ скитал-

* Четьи Минея 1 Апрѣля.

ся, и вотъ наконецъ мелькнуло ему въ отдаленіи подобіе человѣческаго тѣла, совершенно изсохшаго и опаленнаго солнцемъ, одѣтаго лишь долгими власами; онъ устремился къ бѣгущему отъ него призраку и услышалъ жалобный голосъ: «авва Зосима, я женщина, брось мнѣ свою одежду и тогда приближись.» Зосима узналъ чудесную повѣсть жены Египетской и, пораженный ея смиреннымъ разговоромъ, дивился, гдѣ обрѣла она довольно силы для столь тяжкаго испытанія.

«Страшно вспоминать протекшее, сказала отшельница; вотъ уже сорокъ семь лѣтъ какъ я въ пустынь, и первыя семнадцать провела въ жестокой борьбѣ съ моими страстями, какъ съ лютыми звѣрьми, ибо другихъ я здѣсь не встрѣчала. Любившая вино, иногда не могла я утолить и каплею воды свою жажду; много страдала отъ голода и зноя, много отъ болѣзней, и часто уже лежала какъ бездыханный трупъ. Прежнія вождельнія, какъ пламень, съѣдали мою внутренность, но я падала ницъ, я билась о землю, въ слезахъ призывала горнюю помощь, и она, наконецъ, посетила меня отрадною тишиною духа и тѣла.» — Но гдѣ же научилась ты Св. писаніямъ? спросилъ Зосима, плѣненный ея духовною бесѣдою. «Богъ посылаетъ знаніе смертнымъ, отвѣчала она, я же ни чему не училась и не видала живой души, со дня моего перехода чрезъ Іорданъ. Чувствую однако что мои силы оскудѣваютъ; исполни пламенное желаніе сердца; давно уже не приобщалась я Св. таинъ: не удайся на слѣдующій постъ въ пу-

стыню, но ожидай меня въ великій четвертокъ со Св. дарами на Иорданъ; нынѣ прости.»

Она скрылась; прошелъ годъ — и сидѣлъ игумень, въ урочный день, на берегу рѣки, думая самъ въ себя: какъ перейдетъ дивная жена сія чрезъ бурныя, весеннія волны Иордана? Отшельница явилась на другой сторонѣ и, осѣнивъ крестомъ шумныя воды, смѣлою стопою по нимъ пошла. Въ ужасъ палъ предъ нею Зосима: «священникъ Бога Вышняго, воскликнула Марія, ты ли унижаешь страшныя тайны Христовы предъ грѣшницею!» Съ умилениемъ вкусила она божественныхъ тѣла и крови, и назначивъ ему чрезъ годъ свиданіе въ пустынь, вновь удалилась по водамъ.

Миновалось время, игумень пошелъ искать отшельницу въ знакомой пустынь: — вѣдъ дикаго вертепа лежало ея изсохшее тѣло. Одинокъ отыскавъ онъ безыменную, не зная, гдѣ скрыть сокровище мощей ея; но глазамъ его предстали начертанныя на песокъ слова: «авва Зосима, въ самую ночь страсти Господней отошла я къ Спасителю, причащенная Св. таинъ; погреби здѣсь мое тѣло и помолись о убогой Маріи.» Радуюсь небесной славы той, чье имя узналъ только по смерти, онъ стоялъ въ тяжелой думѣ, ибо не имѣлъ средства исполнить послѣдней ея воли; но къ нему на помощь выбѣжалъ изъ степи левъ и, мощными когтями, вырылъ предъ нимъ глубокую могилу. Сей погребатель пустыни, какъ будто постигнувъ на мигъ цѣль пришествія инока въ свою дикую область, и вмѣстѣ съ нимъ воздалъ послѣдній долгъ дивной Маріи.

Но уже востекло великое свѣтило иночества, долженствовавшее озарить собою всю Палестину, поддержать въ ней потрясенное православіе и послужить образцемъ для современниковъ и потомства — богоносный Евѣимій*. Рожденный въ Малой Арменіи, отъ благородныхъ родителей, во время послѣдняго Аріанскаго гоненія Валента, онъ былъ сыномъ молитвы, подобно Іоанну Предтечѣ, разрѣшивъ собою неплодную утробу матери. Трехлѣтъ остался Евѣимій сиротою, но о немъ заботился Епископъ Милитинскій, который окрестилъ его и преждевременно принялъ въ клиръ, предвидя въ младенцѣ великаго мужа Церкви. Юношей уже онъ былъ блюстителемъ всѣхъ обителей отечественной епархіи, и тридцати лѣтъ возжаждавъ большаго уединенія, пошелъ посѣтить Св. мѣста Палестины, гдѣ предназначено было ему полувѣковое славное поприще.

Сперва поселился Евѣимій въ пещерѣ, близь лавры Фаранской, на разстояніи двухъ часовъ хода отъ Іерусалима, и тамъ соединился духовно съ другимъ именитымъ отшельникомъ Теооктистомъ. Неразлучно потекла иноческа я жизнь ихъ; по временамъ оставляли они Фаранъ, чтобы погружаться, на всю великую, четырехдесятилицу, въ глубокую пустыню Заіорданскую; наконецъ обрѣли себѣ дикую пещеру надъ потокомъ, близь Іерихона, за четыре часа пути отъ Св. града, и ее избрали мѣстомъ духовнаго своего подвига. Долго укрывались они въ ущелии горъ, невѣдомые міру, доколь

* Vic des peres du desert, Liv. II, ch. 13. Четвъ Миней Гевн. 20.

однажды пастухи, пригнавшие стада свои къ потоку, увидѣли ихъ, какъ два призрака, на высотѣ, едва доступной; но первоначальный страхъ измѣнился въ духовную радость, когда узнали въ сихъ призракахъ мужей молитвы. Услышавъ о печальномъ обрѣтеніи давно утраченныхъ, съ любовью собрались къ отшельникамъ нѣкоторые изъ иноковъ Фаранскихъ, и мало по малу основалась, на потокъ Іерихонскомъ, въ ущеліяхъ, иная лавра, которую Евѳимій поручилъ Θεоктисту, а самъ продолжалъ молитвенную жизнь въ пещерѣ, служившей церковью для новой обители. Такъ дикія берлоги звѣрей обратились въ Ангельскія жилища. Евѳимій, назидая бесѣдами иноковъ, внушалъ имъ совершенное отреченіе отъ міра и непрестанные труды, по примѣру Апостола Павла, дабы праздность не лишила ихъ средствъ содержать себя и творить милостыню; онъ строго наблюдалъ за исполненіемъ правила иноческаго, не потворствуя ни малодушію слабыхъ, ни тщеславію превозносившихся подвигами поста.

Господь далъ ему и другое великое званіе, быть просвѣтителемъ язычниковъ. Во время страшнаго гоненія, воздвигнутаго волхвами противъ Христіанъ Персидскихъ, въ царствованіе Издигерда, граничные начальники области Персидской получили повелѣніе истреблять всѣхъ Христіанъ, бѣжавшихъ въ предѣлы Римскіе; но одинъ изъ старѣйшинъ Сарацинскихъ, которые кочевали на рубежъ Персіи, Аспевитъ, ужаснулся столь жестокаго повелѣнія и старался спасти гонимыхъ; вскорѣ и самъ онъ

принужденъ былъ бѣжать отъ раздраженнаго Царя. Эпархъ Римскій, слышавшій о его добродѣтели, сохранилъ ему званіе старѣйшины и поставилъ его надъ инымъ коленомъ Сарацинскимъ, подвластнымъ Римлянамъ. У Аспевита былъ разслабленный сынъ, Теревонъ, котораго напрасно старался исцѣлить волхвованіями Персовъ и лекарствами Грековъ; самъ болящій помолился наконецъ Богу Христіанскому и обѣщалъ принять крещеніе, если исцѣлится; тогда въ сонномъ видѣніи предсталъ ему инокъ, съ длинною сѣдою бородой, и спросилъ: «все ли онъ исполнитъ, что обѣщалъ Господу?» Спящій повторилъ обѣщаніе, и старецъ сказалъ ему: «я Евѳимій, живущій въ пустынь, къ востоку отъ Іерусалима, на пути къ Іерихону; приди ко мнѣ, я помолюсь о тебѣ и Господь исцѣлитъ.» Повѣрилъ видѣнію юноша и рассказалъ отцу своему. Аспевитъ, съ избранными Сарацинами, пошелъ искать обитель, и устрашились иноки, увидя толпу варваровъ; но Θεоктистъ мужественно ихъ встрѣтилъ и спросилъ о причинѣ пришествія. «Мы хотимъ говорить съ Евѳиміемъ,» отвѣчалъ старѣйшина. — «Теперь нельзя, возразилъ Θεоктистъ, потому что онъ на безмолвіи до дня субботняго.» Когда же увидѣлъ разслабленнаго и услышалъ изъ устъ его о видѣніи, не рѣшился медлить, дабы открылась слава Божія язычникамъ, и поспѣшилъ извѣстить авву; Евѳимій вышелъ изъ своей пещеры, помолился и, знаменіемъ креста, исцѣлилъ разслабленнаго. Изумленные варвары пали на землю предъ дивнымъ старцемъ, и проси-

ли принять ихъ въ число Христіанъ; онъ же немедленно приказалъ устроить въ пещеръ своей купель и, окрестивъ всѣхъ, далъ имя Петра Аспевиту. Въ теченіе сорока дней наставлялъ ихъ истинамъ Христіанскимъ Евѳимій и потомъ отпустилъ съ миромъ въ шатры ихъ; но дядя исцѣленного, Марисъ, пожелалъ остаться въ лаврѣ и пожертвовалъ ей все свое имущество. Такъ, съ большею подробностію, рассказываетъ сіе происшествіе инокъ Кириллъ, описатель житія Евѳиміева, почти современный, ибо и самъ былъ воспитанъ однимъ изъ учениковъ его.

Молва о семъ чудѣ распространила славу Евѳимія по всей Палестинѣ, такъ что отовсюду стали стекаться къ нему за исцѣльбіями: смиреніе его и любовь къ безмолвію не могли долго переносить стеченія народнаго; онъ рѣшился отойти въ пустыню Руванъ, гдѣ, какъ полагаютъ, постился сорокъ дней Спаситель, и не смотря на убѣжденія Теокиста, съ однимъ только ученикомъ Домитіаномъ, пошелъ сперва на берегъ Мертваго моря, а потомъ на высочайшую, отдѣленную отъ всѣхъ прочихъ, гору, съ вершины коей, по преданіямъ мѣстнымъ, диаволь искушалъ Господа, зрѣлищемъ царствъ земныхъ. Тамъ обрѣлъ колодезь, съ развалинами древняго зданія, и соорудивъ алтарь, провелъ нѣсколько времени, питаясь травами; отголъ перешелъ въ пустыню Енгаддійскую и долго обиталъ, безвѣстнымъ, въ той пещерѣ, въ которой нѣкогда укрылся Давидъ отъ гоненій Саула; но

исцѣленіе бѣснующаго открыло Евѳимія окрестнымъ жителямъ, и они начали сооружать монастырь около пещеры. Авва искалъ опять спастися отъ молвы народной, въ прежнюю свою обитель, на потокъ Іерихонскомъ; не доходя до нее, на разстояніи часа, обрѣлъ онъ дикое мѣсто, которое полюбила душа его, и тамъ навсегда основался, не смотря на мольбы и слезы Теокиста, пролитыя при радостномъ свиданіи обоихъ великихъ друзей.

Евѳимій посѣщалъ лавру только во дни воскресные, чтобы приобщаться Св. таинъ вмѣстѣ съ братією. Радостная вѣсть, о его возвращеніи, распространилась между Сарацинами, и старѣйшина, имъ просвѣщенный, собралъ множество людей своего колѣна, всякаго возраста и пола, дабы и они воспользовались его назиданіями. Святой отшельникъ, приготовивъ ихъ сердца къ принятію истинной вѣры, окрестилъ ихъ и пребылъ съ ними неразлучно семь дней, для ихъ наставленія. Но Аспевитъ, видя что нѣтъ никакого приюта святому старцу, во вновь избранномъ уединеніи, выстроилъ для него три малыя келліи, и ископалъ тамъ колодезь; а такъ какъ народъ Сарацинскій уже не хотѣлъ болѣе оставлять его, старецъ согласился, чтобы, между лаврою Теокиста и его скитомъ, устроилось селеніе. Онъ самъ начерталъ размѣры церкви и послалъ старѣйшину Аспевита, названнаго въ Христіанствѣ Петромъ, къ Святителю Іерусалимскому, чтобы онъ рукоположилъ его въ Епископа новообращенныхъ.

Жажущій уединенія Евѳимій, не хотѣлъ сперва никого принимать въ свой безмолвнѣйскій скитъ и отсылалъ всѣхъ, искавшихъ его руководства, къ Теоκτισту; но въ сонномъ видѣннѣи Господь открылъ ему свою волю, чтобы не чуждался новыхъ учениковъ, и мало по малу собралось ихъ до пятидесяти около его келліи. Онъ принужденъ былъ просить Аспевита, устроить и для нихъ церковь въ своемъ скитѣ, который вскорѣ обратился въ лавру, не уступавшую Фаранской. Самъ Епископъ Іерусалимскій, Іувеналій, преемникъ Праила, приходилъ освящать ее съ хореепископомъ Пассаріономъ и пресвитеромъ Исихіемъ, которые сіяли, какъ звѣзды, на тверди иноческой, по выраженію летописца; приходъ ихъ чрезвычайно утѣшилъ авву, и по его желанію, ученики его Домитіанъ и Домнъ, будущій Патріархъ Антіохійскій, рукоположены были въ діаконы, а два другихъ въ пресвитеры, для служенія при новой церкви.

Многія чудеса ознаменовали, сколь близокъ былъ Господу возлюбившій его авва: однажды, при совершенномъ недостаткѣ хлѣба въ обители, четыреста поклонниковъ Армянскихъ, нечаянно со- вратившись съ пути, пришли прямо ко вратамъ ея, и старецъ велѣлъ ученику своему Домитіану угостить ихъ братски. Напрасно представлялъ ему Домитіанъ, что и братія нуждалась въ пищу; онъ долженъ былъ идти исполнить приказаніе, и увидѣлъ пекарню, внезапно исполнившуюся хлѣба. Съ раскаяніемъ бросился онъ къ ногамъ аввы, но ста-

рецъ кротко напомнилъ ему только слова Апостола: «сѣющій съ благословеніемъ, съ благословеніемъ и пожнетъ.» Въ другой разъ, когда общая засуха истощила все источники и колодези, а святой старецъ, предъ началомъ великаго поста, собирался по обычаю на всю четырехдесятиницу въ пустыню Заіорданскую, окрестные жители сошлись къ нему, съ крестами въ рукахъ, умоляя испросить у Бога дождя. Долго смиреніе его колебалось исполнить моленіе просящихъ; наконецъ, возбудивъ, ихъ къ молитвѣ, самъ онъ вмѣстѣ съ братією воззвалъ къ Богу, и внезапно возшумѣлъ ливень, какъ нѣкогда по гласу Пророка Іліи, съ громомъ и молніею, и освѣжилъ лице земли.

Исполненный благоговѣнія, при совершеннѣи Св. таинъ, Евѳимій однажды былъ видимо осіянь, небеснымъ огнемъ, внутри его всегда горѣвшимъ, когда произносилъ предъ алтаремъ трисвятую пѣснь. Духъ прозорливости открылъ ему и будущую участь его учениковъ. Такъ предсказалъ онъ Домну, что будетъ преемникомъ дяди своего Іоанна, на кафедрѣ Антіохійской, и другому изъ младшихъ иноковъ лавры, Гавріилу, назначилъ кафедрѣ Скиѳополя, а ученикамъ своимъ Мартирію, Іліѣ и ризничему Іерусалимскаго храма, Анастасію, открылъ ожидавшее ихъ святительство въ Св. градѣ. Когда Анастасій посѣтилъ лавру, будучи еще пресвитеромъ, съ Фидомъ, Епископомъ Яффы, Евѳимій предварилъ эконома своей лавры, чтобы готовился принять Патріарха. Изумленный инокъ, встрѣтивъ гостей, втайнѣ намекалъ аввѣ, что нѣтъ между ними Свя-

тителя Иерусалимскаго, который всегда отличался бѣлою одеждою, но Евѳимій громко отвѣчалъ: «повѣрь мнѣ, сынъ мой, что Анастасій представляется глазамъ моимъ въ одежду святительской, и конечно Богъ хотѣлъ открыть мнѣ будущее его назначеніе.»

IX.

СМЯТЕНІЯ ОТЪ ЕВТИХІАНЪ.

Патріархъ Іувеналій, Императрица Евдокія, и сердце Евѳимія, горѣвшее чистою любовію къ Богу, исполнилось скорби, когда услышалъ отъ Епископа родины своей, Акакія, о ереси Несторіевой. Много возбудилъ смятеній на Востоку сей Архіепископъ Царьграда, проповѣдуя что Іисусъ Христосъ родился отъ Дѣвы Маріи, простымъ человекомъ, и не признавая Пресвятую Дѣву Богоматерію; но старецъ тогдаже утѣшился вѣстію о подвигахъ Св. Кирилла, Архіепископа Александрійскаго, и во вселенскомъ соборѣ, долженствовавшемъ соединиться въ Ефесѣ. Святитель Иерусалимскій Іувеналій,

будучи предваренъ посланіями Св. Кирилла и Папы Келестина, о злыхъ умыслахъ Несторія, явился на соборъ, вмѣстѣ съ другими Епископами Палестины, и авва Евѳимій возбудилъ писменно окрещеннаго имъ Петра, Епископа Сарациновъ, держаться твердо догматовъ православія.

Мужественно подвизался Іувеналій*, занимавшій второе мѣсто, послѣ Св. Кирилла, на соборѣ Ефесскомъ. Съ нимъ вмѣстѣ обличалъ онъ хитросплетенія еретиковъ, и ему содѣйствовалъ Фидъ, вѣрный Епископъ Яффы. Уже торжественно провозглашена была анаѳема противъ Несторія; когда позднее прибытіе Іоанна Антиохійскаго, при проискахъ сановниковъ царскихъ, поддержало опять осужденнаго. Св. Кириллъ, предсѣдатель собора, и Мемнонь, Епископъ Ефеса, подверглись даже временно узамъ. Тогда Іувеналій, съ прочими вѣрными православію Епископами, написалъ посланіе къ Императору Феодосію младшему, и вызванные сами въ столицу, убѣдили его въ истинѣ. Исповѣдники православія возвратились съ честію въ свои епархіи, Несторій былъ сосланъ и наконецъ самъ Іоаннъ Антиохійскій призналъ вину свою предъ Св. Кирилломъ.

Но нѣсколько лѣтъ спустя, поколебалась твердость Іувеналія. Нѣкто Евтихій, родомъ изъ Египта, игуменъ Цареградскій, сильно возстававшій противъ ереси Несторія, впалъ въ другую крайность. Православная вѣра учитъ насъ, что въ Господѣ Іисусъ Христѣ двѣ природы, божественная и

* 430 по Р. Х. Ист. Флери кн. XXV.

человѣческая, въ одномъ лицѣ Богочеловѣка; а Несторій разумѣлъ, что поелику двѣ природы, то и два лица; Евтихій же, защищая догматъ о единомъ лицѣ Богочеловѣка, проповѣдалъ, что въ немъ и одна только божественная природа, въ которой будто бы человѣческая совершенно слилась и исчезла. Такимъ образомъ заставлялъ онъ страдать самое Божество въ Иисусъ Христъ, и посему невѣжественные его послѣдователи обвиняли православныхъ въ Несторіанизмъ, будто бы они, признавая двѣ природы Богочеловѣка, признавали въ немъ и два лица. Ересь Евтихіева имѣла многихъ приверженцевъ, единственно по страху противоположнаго ей заблужденія Несторіева, на которое столь сильно возставалъ Св. Кириллъ Александрійскій, и это побудило недостойнаго преемника его, Діоскора, вступить, по крайнему невѣжеству и ожесточенію, за Евтихія, какъ за соотечественника. Вслѣдъ за своимъ Архипастыремъ, нѣкоторые Епископы Египта, и особенно многочисленные иноки, послѣдовали, безъ всякаго разсужденія, той же ереси, а чрезъ иноковъ пустила она свои корни и въ Палестину; ибо Египетъ былъ зеркаломъ иночества, и великіе Святители, Аѳанасій и Кириллъ Александрійскіе, возбудили общую довѣренность къ духовному просвѣщенію сего престола.

Напрасно Св. Флавіанъ, Епископъ Константинопольскій, и Св. Левъ, Папа Римскій, словомъ и писаніями, опровергали новую ересь Евтихія; другой соборъ, соединившійся въ Ефесѣ, подъ председательствомъ Діоскора Александрійскаго, и по

своему безчинству прозванный разбоемъ Ефесскимъ, отвергъ истинное ученіе православныхъ Пастырей; Св. Флавіанъ, сосланный въ заточеніе, скончался отъ претерпѣнныхъ имъ поруганій. Іувеналій Іерусалимскій, хотя и не оправдывалъ жестокихъ поступковъ Діоскора, однако по неопытности держался его мнѣнія, какъ нѣкогда Кириллова; ибо Діоскоръ гремѣлъ на соборъ, именемъ своего святаго предѣстника; Императоръ Феодосій младшій и супруга его Евдокія увлеклись также мнѣніемъ соборника Ефесскаго, въ пользу Евтихія; но годъ спустя, когда благочестивая Царевна Пулхерія вступила на престолъ императорскій и раздѣлила его съ Маркіаномъ, четвертый вселенскій соборъ созванъ былъ въ Халкидонѣ; тамъ 630 Епископовъ Восточныхъ и обличительныя посланія Св. Льва великаго, Папы Римскаго, представили въ истинномъ свѣтѣ дѣянія Евтихія и Діоскора. Оба преданы были анаѳемъ церковной, и самъ Іувеналій не участвовалъ на первыхъ засѣданіяхъ, какъ подверженный осужденію за единомысліе съ Діоскоромъ. Тогда, увидѣвъ свое заблужденіе, покорился онъ соборному рѣшенію, и по ходатайству Епископовъ Восточныхъ, уважавшихъ его православіе и добродѣтель, введенъ былъ въ сонмъ отцевъ, чтобы съ ними вмѣстѣ осудить Евтихія и Діоскора.

На Халкидонскомъ соборѣ, по взаимному согласію Святителей Аптіохіи и Іерусалима, положены были предѣлы ихъ епархій*. Максимъ Аптіохійскій сказалъ, во время седьмаго засѣданія: «Епи-

* Флери, кв. XXVIII гл. 25.

скопъ Іувеналій и я согласились, послѣ многихъ преній, чтобы престолъ Св. Петра въ Антиохіи имѣлъ объ Финикіи и Аравію, а Іерусалимскій три Палестины; мы просимъ утвержденія соборнаго и царскаго.» — Тоже повторилъ и Іувеналій, говоря: «и я согласенъ, чтобы святое воскресеніе Господа Іисуса Христа имѣло три Палестины, а престолъ Антиохійскій объ Финикіи и Аравію», и легаты Римскіе, вмѣстѣ съ Анатоліемъ Архіепископомъ Цареградскимъ и прочими Митрополитами, утвердили соборно сіи предѣлы епархій, о которыхъ просилъ Іувеналій Св. Кирилла Александрійскаго, еще на соборѣ Ефесскомъ. Со времени Халкидонскаго собора возшло въ общее употребленіе и почетное титуло Патріарховъ, присвоенное Епископамъ пяти старшихъ престоловъ Вселенскихъ: Рима, Константинополя, Александріи, Антиохіи и Іерусалима, хотя они имѣли еще и другія титула: такъ напр. Епископы Римскій и Александрійскій назывались Папами.

Однако, въ слѣдствіе собора Халкидонскаго, произошло сильное смятеніе въ Палестинѣ и во всемъ Востокѣ. По смерти Петра, Епископа Сарацинскаго, Авксолой, его преемникъ, ходившій съ Іувеналіемъ на соборъ Ефесское, впалъ въ заблужденія Евтихія и былъ отверженъ Св. Евѣиміемъ; но заступившій его каѳедру между Сарацинами Іоаннъ, остался вѣренъ православію, и вмѣстѣ съ Епископомъ Іамніи, Стефаномъ, принесъ святому старцу утѣшительную вѣсть, о рѣшеніи вселенскаго собора противъ Евтихія и Діоскора. По примѣру ве-

ликаго аввы, уже всѣ иноки Палестинскіе готовы были принять православное мнѣніе Халкидонское, когда явился возмутитель мира церковнаго, въ лицѣ инока Θεодосія, осужденнаго своимъ Епископомъ, въ Палестинѣ, и однажды наказаннаго въ Александріи за свою дерзость*. Онъ распространилъ нелѣпую молву, въ обителяхъ Палестинскихъ, будто бы Халкидонскій соборъ принялъ ученіе Несторіево, о двухъ лицахъ, двухъ сынахъ, двухъ Христахъ, и показывалъ искаженный переводъ посланія Льва великаго къ Св. Флавіяну. Многихъ соблазнила наглая увѣренность, съ какою Θεодосій поддерживалъ мнѣнія свои ложными свидетельствами, и особенно Императрицу Евдокію, которая, по смерти своего супруга, удалилась на жительство въ Іерусалимъ. Она увлекла съ собою иноковъ и народъ, и когда Іувеналій возвратился съ собора, его хотѣли принудить анаѳематствовать православное ученіе; былъ даже посланъ убійца къ Патріарху, но кинжалъ его поразилъ другаго благочестиваго Епископа, Северіяна Скиѳопольскаго. Іувеналій бѣжалъ въ Царьградъ, и мятежники поставили на его мѣсто, въ храмъ воскресенія, отступника Θεодосія. Дороеей, правитель Іерусалима, ходившій въ то время усмирять Моавитянъ, услышавъ о такомъ безчинствѣ, поспѣшилъ въ Іерусалимъ; но наемники Θεодосія и Евдокіи заперли врата городскія, доколь онъ не обѣщалъ покровительствовать расколу; помощію его, около двухъ лѣтъ, держался Θεодосій на каѳедрѣ Іерусалимской.

* Кн. XXVIII. 36—38.

Лжепатріархъ поспѣшилъ назначить Епископовъ въ нѣкоторые города Палестины, особенно на мѣста тѣхъ, которые еще не возвратились со вселенскаго собора, и поднялъ жестокое гоненіе въ Іерусалимѣ противъ благочестивыхъ мужей, отвергавшихъ его общеніе. Иныхъ лишали имущества, или сожигали ихъ дома; другихъ подвергали бѣнію и узамъ, а преступникамъ отворяли темницы; не избѣжали поруганій и почетныя жены. Всѣхъ принуждали, громогласно или письменно, предавать анаѳемъ соборъ Халкидонскій и посланіе Папы Льва великаго: но нѣкто, діаконъ Анастасій, отважился однажды, посреди церкви, сказать въ лице сидѣвшему на кафедрѣ Θεодосію: «перестань воевать противъ Іисуса Христа и разсѣивать стадо его; узнай наконецъ любовь нашу къ истинному пастырю, ибо мы чуждаемся чуждаго намъ гласа.» Клевреты Θεодосія извлекли мужественнаго діакона изъ церкви и, послѣ многихъ мученій, отсѣкли ему голову; тѣло его, влачили съ поруганіями по всему городу, и бросили на съденіе псамъ; но Церковь почитаетъ память святаго мученика Анастасія.

Θеодосій старался склонить на свою сторону святаго авву Евѳимія и приглашалъ его къ себѣ, но великій старецъ не хотѣлъ идти въ Іерусалимъ. Лжепатріархъ послалъ къ нему двухъ игуменовъ: Елпидія, ученика и преемника Пассаріона, и Геронтія, управлявшаго обителію Св. Меланіи Римлянки: «Господь да сохранитъ меня, отвѣчалъ Евѳимій, отъ участія въ преступленіяхъ и ереси Θεодосія, пролившаго кровь священную» — «И такъ,

мы должны принять догматы, о двухъ природахъ во Христѣ Іисусѣ, утвержденные на Халкидонскомъ соборѣ» возразили игумены. «Я не читалъ всѣхъ дѣяній соборныхъ, сказалъ имъ великій Евѳимій, но, въ изложеніи догматовъ его, не нашелъ ничего неправильнаго;» и онъ объяснилъ имъ, какъ согласовался соборъ, въ своихъ мнѣніяхъ, съ ученіемъ Св. Кирилла Александрійскаго. Елпидій принялъ истолкованіе великаго аввы, хотя и не рѣшился сейчасъ оставить общенія Θεодосіева, а Геронтій закоснѣлъ въ заблужденіи; такъ оба возвратились, раздѣленными въ своихъ мнѣніяхъ. Но Θεодосій не остался спокоенъ; онъ посылалъ къ Св. Евѳимію еще нѣсколько духовныхъ лицъ, съ тѣми же убѣжденіями, доколь наконецъ великій авва, видя его неотступность, предварилъ многихъ настоятелей, чтобы не сообщались съ лжепатріархомъ, а самъ удалился во глубину пустыни, гдѣ оставался до его низложенія.

Многіе отшельники за нимъ послѣдовали: былъ между ними одинъ весьма именитый, Св. Герасимъ*, который, проведя многіе годы въ подвижничествѣ, въ своей родинѣ Ликіи, уединился потомъ на берега Іордана. И онъ сперва увлекся, съ нѣкоторыми пустынниками, въ общеніе Θεодосія, но услышавъ о добродѣтеляхъ великаго аввы, посѣтилъ его въ пустынь Руванъ, и принялъ отъ него православное исповѣданіе Халкидонскаго собора. Герасимъ основалъ въ послѣдствіи лавру и монастырь, на разстояніи четверти часа хода отъ Іор-

* Четьи Минеи 4 Апрѣля.

дана; въ лавръ его считалось до семидесяти келлій, на большомъ разстояніи одна отъ другой, и въ ней спасались уже испытанные отшельники; они пребывали безвыходно пять дней недели, всегда оставляя открытою дверь своего убогаго жилища, когда по субботамъ приходили для приобщенія въ церковь монастырскую. Звѣри пустынные служили, какъ домашній скотъ, Герасиму; однажды увидѣлъ онъ огромнаго льва, который съ ревомъ влачилъ уязвленную лапу; отшельникъ, извлеки занозу, исцѣлилъ его. Съ тѣхъ поръ, благодарное животное слѣдовало за нимъ повсюду, и даже охраняло единственнаго осла, которымъ пользовался монастырь, для принесенія воды Иорданской. Когда же случилось, что хищники Аравійскіе увели съ собою осла, и левъ подвергся подозрѣнію, что самъ разтерзалъ его: онъ осужденъ былъ носить воду на хребтѣ своемъ, доколѣ не нашелся опять утраченный, и звѣрь, со смиреніемъ, исполнялъ столь несвойственную ему службу. Иоаннъ Москъ, описатель сей повѣсти, говоритъ, что левъ не могъ перенести кончины своего благодѣтеля, и издохъ надъ его могилою.

Въ пустыне Св. Евѣмій, а въ Иерусалимѣ игуменъ Геласій, основатель одной изъ обителей Св. града, поддерживали догматы собора Халкидонскаго противъ лжепатріарха*. При самомъ началѣ раздора, Θεодосій посѣтилъ его, стараясь привлечь на свою сторону; но Геласій, проникнувъ лукавство, призвалъ воскрешеннаго имъ отрока и ска-

* Vies des peres, Liv. VII, ch. 18. Скитскій Патерикъ.

залъ обольстителю: «если ты хочешь спорить о вѣрѣ, вотъ кто будетъ отвѣчать тебѣ; мнѣ же некогда съ тобою разсуждать.» Потомъ, когда нечестивый инокъ овладѣлъ кафедрою Иерусалима, онъ потребовалъ къ себѣ Геласія и, съ ласками и угрозами введя въ алтарь, приказывалъ анаеematствовать Иувеналія. «Не признаю другаго Епископа Иерусалиму кромѣ Иувеналія,» съ твердостію отвѣчалъ Геласій, и былъ изгнанъ изъ храма; думали устрашить его огненною мукою, но отпустили съ миромъ, видя его неколебимость и боясь народа, питавшаго къ нему большое уваженіе. Кротость и нестяжаніе святаго аввы были столь велики, что онъ не хотѣлъ даже преслѣдовать инока, который похитилъ изъ его обители священное писаніе, дорогой цѣною приобрѣтенное имъ, для употребленія въ церкви. Хищникъ пошелъ въ городъ продавать книгу, но покупатель, прежде нежели дать за нее требуемую цѣну, испросилъ позволеніе показать ее опытному челоуѣку, и принесъ Геласію, который отвѣчалъ, что она стоитъ тѣхъ денегъ и совѣтовалъ купить. Желая однако еще дешевле приобрѣсти книгу, купавшій ее сказалъ иноку: будто самъ авва Геласій увѣрялъ, что она не столь дорога, сколько за нее требуютъ; — смятенный симъ именемъ похититель заботливо спросилъ: «не говорилъ ли еще чего нибудь авва?» когда же узналъ о его снисходительномъ молчаніи, самъ устремился къ аввѣ, исповѣдалъ предъ нимъ грѣхъ свой, и едва могъ убѣдить его, взять обратно похищенную книгу; таковъ былъ Геласій!

Между тѣмъ нѣкоторые игумены и иноки Іерусалимскіе, принявшіе участіе въ ереси Θεодосія, написали, въ свою защиту, прошеніе къ Императрицѣ Пулхеріи, въ которомъ старались сложить вину случившихся безпорядковъ на жителей Св. града и на пришельцевъ. Супругъ Пулхеріи, Императоръ Маркіанъ, по совѣту Патріарха Іувеналія, бывшаго тогда въ Царьградъ, отвѣчалъ имъ, чтобы оставались покорными своимъ Епископамъ и не мѣшались въ управленіе церковное, ибо онъ извѣщенъ подробно о томъ, что происходило въ Іерусалимѣ. «Вы дѣйствовали съ такимъ насиліемъ, писалъ Императоръ, не для защиты вѣры, а ради приобрѣтенія власти, которой вы совершенно недостойны; намъ даже удивительно, какъ предаете вы анаѳемъ Евтихія, слѣдуя его приверженцу Θεодосію, виновнику всѣхъ безпорядковъ. Вы дадите отвѣтъ за нечестіе ваше Господу Спасителю нашему Іисусу Христу, который не оставитъ васъ безнаказанными; мы же не хотимъ принять на себя наказанія иноковъ; но повѣляли только водворить спокойствіе въ городѣ Іерусалимѣ, и предать достойной казни однихъ убійцъ и зажигателей.» Потомъ изложивъ догматическое ученіе Халкидонскаго собора, о двухъ естествахъ Богочеловѣка, онъ еще просоветовалъ: что не велѣлъ никого принуждать къ насильственному подписанію сего исповѣданія, ибо не хочетъ угрозами привлекать на путь истины, и даже предписалъ правителю Палестины, избавить всѣ монастыри отъ постоя воиновъ, назначенныхъ для усмиренія города. «И такъ, живите въ мирѣ, за-

ключалъ Императоръ, не чуждаясь вѣры католической и не собираясь въ отдѣльныя скопища, зная, что Цари, наши предшественники, строгими указами сіе запретили; мы пожелали лучше написать вамъ грамоту, по ходатайству Епископа вашего Іувеналія, надѣясь, что изъясненіе нашей милости васъ исправитъ*.»

Въ такомъ же кроткомъ и смиренномъ духѣ написала посланіе благочестивая Императрица Пулхерія, къ инокамъ Іерусалимскимъ, и въ особенности къ Вассѣ, игуменѣ дѣвичьяго монастыря въ Св. градѣ, которая основала тамъ и мужеской, во имя Св. Мины. Императрица предваряла начальницу обители, чтобы она старалась разсѣять заблужденіе своихъ инокинь, если нѣкоторыя изъ нихъ впали въ сѣть лжепатріарха Θεодосія, и научила бы ихъ чистотѣ догматовъ Халкидонскихъ. Вскорѣ скончалась сія царственная проповѣдница благочестія, причтенная Церковію къ лику святыхъ; она украсила свою столицу великолѣпными храмами; въ церкви же Одигитріи, т. е. путеводительницы, поставила чудотворную икону Божіей Матери, писанную Св. Евангелистомъ Лукою. Императрица Евдокія прислала ей изъ Св. града сію икону, которая съ тѣхъ поръ всегда почиталась хранительницею Царяграда, обращая въ бѣгство полки чуждыхъ. Списокъ сей иконы, подъ именемъ Одигитріи Смоленской, чувствуется и въ нашемъ отечествѣ.

Однако Императоръ Маркіанъ неудовольство-

* Флери, кн. XXVIII, гл. 41, 42.

вался однимъ мѣрами кротости, въ отношеніи иноковъ Палестинскихъ; онъ предписалъ правителю Дорофею схватить мжепатріарха; но Θεодосій успѣлъ спастись бѣгствомъ въ гору Синайскую, съ которою были въ духовномъ сношеніи обители Египетскія. Посему и къ нимъ обратился Императоръ, возбуждая ихъ выдать самозванца, не для наказанія, но для того, чтобы не могъ болѣе совращать слабыхъ. Послѣдователи его въ Палестинѣ понесли достойную казнь, и послѣ двадцатимѣсячнаго отсутствія, Іувеналій возвратился опять на свой престолъ, въ 453 году. Немедленно низложилъ онъ всѣхъ рукоположенныхъ Θεодосіемъ, и созвавъ соборъ, написалъ окружное посланіе ко всѣмъ игуменамъ и инокамъ Палестинскимъ, въ коемъ удостоверялъ ихъ, что ученіе Халкидонское есть ничто иное, какъ подтвержденіе Никейскаго. Посланіе сіе было подписано, кромѣ Іувеналія, Иринеемъ Кесарійскимъ и всѣми Епископами Палестины.

Императоръ написалъ также грамоту сему собору, возбуждая Епископовъ возвратитъ къ истинной вѣрѣ свои паствы, и особенно обольщенныхъ иноковъ; онъ извѣщалъ ихъ и о томъ, что уже предварилъ Епископа и братію горы Синайской о преступленіяхъ Θεодосія. Св. Левъ великій, Папа Римскій, воздавъ благодареніе Императору, за его кротость въ отношеніи къ инокамъ, написалъ къ нимъ также окружное посланіе, изъясняя то, что было искажено, дурнымъ переводомъ его письма къ Св. Флавіану; о томъ же писалъ онъ и къ Императрицѣ Евдокіи.

Тронулось наконецъ ея сердце, не ожесточенное грѣхомъ, а только омраченное лестию. Дочь философа Аѣинскаго, знаменитая красотою и ученостію, Евдокія, еще подъ языческимъ именемъ Аѣинаиды, пришла въ Царьградъ, спорить съ братьями о наследствѣ родительскомъ, и по совѣту Царевны Пулхеріи, избрана была супругою младшему Θεодосію. Удалившись послѣ его кончины въ Іерусалимъ, хотя и пребывала въ заблужденіи, но съ щедростію по истинѣ царскою, подобно Св. Еленѣ, украсила великолѣпными зданіями Св. мѣста. Множество церквей, обителей и богадѣленъ, остались памятниками ея усердія; денежныя ея пожертвованія, кромѣ богатыхъ утварей, простирались до 20,000 фунтовъ золота; однажды въ день Пасхи, она дала на освѣщеніе храма до 10,000 мѣръ елѣя. Евдокія выстроила домъ Епископу Іерусалимскому, распространила и обновила стѣны Св. града, и внѣ его, на мѣстѣ побиенія Архидіакона Стефана, соорудила столь обширную церковь, что въ ней могло помѣщаться до 10,000 народа; туда перенесены были и мощи первомученика. При церкви устроила она и обитель, первымъ игуменомъ коей избранъ одинъ изъ учениковъ аввы Евѣимія, Гавріиль; и въ виду его лавры, воздвигла Императрица церковь во имя Апостола Петра.

Тронутая вѣстію, о разореніи древней столицы Вандалами и плѣненіи дочери ея, супруги Императора Западнаго, и внучатъ, увлеченныхъ въ Карфагенъ, Евдокія рѣшилась наконецъ искать общенія

* Флери, кн. XXIX, гл. 17.

Церкви католической, но хотѣла прежде испытать мнѣнія знаменитѣйшихъ пустынниковъ. Она послала Анастасія, хорепископа Иерусалимскаго, въ Антиохію, къ Св. отшельнику Симеону, который, какъ свѣтильникъ, поставленный на свѣщникъ, съ высоты столпа своего, дивно свѣтилъ всему міру, необычайностію своихъ подвиговъ. Столпникъ отвѣчалъ Императрицѣ: «познай, что демонъ, позавидовавъ богатству твоихъ добродѣтелей, восхотѣлъ искутить тебя, и орудіемъ послужилъ ему нечестивый Θεодосій, исполнившій душу твою смятеніемъ, но бодрствуй; вѣра твоя не оскудѣла. Изумляюсь однако, зачѣмъ, будучи у потока, ищешь ты столь далеко струи; близъ тебя божественный Евѡимій, слѣдуй его совѣтамъ и спасешься.»

Евдокія не замедлила исполнить спасительный совѣтъ; но зная, что авва Евѡимій никогда не входитъ въ города, она велѣла построить башню на краю пустыни Иорданской, за тридцать стадій къ югу отъ его лавры, чтобы тамъ съ нимъ бесѣдовать. По ея просьбѣ, Косьма, братъ игумна обители Стефановой, хранитель креста Господня, и хорепископъ Анастасій, будущій Патріархъ, пошли искать великаго авву въ пустынь Руванъ, вмѣстѣ съ ученикомъ его Теокистомъ, ибо Евѡимій удалился изъ лавры. Послѣ многихъ моленій, убѣдили они старца на свиданіе съ Императрицею, въ устроенной ею башнѣ. Евдокія бросилась къ ногамъ его, говоря: «теперь ясно я вижу, что самъ Господь посѣтилъ меня твоимъ присутствіемъ;» но авва смиренно ей отвѣчалъ: «дочь моя, отнынѣ

внимай себя, бѣдствія тебѣ приключившіяся въ Италіи, посѣтили тебя за лѣсть Θεодосіеву, которой ты предалась. И такъ, оставь твое упорство, признавай наравнѣ съ тремя первыми вселенскими соборами и четвертый Халкидонскій, и возвратись къ общенію Епископа нашего Іувеналія.» Благоговивъ ее, Евѡимій удалился; она же, съ пламенною ревностію, исполнила совѣтъ его, чрезъ посредство Анастасія и Космы, вступила въ общеніе съ Патріархомъ, и примѣръ ея подѣйствовалъ на множество иноковъ и мірянъ; упорствовалъ только игумень Геронтій, и два отступника изъ числа иноковъ, Маркіянъ и Романъ, оставивъ авву своего Елпидія, сами основали непокорныя скопища въ Вилеємъ и Оекуи.

Пять лѣтъ спустя, во дни Пасхи, Императрица посѣтила обитель, устроенную ею близъ лавры Евѡимія, гдѣ велѣла ископать большой колодезь; съ высоты горы, взглянувъ на многочисленныя келліи лавры, разсѣянныя по пустынь, она прослезилась и воскликнула, въ душевномъ восторгѣ: «коль красны селенія твои, Іаковъ, и шатры твои, Израиль!» Тогда же послала игумна Гавріила просить къ себѣ авву Св. Евѡимія, но онъ отвѣчалъ ей: «дочь моя, не ожидай болѣе видѣть меня въ сей жизни; и что печешься о многомъ, когда въ теченіе зимы сей преидешь къ Господу? И такъ, во время лѣта, внимай о душѣ своей и приготовься къ великому исходу; о мнѣ же не поминай въ сей жизни, ни писменно, ни словесно, въ твоихъ дая-

* Vie des pères L. VII, ch. 15.

ніяхъ; но когда приидешь ко Господу, помани меня, дабы онъ взялъ меня къ себѣ, когда и какъ ему благоугодно будетъ.» Огорчилась благочестивая Евдокія, менѣе однако вѣстію о своей кончинѣ, нежели тѣмъ, что великій авва ничего не хотѣлъ принять отъ нее въ завѣщаніи. Она возвратилась въ Іерусалимъ, чтобы освятить, еще при жизни своей, великолѣпную церковь архидіакона Стефана, гдѣ и себѣ приготовила гробницу; поспѣшила также довершить или освятить другія многочисленныя церкви и богадѣльни, ею устроенныя, и поклонившись еще однажды святымъ мѣстамъ, отошла съ миромъ къ Господу, оставивъ по себѣ незабвенную память въ Іерусалимѣ. Ей приписываютъ также украшеніе Виолеемскаго собора, и едва ли не она устроила вертепъ Геосиманскій; вообще можно относить къ ея имени все, что безотчетливо предполагаютъ выстроеннымъ Царицею Еленою, которая болѣе известна, потому что положила начало священнымъ зданіямъ въ Іерусалимѣ.

ІХ.

КОНЧИНА и УЧЕНИКИ СВ. ЕВѢИМІЯ.

Патріархи Анастасій, Мартирій и Саллустій. — Св. Киріакъ.

Не за долго до кончины Императрицы Евдокіи, преставился, послѣ сорокалѣтняго правленія Церковію Іерусалимскою, и Епископъ Іувеналій, присутствовавшій на столькихъ соборахъ, въ теченіе многоятежнаго своего святительства*. По предсказанію блаженнаго аввы Евѣимія и по избранію всего народа, Хорепископъ Анастасій, ученикъ старца Пассаріона и казнохраниитель церкви Св. гроба, избранъ былъ на его каѣдру. Немедленно по своемъ поставленіи, послалъ онъ къ аввѣ діакона Фида, бывшаго свидѣтелемъ перваго ихъ свиданія, просить дозволенія у святаго посѣтить его лавру; но старецъ отвѣчалъ: «я бы всегда желалъ наслаждаться твоимъ присутствіемъ; но не могу принять тебя стольже свободно, какъ прежде; и такъ умоляю, не трудись напрасно. Если же повелишь, приму тебя съ радостію, но тогда мнѣ надобно будетъ принимать и всѣхъ тѣхъ, которые станутъ

* 458 годъ.

приходить ко мнѣ, и уже мнѣ нельзя будетъ оставаться покойно въ лаврѣ.» Патріархъ не рѣшился затруднять великаго авву.

Уже онъ достигъ глубокой старости; прежде однако, нежели угасло сіе великое свѣтило Палестины, востекло предъ его очами другое, долженствовавшее озарить ее еще большимъ свѣтомъ. Св. Савва освященный, почти отрокомъ, пришелъ въ лавру Евѣимія, влекомый жаждою иночества, и старецъ помѣстилъ его въ обитель Теокистову, ибо онъ еще былъ слишкомъ молодъ, чтобы разделять его подвиги; когда же однажды взялъ его съ собою въ пустыню, на время четырехдесятиницы, и онъ сталъ изнемогать отъ жажды, авва испросилъ молитвенно воду изъ горящихъ песковъ, для его прохлажденія, какъ о томъ свидетельствовалъ въ послѣдствіи самъ великій Савва. Будучи девяноста лѣтъ, Евѣимій испыталъ еще одну земную скорбь, кончиною блаженнаго друга Теокиста; онъ не отходилъ отъ бользненнаго одра его до послѣдней минуты, и Патріархъ Анастасій воспользовался симъ случаемъ, чтобы посѣтить Евѣимія при погребеніи его друга. Трогательно было ихъ свиданіе, по разсказу лѣтописца инока Кирилла; ибо глубокое уваженіе Патріарха къ аввѣ могло только сравниться съ чрезвычайнымъ смиреніемъ святаго. Анастасій, прижимая руки его къ сердцу, съ нѣжностію сыновнею цѣловалъ ихъ, восклицая: «давно уже, отче, жаждалъ я сей блаженной минуты; моли Господа, чтобы исполнилось надо мною до конца твое пророчество, и научи меня, какъ дѣй-

ствовать.» Евѣимій же смиренно поручалъ себя и обитель его покровительству и молитвамъ. По смерти Теокиста, онъ поставилъ начальникомъ его обители, сперва Мариса, вождя Сарацинскаго, нѣкогда имъ обращеннаго къ Христіанству, и по скорой его кончинѣ, инока Лонгина, который достойно ею управилъ. Господь, открывшій прозорливому Евѣимію будущую участь другихъ, не утаилъ отъ него и собственной кончины, какъ повѣствуютъ очевидцы.

Въ день отданія праздника Богоявленія собрались, по обычаю, долженствовавшіе сопутствовать ему въ пустыню, на все время поста, и изумились не найдя ничего приготовленнымъ къ пути. На вопросъ ихъ; «собирается ли идти въ пустыню?» онъ отвѣчалъ: «мы пробудемъ вмѣстѣ всю недѣлю въ лаврѣ и потомъ разстанемся.» Три дня спустя, на память великаго Антонія, послѣ всенощнаго бдѣнія въ церкви, собралъ онъ къ себѣ старѣйшихъ и объявилъ, что совершилъ съ ними послѣднее бдѣніе. Вся братія столпилась вокругъ своего аввы; онъ утѣшалъ ихъ послѣдними назиданіями, о взаимной любви и смиреніи, и просилъ себѣ молитвы, въ залогъ ихъ давней къ нему любви, ибо самъ уже отходилъ въ путь всея земли, стезею отцевъ. Потомъ спросилъ ихъ, кого желаютъ имѣть своимъ настоятелемъ? и когда всѣ единогласно назвали келейника его Домитіана, старецъ, къ общему изумленію, объявилъ, что сіе невозможно, ибо Домитіанъ послѣдуетъ за нимъ въ седьмой день. Избранъ былъ Илія, уроженецъ Іерихонскій, эконо-

номъ обители Феоктистовой. Евѳимій поручилъ ему братію и объявилъ, что по волю Божіей, лавра его должна скоро обратиться въ монастырь общежительный. Тогда, съ послѣднимъ цѣлованіемъ, отпустилъ братію, утѣшая ихъ тою надеждою, что испроситъ у Господа милость, всегда пребывать съ ними духомъ; онъ удержалъ при себѣ одного только Домитіана, свидѣтелемъ своего исхода, и спустя три дня, предалъ Богу блаженную душу, на 97 году отъ рожденія. Это случилось 20 Января 473 года, день, въ который и донинѣ Церковь совершаетъ его память.

Инокъ Кириллъ такъ описываетъ намъ блаженнаго старца: онъ былъ кротокъ и простъ, лице имѣлъ полное и продолговатое, пріятнаго вида и свѣжаго цвѣта; сѣдые волосы его и длинная борода спускались до пояса; ростъ его былъ средній, и онъ пользовался такимъ здоровьемъ, что до глубокой старости не потерялъ даже ни одного зуба. Въ минуту блаженной его кончины, Св. Герасимъ Іорданскій созерцалъ душу его, возносимую Ангелами на небо, и сообщилъ сіе видѣніе другому именитому отшельнику Киріаку, бывшему въ его обители. Оба поспѣшили въ лавру, куда уже прибылъ изъ Іерусалима Патріархъ Анастасій, съ тремя другими учениками аввы, Хрисиппомъ, Гавріиломъ и діакономъ Фидомъ; собралось несметное число духовенства и мірянъ, которые всѣ изумлены были непрестанными исцѣленіями, истекавшими отъ блаженныхъ останковъ. Съ утра и до вечера продолжалось погребальное шествіе, задер-

живаемое народомъ, посреди общихъ слезъ и рыданій; до времени устроенія обители положили нетлѣнное тѣло въ приличномъ мѣстѣ. Патріархъ взялъ съ собою двухъ учениковъ старца, Мартирія и Илію, и посвятилъ ихъ въ пресвитеры у Св. гроба; діакона же Фида оставилъ въ лаврѣ, наблюдать за успѣшнымъ ходомъ работъ, при сооруженіи достойнаго памятника великому аввѣ. На седьмой день, явился онъ ученику своему Домитіану, съ лицомъ просіявшимъ небесною радостію, и сказалъ: «приди насладиться уготованною тебѣ славою отъ Бога, благоволившаго соединить насъ.» Домитіанъ поспѣшилъ извѣстить братію о небесномъ явленіи, пріобщился Св. Таинъ и представился съ радостію духовною.

Между тѣмъ изготовлено было мѣсто погребенія: діакономъ Фидъ обратилъ пещеру, служившую жилищемъ старцу, въ великолѣпную церковь, украсивъ ее богатыми мраморами, которые прислалъ изъ Іерусалима Патріархъ; посрединѣ поставили гробъ Св. Евѳимія, а по сторонамъ гробы пресвитеровъ, игумновъ и другихъ почтенныхъ по сану лицъ, и утвердили вокругъ рѣшетку. Самъ Анастасій, со всемъ клиромъ, пришелъ положить въ гробницу тѣло Евѳимія, и накрылъ ее мраморною плитою, чтобы никто не могъ похитить священныхъ останковъ; непрестанныя исцѣленія продолжали истекать отъ гробницы великаго мужа Церкви.

Не прекратились однако смятенія, возбужденныя ересію Евтихія между иноками, и послѣ кон-

* Vies des peres, Liv. VII, ch. 15.

чины блаженного старца. Они опять возникли из Египта, где нѣкто Тимоѳей Элуръ, умертвивъ Патріарха Александрійскаго Протерія, овладѣлъ его кафедрою и временно былъ поддержанъ Василискомъ, который свергнулъ съ престола Императора Зинона. Иноки Евтихіанскіе, въ окрестностяхъ Іерусалима, подъ предводительствомъ трехъ игумновъ, Геронтія, Маркіана и Романа, воспользовались безпорядками гражданскими, чтобы поставить Патріархомъ вождя своего, Геронтія, хотя и не на долго, ибо обстоятельства измѣнились въ Царьградъ: возвратился законный Императоръ, и вскорѣ послѣ кончины настоящаго Патріарха Анастасія, избранъ былъ достойный ему преемникъ, изъ учениковъ Евѳимія, Мартирій*.

Воспитанный духовно, вмѣстѣ съ другомъ своимъ Іліею, въ пустынь Нитрійской, онъ принужденъ былъ бѣжать отъ гоненій лжепатріарха Александрійскаго Тимоѳея, и проведя нѣсколько лѣтъ подъ руководствомъ великаго Евѳимія, самъ уединился въ пещеру близъ Іерихона, на разстояніи получаса отъ его лавры, гдѣ въ послѣдствіи основалась большая обитель, извѣстная подъ именемъ Мартиріевой. Ему нѣкогда предсказалъ старецъ, что во дни его патріаршества примирятся всѣ иноки, и пророчество исполнилось. Тотчасъ по своемъ избраніи, написалъ онъ посланіе Императору Зинону и Архіепископу Константинополя Акакію, который мужественно подвизался противъ Василиска; Марти-

* 479 годъ.

рій извѣщалъ ихъ о состояніи Палестины, и повѣрилъ грамоту діакону своему Фиду, со многими словесными тайнами. Изъ Яффы отплылъ Фидъ; но въ ту же ночь страшная буря разбила корабль его, и онъ уже готовъ былъ погибнуть, когда Провиднiе, его хранившее, послало ему остатокъ корабельной спаси на бунтующей пучинѣ. Въ сію роковую минуту вспомнилъ Фидъ, о блаженномъ аввѣ Евѳиміѣ, и поднявъ къ небу руки, громко призывалъ его имя: внезапно явился святой старецъ, идущій по волнамъ, и съ кроткою, знакомою ему улыбкою сказалъ: «не бойся, я Евѳимій, рабъ Божій; знай, что Господу не угодно твое странствіе, ибо оно не принесетъ никакой пользы матери Церквей, Іерусалиму. Возвратись къ посланному и скажи ему отъ меня, чтобы не заботился о козняхъ отступниковъ, ибо въ его святительство совершится примиреніе. Ты же иди въ мою лавру, разори ея келліи и сооруди обитель на томъ мѣстѣ, гдѣ ты меня похоронилъ, ибо такова воля Божія.» Старецъ покрылъ мантиєю обурѣваемаго, и внезапно Фидъ увидѣлъ себя на берегу и потомъ въ Іерусалимѣ, въ своемъ домѣ, не понимая самъ, какъ все сіе совершилось*.

Спасенный снялъ съ себя мантию святаго, которая тотчасъ же взята была невидимою рукою, и вспоминая все, что съ нимъ произошло дивнаго, воскликнулъ: «теперь познаю, что великій Евѳимій воистинну рабъ Божій, и что онъ мнѣ былъ посланъ съ неба, для спасенія отъ бури.» Патріархъ

* Vie des peres du desert, Liv. VII. ch. 14.

Мартиріи промилъ слезы, услышавъ о столь утѣшительномъ знаменіи, и вспомнилъ, что умирая Евѳиміи, въ присутствіи многихъ, говорилъ ему о измѣненіи лавры въ монастырь.

Патріархъ поручилъ немедленно Фиду, исполнить повелѣніе святаго. Прежняя церковь обращена была въ трапезу и сооружена новая; монастырь же воздвигли, на мѣстѣ лавры и усыпальницы Евѳиміа, для помѣщенія большаго числа иноковъ. Жизнеописатель Кирилль изображаетъ его положеніе, какъ одно изъ самыхъ пріятныхъ и удобныхъ. Малый холмъ возвышался между двухъ долинъ, заключенныхъ съ запада и востока другими холмами, которые соединялись между собою къ полудню; съ южной стороны совершенно ограждена была ими обитель, стоявшая на полуденномъ скатѣ; а съ сѣвера высокая башня господствовала надъ плодоноснымъ полемъ, длиною на полверсты; врата обители открывались подъ башнею, которая служила бойницею и видна была издалека; живописно представлялось цвѣтущее поле предъ обителію, орошаемое малымъ потокомъ, который струился изъ восточной стороны холма; здоровый и благоарастворенный воздухъ дѣлалъ мѣсто сіе пріятнымъ пристанищемъ для отшельниковъ.

Такъ многочисленны были работники и столь велика ревность строителей, что въ три года совершенно окончилось обширное зданіе; но когда уже готовились къ освященію храма, по недостатку обычныхъ зимнихъ дождей, освѣжающихъ пустыню, оказалось мало воды въ колодезяхъ, даже

и для употребленія братіи. Настоятель лавры Илія и строитель діаконъ Фидъ, хотѣли уже посылать выюный скотъ за водою, въ окрестныя мѣста, къ Лонгину, игумну монастыря Феоктистова и къ Павлу игумну Мартиріевой обители, что стоило бы большихъ трудовъ и издержекъ; но Св. Евѳиміи явился ночью настоятелю Иліи и укорилъ его: «маловѣрные, зачѣмъ не прибѣгли вы лучше къ молитвѣ? Тотъ, кто извелъ воду изъ камня, для утоленія непокорнаго народа въ пустынь, и струю живую изъ челюсти ослиной, по молитвѣ Самсона, не уже ли не въ силахъ дать ее и вамъ, если только будете просить съ вѣрою? не трудите напрасно домашній скотъ, ибо въ три часа исполнятся всѣ ваши кладези.» Проснулся Илія и сообщилъ братіи радостную вѣсть; въ полдень облако нашло на обитель и обильный дождь исполнилъ всѣ ея водохранилища; но одно только пространство лавры Евѳиміевой орошено было небеснымъ дождемъ, вокругъ же все оставалось сухо и бурный вѣтеръ далеко унесъ облако*.

Молва о семъ чудѣ распространилась вокругъ по всей пустынь. Патріархъ Мартиріи, съ многочисленнымъ клиромъ, поспѣшилъ къ освященію храма и совершилъ оное съ большимъ великолѣніемъ, спустя двѣнадцать лѣтъ послѣ кончины блаженнаго аввы; онъ положилъ подъ престолъ алтаря мощи Каппадокійскихъ мучениковъ Тараха, Андроника и Прова, и вскорѣ рукоположилъ строителя діакона Фида въ Епископа города Доры, на

* Vies des peres, Liv. VII, ch. 14.

поморіи Кесарійскомъ; игумень же Илія около сорока лѣтъ управлялъ обителію Св. Евѣимія.

Исполнилось и пророчество аввы, о примиреніи иноковъ Евтихіанскихъ, во дни Мартирія. Игумень Маркіанъ, терзаемый упреками совѣсти, собралъ ихъ въ своей обители Виѡлеемской и сказалъ: «доколь, братія, будемъ мы раздѣлять тѣло Церкви, не испытавъ воли Божіей, и основываться только на собственномъ мнѣніи? последуемъ лучше примѣру Апостоловъ и бросимъ жребій: кому намъ слѣдовать — Епископамъ или инокамъ?» Жребій палъ на Епископовъ и всѣ иноки Евтихіанскіе, подъ предводительствомъ Маркіана, пришли въ Іерусалимъ къ Патріарху Мартирію. Съ отверстыми объятіями онъ принялъ ихъ въ свое общеніе и совершилъ великое торжество, въ которомъ участвовалъ и весь городъ, по случаю сего радостнаго примиренія. Два только отступника не хотѣли присоединиться: Геронтій, уже сорокъ пять лѣтъ управлявшій обителію Св. Меланіи Римлянки и настоятель монастыря въ пустынной Ѳекуи, Романъ; но они были изгнаны, за свое упорство, изъ обителей и кончили страннически горькую жизнь. Игумень же Маркіанъ, виновникъ желаннаго мира, прославился въ послѣдствіи даромъ чудесъ, и по небесному гласу, послужилъ однажды ко спасенію великаго отшельника Саввы, изнемогавшаго отъ голода. Преемникъ Патріарха Мартирія, Саллустій, уважая достоинство и заслуги Маркіана, избралъ его благочиннымъ всѣхъ обителей Палестинскихъ, дабы предохранить ихъ отъ расслабленія духовна-

го, и Маркіанъ имѣлъ утѣшеніе передать сію важную должность столь великимъ угодникамъ, каковы были Савва освященный и Ѳеодосій, другъ его, начальникъ общежитія.

Около сего времени поселилась въ Іерусалимъ, на горѣ Элеонской, въ одеждѣ иноческой, но въ образѣ мужескомъ, Пелагія, сперва извѣстная грѣшница Антіохійская, многихъ соблазнившая своею красотою, а наконецъ знаменитая затворница*. Епископъ Іліополиса, Нонъ, былъ орудіемъ ея спасенія. Однажды сидѣлъ онъ на совѣщаніи, съ Патріархомъ Антіохійскимъ Максиміаномъ, предъ дверьми церкви, и мимо ихъ пронеслась шумная толпа юношей и дѣвъ, сопутствовавшихъ Маргаритѣ или жемчужинѣ, ибо такъ была называема Пелагія, по красотѣ своей. Епископы съ состраданіемъ отвратили взоры; но блаженный Нонъ сказалъ имъ: «не осуждаетъ ли насъ поведеніе жены сей? ибо если она столько заботится о украшеніи ея тѣла, чтобъ только нравиться людямъ, то не дадимъ ли мы тяжкаго отвѣта, за то что менѣе ее радѣемъ о украшеніи души нашей, обрученной небесному жениху?» Возвратясь въ свою келлію, онъ заключился на молитву, прося Господа, со слезами, отпустить ему сіе прегрѣшеніе, и увидѣлъ во снѣ голубицу, сперва черную и смрадную, порхающую около купели, въ притворѣ оглашенныхъ, а потомъ убѣленную, какъ снѣгъ, и воспарившую къ небу.

* Четьи Миней 8 Октября.

На другой день, по просьбѣ Патріарха, проповѣдывалъ онъ народу въ церкви и отъ избытка сердца убѣжденіе истекало изъ устъ его. Промысломъ Божиимъ, пришедшая въ церковь грѣшница, пролила обильныя слезы и немедленно написала къ нему письмо, умоляя доставить ей свиданіе, дабы покаяться предъ нимъ въ грѣхахъ. Онъ велѣлъ ей придти, въ присутствіи Епископовъ, въ преддверіе того же храма, мимо коего еще недавно съ шумомъ протекла она, и грѣшница припавъ къ ногамъ старца исповѣдала свои грѣхи. Святитель сказалъ ей, что правила церковныя назначаютъ воспріемника крещаемымъ; она же поручила ему свою душу, возлагая на него всю отвѣтственность своего обращенія, и по совѣту Епископовъ, дозволено ей было, ради пламеннаго ея покаянія, приступить немедленно къ святому крещенію. Пелагія раздала имущество свое убогимъ, дала свободу рабамъ, и на осьмой день, оставивъ бѣлыя одежды новокрещенныхъ, взяла власяницу и мантию изъ рукъ Епископскихъ, и пошла странницею въ Іерусалимъ. Тамъ, подъ мужескимъ именемъ Пелагія, затворилась въ келліи, на горѣ Элеонской, близъ храма Вознесенія. Три года спустя, діаконъ Нона, Іаковъ, пошелъ поклониться Св. мѣстамъ, и Епископъ поручилъ ему посѣтить на горѣ Элеонской затворника Пелагія. Вѣрный діаконъ исполнилъ волю Святителя, и постучавшись въ окно келліи, привѣтствовалъ именемъ Нона, мнимаго затворника, въ которомъ уже не могъ узнать прекрасную нѣкогда жену Антиохійскую, ибо до такой степени

измѣнили ее подвиги поста. «Попроси Святителя помолиться обо мнѣ, сказала только Пелагія, потому что онъ во истину Святой Божій,» и немедленно закрыла окно. Тронутый общею молвою, о святости затворника, діаконъ хотѣлъ еще однажды посѣтить его, и спустя нѣсколько дней, опять постучался въ окно келліи, но уже не было отвѣта. Тайное предчувствіе внушило ему мысль, что затворникъ скончался; онъ открылъ окно келліи и убѣдился въ печальной истинѣ. По его зову собрались иноки окрестныхъ обителей, съ многочисленнымъ народомъ, чтобы воздать послѣдній долгъ затворнику; но сколь велико было общее изумленіе, когда при обмываніи тѣла узнали женщину въ мнимомъ отшельникѣ; ее погребли съ честію, воздавъ хвалу Богу, дивному во святыхъ своихъ*.

Годъ спустя, послѣ кончины великаго Евѣимія, отошелъ въ вѣчность и блаженный его послѣдователь, авва Герасимъ Іорданскій, до такой степени строгій къ самому себѣ, что оскорблялся, когда сосѣдніе жители Іерихонскіе приносили ему жизненные припасы; онъ даже сказалъ однажды своимъ инокамъ, просившимъ у него позволенія держать въ келліяхъ огонь, дабы согрѣвать себя воду и пользоваться имъ для ночнаго чтенія, что могутъ перейти изъ лавры въ монастырь новоначальныхъ, ибо доколь живъ, не позволитъ такой роскоши отшельникамъ. Сто лѣтъ послѣ еще процвѣтала лавра его, на такомъ же твердомъ осно-

* Vie des peres du desert, L. VII, ch. 48.

ваніи. Однимъ изъ славныхъ его учениковъ былъ отшельникъ Киріакъ, воспитанный въ благочестіи, Епископомъ Коринѳа, своей родины, и оставившій земныя блага по евангельскому изреченію: «если кто хочетъ идти по мнѣ, да возьметъ крестъ свой и слѣдуетъ за мною.» — Юношей посѣтилъ онъ Св. мѣста Іерусалимскія, и тамъ основался на зиму въ обители игумена Евлогія; но жаждущій безмолвія, удалился къ великому Евѳимію, который поручилъ его сперва игумну Теокисту, а по смерти сего подвижника, Герасиму Іорданскому. Киріакъ успѣлъ снискать любовь святаго старца и онъ всегда бралъ его съ собою, когда самъ сопровождалъ великому Евѳимію, на дни сорокадвятины въ пустынь.

Послѣ кончины своего наставника, возмужавшій въ подвигахъ юноша, переселился въ лавру Евѳиміеву, гдѣ далъ ему келлію игуменъ Ілія; но несогласія, возникшія между иноками обителей Евѳимія и Теокиста, побудили Кириака, послѣ десяти лѣтъ, перейти въ лавру Сухумскую, основанную Харитоніемъ. Тамъ принятъ былъ сперва какъ новоначальный, и опять обремененъ низшими послушаніями, пока наконецъ не возвели его на степень пресвитера, по общему уваженію къ его добродѣтели. Восемнадцать лѣтъ исполнялъ онъ сію должность, и потомъ удалился, съ однимъ ученикомъ, въ сосѣднюю пустыню Натуфъ, гдѣ долго питался дикими травами, доколѣ одинъ изъ окрестныхъ жителей Теоки не послалъ къ нему хлѣба;

когда же истощился хлѣбъ, Киріакъ принялся опять за горькія травы, услаждаемыя имъ, чрезъ знаменіе креста. Спустя четыре года, исцѣленіе бѣснуемаго привлекло къ нему столько народа, что онъ принужденъ былъ бѣжать въ иную пустыню Руванъ; но и тамъ провелъ не болѣе пяти лѣтъ, избѣгая молвы народной. Наконецъ погрузился въ дикое уединеніе при устьи двухъ потоковъ, Лавры и Сусака, гдѣ еще не поселялся до него ни одинъ отшельникъ, и опять убѣжденъ былъ иноками лавры Сукумской у нихъ поселиться, ибо они надѣялись, что его присутствіе привлечетъ имъ благословеніе Божіе; онъ избралъ себѣ жилищемъ самую пещеру Харитонія. Смятенія, возбужденныя нѣкоторыми изъ монашествующихъ, побудили столѣтняго старца отойти еще разъ въ пустыню Сукакимскую, гдѣ Богъ послалъ ему льва для охраненія, какъ некогда блаженному учителю его Герасиму; ибо Св. мужи, возвращавшіеся къ первобытной невинности Адама, подобно ему, приобрѣтали и прежнее владычество надъ всѣми тварями. Подъ сею дивною стражею увидѣлъ его однажды лѣтописецъ Кириллъ, пришедшій посѣтить его съ однимъ инокомъ лавры Сухумской. Устрашился Кириллъ пустыннаго звѣря, но спутникъ его успокоилъ, и левъ уступилъ имъ дорогу, видя что они идутъ къ аввѣ. Св. Киріакъ, сказалъ имъ, что левъ охраняетъ его отъ хищныхъ звѣрей и варваровъ, и бросивъ ему, какъ домашнему животному, кусокъ хлѣба отъ трапезы, послалъ его стеречь

малый огородъ свой. Въ такихъ подвигахъ окончилъ старецъ Кириакъ болѣе нежели вѣковое свое поприще, сохранивъ до послѣдней минуты всю крѣпость тѣлесную*.

Х.

СВ. САВВА ОСВЯЩЕННЫЙ и ТЕОДОСИЙ КИНОВІАРХЪ.

Но время уже говорить о величайшемъ изъ отцевъ пустынныхъ, имя коего драгоцѣнно для каждаго инока, не менѣе Антоніева, ибо если Антоній, Египетскій былъ первоначальнымъ отцемъ ихъ, то изъ лавры освященнаго Саввы, надъ юдолюю плача, заимствовала вся Палестина и вся Восточная Церковь иноческій уставъ свой, досель сохраняемый въ православномъ отечествѣ нашемъ. Стоитъ еще и самая его лавра, надъ пропастями Кедрона, обурываемая столькими вѣками бѣдствій и однако неподвижная, хотя исчезли постепенно вокругъ нее прочія именитыя обители пустынной

* Четьи Миней 29 Сент. Vies des peres du desert, Liv. VII, ch. 22.

Палестины. Столь твердо положено было ея молитвенное основаніе.

«Никто, взявшись за рало и обращаясь вспять, не будетъ управленъ въ царствіе Божіе!» О сей евангельской истинѣ размышлялъ непрестанно освященный Савва, девяти лѣтъ бѣжавшій изъ дома отческаго въ обитель, и наконецъ изъ родины Каппадокіи къ Св. мѣстамъ, не смотря на все убѣжденіе присныхъ*. Еще отрокомъ показалъ онъ примѣръ необычайной своей вѣры, когда осѣнивъ себя знаменіемъ креста, смѣло извлекъ изъ горячей печи свою одежду, забытую въ ней по небрежности одного изъ иноковъ; не безъ Божіяго поущенія былъ онъ отпущенъ и въ Палестину начальникомъ обители. «Оставь идти Савву, онъ мнѣ послужитъ въ пустынь;» таковъ былъ таинственный гласъ настоятелю о новоначальномъ, и Савва пошелъ въ пустыню. Иувеналій еще былъ тогда Епископомъ Іерусалима. Тамъ провелъ отрокъ первую зиму, въ монастырѣ старца Пассаріона, подъ руководствомъ игумна Елпидія, и непрестанно вздыхая о пустынь, устремился въ пещеру богоноснаго Евѣимія; онъ умолялъ со слезами принять его въ число учениковъ; но богоносный авва послалъ его въ монастырь друга своего Теокиста, которому поручилъ наблюдать за нимъ съ особою заботою, ибо предвидѣлъ въ немъ великаго отца отшельниковъ, и хотѣлъ, по собственному опыту, научить его, какъ обращаться въ послѣдствіи съ новоначальными. Подъ руководствомъ

* Четьи Миней 5 Дек. Vies des peres, Liv. VII, ch. 19.

Θεоктиста созрѣлъ юноша , не чуждаясь никакихъ трудовъ и послушаній , такъ что и самъ великій Евѳимій называлъ его юнымъ старцемъ.

Сильное искушеніе постигло Савву, когда вынужденный сопутствовать одному изъ собратій въ Александрію, нашелъ тамъ своихъ родителей, и они стали умолять его возвратиться опять въ міръ. «Я служу въ избранной дружинѣ Царя царей, отвѣчалъ онъ, и не могу признавать моими присными, дающихъ мнѣ столь пагубный совѣтъ.» Ему предлагали много золота на обратный путь; Савва взялъ только три золотыя монеты и принесъ ихъ Θεоктисту. По кончинѣ сего блаженнаго учителя, во время игуменства Лонгина, возмужавшій инокъ испросилъ себѣ позволеніе, у великаго Евѳимія, уединиться въ сосѣднюю пещеру, которая висѣла надъ бездною, съ полуденной стороны монастыря; тамъ проводя всю недѣлю, въ молитвенномъ плетеніи кошницъ, онъ возвращался по субботамъ въ обитель, для приобщенія Св. таинъ, и запасался опять пальмовыми вѣтвями на прочіе дни; такъ протекали пять лѣтъ. Уже онъ сдѣлался неразлучнымъ спутникомъ богоноснаго аввы, и съ нимъ вмѣстѣ удалялся каждый годъ, на время четьредесятницы, въ пустыню Руванъ, гдѣ сердце его въ пламенной молитвѣ соединялось съ Господомъ. Когда же закатилось на берегахъ Іордана сіе великое свѣтило пустыни, Савва еще немного времени пользовался назиданіями блаженнаго Герасима, молитвою отражая страшныя искушенія лукавыхъ духовъ; и звѣри, и гады, и самые варвары, скитавшіеся по сей

пустынь, не смѣли ему прикасаться, ибо надъ нимъ была рука Господня.

Четыре года спустя, когда однажды проводилъ ночь въ молитвѣ, на той горѣ, гдѣ Императрица Евдокія соорудила башню, для свиданія съ Евѳиміемъ, Саввъ предсталъ свѣтлый Ангелъ и сказалъ: «если ты хочешь, для славы Божіей, соорудить въ сей пустынь, какъ бы нѣкій градъ святыхъ отшельниковъ, сойди до того потока, что къ восходу солнца; тамъ найдешь пещеру, еще доселѣ никѣмъ не обитаемую. Избери ее своимъ жилищемъ, и Тотъ, кто промысломъ своимъ питаетъ звѣрей сельныхъ и птицъ небесныхъ, не оставитъ и тебя въ пустынь.» — Пещера сія, указанная Ангеломъ, находилась въ горѣ надъ потокомъ Кедронскимъ, за пять часовъ хода отъ Іерусалима и за три отъ Вифлеема. Саввъ было уже сорокъ лѣтъ, когда онъ поселился въ сей пещерѣ, послужившей основаніемъ его знаменитой лаврѣ и многимъ другимъ; это случилось, по свидѣтельству летописца Кирилла, въ годъ смерти Патріарха Анастасія, когда Мартирій заступилъ его мѣсто.

Такъ какъ трудно было подыматься въ пещеру, висѣвшую надъ пропастію, Савва укрѣпилъ веревку при входѣ, чтобы съ помощію ея охранить себя отъ опаснаго паденія, особенно когда онъ возвращался съ водоносомъ, и не малаго труда стоило ему добывать себѣ воду, за два часа разстоянія отъ пещеры, потому что мутенъ былъ сосѣдній потокъ. Еще недавно поселился въ своемъ вертецѣ отшельникъ, когда однажды увидѣлъ четьрехъ

Сарацынъ, искавшихъ къ нему подняться; безъ всякаго страха онъ опустилъ къ нимъ веревку, и варвары изумились, увидя строгій образъ его жизни, ибо онъ питался только дикими травами и кореньями; съ тѣхъ поръ они стали приносить ему хлѣба и финики, и такъ исполнилось предсказаніе Ангела, о томъ, что Богъ промыслить ему пищу въ пустынь. Пять лѣтъ одиноко провелъ онъ въ столь дикомъ уединеніи, когда божественный Учитель, избравшій его для назиданія другихъ, въ борьбѣ съ демонами и страстями, открылъ его инымъ искателямъ безмолвія; мало по малу собралось около него до семидесяти учениковъ, которыхъ летописецъ Кириллъ называетъ ликомъ Ангеловъ, дружиною воиновъ Христовыхъ, гражданами селенія Божія, равночисленными и единоправными семидесяти ученикамъ Господа. Главные изъ нихъ, въ свою чреду, сдѣлались основателями лавръ и обителей, какъ то: Іоаннъ, Іаковъ, Фирминъ, Северіанъ, Іуліанъ и другіе; блаженный авва, непрестанно назидавшій ихъ словомъ и примѣромъ, устроилъ имъ надъ потокомъ пространную лавру, съ малою церковію посрединѣ, на холмѣ, гдѣ приглашалъ совершать божественную службу мимоходящихъ пресвитеровъ, ибо самъ по смиренію чуждался священства.

Недостатокъ воды послужилъ виною чуда, еще болѣе утвердившаго вѣру учениковъ святаго. Желая облегчить имъ трудъ дальняго водоношенія, которое самъ безропотно исполнялъ столь долго, Савва пламенно помолился Господу: «Господи Боже силъ,

если ты избралъ мѣсто сіе для своего прославленія, благоволи дать намъ здѣсь въ утѣшеніе и воду.» — Тогда услышалъ онъ ревъ дикаго осла подъ горою, и при лунномъ свѣтѣ увидѣлъ животное, біющее копытомъ землю, отколѣ явилась вода для утоленія его жажды. Замѣтивъ мѣсто, отшельникъ сталъ копать землю и, къ великому утѣшенію, обрѣлъ источникъ живой воды, не изсякавшій съ тѣхъ поръ и въ самыя сильныя засухи. Въ другой разъ, Савва, спустясь ночью изъ своей пещеры, читалъ псалмы, на берегу потока: внезапно увидѣлъ онъ, съ западной стороны его, огненный столпъ, возставшій отъ земли къ небу: страхомъ и радостію исполнилось его сердце; онъ вспомнилъ восклицаніе древняго Патріарха Іакова: «во истину Господь на мѣстѣ семъ, а я не зналъ сего! коль страшно мѣсто сіе, это домъ Божій, это врата небесныя!» и продолжалъ свою молитву во все теченіе ночи. Утромъ пришелъ Савва къ тому мѣсту, гдѣ видѣлся ему таинственный столпъ, и тамъ открылъ пространную пещеру, изсѣченную въ видѣ церкви, какъ будто рука Божія нарочно приготовила ее для своего служенія. Онъ довершилъ природную красоту ея, искусственнымъ убранствомъ, и опредѣлилъ ее на церковное собраніе по субботамъ и воскресеньямъ, а надъ симъ вертепомъ устроилъ для себя уединенную башню, которая сообщалась съ церковію, тѣсною витою лѣстницею, и поселился въ сей башнѣ.

Уже число братій его лавры умножилось до ста пятидесяти, и онъ всѣхъ отечески заботился авва,

дабы предупредить ихъ опасное столкновение съ міромъ; нѣкоторые приносили съ собою и деньги, для удобнѣйшаго устройства лавры; но никому изъ учениковъ не позволялъ онъ искать священства, опасаясь честолюбиваго помысла. Нашлись однако недовольные и въ его мирной обители, по смерти благопріятствовавшаго ему патріарха Мартирія; они отважились идти ко вновь поставленному Саллустію и просили себя инаго настоятеля. Благоразумный Саллустій показалъ сперва, будто ихъ не знаетъ, и спросилъ изъ какой они пустыни? — «Мы живемъ въ пустынь потока,» отвѣчали они; «но какого потока?» спросилъ опять Патріархъ; «иные называютъ его потокомъ игумна Саввы,» возразили лукавые иноки, и на вопросъ: гдѣ самъ игумень? дали уклончивый отвѣтъ: «что человекъ сей слишкомъ грубъ и невѣжественъ, дабы управлять какою либо обителію; ибо не только самъ чуждается священства, но и не допускаетъ до онаго никого изъ своихъ иноковъ.» Тогда пресвитеръ храма Воскресенія и хранитель честнаго креста, Кириакъ, бывшій съ Патріархомъ, сказалъ имъ: «вы ли приняли игумна Савву въ его лавру, или онъ васъ принялъ?» Недовольные принуждены были сознаться, что Савва ихъ собралъ, и ревностный пресвитеръ обличилъ ихъ: что если Савва могъ своими трудами сдѣлать обитаемою пустыню, то конечно можетъ управить и тѣми, которыхъ принялъ въ свое духовное гражданство. Патріархъ отпустилъ ихъ до утра безъ отвѣта, и втайнѣ призвавъ на другой день Св. Савву, какъ бы для бе-

сѣды, рукоположилъ его въ пресвитера, въ ихъ присутствіи, и сказалъ: «вотъ отецъ вашъ и настоятель, не по избранію человекъ, но по избранію Божию; я же послужилъ только орудіемъ Св. Духу.» — Самъ Патріархъ проводилъ его въ пустыню, вмѣстѣ съ пресвитеромъ Кириакомъ, и тамъ освятилъ новую церковь въ пещерѣ, которая названа была Богозданною, ибо устроена рукою Божіею, а не человекъ. Св. Саввъ было уже пятьдесятъ три года, когда принялъ онъ на себя священство, и въ тотъ же годъ утѣшилъ его Господь приходомъ четырехъ именитыхъ мужей, навсегда поселившихся въ его лаврѣ. То были уже испытанные въ иночествѣ, Іеремія, родомъ изъ Арменіи, съ двумя учениками Петромъ и Павломъ; старецъ уступилъ имъ прежнюю свою келлію и устроилъ особую церковь для молитвенниковъ ихъ языка. Четвертый же пришелецъ былъ святой молчальникъ Іоаннь*.

Іоаннь происходилъ отъ славныхъ и богатыхъ родителей области Армянской; но онъ предпочелъ славу небесную земной, и устроивъ обитель въ своемъ городѣ Никополь, заключился въ ней съ юнаго возраста; жители Армянскаго города Колоніи, по смерти своего Епископа, испросили себя пастыремъ Іоанна у Митрополита ихъ области, не смотря на всѣ мольбы и отреченія скромнаго отшельника, который не перемѣнилъ и въ святительствѣ иноческаго житія; но девять лѣтъ спустя, огорченный жестокостію зятя своего, правителя

* Четыи Минеи 3 Декабря.

Арменіи, Св. Іоаннъ пошелъ искать суда въ Царьградъ, и устроивъ тамъ дѣла своей паствы, уже не хотѣлъ болѣе возвращаться на кафедру. Онъ отплылъ въ Іерусалимъ, гдѣ поселился сперва въ обширной богадѣльнѣ Императрицы Евдокии; оттолъ, ищущій безмолвія, послѣдовалъ за свѣтлою звѣздою, ему возсіявшею во время молитвы, какъ пѣкогда волхвамъ, и обрѣлъ себѣ мѣсто упокоенія въ юдоли плача. Онъ пришелъ въ лавру Св. Саввы, въ тотъ торжественный день, когда Патріархъ освящалъ церковь въ вертепѣ, и утаивъ отъ всѣхъ высокій санъ свой, принятъ былъ какъ новоначальный послушникъ.

Въ томъ же году, овдовѣвшая мать Св. Саввы, Софія, переселилась къ нему изъ Александріи, и воспріяла иноческій образъ; по кончинѣ ея, Св. Савва употребилъ всѣ принесенныя ею богатства на устроеніе обширной богадѣльни, для поминовенія души усопшей. Епископъ Іоаннъ, по волѣ эконома, какъ простой инокъ, трудился при строеніи, принося воду и служба для трапезы каменщиковъ, и такъ продолжалъ онъ подвизаться въ теченіе двухъ лѣтъ, доколь не испросилъ себѣ уединенную келлію для безмолвія.

Мѣжду тѣмъ великій Савва искалъ новыхъ подвиговъ; слѣдуя примѣру богоноснаго Евѣимія, онъ каждаго года отходилъ въ пустыню, на время четырехдесятницы. Однажды, скитаясь вдоль берега Мертваго моря, увидѣлъ онъ малый островокъ, гдѣ пожелалъ окончить подвигъ поста, но лестію демонскою едва не лишился жизни; ибо впалъ въ

яму горячей извести, которая такъ его опалила, что по возвращеніи братія узнавали своего авву только по звуку голоса; онъ же воздалъ славу Богу, что на время лишился и внѣшняго благолюбія. На другой годъ, находясь съ ученикомъ своимъ Агапитомъ въ пустынѣ, увидѣлъ льва, приближившагося къ спящему ученику, и молитвою обратилъ въ бѣгство страшнаго звѣря; но потомъ предварилъ Агапита, чтобы болѣе бодрствовалъ надъ собою, не позволяя слишкомъ отягощать свое тѣло сномъ. Съ тѣмъ же ученикомъ открылъ онъ однажды, за Іорданомъ, древняго отшельника въ уединенной горѣ. Духъ Божій внушилъ Саввѣ взойти въ пещеру, и послѣ краткой молитвы, отшельникъ сказалъ ему: «Савва, рабъ Божій, кто открылъ тебѣ мѣсто сіе? уже тридцать восемь лѣтъ я здѣсь спасаюсь, никого не видя.» — «Богъ, открывшій тебѣ мое имя, привелъ и меня, отвѣчалъ Савва,» и они насладились взаимною бесѣдою. Нѣсколько дней спустя, возвратясь къ той же пещерѣ, святой Савва увидѣлъ отшельника, стоящаго на колѣняхъ, и не смѣлъ нарушить его молитвы; цѣлый день молча ожидалъ онъ ея окончанія, къ вечеру же тихо подойдя къ молившемуся, чтобы испросить благословеніе, нашелъ его мертвымъ, и съ благоговѣніемъ предалъ землѣ.

Недалеко отъ лавры основанной святымъ, на разстояніи пути одного часа, находилась гора съ развалинами древней крѣпости, неприступная по жилищу злыхъ духовъ. Мужественный Савва рѣшился провести такъ святую четырехдесятницу,

и вооружился масломъ отъ лампады, висѣвшей предъ честнымъ древомъ креста; демоны, сперва возмущавшіе покой его страшными мечтами и воплями, сами со страхомъ бѣжали, какъ стая черныхъ птицъ; окрестные пастыри, изумленные симъ чудомъ, пришли посмотреть на человека Божія, въ его новомъ уединеніи; онъ же отпустилъ ихъ съ миромъ и назиданіемъ, и возвратясь въ лавру, взялъ съ собою послѣ Пасхи нѣсколько учениковъ на гору, духовно имъ завоеванную, чтобы устроить келліи и обитель изъ развалинъ; тамъ, среди обломковъ, нашелъ цѣлое сохранившееся зданіе и опредѣлилъ оное для храма Божія. Савва назначилъ настоятелемъ въ новую обитель одного изъ учениковъ своихъ, Павла, а по его скорой кончинѣ, Теодора, который взялъ съ собою единокровныхъ ему Сергія и Павла; оба они были въ послѣдствіи и начальниками сей обители и Епископами. Желая сдѣлать новый монастырь разсадникомъ иночества, опытный его основатель, собралъ въ немъ братію, уже возмужавшую въ подвигахъ поста, и близъ горы сей устроилъ страннопріимный домъ, гдѣ первоначальные привыкали къ обязанностямъ званія монашескаго; самыхъ же юныхъ, по примѣру великаго аввы Евѣимія, раздѣлявшаго подобныя заботы съ другомъ своимъ Теокистомъ, отсылалъ въ обширный монастырь Св. Теодосія Киновіарха, или отца общежительныхъ, который находился за полтора часа хода отъ юдоли плача.

И Теодосій, какъ другъ его Савва, происходилъ изъ Каппадокіи, родины великихъ мужей Цер-

кви, и въ раннемъ возрастѣ помѣщенный въ клиръ, глубоко изучилъ Св. писанія; по примѣру отца вѣрующихъ, Авраама, оставившаго родную землю, гласъ Божій побудилъ и его идти вслѣдъ за Христомъ*. Теодосій рѣшился посѣтить Св. мѣста Иерусалима, чтобы тамъ избрать себѣ образъ жизни, и проходя Антиохію, утверждень былъ въ своемъ намѣреніи Св. Симеономъ столпникомъ, который познавъ его духомъ, возгласилъ съ вершины столпа: «миръ тебѣ Теодосій, человекъ Божій», и предрекъ ему, что будетъ пастыремъ духовнаго стада.

Иувеналій былъ тогда Епископомъ Иерусалима; поклонившись Св. мѣстамъ, юный пришелецъ колебался избрать ли ему пустыню или общежитіе, и предпочелъ послѣднее; ибо чувство смиренія не позволяло ему идти на духовную брань, не укрѣпивъ прежде силы свои подъ руководствомъ испытанныхъ воителей. Въ одномъ углу древней башни Давидовой, на Сіонѣ, жилъ нѣкто престарѣлый инокъ Лонгинъ, заматорѣвшій въ подвигахъ поста, и свѣше просвѣщенный для назиданія душъ. Его мудрому руководству ввѣрилъ себя юный Теодосій, и въ скоромъ времени усовершенствовался въ жизни духовной. Онъ хотѣлъ остаться при старцѣ до конца дней его; но одна благочестивая жена, соорудившая церковь во имя Богоматери, на пути къ Виолеему, упростила Лонгина дать ей ученика Теодосія пресвитеромъ къ новой церкви; однако, смиренное чувство своего недостойнства и уваженіе къ священному сану, которымъ облекся, такъ устра-

* Vie des peres, liv. VII, ch. 24. ** Четвъ Минеи 11. Января.

шило Феодосія, что онъ вскорѣ удалился въ соседнюю пещеру, гдѣ, по преданію, провели ночь Волхвы, когда пріяли во снѣ вѣсть не возвращаться къ Ироду.

Чрезвычайно строгая жизнь его, изнуряя тѣло, возвышала душу, и какъ дерево, насажденное при источникахъ водъ, приносилъ онъ сладкіе плоды духовные; тридцать лѣтъ, какъ тридцать дней, протекли непримѣтно въ непрестанномъ подвигѣ. Мало по малу собрались къ нему ученики, сперва въ числѣ семи, а потомъ двѣнадцати; Феодосій возбуждалъ ихъ, памятованіемъ смерти, и для сего велѣлъ имъ вырыть общую могилу; однажды, стоя на краю ея, сказалъ онъ съ чувствомъ тихой радости: «вотъ и жилище готово, кто же обновитъ его?» Одинъ изъ учениковъ, пресвитеръ Василій, преклонивъ колѣна, просилъ святаго, благословить его на сіе обновленіе, и Феодосій благословилъ. Съ тѣхъ поръ, братія уже смотрѣли на Василія, какъ на жилища инаго міра: за него молились какъ бы за усопшаго, въ третій, девятый и сороковый день, и на исходъ послѣдняго, безъ всякой болѣзни, тихо уснулъ онъ о Господь. По прошествіи сорока дней, Василій видимъ былъ святому аввѣ, молящимся вмѣстѣ съ братією, какъ во дни земной его жизни.

Господь явилъ, многими знаменіями, небесное покровительство возлюбившему его пустынножителю. Однажды когда, наканунѣ Пасхи, не было даже хлѣба для священнодѣйствія и огорчалась братія, Феодосій съ вѣрою велѣлъ имъ накрыть

трапезу, возложивъ попеченіе на Бога, и до захожденія солнца, неизвѣстный мужъ привезъ имъ, на двухъ лошакахъ, обильный запасъ хлѣба; въ другой разъ, когда братія опять просила его прибѣгнуть къ щедрости одного нищелюбца, во время голода, то же благое Провидѣніе привело къ нимъ инаго путника съ хлѣбомъ.

Число его иноковъ возросло до такой степени, что необходимо уже стало помышлять о устроеніи обители, хотя и долго боролся онъ съ мыслию все оставить, для желаннаго имъ безмолвія. Феодосій молилъ Господа открыть ему, видимымъ знаменіемъ, мѣсто новаго жилища, и взявъ кадильницу съ еиміамомъ и не зажженными углями, ходилъ по пустынь, въ той надеждѣ, что Богъ воспламенитъ уголья на мѣстѣ, Ему угодномъ. Исполнилось его благочестивое желаніе, и пламя вспыхнуло недалеко отъ той пещеры Волхвовъ, гдѣ вначалѣ онъ водворился; тамъ положилъ основаніе обители, которая сдѣлалась самою обширною изъ общежительныхъ во всей Палестинѣ. Молва о Феодосіѣ привлекла къ нему безчисленныхъ учениковъ, всякаго возраста и званія, отъ всѣхъ странъ міра; многіе оставляли броню воинскую или величіе свѣтскаго сана, чтобы обрѣсти себѣ спасеніе подъ его смиреннымъ руководствомъ; ибо Духъ Божій наставлялъ блаженнаго авву, неопытнаго въ дѣлахъ міра, какъ управлять столь разнообразнымъ и многоплеменнымъ сонмомъ. Для большей дѣятельности, и для содержанія много-людной братіи, завелъ онъ полезныя ремесла и искусства въ своемъ

монастырь, такъ что, не выходя изъ стѣнъ онаго, всякой могъ находить себѣ все потребное для жизни; по различнымъ же языкамъ братіи, авва соорудилъ три церкви, гдѣ на разныхъ нарѣчіяхъ совершалось богослуженіе.

Первая была для Грековъ, вторая для Армянъ, и въ ней собирались также Персы и Аравитяне; третья, для Вессовъ, т. е. народовъ происхожденія Европейскаго, говорившихъ языкомъ Славянскимъ и Готѣскимъ; и такъ уже въ исходъ пятого столѣтія, отечественный языкъ нашъ сдѣлался богослужебнымъ въ одной изъ славнѣйшихъ обителей Палестины*. Семь разъ въ сутки, по распредѣленію дня и ночи, собирались въ церквахъ своихъ разноплеменные иноки, для воспѣванія хвалы Господу, соединившему ихъ отъ всѣхъ концовъ вселенной; но кромѣ утреннихъ и вечернихъ бдѣній, въ нихъ совершалась только литургія оглашенныхъ; послѣ же чтенія Евангелія, всѣ сходились въ соборную церковь Греческую, для слушанія литургіи великаго Василія, ибо она преимущественно совершалась въ обители Феодосія, по глубокому уваженію его къ сему великому соотечественнику и учителю Церкви. Когда нѣкоторые изъ его иноковъ, увлеченные въ пустыню духомъ гордости, безъ благословенія настоятеля, возвратились опять въ обитель, испытавъ тяжкія искушенія, Феодосій принялъ ихъ съ любовію; но построилъ имъ особенное жилище съ церковію, дабы они, душевною своею болѣзнію, не возмутили мира прочихъ; самъ же не-

* Vie des peres, liv. VII. ch. 24.

престанно навѣщалъ ихъ, заботясь отечески о ихъ спасеніи; а вѣрныхъ своихъ иноковъ укрѣплялъ, благими совѣтами, въ предпринятомъ ими подвигѣ, возбуждая ихъ къ любви, смиренію и нелѣнностному труду, доколѣ еще не миновалось время.

Если замѣчалъ, что убѣжденія недѣйствительны для ожесточившихся сердцемъ, кроткій старецъ падалъ къ ногамъ ихъ и умолялъ, ради собственнаго ихъ спасенія, порадытъ о бѣдствующей душѣ, хотя изъ снисхожденія къ его просьбѣ. Кротость его и любовь равнялись его великому терпѣнію. Однажды инокъ, отлученный имъ отъ общества братіи, за тяжкое согрѣшеніе, вмѣсто того, чтобы раскаяться, отважился самъ отлучить авву; но духовный врачъ сей, хотя тронутый до глубины сердца такимъ ожесточеніемъ, не отказался исполнить самъ возложенной на него эпитиміи, и смятенный его поступкомъ ученикъ, смирился въ свою череду предъ великимъ учителемъ. Не только духовнымъ болѣзнямъ служила врачебницею его обитель, но и всѣ тѣлесныя недуги находили въ ней покровъ и убѣжище, ибо онъ устроилъ четыре богадѣльни, въ которыя съ любовію принималъ страждущихъ: одну для престарѣлыхъ иноковъ, изможденныхъ подвигами; другую для больныхъ изъ числа братій; третью для мірянъ всякаго званія, болѣе привыкшихъ къ удобствамъ жизни; и четвертую для простолюдиновъ. Одна благочестивая жена способствовала ему своими даяніями, къ устроенію и пятой богадѣльни, для женскаго

пола, и сама основала не вдалекъ женскую обитель, гдѣ постриглась и мать святаго, сдѣлавшаяся ему дочерью духовной.

Евангельская любовь Θεодосія особенно обнаруживалась въ служеніи его при богадѣльняхъ; ибо онъ точно видѣлъ въ каждомъ изъ болящихъ самаго Господа Иисуса Христа, и не гнушался никакими недугами, побѣждая тѣмъ отвращеніе учениковъ своихъ отъ смрадныхъ язвъ. Нищіе, мимоходившіе странники, алчущіе и жаждущіе, находили также временное успокоеніе въ его обители; ибо никому не затворялись гостепріимныя двери; всѣмъ нуждающимся раздавалась милостыня, одежда и пища; иногда до ста трапезъ накрывалось для многочисленныхъ путниковъ. Но гдѣ же находилъ онъ средства для щедротъ своихъ? «не оскудѣетъ рука дающаго, говоритъ Св. писаніе, и снабжающій нищаго, въ займы даетъ Богу.» Однажды, въ голодный годъ, собралось на Пасху такое множество народа въ обитель, что озабоченные ихъ пропитаніемъ блюстители трапезы, рѣшились уменьшить по возможности обычную раздачу хлѣба, дабы всѣхъ удовлетворить, и затворили врата монастырскія, для сохраненія порядка при раздачѣ пищи; но Θεодосій велѣлъ, створивъ врата, всѣхъ кормить до сытости, и блюстители, съ радостнымъ изумленіемъ, увидѣли дивное размноженіе хлѣбовъ, въ собственныхъ рукахъ ихъ, какъ нѣкогда въ рукахъ Апостольскихъ, при насыщеніи пяти тысячъ въ пустынь; чудо сіе повторилось и въ другихъ подобныхъ же случаяхъ.

Какой мужъ! восклицаетъ о Θεодосіи, описатель его житія; онъ весь принадлежалъ другимъ и себѣ въ то же время: спокойный посреди обременявшихъ его заботъ, какъ бы въ пустынь, и всегда одинаковаго расположенія духа; внимательный къ другимъ нѣжною своею любовію, къ себѣ же необычайною строгостію; заботясь тѣломъ и душою о спасеніи ближняго, но и не забывая собственной души; ибо въ немъ сливалось во едино собственное освященіе съ освященіемъ другихъ. Чтеніе священнаго писанія, которое возлюбилъ съ юнаго возраста, питало духъ его и во все теченіе жизни, умножая въ немъ сокровище познанія слова Божія, манною изливавшееся въ алчущія души; и преклонный возрастъ не угасилъ въ немъ ревности къ бдѣнію церковному; когда же болѣзнь не позволяла ему участвовать съ братіею въ молитвѣ соборной, онъ бодрствовалъ, сидя въ келліи, и самъ распределялъ оттолъ порядокъ чтенія и пѣнія, присутствуя непрестанно духомъ посреди собраннаго имъ сонма. Таковъ былъ сей великій Киновіархъ, т. е. начальникъ общежитія, преимущественно такъ названный, какъ и другъ его Савва, по особенному своему помазанію, называется Освященнымъ; и ихъ обоихъ назначилъ Патріархъ Саллустій блюстителями всѣхъ обителей Палестинскихъ, по смерти игумена Маркіана, поручивъ Θεодосію всѣхъ общежительныхъ иноковъ, а Саввъ всѣхъ отшельниковъ.

XI.

ПАТРИАРШЕСТВО ИЛИИ И ЮАННА.

Подвиги Св. Саввы и Θεодосія.

Преемникъ Саллустія, на кафедрѣ Іерусалимской, Патріархъ Илія*, также изъ учениковъ великаго Евеимія, пожелалъ имѣть около себя обитель монашествующихъ, и собралъ иноковъ, жившихъ отдѣльно окрестъ башни Давидовой, въ особенный монастырь, который устроилъ подлѣ своего дома, у храма Воскресенія. Св. Савва немедленно пріобрѣлъ опустѣвшія келліи башни Давидовой и обратилъ ихъ въ богадѣльню, для своихъ и чуждыхъ иноковъ; онъ устроилъ и еще двѣ богадѣльни, въ монастырь укрѣпленной горы, и двѣ больницы, одну въ Іерусалимѣ, а другую въ Іерихонѣ; деньги же, потребныя на сіи богоугодныя заведенія, принесъ ему неизвѣстный мужъ и скрылся, не сказавъ, кто онъ и отколь. Такъ какъ число Армянъ очень умножилось въ лаврѣ, Св. Савва соорудилъ для нихъ особую больницу и церковь во имя Пречистой Дѣвы, которую освятилъ Патріархъ Илія. Но, дозволивъ Армянамъ Богослуженіе на собствен-

* 496 годъ.

номъ ихъ нарѣчіи, бдительный ревнитель, православія, повелѣлъ имъ пѣть трисвятую пѣснь на языкѣ Греческомъ, дабы не вкралось неправильное прибавленіе: «распныйся за насъ», которое ввелъ между Армянами лжепатріархъ Антиохійскій Петръ Гнафей, обольщенный ересью Евтихія, о страданіи Божества. Авва положилъ также, что бы вся братія необходимо соединялась, по субботамъ, въ богозданной церкви вертепа, а по воскресеніямъ, въ храмъ Пречистой Дѣвы, гдѣ всенощныя бдѣнія занимали теченіе цѣлой ночи.

Къ Патріарху Илію привелъ однажды Св. Савва молчальника Юанна, извлеченнаго имъ опять изъ любимаго уединенія къ заботливой должности эконома, и просилъ Святителя рукоположить его въ пресвитера. Уже Патріархъ шелъ въ церковь Голговы, чтобы совершить надъ нимъ таинство; — тогда Юаннъ, видя, что не можетъ долѣе таить своего сана, отвелъ въ сторону Патріарха и сказалъ ему: «тебѣ, святой отецъ, открою тайну, которую прошу сохранить; иначе я буду принужденъ оставить сіи предѣлы. Я Епископъ, и сознаніе грѣховъ моихъ заставило меня оставить санъ мой и бѣжать въ пустыню, чтобы въ ней искать милосердія Божія. Я полагалъ однако, что доколь еще въ семь возрастъ, обязанъ я служить моимъ ближнимъ, дабы и мнѣ не укорительны были ихъ услуги, когда изнемогу силами.» Изумился Патріархъ глубокому его смиренію, и призвавъ авву, сказалъ ему: «инокъ сей открылъ мнѣ тайну, воспрещающую рукополагать его; и такъ оставь его въ

миръ, не нарушая отсель ничѣмъ его спокойствія.» Велико было огорченіе святаго игумна, ибо думалъ, что ошибся въ молчальникъ; онъ провелъ цѣлую ночь въ слезахъ и молитвѣ, прося Господа открыть ему сію тайну, и услышалъ Ангельскій голосъ: «не безполезный сосудъ Іоаннъ, но сосудъ избранный; не можетъ Епископъ быть опять пресвитеромъ.»

Не изумился и не утрастился Савва небеснаго явленія, ибо онъ привыкъ къ общенію съ духовнымъ міромъ; онъ только поспѣшилъ, съ сердцемъ исполненнымъ радости, въ келлію молчальника и, обнявъ его, сказалъ: «отче Іоаннъ, ты отъ меня утаилъ данную тебѣ благодать, но Богъ мнѣ открылъ ее!» — «Ахъ, отецъ мой, отвѣчалъ ему блаженный молчальникъ, слова твои меня огорчили, ибо теперь я долженъ буду оставить мое уединеніе, сдѣлавшись всѣмъ извѣстенъ.» Но Савва умолилъ его остаться, обѣщая, предъ лицомъ Божиимъ, никогда не открывать его тайны, и молчальникъ еще болѣе уединился, уже ни съ кѣмъ не говоря ни слова, кромѣ приносившаго ему необходимую пищу. Однажды только вышелъ онъ изъ своей келліи, чтобы привѣтствовать Патріарха Илію, пришедшаго на освященіе храма; когда же возмущеніе иноковъ лавры побудило Св. Савву оставить неблагодарныхъ, то и молчальникъ скрылся въ пустыню Руванъ, гдѣ провелъ шесть лѣтъ въ пещерѣ, питаясь дикими травами. Одинъ изъ братій пришелъ раздѣлить съ нимъ уединеніе и, будучи не въ силахъ переносить лишеній пустынныхъ, убѣж-

далъ молчальника возвратиться на пасху въ лавру; но Іоаннъ зная, что тамъ нѣтъ великаго настоятеля, совѣтовалъ ему ввѣрить себя Господу, сорокъ лѣтъ питавшему шесть сотъ тысячъ Израильтянъ въ пустынь; когда же непокорный ученикъ его оставилъ и, заблудившись въ пустынь, возвратился послѣ трехъ дней въ пещеру Іоанна, онъ нашелъ ее исполненную хлѣбами, и покаялся въ своемъ невѣріи.

Зависть демонская нарушила желанный миръ въ лаврѣ Св. Саввы: недовольные иноки, которые уже однажды противъ него возставали при Патріархѣ Саллустіи, возобновили ропотъ, въ числѣ сорока человекъ, и частыми непріятностями заставили наконецъ святаго удалиться. Онъ пошелъ въ предѣлы Скинопоя, въ пещеру, гдѣ было логовище льва; дикій звѣрь, ночью возвратясь въ свою берлогу и увидѣвъ спящаго авву, тихо взялъ зубами за край его одежды, чтобы извлечь вонъ. Проснулся святой и, ни сколько не ужаснувшись, сталъ творить молитвы; потомъ же сказалъ льву, который хотѣлъ опять его тревожить: «обоимъ можетъ служить сія пещера, ибо мы имѣемъ единаго Бога творцемъ; если же ты не хочешь со мною оставаться, то уступи мнѣ мѣсто, потому что я человекъ и созданъ по образу Божию;» — левъ удалился. И хищники, услышавъ о жительствѣ святаго въ пещерѣ, пришли съ намѣреніемъ его ограбить, но изумленные евангельскою его нищетою, удалились съ чувствомъ благоговѣнія; имъ встрѣтились на пути два страшные льва, и они оградились отъ нихъ именемъ освященнаго Саввы. Чудо

сіе совершенно ихъ обратило на путь покаянія, и молва о томъ до такой степени распространилась, что уже Савва не имѣлъ покоя и въ своемъ дикомъ вертепѣ.

Около святаго отшельника собралось нѣсколько учениковъ, и въ послѣдствіи основался монастырь въ сей пещерѣ; Савва, влекомый любовью къ первоначальному своему жилищу, оставилъ покорныхъ для непокорныхъ; но число ихъ умножилось, въ его отсутствіе, и никакія убѣжденія кротости не могли на нихъ подѣйствовать. Опять удалился онъ къ Никополю и пустынствовалъ сперва подъ сѣнію развѣсистаго дерева, доколѣ владѣтель поля не устроилъ ему хижину, обратившуюся также въ монастырь, отъ множества собравшихся учениковъ. Между тѣмъ, недовольные въ лаврѣ распустили молву, будто бы авву ихъ съѣли дикіе звѣри въ пустынь, и пришедши въ Іерусалимъ къ Патріарху Іліѣ, просили себѣ настоятеля; но Ілія, зная ихъ нерасположеніе къ святому, отвѣчалъ: что онъ не можетъ повѣрить, чтобы Господь выдалъ звѣрямъ вѣрнаго раба своего, и потому надлежитъ или искать его по пустынь, или ожидать его возвращенія въ Іерусалимъ. И дѣйствительно Савва возвратился во святой градъ, къ празднику обновленія храма, ибо къ сему дню обыкновенно сходились всѣ настоятели пустынныхъ обителей. Патріархъ убѣдилъ его не оставлять своей лавры и написалъ посланіе къ недовольнымъ инокамъ, чтобы они приняли съ любовію возвратившагося отца ихъ, или бы сами оставили обитель. Они же,

ослѣпленные яростію, разрушили башню надъ потокомъ, служившую келлію Саввъ, и вышли изъ его лавры, оставивъ по себѣ сей горькій слѣдъ своего нечестія.

Мятежники думали найти убѣжище въ монастырѣ Сухумскомъ, у блаженнаго игумна Аквиллина; но онъ не принялъ нарушителей порядка, и они принуждены были идти поселиться, близъ Фекуи, въ развалинахъ монастыря Романа, изгнаннаго за ересь. Съ ихъ удаленіемъ водворился миръ въ лаврѣ надъ юдолюю плача; истинныя чала по слушанія процвѣли подъ духовнымъ назиданіемъ отца ихъ. Савва отыскалъ въ пустынь и знаменитаго молчальника Іоанна и возвратилъ въ его келлію. Однако сердце святаго болѣло объ отпадшихъ; узнавъ, что они гибнутъ отъ неустройства внутренняго и вѣшняго, онъ самъ навѣстилъ ихъ, и сталъ посылать имъ необходимую пищу изъ своей лавры; видя же, что они принуждены ходить для слушанія божественной литургіи въ отдаленную церковь, выстроилъ для нихъ молитвенную хramину, испросилъ имъ у Патріарха въ законное достояніе келліи, занятая ими самовольно, и распространилъ ихъ обитель; подавляя ихъ неблагоприятность бременемъ своихъ благодѣяній, онъ пріобрѣлъ ихъ наконецъ себѣ и Богу, и далъ имъ настоятелемъ опытнаго инока своей лавры, Іоанна, одареннаго прозорливостію. Мѣсто сіе названо въ послѣдствіи новою лаврою.

Савва достигъ уже семидесятилѣтняго возраста, но еще не утомлялся отъ подвиговъ поста. Отойдя

по обычаю, на время четырехдесятницы въ пустыню, онъ обрѣлъ, недалеко отъ укрѣпленной горы, еще пещеру, и тамъ, послѣ пасхи, устроилъ малую церковь и обитель, подъ начальствомъ спутствовавшего ему въ пустыни инока Павла; монастырь сей прославился въ послѣдствіи подъ именемъ пещернаго. И еще обитель основалъ великій отецъ пустынниковъ Палестинскихъ. Башня, воздвигнутая Императрицею Евдокіею, для свиданія съ аввою Евѳиміемъ, перешла послѣ ея смерти въ руки Евтихіанъ; когда же они были изгнаны, два инока Несторіанскіе въ ней поселились; башня сія возвышалась надъ тремя изъ монастырей. Св. Саввы, который не могъ равнодушно видѣть столь опаснаго сосѣдства еретиковъ, посреди его духовной паствы. Онъ обратился съ молитвою къ Богу, и, въ духовномъ видѣніи увидѣлъ себя посреди храма воскресенія и двухъ ликторовъ, изгоняющихъ обонихъ Несторіанъ. Савва, тронутый симъ видѣніемъ, посѣтилъ самъ отступниковъ православія и приобрѣтя ихъ истинной церкви, отвелъ въ обитель Св. Θεодосія Киновіарха, а въ оставленной ими башнѣ учредилъ монастырь, подъ начальствомъ ученика Θεодосіева Іоанна, который служилъ некогда въ стражѣ императорской; отъ него сохранилось званіе Схоларія, новому монастырю.

Одинъ изъ иноковъ Св. Саввы, именемъ Іаковъ, вздумалъ самовольно подражать примѣру Святаго, и удалившись во время поста въ пустыню, на малое озеро, называемое Эптастома, т. е. седмиуст-

ное, устроилъ тамъ келлію и церковь. Напрасно старался убѣдить его святой Савва въ неправильности сего поступка, представляя, что и самое озеро принадлежитъ лаврѣ. Одна только смертная болѣзнь побудила непокорнаго къ раскаянію, и Патріархъ Илія велѣлъ разорить его постройки; но нѣсколько времени спустя, одинъ благочестивый мужъ пожертвовалъ землю недалеко отъ бывшихъ келлій, и съ благословенія святаго соорудилась тамъ еще лавра, названная Эптастомаю, подъ настоятельствомъ двухъ братій Павла и Андрея. Святой старецъ имѣлъ утѣшеніе видѣть и совершенство, котораго достигали, подъ его руководствомъ, послушные ученики. Двумъ изъ нихъ Зану и Веніамину, уступилъ онъ собственную свою келлію, за версту отъ великой лавры, гдѣ въ послѣдствіи основалась также обитель. Другой ученикъ Аноимъ, тридцать лѣтъ жившій по другую сторону потока, противъ самой келліи святаго, когда онъ предлагалъ ему, по болѣзненному состоянію перейти въ иную келлію, ближе къ церкви, отвѣчалъ: «надѣюсь, что Господь, создавшій мою душу, благоволитъ и принять ее отъ меня въ той келліи, гдѣ я посвятилъ себя его служенію, съ тѣхъ поръ какъ оставилъ міръ.» Немного времени спустя, Св. Савва, вставъ ночью прежде благовѣста, услышалъ пѣніе со стороны келліи Аноима и псаломные гласы: «прейду въ мѣсто селенія дивно, даже до дому Божія, во гласъ радованія и исповѣданія шума празднующихъ.» Немедленно собралъ онъ всю братію и привелъ ее въ келлію Аноима; по

уже блаженный отшельникъ прешелъ въ вѣчность; съ честію погребли его въ усыпальницѣ братіи.

Еще одинъ инокъ, изгнанный изъ обители Св. Θεодосія, за то что нечаянно убилъ лошака, пришелъ искать спасенія въ лавръ Св. Саввы, и провель тридцать лѣтъ въ непрестанныхъ подвигахъ поста. Когда же почувствовалъ приближеніе своей кончины, онъ просилъ святаго игумна отпустить его для примиренія къ Θεодосію, и Савва послалъ съ нимъ другаго инокъ, сказать прежнему его настоятелю: «вотъ Афродитъ, пришедшій ко мнѣ человекомъ, а теперь возвращающійся къ тебѣ Ангеломъ.» Послѣ желаннаго примиренія, тихо преставился сей земной ангелъ, и его погребли въ отдѣльномъ гробѣ, для назиданія приходящихъ поклонниковъ.

Настало время великому аввъ подвизаться и за истину; ибо ересь Евтихіанъ еще не преставала волновать Востокъ. Наслѣдникъ Императора Зинона, Анастасій, старался распространить повсюду окружное посланіе, подъ именемъ Энотика, т. е. согласительнаго, которое, для примиренія Евтихіанъ съ Православными, не осуждало гласно, но и не признавало Халкидонскаго вселенскаго собора. Главнымъ дѣйствователемъ въ Сиріи былъ Северъ, лжепатріархъ Антіохійскій, нѣкогда инокъ одной изъ обителей Иларіоновыхъ, въ окрестностяхъ Газы, изгнанный оттолъ за ересь игумномъ своимъ Нефаломъ. Посланный Евтихіанами, съ нѣкоторыми другими иноками того же духа, въ Константинополь, онъ былъ благосклонно принятъ престарѣ-

лымъ Императоромъ и содѣйствовалъ ему въ низверженіи законнаго Патріарха Македонія. Тимофеей, избранный на его мѣсто, послалъ отъ себя общительныя грамоты ко всѣмъ первостепеннымъ Епископамъ; но мужественные между ними отвергли сіи грамоты; а робкіе, въ томъ числѣ Флавіанъ Антіохійскій и Илія Іерусалимскій, приняли писаніе, какъ отъ православнаго, хотя не одобрили низверженіе Македоніево, и тѣмъ возбудили противъ себя гнѣвъ Императора.

Патріархъ Илія, видя бурю, собирающуюся надъ его Церковію, послалъ семидесяти трехъ лѣтняго старца Савву, во главѣ иныхъ православныхъ игумновъ Палестины, въ Царьградъ, чтобы предупредить козни Северовы, и писалъ къ Императору: «я посылаю тебѣ цвѣтъ пустыни, добрыхъ и вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, настоятелей обителей многихъ, и между ними господина Савву, главу всѣхъ пустынножителей и свѣтъ всяя Палестины, въ той надеждѣ, что они умирятъ твое царское величество.» Савва и бывшіе съ нимъ игумны предстали къ двору царскому; но привратники всѣхъ пропустили, кромѣ одного Саввы, котораго приняли за нищаго, по его рубищу. Когда же Императоръ, прочитавъ грамоту, спросилъ гдѣ Савва? съ изумленіемъ нашли его въ углу одной изъ палатъ, читающимъ псалмы. Анастасій мнилъ видѣть Ангела въ его лицѣ и всталъ предъ нимъ съ престола, исполненный благоговѣнія; онъ посадилъ всѣхъ старцевъ, и распрашивая о нуждахъ

каждаго, старался по мѣрѣ возможности удовлетворить ихъ, ибо любилъ монашествующихъ. Дошла очередь и до святаго, и на вопросъ Императора: почему онъ ничего не проситъ своей лавры? онъ отвѣчалъ, что пришелъ въ Царьградъ только поклониться его лицу и просить отъ имени Св. града и своего Архіепископа, не возмущать мира Церквей Божіихъ, дабы они денно и ночью молились о благоденствіи его державы.»

Императоръ далъ святому старцу тысячу златницъ, для многочисленныхъ его обителей, и отпустивъ всѣхъ прочихъ игуменовъ, позволилъ ему провести зиму въ Халкидонскомъ предмѣстіи столицы, гдѣ его часто навѣщали сановники и родственники царскіе; между прочими была и Анастасія, племянница царская, которая въ послѣдствіи сама удалась въ Палестину и прославилась подвигами иноческими на горѣ Элеонской. Императоръ часто призывалъ къ себѣ старца, чтобы пользоваться его духовною бесѣдою, и однажды сказалъ ему: что желалъ бы удалить Патріарха Илію, какъ признающаго соборъ Халкидонскій и чрезъ то потворствующаго ереси Несторія; но мужественный Савва отвѣчалъ ослѣпленному Императору: что святой Архіепископъ ихъ твердо держится православія, наученный оному древними свѣтилами Церкви, ибо равно отвергаетъ раздѣленіе Несторіево, какъ и смѣшеніе Евтихіево, не отклоняясь ни на право, ни на лѣво отъ истиннаго пути; — «и такъ, продолжалъ онъ, заклинаю тебя, не

возмущать мира матери Церквей, гдѣ намъ открылась, по словамъ писанія, велія благочестія тайна.»

Весною, предъ своимъ отъѣздомъ, онъ просилъ Императора, отпустить городу Иерусалиму недоимку взимаемой съ него подати, отъ которой страдали Церковь и народъ; Анастасій согласился исполнить его желаніе; но Савва не могъ убѣдить корыстолюбиваго хранителя казны царской, который воспротивился милостивому повелѣнію, и надъ нимъ сбылось пророчество святаго, о разрушеніи собственнаго его дома. На обратномъ пути изъ Царьграда, посѣтилъ онъ свою родину Каппадокію, и обратился къ православію въ Елеверополь нѣкоего игумена Паисія, бывшаго ревнителя ереси Северовой. Онъ роздалъ щедрою рукою по всѣмъ обителямъ деньги, данныя ему Императоромъ; когда же возроптали за то нѣкоторые изъ иноковъ его лавры, святой напомнилъ имъ примѣръ Давида, раздѣлившаго добычу и тѣмъ, которые не ходили съ нимъ на брань, говоря, что если сами они трудились тѣломъ въ странствіи, то братія, оставшаяся въ обителяхъ, подвизалась за нихъ духовно.

И святой другъ Саввы, Феодосій, получивъ также обильныя даванія отъ щедроты царской, принялъ ихъ для того только, чтобы не оскорбить величія дѣющаго; но онъ роздалъ ихъ, подобно Св. Саввѣ, по окрестнымъ обителямъ, предваряя ихъ о имѣющихъ быть искушеніяхъ за вѣру. Когда же сановники Императора, надѣясь, что уже благодѣянiami пріобрѣли старца на свою сторону, про-

сили его объявить свое мнѣніе, о догматахъ Халкидонскаго собора, Θεодосій написалъ пространное письмо Государю, въ которомъ ясно показалъ, что готовъ лучше умереть за вѣру отеческую, нежели послѣдовать ереси Евтихіевой: «поелику намъ предлагаютъ, или обезчестить вѣру и жизнь нашу, заблужденіями еретиковъ, или умереть со славою за догматы Св. отецъ: то знай, о Государь, что мы предпочитаемъ послѣднее, ибо если всякой добрый гражданинъ долженъ жертвовать жизнью за отечество, и мы сдѣлали бы тоже въ случаѣ нужды: то не наипаче ли должны жертвовать жизнью для защиты вѣры, которая есть спасеніе душъ нашихъ? Скорѣе согласимся, чтобы Св. мѣста Іерусалимскія сожжены были огнемъ, нежели потерпимъ среди ихъ мнѣнія, противныя истинѣ, ибо зачѣмъ и называть мѣста сіи святыми, если попустимъ ихъ обезчестить ересію?»

«Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Царь славы, да предохранитъ насъ отъ общенія съ еретиками, которыхъ мы не только чуждаемся, но и предаемъ анаѳемѣ, будучи готовы постоять до крови за четыре вселенскіе собора. Пусть возжжется пламя, пусть изострятъ мечи и приготовятъ жесточайшія мученія, пусть умерщвляютъ насъ не однажды, а по нѣскольку разъ, мы на все готовы; но не измѣнимъ святой нашей вѣры, и не потерпимъ, чтобы попирали ученіе божественныхъ отцевъ. Мы призываемъ во свидѣтельство истины самые ихъ подвиги за сію вѣру, которая пребу-

* Vie des pères liv. VII, ch. 15.

детъ неподвижною въ сердцахъ вѣрныхъ Господу, и готовыхъ намъ послѣдовать. Мы же молимъ Всевышняго Бога, даровать тебѣ миръ, превосходящій всякій разумъ, и направить ко благу твою державу.»

Императоръ, тронутый ли письмомъ симъ, или вынужденный невольнымъ благоговѣніемъ къ святому старцу, на время остановилъ гоненіе и даже написалъ къ нему благосклонный отвѣтъ, слагая вину всѣхъ безпорядковъ на распри иноковъ, и поручая ему молиться Господу о умирении Церкви; но вскорѣ вспыхнули опять жестокія гоненія, въ которыхъ Θεодосій показалъ себя, вмѣстѣ съ Св. Саввою, истиннымъ ревнителемъ и заступникомъ Церкви, и поддержалъ духъ православныхъ. Императоръ велѣлъ созвать соборъ въ Сидонъ, чтобы отвергнуть всѣ рѣшенія Халкидонскаго; но Флавіанъ Антиохійскій и Ілія Іерусалимскій, явившись на соборъ, обрушили всѣ козни еретиковъ; когда же нечестивый Северъ поставленъ былъ силою на кафедрѣ Антиохійскую, вмѣсто блаженнаго Флавіана, и Патріархъ Ілія не хотѣлъ принять его общительныхъ грамотъ, раздраженный Анастасій послалъ Олимпія, правителя Палестины, низвергнуть и его съ кафедры; онъ поставилъ на его мѣсто пресвитера Іоанна, хранителя честнаго древа, который обѣщалъ пристать къ общенію Севера и анаѳематствовать соборъ Халкидонскій.

Едва услышали великіе отцы пустыни, Савва и Θεодосій, о прибытіи посланныхъ Севера, съ его общительными грамотами, они немедленно собра-

лись на Голгоу, со многими игумнами, и при большомъ числѣ иноковъ и народа, произнесли торжественно анаѳему противъ Севера и его сообщниковъ, въ присутствіи тѣхъ самыхъ сановниковъ и воиновъ, которые посланы были, дабы принудить Патріарха Ілію къ общенію съ Северомъ. Когда же Іоаннъ поставленъ былъ, властію царскою, на кафедрѣ Іліи, Савва и Θεодосій пришли опять въ Іерусалимъ и убѣдили его, не сообщаться съ Северомъ и защищать соборъ Халкидонскій, общая ему во всемъ содѣйствовать; новый Патріархъ, исполненный благоговѣнія къ симъ великимъ свѣтиламъ, послѣдовалъ ихъ совѣту. Раздраженный правитель области, Олимпій, послалъ Анастасія, одного изъ приближенныхъ своихъ, въ Іерусалимъ схватить Іоанна и посадить его въ темницу; опасаясь однако молвы народной, скоро освободилъ его, въ надеждѣ, что исполнить данное прежде обѣщаніе; но Патріархъ созвалъ въ ту же ночь всѣхъ окрестныхъ иноковъ въ Іерусалимъ, и ихъ собралось до 10,000, такъ что кафедральная церковь воскресенія Христова не могла вмѣстить ихъ, и по необходимости они соединились всѣ, за вратами города, въ храмъ первомученика Стефана, основанномъ Императрицею Евдокіею*.

Услышавъ о такомъ стеченіи, пришли туда и сановники царскіе: Анастасій, недавно заключившій въ темницу Патріарха, и бывший консуломъ Захарія, и самъ племянникъ царскій Ипатій, который

* Флерн, кв. XXXI гл. 28.

посѣтилъ по обѣту Іерусалимъ, ради своего освобожденія изъ рукъ самозванца Виталиана. Патріархъ Іоаннъ, въ облаченіи, взшелъ на амвонъ, посреди храма, имѣя по сторонамъ Св. Савву, начальника пустынножителей, и Св. Θεодосія, начальника общежительныхъ. Сановникъ Анастасій ожидалъ видѣть исполненіе воли царской; но народъ непрестанно взывалъ, въ теченіе многихъ часовъ: «анаѳематствуйте еретиковъ, утвердите соборъ!» и на сіи вопли всѣ трое громогласно отвѣтствовали: «анаѳематствуемъ Несторія, Евтихія, Севера Антиохійскаго, Сотерія Кесарійскаго, и всѣхъ и всякаго, кто только не согласится принять собора Халкидонскаго.» Послѣ столь явнаго свидѣтельства своей вѣры, они сошли съ амвона; но ревностный Θεодосій взшелъ еще однажды и, мановеніемъ руки потребовавъ общаго молчанія, громко произнесъ: «если кто не приѣмлетъ святыя четыре вселенскія собора, какъ и четырехъ Евангелистовъ, тотъ да будетъ анаѳема.» Всѣ изумились и безмолвствовали, какъ бы внимая гласу Ангела, и онъ сошелъ съ амвона, посреди глубокаго къ нему уваженія предстоявшихъ, которые думали видѣть и слышать сіе во снѣ, болѣе чѣмъ наяву. Послѣдствіемъ мужественнаго подвига было то, что четыре вселенскія собора вписаны были въ поминовенія церковныя. Такая твердость изумила и сановниковъ царскихъ; Анастасій бѣжалъ въ Кесарію къ Олимпію, а племянникъ Императора Ипатій, съ клятвою свидѣтельствовалъ святымъ игумнамъ, что онъ всегда чуждался нечестиваго Севера и пришелъ въ Іеру-

садимъ искать ихъ общенія. Онъ пожертвовалъ святому гробу, Голгоевъ и честному кресту, сто литръ золота, и столько же далъ Саввъ и Феодосію, для раздѣленія по обителямъ.

Тогда Императоръ рѣшился употребить силу, чтобы удалить изъ Св. мѣстъ Патріарха Іоанна и святыхъ двухъ Архимандритовъ; но едва распространилась вѣсть сія въ Іерусалимъ, какъ все иноки внезапно собрались въ святой градъ, и общимъ согласіемъ написали прошеніе Императору отъ имени святыхъ Саввы и Феодосія, всѣхъ игумновъ Св. града и окрестныхъ пустынь, и всѣхъ ревнителей истинной вѣры. Въ грамотѣ сей они свидѣтельствовали Государю, что самъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій единородный, и Богъ, Царь и повелитель вселенной, ввѣрилъ ему царство земное, подъ своею лишь верховною властію, съ тѣмъ, дабы даровалъ миръ Церквамъ, и особенно матери всѣхъ Церквей Іерусалиму, гдѣ явилось и совершилось таинство нашего спасенія, ибо изъ Іерусалима распространилось евангеліе въ концы вселенной.

«Мы же, писали они, пользующіеся счастіемъ обитать въ сей священной землѣ, мы пріяли вѣру въ таинство сіе отъ начала, не воображеніемъ, но дѣйствительно, изъ устъ Пророковъ и Апостоловъ, чрезъ самый честный крестъ Господа Іисуса, чрезъ живоносный гробъ его и покланяемья здѣсь Св. мѣста, и мы соблюли вѣру сію во всей ея чистотѣ, по благодати Господа Іисуса Христа. И такъ, мы рѣшились и впредь соблюдать ее, при помощи той же благодати, не утрашаясь ея противниковъ

и не увлекаясь никакимъ вѣтромъ лжеученія или тонкими хитросплетеніями, которыя только искушаютъ слабыя души лестию. Изумляемся, что хотя ты и воспитанъ въ правилахъ сей святой вѣры, однако допустилъ при своей державѣ такую бурю противъ матери всѣхъ Церквей, храма Воскресенія, который есть прибижище всего міра; вотъ ея Епископъ, священнослужители, иноки, изгоняются силою, предъ лицомъ язычниковъ, Евреевъ, Самаритянъ, и влекутся въ мѣста нечистыя и неосвященныя, дабы послужить, малодушіемъ, къ соблазну приходящихъ отовсюду поклонниковъ, которые стекаются сюда, ради спасенія душъ своихъ, и отходятъ отсель съ ужасомъ.

«Не ужели по причинѣ исповѣданія вѣры, нападаютъ на сей священный градъ Іерусалимъ, который есть око и свѣтило вселенной, ибо по словамъ Пророческимъ: «отъ Сіона изыдетъ законъ и слово Господне изъ Іерусалима?» Не въ семъ ли святомъ градѣ обитающіе удостоиваются, собственными руками и устами, осязать мѣста, ознаменованныя самымъ событіемъ божественныхъ таинствъ? Какимъ же образомъ, послѣ пятисотъ лѣтъ отъ рождества Христова, хотятъ еще учить насъ нашей вѣрѣ? преобразование, какое хотятъ въ ней сдѣлать, можетъ ли происходить отъ Господа Іисуса? Не есть ли это скорѣе ученіе Антихриста, ищущаго нарушить миръ и согласіе Церквей Божіихъ, исполнивъ ихъ смятеніями? Виною всѣхъ сихъ бѣдствій есть Северъ акефалъ, по грѣхамъ нашимъ допущенный Богомъ на кафедру Антиохійскую, ко-

торую занимаетъ для гибели собственной души и всей Церкви Христіанской; ибо онъ дерзаетъ анаѳематствовать исповѣданіе собора Никейскаго и Св. отцевъ, досель оное защищавшихъ. Съ ужасомъ отвергаемъ его общеніе и молимъ твое благочестіе, сжалиться надъ Сіономъ, матерію всѣхъ Церквей и покровительницею твоей державы, которую столь нагло позорятъ. Повели престать бурь, сильно ее волнующей, ибо когда дѣло идетъ о вѣрѣ и надлежитъ избрать жизнь или смерть, мы предпочитаемъ послѣднюю, и твердо положили никогда не сообщаться съ врагами Церкви Божіей, держась непоколебимо вѣры Апостольской, въ коей вся наша слава и упованіе. Мы всѣ единомысленны въ пріятіи четырехъ святыхъ вселенскихъ соборовъ, которые всѣ излагаютъ тоже Евангельское ученіе, хотя и въ различныхъ словахъ, по различному времени ихъ собранія. Первый есть соборъ Никейскій, анаѳематствовавшій нечестиваго Арія; и мы почитаемъ себя обязанными принять и три послѣдующіе собора, какъ сей первый вселенскій, а именно: Константинопольскій, противъ нечестія Македоніева, Ефесскій, противъ ужаснаго Несторія, и Халкидонскій, противъ злаго Евтихія. Поелику сіи четыре святые собора заключаютъ въ себѣ чистое ученіе Евангельское, то никогда не возможно будетъ насъ отъ нихъ отвлечь или присоединить къ отвергающимъ оныя, хотя бы намъ угрожали тысячами смертей; а дабы твоя царская власть хорошо вѣдала исповѣданіе нашей вѣры и дабы не внушали тебѣ, будто мы пріемлемъ догматы Нес-

торіевы; то свидѣтельствуемъ предъ тобою, что мы анаѳематствуемъ сего еретика, раздѣляющаго Иисуса Христа, и въ тоже время, вмѣстѣ съ соборомъ Халкидонскимъ, анаѳематствуемъ и Евтихія, который сливаетъ Божество со святымъ человечествомъ Господа Иисуса.

«Послѣ сего объявленія, мы еще умоляемъ свѣтлость твою, прекратить гоненія противъ святаго града и нашего святаго Архіепископа Іоанна, ибо враги нашей вѣры, подъ личиною благочестія, дѣлаютъ всякія жестокости. Свидѣтельствуемъ предъ твоимъ величіемъ, какъ и предъ Богомъ и его Ангелами, что не можемъ согласиться ни на какую новость въ дѣлахъ вѣры; пусть лучше проліется кровь наша, среди зарева святыхъ мѣстъ; ибо что въ священномъ наименованіи оныхъ посреди ихъ поруганія? — Миръ Господній, превосходящій всякій разумъ, да соблюдетъ свою Церковь и да прекратитъ, твоею властію, всѣ сіи соблазны, ко славу твоего царствія.»

Инокіи сняли четыре списка съ сего посланія, одинъ для своего Патріарха Іоанна, другой для областныхъ правителей, а два остальныхъ послали къ Императору и Патріарху въ Константинополь. Анастасій, тревожимый въ сіе время возмущеніемъ Виталіана, принужденъ былъ оставить въ покоѣ иноковъ Палестинскихъ, и Патріархъ Іоаннъ удержался такимъ образомъ на каедрѣ. Но такъ какъ мужественный авва Феодосій ходилъ по окрестнымъ городамъ и селеніямъ, чтобы утвердить народъ въ истинной вѣрѣ, Императоръ хотѣлъ осо-

бенно излить на святаго весь свой гнѣвъ и послать его одного въ изгнаніе. Съ радостію покорился онъ сему неправому приговору, почитая блаженствомъ страдать ради имени Христова; но изгнаніе его не продлилось, по причинѣ скорой кончины самаго гонителя.

Пять лѣтъ уже протекло отъ заточенія Патріарха Илія въ Аравіи, на берегахъ Чермнаго моря, и во все сіе время необычайныя бѣдствія, засуха и гладь, обременяли Палестину, что приписывали явно гнѣву Божию, за изгнаніе законнаго пастыря. Въ исходъ пятаго года, Св. Савва посѣтилъ его, въ пустынномъ заточеніи, вмѣстѣ съ Стефаномъ, игуменомъ обители Евѣиміевой, и Евѣаломъ настоятелемъ обители Иерихонской, котораго избралъ самъ Илія. — Обрадовался ихъ пришествію Патріархъ и удержалъ у себя нѣсколько дней; они видѣли его только около девятаго часа дня, т. е. вечеромъ, когда выходилъ къ нимъ на убогую трапезу, ибо прочее время проводилъ въ безмолвномъ постѣ и молитвѣ. Однажды, когда собрались они въ обычное время, не пришелъ къ нимъ Патріархъ, и явившись уже около полночи, сказалъ: «вы вкушайте пищу, мнѣ же нѣкогда.»

Св. Савва, замѣтивъ въ немъ огорченіе внутреннее, удержалъ его, и просилъ сказать, что имѣеть на сердцѣ? Тогда, помолчавъ и прослезившись нѣсколько, Святитель сказалъ: «Императоръ Анастасій скончался въ сію самую минуту, какъ я говорю съ вами; а я долженъ послѣдовать за нимъ чрезъ десять дней, чтобы намъ судиться предъ

судилищемъ Господа Иисуса.» Онъ немедленно далъ необходимыя повелѣнія, о устройствѣ своихъ обителей, которыми не преставаля управлять, даже и изъ мѣста изгнанія, и назначилъ заранѣе иноковъ Несхава и Захарію, одного за другимъ, быть настоятелями послѣ смерти Евѣала, хотя и сей еще стоялъ живымъ предъ лицомъ его. Еще восемь дней провелъ онъ послѣ своего видѣнія, питаясь только безкровною жертвою, и за три дня до кончины, приключилась ему слабая болѣзнь, положившая предѣлъ святой жизни. Св. Савва и прочіе игумены не отходили отъ одра его; на исходъ десятаго дня, принявъ божественное причастіе и сказавъ тихо: «аминь,» на отходныя молитвы, преставился на ихъ рукахъ осьми-десяти-двухъ лѣтній Святитель*. Савва замѣтилъ день и часъ откровенія бывшаго Патріарху, о кончинѣ Императора, (это было 9. Юля 518 года): возвратясь же въ Иерусалимъ узналъ, что дѣйствительно въ тотъ самый день и часъ Императоръ Анастасій, при раскатахъ грома, видя всѣ свои палаты какъ бы окруженныя небеснымъ огнемъ, перебѣгалъ изъ чертога въ чертогъ и былъ наконецъ пораженъ, въ самомъ сокровенномъ изъ нихъ, молніею.

Иустинъ наслѣдовалъ престолъ императорскій и велѣлъ возвратить всѣхъ изгнанниковъ. Едва достигла вѣсть сія Палестины, Св. Савва и Феодосій поспѣшили въ Иерусалимъ, со множествомъ иноковъ и духовенства; соединились и Епископы, подвластные Патріарху, въ маломъ соборѣ, и провозгласивъ

* Vie des peres du desert, liv. VII, ch. 15.

указъ Императора, помѣстили еще разъ четыре вселенскіе собора въ поминаенія церковныя. Патріархъ Іоаннъ написалъ о томъ окружное посланіе къ Патріарху Константинопольскому, подписанное тридцатью тремя Епископами Палестины, и послалъ немедленно Св. Савву, съ нѣкоторыми другими игумнами, къ Епископамъ Іоанну Кесарійскому и Θεодосію Скиѳопольскому, для объявленія имъ рѣшенія соборнаго; вѣсть сія исполнила радостию всю Палестину.

Мигрополитъ Іоаннъ Кесарійскій вышелъ самъ съ своимъ клиромъ на встрѣчу Св. Саввъ. Это былъ тотъ знаменитый Хозевитъ, который посвятилъ себя, съ ранняго возраста, на служеніе Богу, въ пустынной обители, сперва Оиваидской, а потомъ Палестинской; временно увлекся онъ противниками Халкидонскаго собора; но въ послѣдствіи, познавъ ихъ заблужденія, поспѣшилъ въ Іерусалимъ присоединиться къ общенію Церкви, и поселился въ разсѣлинѣ утеса, между Св. градомъ и Іерихономъ, въ пустынь Хозевитской, давшей ему свое имя. Оттолъ былъ онъ извлеченъ на каѳедру Кесарійскую; но жаждущій уединенія, векоръ опять удалился въ свое ущеліе, гдѣ мало по малу образовалась около него обитель иноческая, вся изсѣченная въ скаль; не смотря однако на нестерпимый жаръ раскаленныхъ камней, она дышала райскою прохладою для отрекшихся отъ всѣхъ сладостей житейскихъ, и скала сія служила ступенями ихъ восхода духовнаго въ лучшій міръ.

Пребываніе святаго Саввы въ Скиѳополь означеновалось чудесами, ибо тамъ онъ исцѣлилъ бѣснуемую и кровоточивую. По возвращеніи въ Іерусалимъ, Патріархъ пригласилъ его за свою трапезу, вмѣстѣ съ Θεодосіемъ, и ради почести, посадилъ между собою и братомъ своимъ Антоніемъ, Епископомъ Аскалонскимъ. Савва, привыкшій къ воздержанію иноческому, хотя и позволилъ себѣ за сею трапезою вкушать нѣчто болѣе обыкновеннаго, однако принужденъ былъ отвѣчать на гостепріимныя побужденія къ пищѣ обоихъ Святителей: «простите отцы мои, я столько ѣмъ, сколько мнѣ нужно.» Тогда Св. Θεодосій, улыбаясь сказалъ имъ: «Господинъ мой Савва такъ голоденъ, что васъ обоихъ не достало бы для его духовнаго насыщенія», и Патріархъ, постигнувъ значеніе сего слова, пересталъ беспокоить своего гостя, и занялся бесѣдою.

Послѣ кончины Патріарха Іліи, страшная засуха опустошила всю Палестину, и здѣсь опять явилась сила молитвы великаго аввы; ибо когда иноки одной изъ многочисленныхъ его обителей, такъ называемой пещерной, хотѣли уже ее оставить, по недостатку воды, святой упрекнулъ ихъ въ малодушіи и обѣщалъ, что чрезъ три дня наполнятся всѣ ихъ водохранилища; по истеченіи трехъ дней, дождевая туча покрыла все пространство ихъ обители, такъ что ни одной капли не упало ни къ востоку, на монастырь укрѣпленной горы, ни къ сѣверу, на монастырь башни Евдокіевой, ни къ югу на великую лавру*. Когда же

* Vies des peres, liv. VII, ch. 19.

иноки сихъ обителей пришли въ свою чреду жаловаться старцу, спрашивая: чѣмъ заслужили они гнѣвъ Божій? — Савва ихъ успокоилъ тѣмъ, что Господь, призрѣвшій пужды ихъ братіи, сохранитъ и у нихъ достаточно воды до новыхъ дождей. Между тѣмъ засуха не прекращалась и нищіе Иерусалимскіе просили, какъ милостыни, воды вмѣсто хлѣба. Патріархъ Іоаннъ, опасаясь смятенія народнаго, и желая добыть воду, велѣлъ копать въ мѣстахъ самыхъ низкихъ, около купели Силоамской; но и на большой глубинѣ не оказалось воды, и Патріархъ съ горестію говорилъ о томъ одному изъ сановниковъ города.

«Я слышалъ, отвѣчалъ ему благочестивый мужъ, что недавно Архимандритъ Савва испросилъ у Бога дождя для одной изъ своихъ обителей.» — Патріархъ поспѣшилъ призвать изъ пустыни Савву; онъ умолялъ его сжалиться надъ бѣдствующимъ народомъ и обратиться съ пламенными молитвами къ Богу: «если ради моихъ грѣховъ Богъ послалъ сіе бѣдствіе, говорилъ огорченный Святитель, зачѣмъ же страждетъ, за мою вину, невинный народъ?» — «Увы! отвѣчалъ ему святой, кто я, чтобы укротить гнѣвъ Господень? я только грѣшникъ и слабый иннокъ! но изъ послушанія къ твоей святынѣ, возвращусь въ мою келлію и по твоему хотѣнію, простершись ницъ предъ Господомъ, стану молить Того, чьи щедроты свыше всѣхъ его дѣлъ; если же чрезъ три дня не будетъ дождя, ты по сему узнаешь, что Богъ не благоволилъ исполнить

моей молитвы; но присоедили къ ней и твою, для большей ея силы.»

Это было 3 Сентября; на слѣдующій день жаръ умножился до такой степени, что работники, копавшіе рвы для обрѣтенія воды, принуждены были удалиться; но къ вечеру поднялся сильный южный вѣтеръ, съ громомъ и молніями, и полился столь обильный дождь, что въ теченіе ночи исполнились водою всѣ рвы и колодези; самые потоки выступили изъ береговъ, и орудія копавшихъ землю остались подъ водою; наполнились всѣ водохранилища Иерусалима, такъ что праздникъ обновленія храма, который думали провести съ горемъ, торжествовали радостно.

XII.

СВЯТИТЕЛЬСТВО ПЕТРА.

Кончина Св. Осодосія; послѣднія дѣянія Св. Саввы. — Іоаннъ Молчальникъ.

Патріархъ Іоаннъ скончался послѣ осьмилѣтняго правленія Церковію*, и Петръ, уроженецъ Елевѣропольскій, заступилъ его мѣсто, сохранивъ къ

Св. Саввъ любовь и уваженіе своего предмѣтника; и Савва, исцѣленіемъ болящей сестры Патріарха, засвидѣтельствовалъ предъ нимъ неоскудѣвающую въ немъ силу Божію; весь Іерусалимъ услышалъ о семъ чудѣ, и воздалъ хвалу Богу, дивному во святыхъ своихъ. Но когда онъ въ мирѣ управлялъ многочисленными гражданами своихъ пустынныхъ селеній, старческое сердце поражено было горестію земной разлуки, ибо великій его сотрудникъ Θεодосій отошелъ въ вѣчность*. И его прославилъ Господь, даромъ чудесъ, прежде блаженной кончины: болящіе исцѣлялись отъ прикосновенія къ его одеждѣ; его сильною молитвою спасались поля отъ истребительной саранчи, и плователи на бурномъ морѣ; правитель Востока, Херикъ, облекшись его власяницею, какъ броней, побѣдилъ Персовъ. Θεодосій предсказалъ и страшное землетрясеніе, обрушившее Антиохію; однажды ночью онъ собралъ братію обители своей, возбуждая ихъ молиться усердно, ибо гнѣвъ Божій грядетъ со стороны востока, и недѣлю спустя услышали о бѣдствіяхъ столицы Востока, въ самый часъ предсказанія.

Сей несравненный старецъ, подражавшій Аврааму въ вольномъ переселеніи изъ своей родины, послушанію Исаакову, простотѣ невинныхъ нравовъ Іакова, пустынной любви Предтечи, пламенной вѣрѣ Петра и подвигамъ Павла, уподобился еще и болѣзненному Іову на страдальческомъ одрѣ, въ теченіе цѣлаго года. Съ совершеннымъ спокойствіемъ духа переносилъ онъ жесточайшія страда-

* Vies des peres. liv. VII, ch. 24.

нія, едва бывшія по силамъ юношѣ, на которыя нельзя было равнодушно смотрѣть даже предстоящимъ. Одинъ изъ старцевъ сказалъ ему, чтобы онъ помолился Господу, о укрощеніи болѣзни. «Ахъ, отецъ мой! отвѣчалъ Θεодосій, часто приходила мнѣ мысль сія, но я отгонялъ ее, какъ искушеніе діавольское. Успѣвшій во всѣхъ предпріятіяхъ моей жизни, окруженный славою и почестями, не долженъ ли я скорѣе радоваться симъ страданіямъ на исходѣ, чтобы мнѣ не лишиться обѣщаннаго блаженства и не услышать изъ устъ Авраама страшныя слова сія: «помяни чадо, что ты уже пріялъ всѣ блага твои во время жизни.»

Братія, тронутые его смиреніемъ, съ любовію окружали болящаго, который непрестанно читалъ псалмы; онъ отходилъ отъ жизни, какъ нѣкогда древній Патріархъ Іаковъ, среди чадъ своихъ, прощая и возбуждая ихъ мужественно побороть искушенія. «Если стадо мое умножится и усовершенствуется, послѣ моей смерти, говорилъ онъ, вѣрьте, что сбудутся утѣшительныя мои предсказанія о благоденствіи обители; если же нѣтъ, горьки будутъ послѣдствія.» Три Епископа находились при его кончинѣ, и смѣшали слезы свой съ слезами его безутѣшныхъ учениковъ, ибо чувствовали все, чего лишались и какому сиротству подвергалась его обитель. Напротивъ того сердце Θεодосія растворялось блаженною радостію, при входѣ въ селенія небеснаго Отца. Въ часъ кончины, онъ поднялъ къ небу руки и зашевелилъ устами, какъ бы вступающа въ бесѣду

съ Богомъ, въ сладостномъ восторгъ; потомъ сложилъ крестообразно руки на смиренной груди, и предалъ мужественную свою душу, совершившую столько подвиговъ, въ руки ея Творца, на сто шестомъ году отъ рожденія. Исцѣленіе бѣснуемаго надъ едва остывшимъ тѣломъ святаго, явило Церкви, какого великаго заступника она себѣ стяжала въ усоншемъ. Патріархъ Петръ, со многими Епископами, и блаженный другъ его Савва, со всеми иноками и многочисленнымъ народомъ, собрались въ осиротѣвшую обитель, воздать послѣдній долгъ великому Киновіарху; каждый хотѣлъ къ нему прикоснуться и дать послѣднее цѣлованіе, и съ большимъ трудомъ могли улучшить свободную минуту, чтобы положить въ нѣдра земли, какъ въ нѣкое хранилище, сіе сокровище исцѣленій, непрестанно истекавшихъ отъ его святыхъ мощей. Шестьсотъ девяносто трехъ учениковъ имѣлъ утѣшеніе самъ руководствовать къ небесному царствію Θεодосій, и еще четыреста оставилъ, столь же приготовленными, преемнику своему Софронію.

Не долго уже оставалось и освященному Саввѣ свѣтить изъ юдоли плача всей Палестины; по еще девяносто четырехъ лѣтній старецъ, долженъ былъ предпринять тяжкое странствіе, для умирненія Церкви, въ Царьградъ, гдѣ Императоръ Іустиніанъ наслѣдовалъ дядѣ своему Іустину. Причиною странствія было возмущеніе Самаритянъ, которые вооружившись противъ Христіанъ, разоряли церкви въ Палестинѣ, овладѣли Сихемомъ или Неаполемъ, и

529 годъ.

умертвивъ Епископа Аммона съ его пресвитерами, сожгли ихъ на костяхъ мученическихъ, извлеченныхъ изъ гробовъ. Не было свободнаго пути Христіанамъ въ предѣлахъ Галилейскихъ; Самаритяне избрали даже изъ среды своей Императора, именемъ Іуліана, и должно было послать сильное войско въ Сирію, для усмирненія мятежа. Въ продолженіе онаго, Христіане Скинопольскіе самовольно умертвили нѣкоего Сильвана, родомъ Самарянина, злѣйшаго врага ихъ, который былъ силенъ при дворѣ царскомъ, вліяніемъ сына своего Арсенія, занимавшаго тамъ высокую степень. Раздраженный Арсеній возбудилъ гнѣвъ Императора, и особенно его супруги Θεодоры, противъ всѣхъ Христіанъ Палестинскихъ, очернивъ ихъ многими клеветами, и Патріархъ Іерусалимскій Петръ, опасаясь пагубныхъ послѣдствій, умолилъ Св. Савву, не смотря на преклонный возрастъ, плыть въ Константинополь, чтобы тамъ оправдать своихъ согражданъ духовныхъ и испросить ослабу податей, по случаю разореній Самаритянскихъ.

Патріархъ предварилъ грамотою Императора, о путешествіи святаго старца, и обрадованный Іустиніанъ выслалъ ему на встрѣчу собственный корабль, съ Патріархомъ Константинопольскимъ Епифаніемъ и двумя Епископами. Они привели его въ торжество, прямо къ палатамъ царскимъ, и взоры Императора поражены были сіяніемъ, озарившимъ священную главу старца; со слезами въ очахъ простерся онъ къ его ногамъ, прося, благо-

* Vie des peres du desert, liv. VII. ch. 14.

словенія , и ввелъ потомъ къ Императрице , которая , принявъ его съ тѣмъ же благоговѣніемъ , молила о исходатайствованіи ей сына . Но святой отвѣтствовалъ только : «Господь славы да сохранитъ твою державу въ благочестіи и побѣдѣ.» Огорчилась Императрица неудовлетворительнымъ отвѣтомъ , и когда бывшіе съ нимъ игумны спросили : зачѣмъ не исполнилъ онъ ея желанія ? — Савва сказалъ имъ : «повѣрьте , отцы мои , никогда не произойдетъ плода изъ сей утробы , дабы не заразился онъ ученіемъ Севера и не возмутилъ Церкви , паче Анастасія.» — Св. Савва и игумны помѣщены были въ палатахъ царскихъ . Императоръ , узнавъ клеветы Арсенія , обратилъ гнѣвъ свой на его согражданъ и затворилъ ихъ синагоги ; самъ Арсеній прибѣгнулъ къ заступленію святаго и крестился съ своими клеветами .

Нѣсколько дней спустя , Императоръ призвалъ освященнаго Савву и сказалъ ему : «знаю , отецъ мой , что ты основалъ много обителей въ пустынѣ , проси же какихъ хочешь доходовъ твоимъ инокамъ , дабы они молились за насъ и нашу державу.» — Но святой старецъ отвѣчалъ : «иноки , молящіеся о твоемъ благочестіи , не имѣютъ нужды въ деньгахъ , ибо ихъ удѣломъ Господь , нѣкогда одождившій небесный хлѣбъ на невѣрный народъ и жестоковыйный . Мы только просимъ у тебя облегченія подати для жителей Палестинскихъ и обновленія церквей , созженныхъ Самарянами , съ пособіемъ для разоренныхъ ими Христіанъ ; устроенія богадѣльни въ Иерусалимѣ , для приходящихъ стран-

никовъ ; довершенія также начатаго Патріархомъ Иліею храма во имя Богоматери , и наконецъ сооруженія замка въ пустынѣ , повыше тѣхъ монастырей , которые я тамъ создалъ , дабы оградить ихъ отъ набѣговъ Сарацинскихъ . Уповаю , что ради сихъ пяти твоихъ дѣяній , Господь присоединитъ къ твоей державѣ Африку , Римъ и прочее бывшей области Гоноріевой , утраченное твоими предшественниками , лишь бы только ты освободилъ Церковь отъ трехъ ересей Арія , Несторія и Оригена .

Императоръ охотно согласился исполнить всѣ требованія уважаемаго имъ аввы , и когда , въ его же присутствіи , сталъ писать о томъ указъ , съ квесторомъ своимъ Тривоніаномъ , на имя Патріарха Петра и областныхъ правителей Палестины , Савва отошелъ въ сторону , чтобы читать молитвы третьяго часа . Бывшій съ нимъ діаконовъ великой лавры , Іеремія , тихо къ нему приблизился и сказалъ : «видишь ли , отче , съ какою любовію исполняетъ Императоръ всѣ твои желанія , зачѣмъ же ты его оставилъ ?» Но старецъ отвѣчалъ съ кротостію : «сынъ мой , они дѣлаютъ свое дѣло , а мы станемъ исполнять нашъ долгъ.»

Воспламененный благочестивою ревностію Іустиніанъ , обновилъ всѣ разоренныя церкви и довершилъ храмъ , начатый Патріархомъ Иліею , во имя введенія Божіей Матери , который и понынѣ существуетъ , на мѣстѣ Соломонова храма , подъ именемъ мечети эль Акса , т. е. дальней . Онъ устроилъ также обширную богадѣльню , на двѣсти кроватей ,

въ Иерусалимъ, съ щедростію истинно царскою, ибо присвоилъ ей до трехъ тысячъ семи сотъ золотыхъ, ежегоднаго дохода, и соорудилъ замокъ въ пустынь, для огражденія обителѣй отъ Сарациновъ. Хотя Патріархъ Иерусалимскій Досіеѣй * предполагаетъ, что сей укрѣпленный замокъ былъ ничто иное, какъ двѣ башни и донныя видимыя въ лаврѣ Св. Саввы, и что церковь Богоматери есть нынѣшняя Виолеемская; но жизнеописатель Св. Саввы, Кириллъ, прямо говоритъ, что храмъ, начатый Патріархомъ Иліею, находился въ Иерусалимѣ. Также и Прокопій, пространно описывая всѣ зданія, сооруженныя Іустиніаномъ **, говоритъ, что поелику недоставало мѣста на холмѣ, для великолѣпнаго храма сего, то съ восточной и южной стороны употребили цѣлыя скалы подъ его основаніе, которыя съ неимоверными трудами извѣкли изъ сосѣднихъ горъ и перевезли на волахъ. Далекъ отъ Св. града былъ и кедровый лѣсъ, для сооруженія сводовъ; но совершенному же недостатку мрамора для колоннъ и по отдаленію Иерусалима отъ моря, принуждены были употребить для столбовъ находившіяся въ окрестностяхъ красноватый камень, и ими окруженъ былъ весь храмъ, исключая восточной стороны; особенно великолѣпны были два столба въ преддверіи, которымъ едва ли можно найти что либо подобное. Около храма устроены были двѣ богадѣлни, одна для странныхъ, другая для болящихъ. Что же касается до замка, то хотя,

* Кн. V. ** Orat. V.

Императоръ укрѣпилъ башнями и лавру, но здѣсь должно разумѣть другой замокъ въ пустынь; ибо Савва просилъ огражденія не одной только, а всѣхъ его обителѣй. Не удовольствовавшись исполненіемъ требованій святаго старца, Императоръ протеръ и далѣе свои щедроты, и великолѣпно обновилъ храмъ рождества Христова, воздвигнутый въ Виолеемѣ Царицею Еленою и украшенный Евдокіею; а у подошвы горы Синайской соорудилъ дивный храмъ преображенія Господня, донныя существующій въ сей дикой пустынь, и обнесъ его твердыми стѣнами, недоступными для Арабовъ. Такъ путешествіе одного великаго аввы осталось на вѣки памятнымъ всему Востоку.

Общанія старца исполнились вскорѣ, съ большею славою для Іустиніана, и онъ, покоривъ Африку, съ умиленіемъ благодарнаго сердца, послалъ въ Иерусалимъ къ Св. гробу, древніе сосуды Іудейскаго храма, перенесенные некогда Титомъ въ Римъ, похищенные оттолъ Вандалами, и наконецъ принесенные Велисаріемъ изъ Карфагена въ Царьградъ. — Историкъ Прокопій пишетъ, что когда побѣдитель Велисарій съ торжествомъ вступалъ въ новую столицу и предъ нимъ несли всѣ его добычи, одинъ изъ Іудеевъ, приближенныхъ къ Императору, увидя сосуды Іерусалимскіе, сказалъ Іустиніану: «не подобаетъ вносить сосуды сіи въ твои чертоги; одно лишь мѣсто имъ прилично, — то, которое имъ предназначилъ соорудившій ихъ Царь Соломонъ, ибо за ихъ похищеніе Титомъ, допущено было царю Вандаловъ Гензеріку разорить

палаты Римскія, а нынѣ Римлянамъ чертоги Вандаловъ.» Иустиніанъ немедленно велѣлъ возвратить сосуды сіи въ Іерусалимъ*.

Съ миромъ отпустилъ Св. Савву Императоръ и съ благословеніями встрѣтила его вся Палестина. Патріархъ и прочіе Епископы просили его объявить указы царскіе въ Кесаріи и Скиеополь, и онъ, исполнивъ ихъ желаніе, пришелъ еще однажды въ Іерусалимъ проститься со святыми мѣстами; вскорѣ постигла его смертная болѣзнь. Едва услышалъ о томъ Патріархъ, поспѣшилъ въ лавру, и видя убожество святаго, томившагося болѣзнію на простой рогожѣ, перенесъ его въ свои палаты, и самъ служилъ ему, какъ любящій сынъ. Но святой старецъ, чувствуя приближеніе кончины, умолилъ Патріарха отпустить его обратно въ свою любимую лавру, и не смѣлъ ослушаться его Святитель Іерусалимскій. Тамъ, въ своей убогой башнѣ, созвавъ братію, онъ далъ имъ вмѣсто себя игуномъ Мелитона, и убѣждалъ вѣрно соблюдать преданія отеческія и чинъ богослуженія, имъ оставленный, и донинѣ сохраняемый повсемѣстно, подъ именемъ Типика или устава Саввы освященнаго. Четыре послѣдніе дня провелъ онъ безъ пищи, въ совершенномъ безмолвіи и уединеніи, и въ субботу вечеромъ причастившись Св. таинъ, испустилъ духъ съ сими словами: «Отче, въ руки твои предаю духъ мой.» (Это было 5 Декабря 531 г.)

Погребеніе Св. аввы совершилось съ чрезвычайною торжественностію; иноки всѣхъ окрестныхъ

* Procopius de bello Vandal. Lib. 11.

обителѣй и безчисленное множество народа собрались въ лавру; пришелъ и Патріархъ Петръ, со многими Епископами и старѣйшинами города, и погребли нетлѣнное тѣло, между двухъ церквей, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда ему видѣлась грядущая слава его лавры, въ образѣ огненнаго столпа. Инокъ Кириллъ такъ распределяетъ годы жизни освященнаго Саввы: восемнадцать лѣтъ пришелъ онъ въ Палестину, семнадцать лѣтъ провелъ въ обители, пятьдесятъ девять въ пустынѣ и лаврѣ, и скончался девяноста четырехъ лѣтъ. — «По его блаженную кончину, говоритъ тотъ же Кириллъ, скорѣе можно назвать сномъ, нежели смертію; ибо по словамъ Премудраго: души праведныхъ въ рукахъ Божіихъ, и ихъ не постигнутъ муки.» Многіе годы спустя послѣ кончины святаго, тѣло его сохранялось свѣжимъ и цѣлымъ, какъ въ часъ успенія, и самъ Кириллъ это видѣлъ, собственными глазами, спустившись въ погребальныя своды, для поклоненія его мощамъ, когда тутъ же предавали землѣ тѣло блаженнаго игумна Касіана. Но Господь, прославивъ такимъ образомъ смертные останки своего угодника, еще болѣе прославилъ его чудесами и исцѣленіями, отъ него истекавшими, ради людей, призывавшихъ съ вѣрою имя святаго.

Св. Іоаннъ молчальникъ, изъ Епископовъ сдѣлавшійся ученикомъ Саввы и затворникомъ его лавры, уже въ теченіе дватцати четырехъ лѣтъ, не присутствовалъ при его кончинѣ и безутѣшно плакалъ, о разлукѣ съ духовнымъ отцемъ своимъ;

но ему предсталъ, въ сонномъ видѣніи, Савва и сказалъ: «перестань огорчаться, отецъ мой Іоаннъ, хотя мы и разлучены тѣломъ, но духомъ я всегда съ тобою.» — «Ахъ, помолись Господу, чтобы онъ и меня взялъ къ себѣ,» возразилъ Іоаннъ; но авва отвѣчалъ: «теперь невозможно, потому что лавра взволнуется сильнымъ искушеніемъ, и ты будешь нуженъ для утѣшенія и укрѣпленія подвижниковъ за вѣру.»

Іоаннъ пересталъ плакать, но заботился душою о предсказанномъ искушеніи. Тогда же, по случаю блаженной кончины своего аввы, помолился онъ Господу, чтобы ему открыто было, какъ различается душа съ тѣломъ, и духомъ былъ онъ перенесенъ въ церковь Виолеемскую; тамъ видѣлся ему въ преддверіи умирающей странникъ, простертый на землѣ; Ангелы же принявъ душу его, несли на небо, со славою и сладкимъ пѣніемъ. Іоаннъ, желая удостовѣриться въ истинѣ видѣнія, поспѣшилъ немедля въ Виолеемъ и нашелъ тѣло умершаго, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ оно ему видѣлось; съ благоговѣніемъ облобызавъ священные останки, онъ предалъ ихъ землѣ и опять заключился въ свою келлію. Семидесяти осьми лѣтъ остался онъ по кончинѣ Св. Саввы, и еще двадцать шесть лѣтъ спустя, историкъ Кириллъ, описывая блаженное житіе его, говорилъ о немъ, какъ о живомъ, предоставляя другимъ раскрыть все его добродѣтели. Еще во время великаго Саввы многіе приходили имъ дивиться; нѣкто Аѳерій Архіепископъ, поклонившись Св. мѣстамъ и раздавъ многія милостыни

по обителямъ, уже возвращался въ свою епархію, но противный вѣтръ заставилъ его пристать къ Аскалону. Въ сонномъ видѣніи явился ему Ангелъ и сказалъ: «ты не можешь предпринять плаванія, не увидѣвъ прежде, въ лаврѣ игумна Саввы, молчальника авву Іоанна, мужа праведнаго, благочестиваго и подобно тебѣ облеченнаго саномъ епископства; ибо Господь положилъ въ немъ дары небесныя, которые таитъ его смиреніе. Онъ живетъ въ совершенномъ отчужденіи отъ міра, пропикнутый страхомъ Божиимъ и желаніемъ быть съ однимъ лишь Богомъ.»

Проснулся Аѳерій и поспѣшилъ въ лавру; онъ разсказалъ старцамъ видѣнный имъ сонъ, и такимъ образомъ обнаружилась, во славу Божию, долго хранившаяся тайна епископства Іоаннова. Два дни дробылъ въ его келліи Аѳерій, спрашивая у него все подробности его жизни, которыя сообщилъ потомъ Св. Саввѣ и братіямъ, къ общему всѣхъ назиданію, и съ удивленіемъ говорилъ: «воистинну есть еще камни святые, сокрываемые подъ землею!» Многія чудеса и духъ прозорливости ознаменовали благодатное состояніе молчальника. Два ученика его, посланные имъ за Іорданъ, спасены были отъ пустыннаго льва, призываніемъ имени ихъ блаженнаго учителя. Одна благочестивая діакониса церкви Константинопольской, пришедшая поклониться Св. мѣстамъ, съ родственникомъ, зараженнымъ ересію Севера, скорбѣла о его душевной болѣзни и просила ученика Іоаннова привести къ нему сего родственника, ибо женщинамъ запрещенъ

былъ входъ въ лавру. Но молчальникъ не хотѣлъ благословить пришельца, доколь не оставитъ лжеученія Северова, и тронутый сею прозорливостію, онъ обратился къ православію. Утѣшенная діакоисса хотѣла сама идти къ Іоанну, облекшись въ мужескія одежды; но святой, проникнувъ ея тайный помыселъ, послалъ сказать ей: «да будетъ тебѣ извѣстно, что если ты придешь, то не увидишь меня; не сокрушайся однако и останься на мѣстѣ; я тебѣ явлюсь во снѣ и буду отвѣчать на все твои вопросы, судя по тому, что внушитъ мнѣ Богъ.» Повѣрила діакоисса, и точно, въ сонномъ видѣніи, бесѣдовала съ молчальникомъ, черты коего она вѣрно рассказала ученику его; событіе сіе слышала отъ нее самъ инокъ Кириллъ.

Смиреніе Іоанна могло только сравниться съ строгостію его жизни: уже многіе годы употреблялъ онъ пепель кадилный вмѣстѣ съ хлѣбомъ, единственною своею пищею; однажды засталъ его ученикъ Θεодоръ въ такомъ дѣйствіи, и святой огорчился, потому что постъ его обнаружился міру; но ученикъ, зная его смиреніе, утѣшилъ сими словами: «ты не одинъ, отецъ мой, такъ постишься; многіе изъ отцевъ здѣшней лавры тоже дѣлаютъ, чтобы согласоваться съ словами Пророка: «я вкушалъ пепель, какъ хлѣбъ.»

Келлія затворника прислонена была къ утесу, коего неплодный камень, опаляемый непрестанно солнцемъ, не могъ произрастить никакой былинки. Однажды святой Іоаннъ, бесѣдуя съ двумя учениками своими, пожелалъ, чтобы Господь явилъ ему

свою милость, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, знаменіемъ будущаго блаженства, и взявъ три сѣмяни смоковничныя, положилъ ихъ въ ущеліе утеса. «Познаю милость Божию ко мнѣ, если дѣйствіемъ его благодати прозябнутъ сіи сѣмяна въ утесѣ,» сказалъ онъ, и Господь, произрастившій некогда жезлъ Аароновъ, далъ прозябнуть и смоковницѣ въ ущеліи; мало по малу возникло дерево отъ сѣмянъ, осынило келлію Іоанна и даже принесло плодъ, который раздѣлилъ онъ съ учениками, проливая радостныя слезы. Это чудо было тѣмъ замѣчательнѣе, что даже въ саду лавры, вдоль потока, не могла удержаться ни одна смоковница, отъ чрезвычайнаго зноя, не смотря ни на какія старанія иноковъ. Но самое чудо обратило еще болѣе мысли Іоанновы къ смертному часу, ибо онъ видѣлъ, въ скоромъ исполненіи своихъ моленій, несомнѣтельный призывъ его къ вѣчности и близость послѣдняго часа.*

* Vic des peres, liv. VII, ch. 21. Четія Минея 5. Декабря.

XIII.

СМЯТЕНІЯ ОРИГЕНИСТОВЪ.

Патріархи Евстохій и Макарій. — Инокъ Кирилль.

Еще продолжались тогда недоумѣнія, возникшія, послѣ Халкидонскаго собора, и около полувѣка вся Западная Церковь почти не была въ общеніи съ Востокомъ*. Пришествіе Папы Римскаго Агапита въ Константинополь умирило Церкви; онъ убѣдилъ Императора Юстиніана низложить Патріарха Цареградскаго Аноима, благопріятствовавшаго расколу, и на его мѣсто соборно былъ избранъ благочестивый Мина. Папа извѣстилъ о томъ писменно Патріарха Іерусалимскаго Петра, упрекая его за то, что не чуждался общенія Аноима, и внушая ему, что долженъ отринуть всѣхъ тѣхъ, которыхъ отринула отъ своего общенія, какъ еретиковъ, каедрa Римская. Въ тоже время Епископы Восточные, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ Палестины, съ игумнами, бывшими тогда въ Царьградъ, подали жалобу Папѣ Агапиту на лжепатріарха Антиохійскаго Севера, зараженнаго ересію Ев-

* 536 годъ. Vie des peres, liv. VII. ch. 20.

тихія и Манихеевъ, и на всѣхъ его послѣдователей. Послѣ скорой кончины Папы Агапита, Патріархъ Мина соединилъ по сему предмету соборъ въ Константинополь, изъ Епископовъ Восточныхъ, на коемъ присутствовали также повѣренные Патріарха Петра и нѣкоторые игумны Палестинскіе. Ихъ было девятнадцать, и во главѣ ихъ стоялъ Домитіанъ, игумень обители Мартиріевой, что въ пустынь Іорданской.

Преемникъ Θεодосія Киновіарха, Софроній, послалъ также на соборъ представителемъ своей обители и всей пустыни Іерусалимской, инока Исихія, который вмѣстѣ съ прочими игумнами повторилъ Патріарху Минѣ прежнюю жалобу на Севера, принесенную Папѣ Агапиту, и такъ подписался на сей жалобъ: «я Исихій, по милости Божіей священноинокъ обители блаженнаго аввы Θεодосія, мѣстоблюститель Софронія, священноархимандрита сей обители и всей пустыни Іерусалимской, подписался съ прочими архимандритами Іерусалима, посланными въ сей царствующій градъ и представляющими собою лице всѣхъ архимандритовъ и иноковъ пустыни и трехъ Палестинъ.» Сей Исихій былъ въ послѣдствіи и преемникомъ Софронія, и подпись его свидѣтельствуетъ, какую важную степень занимали тогда въ іерархіи церковной настоятели обителей, по глубокому уваженію къ великимъ отцамъ пустыни; ибо они засѣдали посреди соборовъ святителей и съ ними рѣшали дѣла Церкви*. И Патріархъ Петръ Іерусалимскій, по

* Истор. Флери, XXXI, 57.

возвращеніи своихъ иноковъ изъ Царьграда, созвалъ соборъ въ Св. градъ, изъ сорока девяти Епископовъ, на коемъ утвердилъ всѣ положенія Константинопольскаго, противъ Аноима и Севера; вслѣдъ за Патріархомъ, подписались на ономъ Епископы Илія Кесарійскій и Θεодосій Скиѳопольскій. Тогда же одинъ изъ повѣренныхъ Патріарха въ Царьградъ, казнохранитель Св. гроба, пресвитеръ Евсевій, испросилъ своей Церкви право продавать дома, ей принадлежавшія, дабы тѣмъ содержать безчисленныхъ поклонниковъ, посѣщавшихъ Св. мѣста.

Спустя два года, по приговору соборному и повелѣнію царскому, Патріархъ Петръ долженъ былъ идти въ Газу, вмѣстѣ съ Ефремомъ Патріархомъ Антиохійскимъ, Ипатіемъ Митрополитомъ Ефескимъ и легатомъ Папскимъ Пелагіемъ, чтобы тамъ лишить омофора святительскаго Павла, Патріарха Александрійскаго*. Ему предоставлена была власть надъ всѣми сановниками мірскими Египта, и его обвинили въ тайномъ повелѣніи, казнить одного изъ своихъ діаконовъ, благопріятствовавшаго Евтихіанамъ, хотя правитель области дѣйствовалъ въ семъ случаѣ самовольно. Зоиль рукоположенъ былъ, Святителями Восточными, на кафедрѣ Павла. Но не было мира Патріарху Петру, внутри собственной его епархіи, отъ плевель Оригеновыхъ; нѣкоторые изъ его иноковъ просили даже легата Пелагія, во время его путешествія въ Палестину, дабы онъ представилъ Императору, для соборнаго

* Кн. XXXII, 1.

осужденія, вредныя мнѣнія, между ними разсыпаныя. Зараза истекала изъ новой лавры Св. Саввы, которую онъ устроилъ, по Христіанскому смиренію, для возмущившихся противъ него иноковъ; но не было надъ ними благословенія Божія. Изъ девяти обителей, имъ основанныхъ, кромѣ великой лавры, на укрѣпленной горѣ, у башни Давидовой, въ Скиѳополь и Никополь, около башни Евдокіи, близъ семи устьевъ и въ пещерахъ, для Армянъ и для новоначальныхъ, не процвѣла только одна сія новая лавра, возникшая отъ недобраго корня.

Св. Савва далъ настоятелемъ возмущившимся, прозорливаго инока Іоанна, который послѣ семилѣтняго правленія, со слезами предсказалъ, въ часъ своей кончины, что скоро наступитъ время, когда живущіе въ сей лаврѣ отклонятся отъ правой стези и, вознесшись гордостію, погибнутъ, а козни ихъ уничтожатся. Преемникъ Іоанна, Павелъ, чрезъ полгода оставилъ лавру и удалился въ Аравію; но избранный на его мѣсто Агапитъ, нашелъ въ обители четырехъ иноковъ Оригенистовъ, которыхъ принялъ по неопытности Павелъ. Старшій изъ нихъ Ноннъ, подъ видомъ внѣшняго благочестія, тайлъ въ себѣ злую ересь, и будучи изгнанъ изъ лавры, по согласію Патріарха Иліи, вмѣстѣ съ тремя своими сообщниками, имѣлъ дерзость просить себѣ суда у Патріарха Іоанна; однако обличенный Св. Саввою, принужденъ былъ удалиться. Пять лѣтъ спустя, Мамонтъ, избранный на мѣсто Агапита, имѣлъ неосторожность принять къ себѣ тѣхъ же иноковъ, не спросивъ совѣта у великаго аввы, и

они оставались покойными до его кончины; но когда закатилось сіе церковное свѣтило Палестины, стали мало по малу разсѣивать свои заблужденія въ лавръ и въ окрестныхъ обителяхъ Фирмина и Мартирія; многіе невѣжественные иноки разошлись отголѣ по разнымъ предѣламъ Палестины, съ пагубнымъ лжеученіемъ. Столѣтній отшельникъ Киріакъ оградилъ лавру Сухумскую отъ ихъ заблужденій; ибо тогда еще спасался подлѣ нее, въ пещерь Харитоновой, но въ великой лавръ Св. Саввы оказалась зараза духовная. Архимандритъ ея Геласій, по совѣту именитаго молчальника Іоанна, велѣлъ читать въ церкви, во всеуслышаніе, писанія Антипатра, Епископа Востры, противъ Оригена, и сорокъ обличенныхъ Оригенистовъ изгнаны были изъ лавры. Такъ сбылось предсказаніе Саввы, и молчальникъ оградилъ его обитель, подобно какъ и отшельникъ Киріакъ Харитоніеву.

Отверженные бѣжали въ новую лавру, къ Нонну и его сообщнику, Леонтію Византійскому, и тамъ всѣ сговорились, силою заставить великую лавру принять мнѣнія Оригеновы. Прежде однако хотѣли еще привлечь на свою сторону монастырь Киповіарха Θεодосія; но отраженные его благоразумнымъ преемникомъ Софроніемъ, они пришли еще въ большую ярость и вооружившись дрекольями, съ толпою поселянъ, устремились къ великой лавръ, въ намѣреніи ее разрушить. Богъ не попустилъ уничтожить дѣло рукъ своего угодника и ослѣпилъ ихъ чувственные взоры, такъ что

* Vie des peres, liv. VII, ch. 20.

цѣлыя сутки проскитались по мѣстамъ непроходимымъ; на другой же день, увидѣвъ предѣ собою Виолеемскую обитель блаженнаго Маркіана, весьма отдаленную отъ лавры, принуждены были возвратиться.

Между тѣмъ Патріархъ Петръ писалъ къ Императору Іустиніану, о безпорядкахъ Палестинскихъ; Государь сей издалъ уже опредѣленіе противъ мнѣній Оригеновыхъ, которое было подписано въ Іерусалимѣ всеми Епископами и игумнами, такъ что Ноннъ и его сообщники принуждены были опять оставить новую лавру и совершенно отдѣлились отъ общенія православныхъ. Но они имѣли заступника въ Царьградѣ, изъ числа своихъ собратій, Θεодора Архіепископа Каппадокійскаго, сильнаго при дворѣ царскомъ. Едва услышалъ онъ о изгнаніи Нонна, какъ призвалъ къ себѣ повѣренныхъ Патріарха Іерусалимскаго въ Константинополь, и съ угрозами объявилъ имъ, что самъ придетъ въ Іерусалимъ низложить Патріарха, если не возвратятъ опять Нонна въ прежнюю обитель, и Патріархъ, малодушествуя, исполнилъ нечестивое требованіе. Одушевленные такою побѣдою, Оригенисты явно стали проповѣдывать свое ученіе по всей Палестинѣ, и объявили непримиримую войну великой лавръ, всячески стараясь вредить ей; если только встрѣчали въ Іерусалимѣ какого либо православнаго инока, они называли его Савваитомъ и, покровительствуемые свѣтскою властію, съ поруганіемъ изгоняли изъ города.

На берегахъ Иордана жили тогда нѣкоторые иноки Вессы, родомъ изъ Фракіи, которые будучи движимы ревностію, пришли въ Иерусалимъ на помощь православнымъ; но Оригенисты заставили ихъ искать себѣ убѣжища въ богадельнѣ великой лавры, и въ числѣ трехсотъ окружили зданіе, чтобы умертвить иноковъ, которые въ немъ укрѣпились. Мятежники стали метать камнями въ окна и ранили многихъ; тогда одинъ изъ Вессовъ, исполинскаго роста, по имени Θεодоритъ, мужественно вышелъ противъ толпы, и всѣхъ разогналъ, стараясь однако никого не ранить; но самъ онъ былъ пораженъ камнемъ и умеръ спустя нѣсколько дней. Наконецъ иноки великой лавры, не въ силахъ будучи прекратить безпорядка, умолили архимандрита своего Геласія, идти въ Константинополь, извѣстить Императора, о бѣдственныхъ произшествіяхъ Палестины. Согласился Геласій, и въ часъ отъѣзда собравъ всю братію въ церкви, убѣждалъ ее чуждаться писаній Оригеновыхъ; но жестокий врагъ православія, Θεодоръ Кесарійскій, сильнымъ вліяніемъ Императрицы, запретилъ, въ палатахъ царскихъ и патріаршихъ и во всѣхъ страннопріимницахъ столицы, принимать кого либо изъ иноковъ Иерусалимскихъ; такимъ образомъ отринутый повсюду Геласій, долженъ былъ оставить Царьградъ и умеръ отъ печали на обратномъ пути. Отцы великой лавры, услышавъ о его кончинѣ, пришли въ Иерусалимъ просить Патріарха, о назначеніи имъ новаго архимандрита, и были съ безчестіемъ изгнаны двумя его синкел-

лами, которыхъ опредѣлилъ къ нему силою, для ближайшаго за нимъ надзора, тотъ же Θεодоръ. Мало по малу почти всѣ иноки присоединились къ сильнѣйшей сторонѣ Оригенистовъ, хотя и не разделяли ихъ мнѣнія. Противустояла только одна великая лавра, поддерживаемая молчальникомъ Іоанномъ; но и туда ворвались, вооруженною рукою, Оригенисты и поставили архимандритомъ, нѣкоего сообщника своего Георгія. Тогда разсѣялись по пустынь святыя отцы лавры, какъ овцы безъ пастыря, и съ ними великій Іоаннъ принужденъ былъ оставить на время утесистую свою келлію, въ которой столько лѣтъ безмолвствовалъ. Онъ удалился на гору Элеонскую, со многими изъ иноковъ лавры, и въ день его изгнанія пораженъ былъ внезапною смертію нечестивый Ноннъ; полгода спустя послѣдовалъ за нимъ столь же нечестивый архимандритъ Георгій. Оставшаяся, хотя и въ маломъ числѣ, благочестивая братія, избрала своимъ настоятелемъ, изъ православной лавры Сухумской, игумна Кассіяна, бывшаго ученикомъ великаго Саввы, а послѣ скорой его кончины, не менѣе благочестиваго Конона Ликійскаго, въ правленіе коего опять процвѣла обитель, какъ во дни своего основателя.

Напротивъ того сильныя раздоры возникли между Оригенистами, по смерти вождя ихъ Нонна, какъ обыкновенно случается съ еретиками, не держащимися одного праваго пути, но влающимися всякимъ вѣтромъ. По словамъ летописца Кирилла, Господь обновилъ надъ ними чудо Вавилонскаго

смѣщенія языковъ и тѣмъ разсвѣля ихъ злоумышленія. Монашествующіе новой лавры, поддерживаемые Θεодоромъ Кесарійскимъ, который возвелъ многихъ изъ числа ихъ на степень игуменовъ и Епископовъ въ Палестинѣ, враждовали противъ обители Фирмина, несогласной съ ними во мнѣніяхъ. Настоятель ея, Исидоръ, видя свое безсиліе, пришелъ наконецъ къ архимандриту Конону, покаялся предъ нимъ за всю братію, въ своихъ заблужденіяхъ, и давъ ему слово, въ церкви Сіонской, во всемъ содѣйствовать противъ Оригена, сопутствовалъ ему въ Царьградъ; много пострадали они тамъ отъ Архіепископа Θεодора, но терпѣніемъ все одолѣли.

Нѣсколько времени спустя скончался, послѣ дватцатилѣтняго правленія, Патріархъ Петръ, которому кончина предсказана была однимъ святымъ старцемъ горы Синайской, аввою Георгіемъ. Однажды, пожелавъ приобщиться Св. таинъ въ храмъ, воскресенія Христова, Георгій, въ духъ былъ перенесенъ въ святилище и тамъ принялъ Св. таинны изъ рукъ самаго Патріарха; когда же Святитель хотѣлъ пригласить его на трапезу, никто уже не могъ найти авву въ Иерусалимѣ. Изумленный Патріархъ писалъ Епископу Фаранскому и отцамъ Синайскимъ, чтобы они прислали къ нему Георгія; и въ свою чреду изумились отцы, услышавъ о его таинственномъ путешествіи, ибо въ тотъ же день видѣли старца у себя въ церкви. Тогда Георгій написалъ самъ къ Патріарху: «прости мнѣ, святѣйшій владыко, семьдесятъ лѣтъ уже какъ я не

оставлялъ горы Синайской и не ходилъ въ Палестину, а если бы и ходилъ, не постыдилъ бы Ангела твоего. Впрочемъ, да вѣдаетъ твое блаженство, что чрезъ шесть мѣсяцевъ мы оба пойдемъ въ срѣтеніе Господу, и тамъ вмѣстѣ пребывать будемъ.» Чрезъ шесть мѣсяцевъ исполнилось надъ обоими сіе пророчество, по свидѣтельству Софронія Иерусалимскаго*.

Оригенисты воспользовались кончиною Петра, чтобы возвести на его каѳедру одного изъ своей лавры, по имени Макарія, чѣмъ возбудили общее смятеніе. Императоръ Іустиніанъ, раздраженный противъ нихъ и ихъ покровителя Θεодора, велѣлъ изгнать Макарія; архимандритъ же Кононъ воспользовался случаемъ, чтобы представить Государю въ настоящемъ видѣ все дѣла Оригенистовъ. Получивъ такимъ образомъ довѣренность, онъ предложилъ Государю избрать въ Патріарха Иерусалиму благочестиваго Евстохія, эконома Церкви Александрійской, бывшаго тогда въ Царьградѣ, и желаніе его исполнилось. Уже готовились тогда къ пятому вселенскому собору; посему Кононъ предложилъ новому Патріарху, назначить своимъ мѣстоблюстителемъ Евлогія, архимандрита обители Θεодосіевой, и послушалъ совѣта Патріархъ, отправивъ Евлогія на соборъ, въ числѣ трехъ архимандритовъ и трехъ Епископовъ, заступавшихъ его мѣсто.

Главною цѣлію сего собора было осужденіе трехъ, такъ называемыхъ статей, или сочиненій Епископовъ: Θεодора Мопсуетскаго, Θεодорита

* 556 годъ.

Кирскаго и Иваса Едесскаго, которыя оставлены были безъ вниманія на соборъ Халкидонскомъ, но признавались неправославными отъ многихъ*. Императоръ Иустиніанъ уже нѣсколько лѣтъ настаивалъ, чтобы статьи сіи были осуждены, и это произвело сильное волненіе между Епископами Востока и Запада, которые опасались, осудивъ статьи, поколебать довѣренность къ собору Халкидонскому. Однако всѣ Патріархи Восточные и въ томъ числѣ Петръ Іерусалимскій, послѣ долгихъ сомнѣній, подписали осужденіе; противился только одинъ Вигилій Римскій, но и онъ, находясь въ Царьградѣ и нѣсколько разъ колебавшись въ своемъ мнѣніи, принужденъ былъ согласиться съ мнѣніемъ соборнымъ. По предложенію Императора, Святители осудили также и мнѣнія Оригеновы, ради смятеній, возбужденныхъ ими въ Палестинѣ; ибо Иустиніанъ велѣлъ прочесть на соборѣ жалобу, ему представленную архимандритами Палестинскими: Евлогіемъ, Конономъ, Кириакомъ и Панкратіемъ; жестокой ихъ противникъ, Феодоръ Кесарійскій, уже не въ силахъ былъ противудѣйствовать, ибо скончалась его покровительница, Императрица Феодора.

Дѣянія соборныя посланы были въ Палестину и единодушно приняты, на областномъ соборѣ всѣхъ Епископовъ, созванныхъ въ Іерусалимъ Патріархомъ Евстохіемъ. Одинъ только Александръ, Епископъ Авилы, не хотѣлъ согласиться и былъ за то лишенъ сана; онъ удалился въ Царьградъ, гдѣ

* 553 годъ.

погибъ отъ землетрясенія. Иноки новой лавры, не терпя осужденія Оригенова, совершенно отдѣлились отъ общенія Церкви православной, и тщетно старался Патріархъ, въ теченіе осьми мѣсяцевъ, привести ихъ опять на правую стезю. Тогда исполнилъ надъ ними приговоръ царскій, чрезъ областного правителя, изгнавъ ихъ не только изъ лавры, но и изъ всей Палестины. Однако Евстохій не хотѣлъ, чтобы оставалась впускъ лавра, основанная великимъ Саввою. Онъ послалъ туда сто двадцать православныхъ иноковъ, половина коихъ взята была изъ великой лавры, а прочіе изъ другихъ обителей, и далъ имъ настоятелемъ нѣкоего Іоанна, мужа благочестиваго, служившаго прежде въ тѣлохранителяхъ царскихъ. Историкъ Кириллъ былъ въ числѣ новой братіи; онъ находился тогда въ обители Евѣимія и, по совѣту молчальника Іоанна, приглашенъ былъ отцами великой лавры въ новую. Всѣ они собрались въ Іерусалимъ и, подъ предводительствомъ Патріарха и новаго настоятеля, крестнымъ ходомъ пошли въ новую лавру, а между тѣмъ правитель Анастасій изгонялъ изъ нее Оригенистовъ: это происходило двадцать три года спустя послѣ кончины блаженнаго Саввы, и тѣмъ исполнилось пророчество ученика его Іоанна, о событіяхъ въ сей новой лаврѣ. «Такъ прекратилась нечестивая война сія между иноками, говоритъ Кириллъ, и я заимствую слова Писанія: да веселится неплодная и процвѣтетъ яко круиъ, ибо Господь, исполненный любви къ чадамъ своимъ, сказалъ: я видѣлъ озлобленіе

людей моихъ Израиля и внялъ воплю его и иду избавить его; пришелъ и посѣтилъ насъ и ввелъ насъ въ достояніе враговъ нашихъ, дабы мы соблюдали заповѣди его: ему слава во вѣки.»

Самъ историкъ Кириллъ, которому мы обязаны полнымъ описаніемъ житія святыхъ: Евѳимія, Саввы, Ѳеодосія, молчальника Іоанна, Киріяка и всѣхъ современныхъ обстоятельствъ Палестины, рассказываетъ о себѣ, что онъ былъ родомъ изъ Скиеополья*. Когда, въ послѣдній годъ своей жизни, Савва освященный пришелъ въ городъ сей, объявлять указы Императора Іустиніана, благопріятные Церкви, Епископъ Ѳеодосій встрѣтилъ его со всемъ народомъ, а отецъ Кирилла, бывшій при немъ домоправителемъ, привелъ къ нему отрока, для принятія благословенія. «Отнынѣ я уже приѣмлю отрока сего какъ моего ученика, сказалъ великій авва: это чадо пустыни,» и обратясь къ Епископу, поручилъ наблюдать за нимъ. Святой отшельникъ посѣтилъ и домъ родителей Кирилла; съ тѣхъ поръ Епископъ не преставалъ спрашивать ихъ: «что дѣлаетъ ученикъ блаженнаго Саввы? научите его твердо читать псалтирь и апостолъ,» и онъ постригъ его самъ въ первую степень церковную.

Вмѣстѣ съ годами, пробудилась въ юномъ Кириллѣ жажда къ пустынѣ; онъ воспользовался праздникомъ обновленія храма Іерусалимскаго, чтобы отпроситься въ Св. градъ; пѣжная мать запо-

* Vies des peres, liv. VII, ch. 23.

вѣдала ему, твердо держаться во всемъ совѣтовъ молчальника Іоанна, чтобы не впасть въ заблужденія Оригенистовъ. Поклонившись Св. мѣстамъ и честному кресту, Кириллъ посѣтилъ и великую лавру, чтобы испросить наставленія молчальника. — «Если хочешь освятиться, иди и поселись въ обители великаго Евѳимія,» сказалъ ему Іоаннъ; но юноша, по вѣтренности своей, въ которой самъ потомъ сознавался, предпочелъ идти въ одинъ изъ монастырей пустыни Іорданской, и горько въ томъ раскаялся; ибо онъ занемогъ въ лаврѣ Каламоновой, и одинокій впалъ въ уныніе. Тогда предсталъ ему во снѣ блаженный Іоаннъ и сказалъ: «ты былъ наказанъ за то, что ослушался, но встань и пооди въ Іерихонъ; тамъ найдешь въ богадельнѣ Евѳиміевой малорослаго старца, который приведетъ тебя въ обитель аввы, гдѣ и обрѣтешь спасеніе.»

Юноша проснулся съ свѣжими силами и, къ общему изумленію иноковъ Каламоновыхъ, причастившись, пошелъ пѣшкомъ въ Іерихонъ и оттолъ въ обитель Евѳиміеву, гдѣ благосклонно принялъ его игумень Леонтій. Съ тѣхъ поръ не преставалъ онъ испрашивать духовныхъ наставленій у молчальника, который врачевалъ и недуги душевные, и въ его присутствіи исцѣлилъ бѣснумаго, однимъ помазаніемъ елея отъ лампы честнаго креста. Кириллъ былъ свидѣтелемъ такого же исцѣленія и при мощахъ великаго Евѳимія. Нѣкто Павелъ, болящій инокъ монастыря Мартиріева, оставленный на ночь при гробѣ святаго, ви-

дѣлъ его въ сонномъ явленіи, и на утро присоединился къ братіи, поющей псалмы, но уже не хотѣлъ болѣе удаляться изъ спасительной для него обители.

— И другое чудо, бывшее при гробѣ великаго Саввы, удостоился видѣть тотъ же Кирилль, когда посѣтилъ его лавру для бесѣды духовной съ молчальникомъ. Тамъ ископали обширное водохранилище, въ самой пещерѣ, гдѣ была церковь, изъ коей вела потаенная лѣстница въ башню Св. Саввы, а надъ нею устроенъ былъ стокъ для дождевой воды въ сіе хранилище. Зодчій Виолеемскій, по имени Мамонтъ, трудился надъ верхнимъ водоемомъ, вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Авксентіемъ, когда настигла ихъ внезапная буря съ ливнемъ; быстро нахлынувшая вода опрокинула обоихъ, но Мамонтъ удержался, ученикъ же увлеченъ былъ паденіемъ камней на площадку, между обоими церквями, пещерною и внѣшнею, гдѣ находилась гробница Св. Саввы. Но хотя отрокъ упалъ съ высоты десяти лактей и былъ заваленъ камнями, однако, по минованіи бури, нашли его невредимымъ. Подробности, съ какою рассказываетъ сіе событіе Кирилль, свидѣтельствуемъ о истинѣ; это случилось въ тотъ день, когда онъ самъ пришелъ устроить себѣ келлію, въ великой лаврѣ, чтобы тамъ навсегда основаться при молчальникѣ. Онъ имѣлъ также утѣшеніе пользоваться духовными наставленіями именитаго отшельника Кириака, въ лаврѣ Сукакимской; но еще прежде его переселенія въ великую лавру, когда по совѣту Іоанна, Па-

триархъ Евстохій перевелъ его въ новую, очищенную отъ Оригенистовъ, написалъ Кирилль житія великихъ Евѳимія и Саввы, или лучше сказать, привелъ въ порядокъ собранныя имъ постепенно записки о ихъ дѣяніяхъ, видѣнныхъ или слышанныхъ имъ отъ очевидцевъ. Послушаемъ какъ онъ самъ о томъ рассказываетъ.

«Воспріявъ отъ Св. Евѳимія много милости и вспомоствованій, тѣлесныхъ и духовныхъ, силою его молитвъ, и видя непрестанныя чудеса, совершавшіяся при гробѣ его, благоговѣлъ я предъ великою благодатию, ему данною у престола Божія; въ сердцѣ моемъ возникло желаніе вполне изучить дѣянія его жизни, дабы увѣдать, какою добродѣтелию достигъ онъ до такой святости, столь благоугодившей Богу. И такъ, испытавъ о томъ со тщаніемъ, у отцевъ сей пустыни, изъ коихъ нѣкоторые почерпнули изъ вѣрныхъ источниковъ все относившееся до великаго Евѳимія, а другіе еще и жили съ блаженнымъ Саввою, я тщательно собралъ все, что могъ узнать отъ тѣхъ и другихъ, и составилъ записки, не приводя ихъ однако въ порядокъ. Нѣсколько времени спустя собранъ былъ пятый вселенскій соборъ, на коемъ осудили заблужденія Несторія и Оригена; когда же изгнанные изъ новой лавры Оригенисты замѣнены были православными отцами, и я былъ въ нее призванъ, съ дозволенія Іоанна молчальника, то едва поселился я въ новомъ моемъ жительствѣ, какъ онъ сталъ возбуждать меня, съ отеческою любовію, къ описанію житія блаженныхъ Евѳимія и Саввы.

«Два года разсуждалъ я въ безмолвіи лавры, о средствахъ исполненія его воли; но поелику не научепь былъ книжному писанію, не зналъ какъ начать. Чувствуя свою немощь, я прибѣгнуль къ молитвѣ; но помолившись, со всевозможною ревностію, и проливъ обильные источники слезъ, я все еще не чувствовалъ себя въ силахъ и уже хотѣлъ оставить свое предпріятіе. Однажды сидѣлъ я, съ записками моими въ рукахъ, погруженный въ печальную думу, и задремалъ; это было во второй часъ дня, и вотъ великій Евѣимій и блаженный Савва внезапно мнѣ явились, облеченные иноческою одеждою, и мнѣ послышалось, что они между собою бесѣдуютъ; достоуважаемый Савва такъ говорилъ великому Евѣимію: «вотъ сынъ твой Кириллъ держитъ въ рукахъ собранные имъ записки, но еще не могъ привести ихъ въ порядокъ, ибо не знаетъ какъ къ сему приступить.» — «И не устроить сего, отвѣчалъ авва, если не приметъ помощи свыше.» — «Испроси ему сію помощь,» сказалъ блаженный Савва. Тогда великій отецъ Евѣимій, положивъ руку въ нѣдра свои, извлекъ малый серебряный сосудъ, наполненный дивнымъ питіемъ, коего по нѣскольку капель трижды влилъ въ уста мои; оно съ виду подобно было маслу, но я бы унизилъ его достоинство, если бы по вкусу сравнивалъ съ медомъ, и никогда не буду въ силахъ выразить словами всей сладости сего напитка; я проснулся отъ удовольствія и еще чувствовалъ отраднѣйшій вкусъ его въ моихъ устахъ. Съ сердцемъ, исполненнымъ утѣшенія, сей часъ приступилъ я къ

труду и не только предпринялъ житіе великаго Евѣимія, но почувствовалъ внутреннее влеченіе начертать и житіе несравненнаго Саввы.*»

Прежде нежели говорить о семъ видѣніи, которое было виною столькихъ утѣшеній и назиданій всему Христіанскому міру, историкъ Кириллъ заключаетъ житіе великаго Евѣимія, примѣчательными словами, вполне выражающими его правдивость: «вотъ наименьшая часть того, что мы видѣли сами или слышали отъ многихъ, о великомъ Евѣиміи; мы изложили и чудеса, бывшія при его жизни и тѣ, какія были по его кончинѣ, дабы не остались они неизвестными грядущимъ родамъ; ибо одни чудеса подтверждаются другими, и всѣ свидѣтельствуютъ о чрезвычайной святости сего великаго аввы. — По истинѣ, какъ могли бы совершиться столь великія знаменія надъ его мощами, если бы онъ не былъ святъ во время земной своей жизни? и можно ли сомнѣваться о святости его жизни, ознаменованной столь великими чудесами послѣ его кончины?» Кириллъ начинаетъ житіе Саввы освященнаго, краткимъ предисловіемъ къ Георгію, настоятелю новой лавры, и это начало опять свидѣтельствуетъ о крайней его любви къ истинѣ: «молю всѣхъ, которые будутъ читать книгу мою, испросить у Господа прощеніе грѣхамъ моей жизни, столь окаянной. Я не требую, чтобы вѣра къ тѣмъ событіямъ, какія стану рассказывать, основывалась только на моихъ словахъ; нѣтъ, я съ намѣреніемъ и точностію указалъ

* Vie des peres, liv. VII, ch. 23.

мѣста, время, лица, имена, дабы каждый могъ самъ удостовѣриться въ истинѣ, подробнымъ ея испытаніемъ.»

Перейдя въ великую лавру Св. Саввы, около 557 года, Кириллъ описалъ тамъ житіе своего великаго учителя молчальника Іоанна, который еще былъ тогда въ живыхъ, ста четырехъ лѣтъ отъ рожденія, и съ тѣхъ поръ мы уже болѣе ничего не знаемъ о обоихъ. Пять лѣтъ спустя, покровитель благочестиваго жизнеописателя, Патріархъ Евстохій, низложенъ былъ съ кафедры, по кознямъ изгнанныхъ имъ Оригенистовъ, еще сильныхъ при дворѣ царскомъ, и соперникъ его Макарій опять былъ возведенъ на престолъ Іерусалимскій, отрекшись однако торжественно отъ всѣхъ своихъ заблужденій.

Таковы были великіе подвиги Евѳимія, Саввы, Θεодосія, и такъ отъ ихъ молитвеннаго пота процвѣли, яко кринь, неплодныя пустыни Іорданская и Кедронская, обративъ въ одно псаломное согласіе все восточныя и южныя ущелія Палестины, такъ что отъ Сіона и до Мертваго моря, ополчился народъ Божій отшельниковъ, какъ нѣкогда при исходѣ Израиля изъ Египта. Неизвѣстно число всѣхъ обителей, не только самихъ монашествующихъ, ибо все было исполнено ими. И племя Иларіоново глубоко пустило свои корни на поморіи Западномъ; оно также процвѣло многими обителями и знаменитыми подвижниками, которые хотя и не принимали столь дѣятельнаго участія въ судьбахъ церковныхъ, какъ чада Евѳимія и Саввы, но тѣмъ не

менѣе назидали міръ своими добродѣтелями и приносили цвѣты благовонныя и сладостный плодъ. Таковъ былъ, въ окрестностяхъ Газы, монастырь аввы Серида, произрастившій Церкви великихъ подвижниковъ: старца Варсонофія и прозорливаго Іоанна, авву Дорофея и Досиея.

XIV.

ОБИТЕЛЬ СЕРИДА.

Аввы Варсонофій, Іоаннъ, Дорофей и Досией.

Лѣтописецъ церковный Евагрій пишетъ о Св. Варсонофій, что онъ просіялъ въ то время, когда повсюду разливалась молва о божественныхъ мужахъ Палестины, по необычайности совершаемыхъ ими знаменій. Онъ былъ родомъ изъ Египта, и удалился въ монастырь около Газы, гдѣ обиталъ

* Кн. IV, гл. 54. Сжит. Патерикъ. Vie des peres, liv. VII, ch. 26.

какъ безплотный, ибо заключившись въ келлію, провелъ въ ней безвыходно пятьдесятъ лѣтъ, почти не употребляя пищи и непрестанно творя чудеса. Намѣстникъ Іерусалимскій Евстохій, не вѣря тому, что о немъ рассказывали, самъ пожелалъ его видѣть, и велѣлъ сдѣлать отверстіе въ стѣну его келліи, но оттолъ исторглось пламя, которое едва не опалило всѣхъ пришедшихъ испытателей. Слава Варсонофія была столь велика, что изображеніе его поставили въ соборной церкви Цареградской, между отцемъ иночествующихъ Антоніемъ и Св. Ефремомъ Сирияиномъ; жизнь его продолжалась болѣе ста лѣтъ, и намъ осталась цѣлая книга назидательныхъ его отвѣтовъ на духовные вопросы учениковъ.

Самый именитый изъ нихъ былъ Іоаннъ, названный прозорливымъ, ибо онъ имѣлъ даръ пророчества. Уже въ глубокой старости, по немощи его тѣлесной, приставленъ былъ ему служителемъ другой великій подвижникъ, авва Дороѳей, который былъ исполненъ къ нему такого уваженія, что поклонялся двери его келліи, и всякой почиталъ бы себя блаженнымъ служить столь святому старцу. Каждый вечеръ Дороѳей принималъ на коленяхъ его благословеніе, внимая его назидательному слову, ибо старецъ всегда отпускалъ ученика, съ какимъ нибудь изреченіемъ древнихъ отцевъ пустыни. Иногда говорилъ онъ: «Св. отцы сказывали, что забота о томъ, какъ бы не оскорбить совѣсти ближняго, питаетъ въ насъ смиреніе; иди чадо, Господь да сохранитъ тебя въ любви своей.»

Въ другой разъ авва напоминалъ: «что отцы научили его не предпочитать своей воли волю братней; и еще: что ради нашего спасенія они внушали отрѣшаться отъ всякой человѣческой привязанности; и наконецъ повторялъ сію заповѣдь Апостольскую: «другъ друга тяготы носите и тако исполните законъ Христовъ.» (Гал. VI).

Дороѳей самъ говоритъ, что онъ сохранилъ сіи четыре изреченія, ежедневно ему повторяемыя, какъ напутствованіе на всю свою жизнь, и не преставалъ просить назиданій, то у блаженнаго своего учителя Іоанна, то у великаго аввы Варсонофія. «Какъ обуздать языкъ свой?» спросилъ онъ его однажды, и услышалъ въ отвѣтъ: «горестію покаянія;» — «но какъ сохранить ее посреди молвы житейской и можетъ ли быть она безъ слезъ?» — «Сокрушающей волю свою и не осуждающей ближняго, пріобрѣтаетъ блаженную печаль сію, хотя и посреди людей, и источаетъ святые слезы отъ святыхъ помысловъ.» — «Какимъ образомъ терпѣніе въ поруганіяхъ пріобрѣтаетъ намъ миръ душевный?» — «Мыслию, что смиреннымъ терпѣніемъ обидь мы удовлетворяемъ правдѣ Божіей за наши грѣхи, какъ должникъ платящій долги свои; примѣромъ же да послужитъ намъ образъ распятаго, ради насъ, коему должны и мы сораспяться.» — «Какой путь ближе ведетъ ко спасенію: подвиги или смиреніе?» — «Нѣтъ истиннаго подвига безъ смиренія, посему поетъ и псалмопѣвецъ: виждь смиреніе мое и трудъ мой, и остави грѣхи мои.» — «Нужно ли внѣшнее униженіе и не достаточно

ли намъ внутренняго смиренія?» — «Двойко бываетъ уничиженіе: одно истекаетъ изъ нашего сердца, а другое отъ людей, и послѣднее гораздо для насъ горше, но и полезнѣе; ибо первое можетъ иногда превознести насъ*». Таковы были духовныя назиданія старцевъ, испытанныхъ въ ангельской жизни.

Авва Дороеей самъ о себѣ пишетъ**, что въ отрочествѣ имѣлъ онъ сперва сильное отвращеніе отъ всякой науки, и что потомъ, съ помощію Божіею, одолѣвъ сіе вредное чувство, такъ привязался къ занятіямъ, что уже ничто не могло отвлечь его, и онъ жертвовалъ для нихъ сномъ, пищею и дѣтскими утѣхами. Наипаче изучалъ онъ богодухновенныя писанія Св. отцевъ церкви и пустыни, и будучи родомъ изъ окрестностей Аскалона, поступилъ еще юношею въ обитель Сериды, гдѣ могъ имѣть наставниками двухъ великихъ старцевъ, Варсонофія и Іоанна. Тамъ, съ тою же ревностію, предавался подвигамъ иночества, съ какою нѣкогда посвящалъ себя наукѣ, и принялъ за правило ничего не таить отъ своихъ духовныхъ отцевъ, дабы тѣмъ отсѣкать всякій нечистый помысль; даже и въ добромъ помыслѣ, возникавшемъ въ его сердцѣ, тогда только утверждался, когда принималъ оный, какъ бы вновь, отъ своего наставника, которому прежде его повѣрялъ. Игуменъ Сериды, видя его ревность, назначилъ ему двойное послушаніе: служить странникамъ и болящимъ, и сверхъ того еще внимать исповѣди новоначальныхъ: До-

* Vies des peres du desert, liv. VII, ch. 26. ** ch. 27.

роеей съ любовію исполнялъ объ ея трудныя должности; когда же замѣтилъ, что одинъ изъ братіи завидуетъ ему въ служеніи прозорливому старцу Іоанну, самъ онъ старался умолить игумна, уступить ему сію заботу, и даже оправдывалъ предъ нимъ завистливаго.

«Игуменъ нашъ поручилъ мнѣ страннопріимную должность, говоритъ Дороеей, а я только что поправлялся тогда отъ тяжелой болѣзни. Мнѣ доводилось оставаться весьма поздно съ приходившими путниками, потомъ озабочивали меня тѣ, которые приводили верблюдовъ, и едва предавался я покою, какъ меня подымали на новое дѣло, такъ что когда ударяли къ утрени, я еще не успѣвалъ сомкнуть глазъ. Утомленный и разслабленный отъ болѣзни, едва я могъ держаться на ногахъ и говорилъ, сквозь сонъ, пришедшему разбудить меня брату: «благодарю тебя за любовь твою, иду вслѣдъ за тобою,» и снова погружался въ сонъ; потомъ меня мучила совѣсть, что отъ лѣности не пришелъ въ церковь, и я просилъ двухъ изъ братій, однажды разбудивъ меня, уже не позволять мнѣ засыпать, и по истинѣ я уважалъ ихъ, какъ людей, служившихъ моему спасенію.» — Съ такимъ же смиреніемъ исполнялъ онъ и другое свое послушаніе: внимать новоначальнымъ въ ихъ тайныхъ помыслахъ и сомнѣніяхъ, и ему казалось, что они только по простотѣ своей, или даже ради насмѣшки, могутъ доверять свои помыслы человѣку столь неопытному, каковымъ онъ себя

почиталъ. Собственное же послушаніе его было столь безотчетно къ каждому повелѣнію своихъ настоятелей, что онъ никогда не позволялъ себѣ разсуждать, и безъ малѣйшаго ропота или замедленія исполнялъ свято всякое ихъ слово, и до такой степени умеръ собственному сужденію, что самъ себѣ не вѣрилъ въ самыхъ неоспоримыхъ истинахъ. Къ Господу относилъ онъ все, что ему приключалось добраго или печальнаго, и потому переносилъ болѣзни и труды съ совершенною покорностію волю Провидѣнія.

Однажды, исполненный уныніа и болѣзни, Дорооей умолялъ Господа, утѣшить его, въ избыткѣ горести сердечной, и внезапно, посмотрѣвъ во глубину церкви, увидѣлъ челоуѣка въ одеждѣ святительской, съ священнымъ сосудомъ, входящаго въ алтарь. Влекомый внутреннимъ чувствомъ, Дорооей послѣдовалъ за нимъ въ святилище, и видя его воздѣвающимъ къ небу руки, сталъ позади въ благоговѣйномъ страхѣ. Тогда обратился къ нему таинственный мужъ и, по мѣрѣ его приближенія, умолкала въ сердце болящаго грусть и боязнь; Святитель коснулся рукою его груди, и произнесъ псаломныя слова сіи: «терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми и услыша молитву мою, и возведе мя отъ рова страстей и отъ брѣнїа тины, и постави на камени нозѣ мои и исправи стопы моя, и вложи во уста моя пѣснь нову, пѣніе Богу нашему*.» Трижды произнесъ онъ псаломныя стихи, тихо ударяя въ грудь Дорооея, и неизъяснимою радо-

* Пс. 59.

стію исполнилось его сердце; онъ хотѣлъ послѣдовать за небеснымъ пришельцемъ, но уже тотъ скрылся отъ взоровъ земныхъ, и съ тѣхъ поръ никогда никакое уныніе не одолевало сердце аввы.

Богъ послалъ ему чадо послушанія, его достойное, въ юномъ Досноѣѣ, который угодилъ Богу, совершеннымъ отреченіемъ своей воли, болѣе чѣмъ необычайными подвигами*. Происходившій отъ знатнаго рода, Досноей воспитанъ былъ при одномъ изъ военачальниковъ царскихъ, безъ всякаго почти ученія о вѣрѣ; но онъ почувствовалъ къ ней влеченіе въ раннемъ возрастѣ, и однажды, когда бесѣдовалъ съ товарищами о Св. мѣстахъ, ему пришло желаніе посѣтить ихъ. Въ Геосиманіи увидѣлъ онъ икону страшнаго суда и ужаснулся при зрѣлищѣ мученій адскихъ; тогда предстала ему величественная жена и объяснила содержаніе иконы; тронутый юноша спросилъ ее: какъ можетъ избѣжать сихъ адскихъ казней? и она отвѣчала: «воздержаніемъ, постомъ и непрестанною молитвою.» Съ той минуты юноша совершенно измѣнился, къ общему изумленію своихъ присныхъ, и еще не вѣдая, что такое обитель, уже душевно желалъ уединенія. Промыслъ Божій направилъ его въ монастырь Серидовъ, и блестящая воинская одежда пришельца смутила игумна; онъ поручилъ испытать его аввъ Дорооею, который сперва извѣщался по чувству смиренія и хотѣлъ, чтобы о томъ спросили авву Варсонофія, но великій старецъ велѣлъ принять юношу, провидя его спасеніе.

* Vie des peres, liv. VII, ch. 22.

Мало по малу началъ приучать Дороеей юнаго ученика своего, къ подвигамъ иночества, и взявъ его себѣ въ сотрудики по больницѣ, гдѣ показалъ онъ особенную заботливость о болящихъ, жестоко себя упрекая за малѣйшій порывъ нетерпѣливости; одно только слово блаженнаго учителя могло разсвѣять его уныніе; ибо онъ совершенно посвятилъ себя послушанію. Если правилась ему какая либо одежда или вещь, Дороеей сей-часъ отнималъ ее, чтобы еще болѣе угасить въ немъ всякое желаніе; иногда же, съ умысломъ, сурово съ нимъ обращался, для большаго смиренія. Такимъ образомъ, въ теченіе пяти лѣтъ, юноша достигъ уже совершенства иноческаго, и Господь воззвалъ его къ себѣ, чтобы наградить за его вѣрность. Онъ долго страдалъ разслабленіемъ легкихъ; но томительная болѣзнь сія не возбудила въ немъ ни малѣйшаго ропота. Услышавъ однажды, что свѣжія яйца могутъ служить хорошимъ средствомъ къ смягченію непрестающаго кровохарканія, онъ пожелалъ сего лекарства, по свойству человѣческой природы, которая чуждается смерти; но прежде нежели предварилъ о томъ своего авву, Досиеей просилъ не принуждать его къ принятію сего цѣлительнаго средства, потому единственно, что оно слишкомъ его занимало.

Съ усиленіемъ болѣзни умножалась его молитва: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя!» повторялъ онъ непрестанно, и на вопросъ аввы, какова его молитва? отвѣчалъ смиренно: «стараюсь въ ней укрѣпиться, отче, твоими молитвами.» Когда

же не могъ болѣе произносить ихъ, обращалъ только внутренній духовный взоръ свой къ Богу, созерцая невидимаго какъ видимаго предъ собою. Наконецъ, изнемогшій отъ страданій, тихо сказалъ пришедшему посетить его аввѣ Варсонофію: «отче, благослови меня умереть, ибо мнѣ уже становится чрезъ силу;» но старецъ отвѣчалъ: «еще не много потерпи, чадо; близко милосердіе Божіе.» Авва Дороеей уже не отходилъ отъ одра болящаго, опасаясь, чтобы не искусился нетерпѣніемъ; не много спустя, юноша, обративъ умиленный взоръ на великаго Варсонофія, болѣзненно произнесъ: «отче, уже я не могу долѣе жить.» — «И такъ, иди съ миромъ, возлюбленное чадо, отвѣчалъ ему старецъ, и молись о насъ достопокланяемой Троицѣ.» — Съ сими словами заснулъ блаженный сынъ послушанія, сномъ праведнымъ, на лонѣ сей добродѣтели, возраставшей его къ истинному благочестію.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ иноковъ возроптали противъ той увѣренности, съ какою Варсонофій предрекъ юношѣ его спасеніе; ибо не видѣли никакихъ особенныхъ подвиговъ въ теченіе его краткой жизни; но Господь обличилъ ихъ неправое сужденіе. — Одинъ пустынный, пришедшій въ ихъ обитель, молилъ Бога, открыть ему духовно, кто изъ иноковъ болѣе достигъ совершенства на пути спасенія, и онъ увидѣлъ, мысленными очами, свѣтлаго юношу, посреди сонма старцевъ; когда же на другой день спросилъ о немъ братію, рассказавъ подробно наружный видъ его, изумлен-

ные узнали, въ семь прославленномъ юношѣ, пре-
небрегаемаго имп Досноея, и покаялись въ своей
винѣ.

Послѣ кончины блаженныхъ старцевъ Іоанна и
Варсонофія, авва Дороеей удалился въ близъ ле-
жавшую пустыню, между городами Газою и Маіу-
мой, и тамъ сдѣлался основателемъ новой обители,
въ коей подвизался до 560 года. Намъ осталась
послѣ него назидательная книга поученій, которую
по счастію собралъ одинъ изъ его иноковъ, для
душевнаго спасенія братіи, и тѣмъ сохранилъ по-
томству одно изъ лучшихъ твореній совершенства
иноческаго. Самъ же смиренный авва никогда не
предполагалъ, чтобы слова его могли быть столь
назидательны; ибо сравнивалъ святыхъ, исполнен-
ныхъ добродѣтелями, и потому болѣе смиренныхъ,
съ вѣтвями плодоносныхъ деревъ, которыя чѣмъ
болѣе обременены плодами, тѣмъ ниже склоняются
къ землѣ. Однажды, желая объяснить именованному
жителю Газы непонятную для него истину: поче-
му величайшіе угодники Божіи, почитали себя
наибольшими грѣшниками? — авва Дороеей спросилъ
его: «какимъ онъ почитаетъ себя между гражда-
нами Газы?» и тотъ отвѣчалъ: «первымъ,» «а
въ Кесаріи?» — «однимъ изъ именитыхъ;» «а въ
Антиохіи?» — «простымъ гражданиномъ,» отвѣчалъ
опять, изумленный такими вопросами. — «Что же,
возразилъ наконецъ авва, еслибъ ты пришелъ въ
Царьградъ и приблизился къ самому Императору?»
«О тогда бы я почелъ себя за нищаго!» восклик-
нулъ именитый житель Газы: «такъ бываетъ и со

святými, кротко сказалъ ему авва Дороеей; чѣмъ
они ближе къ Богу, тѣмъ болѣе чувствуютъ себя
грѣшниками. Авраамъ удостоился видѣть Господа
и называлъ себя землею и пепломъ? — Исаія вос-
кличалъ о себѣ: о окаянный и нечистый, ибо я
созерцалъ Господа Саваоѳа. Моисей и Іеремія отре-
кались отъ дивнаго посольства Божія, ради чув-
ства своего недостойнства, и смиреніе Даниилово
заградило уста лвамъ; ибо никто не можетъ объ-
яснить сей великой добродѣтели, которую можно
только чувствовать въ сердцѣ, при содѣйствіи бла-
годати Божіей.»

Примѣромъ смиренія представляетъ авва До-
роеей, въ своей книгѣ, Зосиму Киликійскаго,
игумна монастыря Фирминова въ Палестинѣ, осно-
ваннаго однимъ изъ учениковъ великаго Саввы.
Однажды софистъ сталъ увѣрять его, льстивыми
рѣчами, что онъ напрасно почитаетъ себя грѣшни-
комъ, исполняя свято все заповѣди; смущенный
Зосима сказалъ ему: «не знаю, что отвѣчать тебѣ,
но знаю только, что я таковъ, какимъ себя почи-
таю; не затрудняй меня своими хитросплетеніями.»
Авва Дороеей, желая вывести его изъ затрудненія,
вступилъ въ разговоръ и объяснилъ софисту, что
какъ въ діалектикѣ, медицинѣ и прочихъ наукахъ,
одна лишь практика, соединенная съ теоріею, даетъ
опытность, непримѣтно и нечувствительно для насъ
самыхъ, такъ бываетъ и со смиреніемъ, которое
пріобрѣтается исполненіемъ заповѣдей, но не мо-
жетъ быть выражено словами.» Обрадованный Зо-

* Vie des peres, liv. VII, ch. 23. ** ch. 22.

сима бросился въ объятія аввы и воскликнулъ : «ты разрѣшилъ Гордіевъ узелъ! — оно точно такъ на дѣль.»

Однажды разбойникъ пришелъ въ обитель аввы Зосимы и просилъ его, именемъ Божиимъ, принять его къ себѣ, чтобы удержать отъ злодѣйствъ. Не усумнился святой старецъ, и послѣ сильнаго увѣщанія, облекъ его въ иноческую одежду; но спустя нѣсколько времени, опасаясь, чтобы его не открыли приставы царскіе, отвелъ его въ монастырь аввы Дорофея, по сосѣдству Газы. Тамъ благочестиво провелъ онъ девять лѣтъ, и потомъ возвратясь опять къ Зосимъ, просилъ у него позволенія снять съ себя иноческую одежду. Огорчился старецъ и спросилъ причину внезапнаго измѣненія; но благоразумный разбойникъ отвѣчалъ : «отче, девять лѣтъ провелъ я въ глубокомъ мирѣ, въ обители, подвизаясь сколько могъ, постомъ, молитвою и послушаніемъ, почему и надѣюсь, что неизреченная милость Божія отпуститъ мнѣ множество моихъ грѣховъ. Но сплю ли я или бодрствую, въ церкви ли я или за трапезою, и даже подходя къ Св. причастію, я непрестанно вижу предъ своими глазами младенца, котораго я давно уже зарѣзалъ, и онъ мнѣ все твердитъ : «зачѣмъ твои руки въ крови моей?» такъ что я не имѣю ни минуты покоя. Вотъ почему хочу я идти заглавить смертію столь ужасное преступленіе, безъ всякой причины мною совершенное* , Сказавъ сіе, онъ надѣлъ опять прежнія свои одежды, былъ

* Скитскій Патерикъ.

остановленъ воинами на пути къ Діосполису, и на другой же день ему отсѣкли голову.

Былъ въ Палестинѣ и другой святой старецъ того же имени, о коемъ упоминаетъ историкъ Евагріій*. Зосима Сииденить, испытанный въ подвигахъ жизни иноческой, имѣлъ и даръ прозорливости, ибо видѣлъ заочно страшное землетрясеніе, обрушившее Антиохію, въ самую минуту горестнаго событія. Ему, ради его святости, дана была отъ Господа, какъ и другимъ великимъ отшельникамъ, первобытная власть Адамова надъ звѣрями. Однажды, на пути въ Кесарію, левъ разтерзалъ осла, который несъ убогіе пожитки старца; ни мало не смутился авва и спокойно сказалъ леву : «другъ мой, я слишкомъ старъ, чтобы нести бремя моего осла, а такъ какъ ты меня лишилъ его помощи, то я тебя осуждаю на ту же работу,» и смирился левъ предъ истиннымъ ученикомъ Христовымъ; онъ донесъ бремя его до воротъ Кесаріи, оттолкъ старецъ отпустилъ его обратно въ пустыню.

* Кн. IV, гл. 7.

XV.

ДУХОВНЫЙ ЛУГЪ ЮАННА МОСХА.

Около тогоже времени процвѣтали въ Палестинѣ два Юанна: одинъ по имени основаннаго имъ монастыря названный Эвапсасъ, а другой Савваитъ, по его жительству въ великой лаврѣ*. Первый, уже состарѣвшись въ Иерусалимской обители Евсторгія, избѣгая сана игуменскаго, просилъ Патріарха Илію отпустить его на гору Синайскую, и заболѣвъ на пути, принужденъ былъ остановиться съ ученикомъ своимъ въ пещерѣ**. Тамъ дважды явился ему, въ сонномъ видѣніи, Предтеча и не велѣлъ ходить на Синай, но основаться на томъ мѣстѣ, говоря, что малый вертепъ сей больше горы Синайской, ибо въ немъ посѣщалъ его самъ Господь Иисусъ, когда странствовалъ по сей пустынь. Такимъ образомъ, стараніемъ Юанна, вертепъ сей обратился въ церковь и вокругъ него расселилась многочисленная обитель.

* Vies des peres du desert, liv. VII, ch. 32. ** Скит. Патерикъ.

Другой же, Юаннъ Савваитъ, хотя и не былъ самъ основателемъ обители, но возбудилъ многихъ, примѣромъ своихъ добродѣтелей. Онъ началъ иночествовать въ одномъ изъ монастырей родственнаго ему Понта, и недовольный чрезмѣрною кротостію своего настоятеля, просилъ у него письма въ другую обитель. Тамъ, въ сонномъ видѣніи, представились ему нѣсколько мужей, требовавшихъ отъ него уплаты значительнаго долга, простиравшагося до ста фунтовъ золота: постигнувъ значеніе таинственнаго сна, онъ воскликнулъ проснувшись: «бѣдный Юаннъ, какъ еще много остается тебѣ платить за грѣхи твои!» Послѣ трехлѣтнихъ подвиговъ, опять снилось ему, что сіи мужи даютъ ему росписку въ полученіи десяти, изъ ста должныхъ имъ фунтовъ; онъ сталъ еще болѣе подвизаться и даже юродствовать, чтобы перенесеніемъ многихъ оскорбленій, совершенно смирить себя, и только спустя тринадцать лѣтъ получилъ, столь же таинственнымъ образомъ, совершенное отпущеніе. Такъ онъ самъ рассказывалъ знаменитому аввѣ лавры Синайской, Св. Юанну лѣствицику, который упоминаетъ о немъ съ болѣею похвалою въ своей книгѣ, Духовной лѣствицѣ*. Когда поселился онъ въ лаврѣ великаго Саввы, три юноши просили его принять ихъ подъ свое руководство; но онъ отрекся, по чувству своего недостойнства, и далъ только единовременно каждому изъ нихъ прозорливый совѣтъ на все теченіе жизни, назначая различный образъ подвиговъ, свойственно ихъ силамъ, съ на-

* Духовная лѣствица, степень IV.

поминовеніемъ, что только претерпѣвшій до конца спасенъ будетъ. Примѣромъ долготерпѣнія онъ представлялъ одного инока, по имени Акакія, которій всю свою жизнь страдалъ отъ жестокости своего духовнаго наставника и умеръ безъ ропота. Когда же по его смерти, одинъ изъ великихъ старцевъ спросилъ бывшаго его наставника: точно ли умеръ Акакій? и тотъ въ удостовѣреніе привелъ его на самую могилу юноши, старецъ громко воскликнулъ надъ нею: «братъ мой Акакій, мертвы ли ты?» и внезапно откликнулся ученикъ, свидѣтельствуя, и послѣ кончины, совершенное свое послушаніе: «можно ли, отче, чтобы вѣрный блюститель послушанія былъ когда либо мертвымъ.» Ужаснулся его жестокой наставникъ, и устроивъ себѣ келлію надъ гробомъ Акакія, провелъ въ ней остатокъ жизни, въ слезахъ покаянія.

Такими духовными подвижниками процвѣтала вся Палестина, въ теченіе трехъ столѣтій; прежде нежели варварскіе набѣги Персовъ и Сарациновъ, положили въ запустѣніе многія обители, явился, въ исходѣ шестаго вѣка, ревностный ихъ описатель, чрезъ котораго, подобно какъ чрезъ инока Кирилла, Провидѣніе сохранило намъ много назидательныхъ примѣровъ. Это былъ какъ бы яркій лучъ вечерняго солнца, послѣ долгаго лѣтняго дня, широко озарившій всю пустыню, такъ что косвенный свѣтъ его, еще однажды, проникъ во все ущелія и вертепы, обращенные въ келліи, и въ послѣдній разъ озарилъ на молитвѣ забытыхъ или

неизвѣстныхъ міру пустынножителей, вѣдомыхъ только Богу и его святымъ.

Священноиннокъ Іоаннъ Мосхъ*, воспитанникъ великой обители Θεодосія Киновіарха, и его еще болѣе знаменитый ученикъ Софроній, прославившійся ученостію на своей родинѣ, Дамаскѣ, и потомъ занявшій патріаршую кафедру Св. града, были сими вечерними лучами Палестины, проникшими во все тайные изгибы ея пустынь. Они встрѣтились въ Александріи, гдѣ Софроній изучалъ подвиги иноковъ Египетскихъ, еще не облекшись самъ въ ихъ одежду, и куда Іоаннъ Мосхъ былъ посланъ, около 580 года, по дѣламъ монастырскимъ, архимандритомъ своимъ Григоріемъ. Съ тѣхъ поръ они уже сдѣлались неразлучны и провели сперва десять лѣтъ въ лаврѣ, такъ называемой Элїонтъ, на берегахъ Іордана, а потомъ еще нѣсколько лѣтъ въ обители Киновіарха, и въ новой лаврѣ великаго Саввы; набѣги Сарацинскіе принудили ихъ удалиться въ Сирію и оттолъ чрезъ Синай вторично въ Египетъ, гдѣ временно основались при святомъ Патріархѣ Александрійскомъ Іоаннѣ милостивомъ. Съ нимъ вмѣстѣ подвизались они противъ остатковъ ереси Евтихіевой, многихъ обращая къ православію. Послѣ блаженной кончины Святителя, избѣгая нашествія Хозроя Персидскаго, они удалились въ Римъ, и тамъ, въ послѣдніе три года своей жизни, написалъ Іоаннъ занимательную книгу свою, о подвижникахъ Египетскихъ и Палестинскихъ, подъ именемъ Духовнаго луга. Онъ посвятилъ

* Vie des peres, liv. VII, ch. 34.

ее вѣрному спутнику своихъ многотрудныхъ страстиій, и умирая заповѣдалъ ему перенести тѣло свое или на гору Синайскую, или въ обитель Киновіарха, гдѣ началъ иноческую жизнь, и вѣрный другъ исполнилъ его послѣднюю волю.

Іоаннъ Мосхъ начинаетъ созерцаніе духовнаго луга, на берегахъ Іорданскихъ; и гдѣ же, если не близъ спасительныхъ водъ священной рѣки, могли прозябнуть духовные цвѣты, которые точно обратили, въ одинъ благовонный лугъ, каменистыя пустыни дикой Палестины! Сперва говоритъ Мосхъ о обители Эвапсасъ*, основанной, по видѣнію Предтечи, на мѣстѣ посѣщенія его Спасителемъ; потомъ о пустынникѣ Кононѣ, изъ обители Пентохліевой, которому поручено было, ради его высокой жизни, отъ Патріарха Петра, преподавать святое крещеніе всѣмъ желавшимъ воспріять оное въ водахъ Іордана, ибо тогда предпочтительно избиралась священная рѣка сія новообращенными, для таинства ихъ обновленія. Однажды пришло ему сомнѣніе: прилично ли его званію отшельника совершать святое крещеніе надъ женщинами? но самъ Предтеча явился ему ночью и успокоилъ совѣсть смиреннаго. Въ другой разъ, на пути къ мѣсту крещенія Вивавара, встрѣтилъ онъ Евреевъ, хотѣвшихъ его умертвить; но ихъ поднятыя руки остались неподвижными, доколѣ самъ отшельникъ не разрѣшилъ ихъ молитвою.

Авва Полихроній, жившій постепенно во многихъ обителяхъ, близъ Іордана, и потомъ бывшій

* Скитскій Патерикъ.

пресвитеромъ къ новой лаврѣ, рассказывалъ Іоанну Мосху, что онъ зналъ въ монастырѣ Пентохліевомъ инока, который рѣшившись идти овять въ свѣтъ, чтобы жертвовать страстямъ, увидѣлъ себя внезапно покрытымъ проказою и, опомнившись, благодарилъ Бога, исцѣлившаго его душу, болѣзнію тѣла. По сосѣдству сей обители зналъ онъ отшельника Марка, который въ теченіе шестидесяти трехъ лѣтъ, вкушалъ пищу только однажды въ недѣлю, и не смотря на то, работалъ день и ночь, чтобы трудами рукъ своихъ питать нищихъ и посѣтителей, хотя самъ ничего отъ нихъ не принималъ. Тотъ же Полихроній, замѣтивъ въ обители Пигрії, что одинъ изъ самыхъ нерадивыхъ братьевъ сдѣлался внезапно ревностнымъ, съ душевною радостію похвалилъ его. «Ахъ, отче, отвѣчалъ смиренный братъ, повѣрь, что я не замедлю умереть!» и точно онъ скончался чрезъ три дня. Экономъ обители пришелъ просить Полихронія, идти съ нимъ въ келлію умершаго, убрать его сосуды, и самъ горько плакалъ; изумленный авва спросилъ его о причинѣ слезъ, и услышалъ въ отвѣтъ: «что я сегодня дѣлаю для сего брата, то послѣ завтра сдѣлаю и для меня,» и пророчество его сбылось.

Когда умеръ игуменъ сей обители, братія единодушно избрали одного старца, изъ среды своей, ему въ преемники. Напрасно извинялся онъ своимъ недостойнствомъ и просилъ дать ему время оплакивать грѣхи свои, говоря, что только такіе уди-

* Скитскій Патерикъ.

вительные мужи, каковы были Антоній, Пахомій и Θεодосій, могутъ быть настоятелями: — братія не преставали умолять его; наконецъ онъ испросилъ себѣ три дня срока, дабы узнать волю Божию. Это было въ пятницу, а въ воскресенье уже нашли его усопшимъ.

Тамъ же, нѣкто инокъ Миронъ, измождившій плоть свою чрезвычайною строгостію, впалъ въ водяную болѣзнь и молилъ Бога о продолженіи недуга, говоря братіямъ: «просите только Господа, чтобы душа моя не впала въ ту же болѣзнь.» Еще одинъ старецъ, привыкшій все раздавать убогимъ, когда однажды нищій просилъ у него одежды, вмѣсто хлѣба, ввелъ его къ себѣ въ келлію, чтобы отдать ему свою единственную рясу; но самъ нищій, видя, что старецъ останется совершенно нагимъ, тронулся такимъ самоотверженіемъ и оставилъ у него собственную котомку.

Возлѣ Іорданской лавры аввы Петра, жилъ пятьдесятъ лѣтъ въ пещерѣ отшельникъ Петръ, питавшійся однимъ только хлѣбомъ. Другой отшельникъ, той же лавры, часто ходилъ на Іорданъ и безъ всякаго страха отдыхалъ въ пещерахъ львиныхъ. * Однажды принесъ онъ въ лавру двухъ львенковъ, въ полъ своей одежды, и сказалъ братіи: «если бы мы сохраняли заповѣди Христовы, дикіе звѣри сіи насъ бы страшились; но поелику мы сдѣлались рабами грѣха, то сами принуждены ихъ страшиться.» Это былъ не первый примѣръ мужества иноковъ, одушевленныхъ вѣрою; одинъ

* Скитскій Патерикъ.

изъ пустынниковъ Іорданскихъ привлекалъ львовъ въ свою пещеру и кормилъ ихъ изъ собственныхъ рукъ; еще одинъ, по имени Пименъ, спалъ съ ними въ берлогахъ, хотя и зналъ, что будетъ ими разтерзанъ, за то, что однажды самъ не спасъ челоуѣка, котораго разтерзали псы предъ его глазами.

Около Іордана, также въ лаврѣ Элїонтъ, жилъ нѣкто авва Θεодосій, который провелъ тридцать пять лѣтъ въ непрестанномъ подвигѣ, вкушая пищу только чрезъ каждые два дня. Отреченіе его отъ міра было столь велико, что когда однажды авва Авраамъ, обители Св. Маріи новой, зналъ что онъ не имѣетъ мантии, послалъ ему на зиму свою, и воры взошедшіе ночью въ его келлію, похитили сіе убогое покрывало, онъ даже никому не хотѣлъ сказать о своей утратѣ. Другой отшельникъ той же пустыни, по имени Θεодоръ, просилъ Іоанна Мосха доставить ему святое писаніе, и получивъ оное въ даръ, пошелъ въ Іерусалимъ пріобрѣсти, трудами рукъ своихъ, столько денегъ, сколько стоила книга, чтобы заплатить Іоанну. Тамъ же спасался нѣкто пустынникъ Стефанъ *, который непрестанно имѣлъ въ мысляхъ распятаго Христа. Однажды три старца пришли съ нимъ совѣщаться о духовныхъ предметахъ; онъ же безмолвствовалъ и потомъ отвѣчалъ на ихъ вопросы: «простите мнѣ отцы мои, что доселѣ не внималъ бесѣдъ вашей; скажу вамъ только, что денно и ношно я только размышляю о Господѣ Іисусѣ Христѣ, при-

* Скитскій Патерикъ.

гвожденномъ ко кресту!» и сіе краткое слово было для нихъ полезнѣе всякаго назиданія.

Еще процвѣтала на Иорданѣ обитель Св. Герасима, имѣвшая тогда настоятелемъ добродѣтельнаго авву Александра; одинъ изъ ея пресвитеровъ Олимпій, спасаясь въ душевой пещерѣ, гдѣ беспокоили его насѣкомыя; онъ говорилъ изумлявшимся его строгому образу житія: «что малыми страданіями временной жизни ищетъ предохранить себя отъ большихъ въ вѣчной; ибо надѣется, что зной душевой пещеры избавитъ его отъ вѣчнаго огня осужденныхъ, а насѣкомыя отъ адскаго неумирающаго червя.»

Около монастыря страннопріимныхъ, жилъ отшельникъ Николай*, также въ пещерѣ, какъ о томъ рассказывалъ авва Иорданъ Іоанну Мосху, и молитвами своими спасъ юношу Тирійскаго отъ Сарациновъ, которые вели его, чтобы принести въ жертву идоламъ. Сперва онъ умолялъ варваровъ, пощадить юношу, предлагая себя въ замѣнъ его; потомъ же, именемъ Христовымъ, поразилъ ожесточенныхъ, и они сами подняли руки другъ на друга; юноша остался инокомъ при своемъ благодѣтель.

Въ пустынь Иорданской, пѣкто инокъ Георгій**, просфорникъ монастыря Фасиландскаго, копавшій основаніе церкви, во имя Св. Кириака, увидѣлъ во снѣ старца, одѣтаго пальмовыми листьями, который сказалъ ему: «зачѣмъ, авва Георгій, послѣ столькихъ моихъ подвиговъ въ сей пустынь, хочешь ты

* Скитскій Патерикъ. ** тамъ же.

оставить тѣло мое вмѣ сооружаемаго тобою храма?» — «Кто ты?» спросилъ изумленный дивнымъ явленіемъ. — «Я Петръ, пастырь Св. Иордана,» отвѣчалъ усопшій, и на утро петлинное тѣло его найдено было въ основаніяхъ храма.

Пустыня Руванъ, гдѣ проводилъ обычно четырехдесятилицу, великій Евѣимій, просіяла, во дни Мосха, знаменитымъ отшельникомъ Сергіемъ, одареннымъ свыше прозорливостію. Авва Григорій, игумень одной изъ обителей той же пустыни, пожелалъ насладиться его бесѣдою; Сергій, увидѣвъ его, поклонился съ глубокимъ уваженіемъ и омылъ ему смиренно ноги. Когда же ученикъ, изумленный такими знаками уваженія, спросилъ о томъ Сергія: «сынъ мой, отвѣчалъ онъ, не знаю кто авва Григорій; знаю только, что я принимаю у себя Патриарха, въ полной одеждѣ святительской, и даже съ евангеліемъ въ рукахъ;» и дѣйствительно, шесть лѣтъ спустя, Григорій избранъ былъ Патриархомъ въ Антиохію. — Въ другой разъ юноша, пожелавшій быть инокомъ въ его обители, обличенъ былъ прозорливымъ аввою, что еще не принялъ святаго крещенія, по нерадѣнію своихъ родителей, и получилъ оное въ струяхъ Иорданскихъ*.

Славилась великими отшельниками и лавра Франская, плодъ молитвъ Харитоніевыхъ. Съ глубокимъ знаніемъ Св. писанія, соединялъ пресвитеръ Косма и чрезвычайное благочестіе, проводя почти въ молитвѣ и внушая другимъ читать Св. отцевъ. «Если вы гдѣ либо найдете какое нибудь сочине-

* Скитскій Патерикъ.

ніе великаго Аѳанасія и не будете имѣть хартіи, чтобы переписать, напишите его на полѣ вашей одежды.» Самъ онъ, желая получить, отъ аввы Теофила, объясненіе одного отрывка Св. писанія, не утрашилъся увидѣннаго имъ на пути змія, но смѣло пошелъ по слѣдамъ его и остался невредимъ*. Не уступали ему въ благочестіи Павелъ и Аскалонъ, иноки той же лавры.

Авва Евгеній, настоятель монастыря Сергіева, близъ Виолеема, рассказывалъ Мосху, что старецъ Александръ, проведеншій всю свою жизнь въ одной изъ пещеръ Иорданскихъ, пришелъ окончить дни въ его обители, и за десять дней до смерти впалъ въ жестокою болѣзнь; но онъ переносилъ мученіе съ чрезвычайною твердостью, и смѣялся надъ искушеніями лукаваго демона, говоря: что врагъ избралъ для нихъ время его дряхлости, ибо не смѣлъ приступить къ нему въ пустынь, во дни его силы.

Нѣкто отшельникъ Іоаннъ**, въ окрестностяхъ Іерусалима, имѣлъ такое усердіе къ Пресвятой Дѣвѣ, что хранилъ всегда у себя въ пещерѣ ея изображеніе, съ предвѣчнымъ младенцемъ на рукахъ; когда же отлучался, зажигалъ предъ иконою лампаду, испрашивая себѣ счастливаго пути, и по возвращеніи обрѣталъ ее горящею въ пустынной келліи; его спросили: «какъ можетъ онъ лишать себя всего необходимаго въ столь дикомъ вертепѣ?» и онъ отвѣчалъ: «что вертепъ сей служитъ для него духовною куплею, въ которой

* Скитскій Патерикъ. ** тамъ же.

столько же приобретаешь съ одной стороны, сколько самъ уступаешь съ другой.»

Іоаннъ Мосхъ, говоря о подвижникахъ великой обители Теоодосіевой, гдѣ самъ долго пребывалъ при благочестивомъ архимандритѣ Георгіѣ, рассказываетъ назидательную повѣсть о двухъ инокахъ. Они связаны были узами истинной дружбы и дали взаимную клятву никогда не разлучаться; но одинъ изъ нихъ, послѣ многихъ лѣтъ непорочной жизни, внезапно охладѣлъ сердцемъ къ Богу и объявилъ другу рѣшительное свое намѣреніе, возвратиться въ міръ; тщетны были все убѣжденія. Огорченный братъ не хотѣлъ однако его оставить и послѣдовалъ за нимъ въ суету міра, съ надеждою когда либо обратитъ его опять на путь истины; не смотря на все тяжкія его паденія и на жестокость, съ какою пренебрегалъ всеми его совѣтами, не преставалъ онъ пламенно о немъ молиться, проливая горькія слезы о грѣхахъ его. Авва Авраамъ, бывший прежде настоятелемъ обители Св. Маріиновой, на Іорданѣ, и потомъ Митрополитомъ въ Ефесѣ, устраивалъ тогда, на горѣ Элеонской, монастырь Византійцевъ, и оба брата работали въ числѣ наемниковъ, при сооруженіи зданія; но одинъ изъ нихъ безпрестанно отлучался въ городъ, чтобы тамъ жертвовать страстямъ своимъ; другой же, трудясь за него, соблюдалъ строгій постъ въ благоговѣйномъ молчаніи, такъ что обратилъ на себя вниманіе аввы. Онъ призвалъ его въ свою келлію и, распросивъ съ пастьерскимъ участіемъ, услышалъ, что труженникъ посвятилъ себя столь тяж-

кимъ подвигамъ въ той надеждѣ, что Господь, ради его смиренія и покаянія, дастъ ему обращеніе грѣшника. «Господь даруетъ тебѣ душу брата твоего, сказалъ ему тронутый авва, и немедленно исполнились его слова; ибо тотъ-часъ по выходѣ изъ келліи встрѣтилъ онъ брата своего, который, съ раскаяннымъ сердцемъ, бросился въ его объятія и молилъ идти въ пустыню, чтобы тамъ спастися. Они уединились въ пещеру Иорданскую, гдѣ обращенный грѣшникъ достигъ, въ короткое время, прежней высоты духовной, непрестанно оплакивая однако память грѣховъ своихъ, и въ сихъ благочестивыхъ чувствахъ предалъ Господу душу. Виновникъ его обращенія похоронилъ усопшаго брата въ пещерѣ и продолжалъ надъ гробомъ его ту же строгую отшельническую жизнь. Въ послѣдствіи посѣтилъ его старецъ обители Каламоновой и спросилъ: «что надѣется онъ получить отъ Господа, ради коего проходилъ столь жестокое житіе?» — Смиренный отшельникъ просилъ его придти за отвѣтомъ чрезъ десять дней; но уже пришелецъ нашелъ его мертвымъ и прочелъ только слова, начертанныя имъ на камнѣ: «прости мнѣ отче; одно лишь могу сказать тебѣ, что во всѣхъ моихъ дѣяніяхъ, я только старался отклонить помысль мой далеко отъ всего земнаго.»

Много подобныхъ назидательныхъ примѣровъ находится въ Духовномъ Лугѣ, которые утѣшительно свидѣтельствуютъ, какими добродѣтелями сіяла тогда пустыня Палестинская. Когда Іоаннъ

Мосхъ и блаженный ученикъ его Софроній, жительствуя въ Римѣ, мысленно переносились на духовные луга родины своей Палестины, нѣкто Антонинъ, и съ нимъ два другіе богомольца западные, оставили родственную Италію, чтобы созерцать собственными очами красоты сего духовнаго луга, и странствіе ихъ любопытно, ибо представляетъ намъ картину Палестины въ исходѣ шестаго вѣка*. Галилея, показалась имъ земнымъ раемъ, по своему плодородію; они нашли на горѣ Фаворской три церкви, въ память тѣхъ трехъ сѣней, которыя хотѣлъ воздвигнуть тамъ, въ часъ преображенія, восторженный Апостоль Петръ: одну Моисею, одну Іліи и одну самому просіявшему предъ ними Господу Іисусу.

Долина Иорданская наполнена была пустышками. Въ Іюль и въ Августъ берега Мертваго моря, въ окрестностяхъ устья Иорданова, покрывались прокаженными, которые пролежавъ цѣлый день на берегу, погружались вечеромъ въ озеро Асфалтическое, иначе Мертвое море, и Господь исцѣлялъ, кого хотѣлъ исцѣлить, говоритъ благодушный Антонинъ. Еще стоялъ на берегахъ сего моря Сигоръ, и въ окрестностяхъ его было до семи монастырей мужескихъ и до осьми женскихъ. Деревянный крестъ, водруженный посреди воды, означалъ въ Иорданѣ мѣсто, гдѣ крестился Спаситель. Наканунъ Богоявленія ежегодно туда стекались: священнослужущій вступалъ въ средину водъ и когда благословлялъ ихъ, внезапно съ шумомъ

* Poujoulat, histoire de Jerusalem, T. II, p. 275.

обращался вспять Иорданъ и неподвижно стояли волны его. Върные, изъ предъловъ Александрии, притекали къ торжеству сему съ сосудами ароматными, которые исполняли священной воды, и ею окропляли каждый корабль, вышедшій изъ пристаней Египта и Сирии; сами Христіане погружались въ Иорданъ, облеченные плащаницею, предназначенною для ихъ погребенія. Послѣ торжества, воды Иорданскія опять стекали въ Мертвое море.

Странныя преданія перемъшаны въ простосердечномъ разсказѣ Антонина. Такъ около Иерихона, стѣны коего разрушены были сильнымъ землетрясеніемъ, во дни Праила, Епископа Иерусалимскаго, находилась пещера, гдѣ молитвенно жительствоваали семь дѣвъ. Каждая изъ нихъ имѣла отдѣльную келлію и въ ней заключалась съ дѣтства; когда же умирала, келлія сія служила ей гробомъ, и немедленно искапывали другую келлію для иной пришелицы, ибо всегда исполнялось седмиричное число дѣвъ; у нихъ хранился сударь, бывшій на главѣ Господней во время погребенія. Съ ужасомъ проникли богомольцы Италійскіе въ сію мертвенную пещеру и не нашли въ ней никакого признака внѣшней жизни, ибо келліи дѣвъ были во глубинѣ. На пути изъ Иерихона къ Виѳаніи стоялъ городокъ, называемый Ваолидъ, котораго теперь нѣтъ и слѣда; вѣроятно это то селеніе, что было основано, крещенными Сарацинами, близъ лавры великаго аввы Евѳимія. Виѳанія имѣла нѣсколько обширныхъ обителей, и еще существовало селеніе

Геѳсиманское на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь видимъ одни остатки древнихъ маслинъ.

Св. гробъ Спасителя, по описанію Антонину, сіялъ весь златымъ украшеніемъ и драгоценными камнями; тамъ пѣвовали и оръховую дщицу съ надписью: Иисусъ Назорей, Царь Іудейскій, бывшую на вершинѣ креста его. Въ Рамѣ, на пути къ Виѳлеему, находился источникъ сладкой воды, никогда не изсякавшій, ибо однажды утолилъ жажду Богоматери. Многочисленны были иноки въ Виѳлеемѣ во дни Антонина; онъ упоминаетъ о гробницѣ, которую самъ ископалъ себѣ блаженный толкователь Св. писанія Иеронимъ, недалеко отъ яслей Господнихъ. За полпоприща отъ Виѳлеема, показывали гробы Давида и Соломона, что весьма странно, ибо извѣстно по преданіямъ, что гробы сихъ Царей на Сіонѣ, въ самомъ Иерусалимѣ. Поклонники обрѣли въ Виѳлеемѣ и церковь Св. Давида, на мѣстѣ его рожденія, которой нѣтъ теперь и слѣдовъ.

Гораздо прежде сего времени, ко днямъ Императора Константина Великаго, относятъ Грузины первоначальное основаніе монастыря Крестнаго, близъ Иерусалима, Царемъ своимъ Миріаномъ. Ихъ царственные лѣтописцы Вахтангъ и Вахуштій утверждаютъ, хотя и безъ свидѣтельства историческаго, что первый Христіанскій Царь Грузіи Миріанъ, обращенный къ вѣрѣ Св. Ниною, ходилъ на поклоненіе Св. мѣстѣ, и тамъ пріобрѣлъ для обители то мѣсто, гдѣ сохраняется корень отъ

честнаго древа. По народному преданію Грузинъ, праведный Лотъ, племянникъ Авраама, посадилъ чудеснымъ образомъ три дерева, певкъ, кедръ и кипарисъ, которые срослись въ одно. Царь Соломонъ срубилъ его для храма, но оно оставалось неупотребленнымъ до времени распятія Господня, и подь главнымъ престоломъ обители крестной и понынъ показываютъ его корень. — Митрополитъ Грузинскій Тимоѳей, посѣщавшій Св. мѣста въ минувшемъ столѣтїи, видѣлъ въ семь монастырѣ древнюю грамоту, въ которой описаны баснословный походъ Иверскаго Царя Вахтанга Гургъ-аслана, для завоеванія Св. мѣстъ, въ V столѣтїи, и поселеніе Грузинъ въ окрестностяхъ Іерусалима. Но вторичное основаніе, или обновленіе монастыря Крестнаго, Грузины относятъ Царю своему Баграту III, который и понынъ изображенъ на стѣнахъ соборной церкви. Онъ украсилъ и другія святилища, чрезъ посредство соотечественника, благочестиваго Прохора, инока лавры Св. Саввы, и после Баграта, жившаго въ X вѣкѣ, Грузинскіе Цари не преставали изливать свои щедроты на Св. мѣста Палестинскія.

XVI.

РАЗБОРЕНІЕ ІЕРУСАЛИМА ПЕРСАМИ.

Императоръ Ираклій, — Патріархи Захарій и Модестъ.

Протекли послѣдніе годы шестаго столѣтїя и первые седьмаго, ознаменованнаго столькими бѣдствїями для Іерусалима. Патріархи его, святительствовавшіе въ сіе время, извѣстны намъ болѣе по имени, нежели по дѣянїямъ, и даже есть о нихъ разногласїя въ историкахъ*. Зонаръ говоритъ, что Патріарху Макарію, послѣ втораго четырехлѣтняго правленія, наследовалъ Исаакій, игумень Цареградской обители неусыпаемыхъ и, содержавъ каѳедру двадцать восемь лѣтъ, передалъ ее Амосу; но летописецъ Никифоръ называетъ вмѣсто Исаакія Іоанна, а писатель церковный Евагріій ставитъ Патріарха Амоса между Іоанномъ и Исаакіемъ, котораго называютъ иногда Исихіемъ. Избраніе Патрі-

* Ист. Досно. кн. VI. гл. 1.

арха Амоса, послѣ Іоанна, одобрено было настоятелями монастырей Палестинскихъ, и всѣ они собрались къ нему, чтобы воздать должную честь, хотя Амосъ отклонялъ со смиреніемъ высокую степень, называя ее тяжкимъ бременемъ, едва удобносимымъ для небесныхъ силъ. Одинъ только Аѳанасій, игумень новой лавры, нѣсколько времени не покорялся избранному Патріарху, и ему писалъ Папа Римскій Св. Григорій великій, дабы онъ примирился съ своимъ владыкою. Исихію, волею оставившему престолъ свой, наследовалъ въ 610 году Патріархъ Захарія, избранный изъ пресвитеровъ церкви Константинопольской, и онъ былъ свидѣтелемъ разоренія Іерусалимскаго.

Гражданскіе перевороты имперіи Греческой навлекли бѣдствія и Св. граду. Послѣ славнаго, долготѣтяго правленія Іустиніанова и двухъ его преемниковъ, Іустина и Тиверія, лучшаго изъ Императоровъ Восточныхъ, Маврикія, зять его, еще продолжилъ на нѣкоторое время внѣшнее благоденствіе; но мятежникъ Фока овладѣлъ престоломъ, умертвилъ его дѣтей, и начались бѣдствія. Хозрой Царь Персидскій, подъ предлогомъ мести за смерть благодѣтеля своего Маврикія*, который призрѣлъ его юность, но болѣе изъ честолюбія, дабы исполнить обширные замыслы великаго дѣда своего Нуширвана, наступилъ съ сильными войсками на имперію, и въ теченіе пяти лѣтъ постепенно завоевалъ всѣ ея восточные предѣлы; бѣжали предъ нимъ военачальники малодушнаго Фоки. —

* Истор. Флери, кн. XXXVII, гл. 10.

Евреи Палестинскіе, возбужденные надеждою возобладать землею своихъ предковъ, предложили помощь свою Хозрою; въ числѣ 26,000 присоединились они къ войскамъ Персидскимъ и ознаменовали себя повсюду жестокостію противъ Христіанъ: въ Антіохіи умертвили они Патріарха Анастасія. Сорокъ тысячъ Евреевъ, изъ предѣловъ Тира, Тиверіады, Дамаска и даже Кипра, соединились осадить Тиръ и разорили его окрестности; но на Іерусалимъ особенно излилась вся ихъ жестокость; тамъ упились они кровію Христіанскою, когда военачальникъ Персовъ, Харузій, овладѣлъ Св. градомъ; это бѣдствіе случилось въ Іюнь 614 года. Погибли многія тысячи клириковъ, иноковъ и инокинь, подъ мечемъ Персовъ; опустошены и сожжены были церкви и самый храмъ Св. гроба; расхищены всѣ священные сосуды, взято даже и честное древо креста Господня. Нѣкто патрикій Никита, по знакомству съ военачальникомъ Персовъ, могъ только спасти копье, пронзившее ребра Спасителя, и губу, напоенную желчію, которую поднесли ему войны на крестъ, и отослалъ святыню сію въ Царьградъ. Патріархъ Захарія уведенъ былъ въ плѣнъ съ многочисленнымъ народомъ, за Іорданъ и Евфратъ, какъ нѣкогда во дни плѣненія Вавилонскаго при Навуходоносорѣ. Неистовые Іудеи откупили нѣсколько тысячъ Христіанъ у Персовъ, для того только, чтобы ихъ умертвить, такъ что число всѣхъ погибшихъ простиралось до девяноста тысячъ. Подобнаго бѣдствія не испытывалъ Іерусалимъ со времени разоренія Римскаго.

Персы опустошили, въ одно время съ Голговою и Св. гробомъ, великолѣпный храмъ Вознесенія, сооруженный нѣкогда Царицею Еленою, на горѣ Елеонской, который съ тѣхъ поръ, по свидѣтельству Патріарха Досіея*, никогда уже не возникъ, въ такомъ видѣ, изъ своихъ развалинъ. Они истребили окрестные монастыри, не только около Св. града, но и въ Галилеи и Самаріи и на Іорданѣ. За восемь дней до разоренія Іерусалимскаго, отрядъ варваровъ напалъ на великую лавру Св. Саввы и наполнилъ ее смертоубійствами. При первой вѣсти о ихъ приближеніи, большая часть иноковъ разбѣжалась; но тѣ изъ нихъ, которые, долгимъ подвигомъ иночества, привыкли предпочитать временной жизни вѣчную, не хотѣли оставить своихъ келлій и тамъ рѣшились перенести съ терпѣніемъ все, что готовила имъ ярость варваровъ**. Персы, проникнувъ безъ всякаго сопротивленія въ укрѣпленную лавру, сперва ограбили церковь, потомъ же разсыпались по келліямъ, требуя отъ старцевъ сокровенныхъ, по ихъ мнѣнію, сокровищъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней жестокимъ мукамъ подвергали они мужественныхъ страдальцевъ, и наконецъ, видя тщету своихъ надеждъ, разсыкли ихъ на части. Стефанъ Савваитъ, рассказывая о ихъ святой кончинѣ, свидѣтельствуешь, что всѣмъ имъ отсыкли головы на одномъ камнѣ, и камень сей доселѣ показываютъ въ лаврѣ. Современный же описатель ихъ страданій, Антиохъ, иннокъ той лавры, въ посланіи своемъ къ Ев-

* Кн. VI, гл. 5. ** Vie des peres du desert, liv. II, ch. 36.

стацію, игумну Галатійскому, оплакивая участь Св. града и избіенныхъ братій, такъ о нихъ отзывается*:

«Ты спрашиваешь меня о святыхъ отцахъ нашей лавры, недавно избіенныхъ, о ихъ жизни и подвигахъ; но языкъ мой не можетъ выразить сего, какъ должно. Одно только скажу: не знаю, Ангелами ли ихъ должно назвать или человѣками? отъ самой юности взяли они на рамена свои сладкое иго Господне, перенося мучительной зной одинокой жизни. Многіе изъ нихъ исполнены были святыхъ дѣлъ, смиренны, кротки, достоуважаемы, благочестивы, чужды всякаго зла, украшены всѣми добродѣтелями, сосуды даровъ Божіихъ. Нѣкоторые имѣли болѣе ста лѣтъ, и всю жизнь провели въ лаврѣ, никогда не выходя изъ нее и даже не оставляя своихъ келлій, развѣ только для церкви по субботамъ и воскресеніямъ, днемъ и ночью размышляя о страшномъ таинствѣ смерти: это были небесные человѣки и земные Ангелы, и за сіе они, достоуважаемые отцы и братія наши, наслѣдовали вѣнецъ побѣды!»

По удаленіи Персовъ, возвратились разсыявшіеся иноки лавры, въ числѣ коихъ былъ и Антиохъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Никодимъ, увидѣвъ разореніе обители и трупы братій, упалъ, какъ мертвый, отъ изнеможенія душевнаго. Знаменитый архимандритъ обители Феодосіевой, Модестъ, собралъ разсыянные остатки избіенныхъ, облобызалъ ихъ

* Ист. Досіе. кн. VI, гл. 5. Vie des peres liv. VII, ch. 36.

съ любовію и оросивъ благочестивыми слезами, положилъ въ усыпальницу братій. Сорокъ четыре черепа святыхъ мучениковъ, хранящіеся отдѣльно въ пещерной церкви лавры, донинѣ свидѣтельствуютъ о ихъ подвигѣ. Утѣшая оставшихся, авва Модестъ напомнилъ имъ слова Пророка Исаи: «мужи праведные возьмются и никто не разумѣтъ сего въ сердце своемъ, ибо отъ лица неправды взялся праведный, и съ миромъ будетъ погребеніе его*.» Онъ произнесъ и премудрыя слова Соломоновы, о участи праведныхъ**, «которыхъ души въ рукахъ Божіихъ и онъ суть въ мирѣ; ибо хотя предъ лицомъ челоуѣковъ и пріемлютъ муку, но упованіе ихъ исполнено безсмертія, и немного будучи наказаны, много будутъ благодѣтельствованы, поелику Богъ искусилъ ихъ и нашелъ ихъ достойными себя.» Воздавъ имъ такимъ образомъ послѣдній долгъ любви Христіанской, авва Модестъ убѣждалъ братію не оставлять болѣе лавры и мужественно претерпѣвать въ ней всякое искушеніе Христа ради, памятуя слова его: «что узки врата царствія небеснаго и путь къ нему ведущій***,» также и слова Апостольскія: «что многими скорбями должно достигать онаго.»

Инокіи послѣдовали его совѣту, и хотя два мѣсяца спустя, при слухѣ о новомъ нашествіи варваровъ, временно удалились въ сосѣдній монастырь Анастасіевъ, однако опять возвратились въ лавру и уже болѣе ее не покидали, руководимые своимъ архимандритомъ Фомою, который поистиннѣ былъ

* Исаи. гл. LVII, ст. 2. ** Кн. III, гл. 5. *** Мато. гл. VII.

данъ имъ, въ сію горькую годину, какъ нѣкій божественный даръ, ибо онъ чрезвычайнымъ благочестіемъ, бдительностію и любовію, назидаль и укрѣплялъ малодушныхъ.

Благочестивый Антиохъ, сохранившій намъ подвиги архимандритовъ Модеста и Фомы, равно какъ и мученичества иноковъ лавры, въ своихъ пандектахъ, (состоящихъ изъ 130 главъ разнаго содержанія), самъ говоритъ, что онъ написалъ ихъ для душевной пользы братій, повсюду разсѣявшихся отъ страха Персовъ: «какъ полагалъ я хлѣбъ въ сумы скитальцевъ, такъ раздавалъ имъ и духовный хлѣбъ ученія, чтобы души ихъ не умирали отъ глада слова Божія; поелику же не могъ самъ посѣщать святыхъ обители, то почелъ полезнымъ составить для нихъ хотя нѣкое краткое поученіе, которое было бы въ общемъ употребленіи у всѣхъ и могло имъ сопутствовать повсюду.» Антиохъ оплакиваетъ въ своихъ духовныхъ бесѣдахъ и разореніе Іерусалима: «проліемъ горячія слезы, ибо Св. градъ Божій сожженъ, честный крестъ Господень похищенъ и толикое число святыхъ побито и отведено въ плѣнъ; поему, согласно съ изреченіями Пророка Іоила, восплачемъ посреди степеней жертвенника и воскликнемъ къ Господу: пощади, пощади людей твоихъ и не дай достоянія твоего въ поруганіе, да не обладаютъ имъ язычники и не рекутъ между собою, гдѣ есть Богъ ихъ?» Онъ приводилъ во свидѣтельство и пророчество Исаи, о оскверненіи Св. града за нечестіе дочери Іеруса-

лимской, и самъ сознается, что всѣ сїи бѣдствїя случились по грѣхамъ народа Христіанскаго.

Патріархъ Досифей, пишетъ однако въ книгѣ своей *, что хотя Иудеи, радуясь побѣдъ Персовъ, полагали, что погибнетъ и самое имя Христіанъ, ибо честное древо креста досталось въ руки варваровъ; но они устыдились, когда опять вознесенъ былъ рогъ благочестивыхъ. Самъ Хозрой съ честію охранялъ торжественное оружіе креста и даже не смѣлъ вынуть его изъ запечатаннаго ковчега, въ коемъ оставался неприкосновеннымъ до дня возвращенія въ Іерусалимъ. Подобно какъ Филистимляне, когда взяли кивотъ завѣта, поражены были отъ Господа, такъ и Персы, похитивъ побѣдоносное оружіе Бога нашего, сами на себя возстали и говорили другъ другу: «пришелъ къ намъ Богъ Христіанскій; что будетъ съ нами, когда теперь у насъ чудодѣйственный скиптръ живаго Бога!» — Посему описатель жизни Св. мученика Анастасія Персіанина, Симеонъ, говоритъ: что когда знаменіе спасенія нашего, разрѣшившее узы смерти и отъявшее силу грѣха, унесено было въ Персію: то оно тамъ обуздало нечестіе и ослабило поклоненіе огню, и будучи само, по видимому, въ плѣну, плѣнило души Персовъ: поелику просвѣтило сѣдящихъ въ странѣ и сѣни смертной, и возжгло въ нихъ тотъ внутренній огонь, который пришелъ во врещи на земль Спаситель, и который, въ ветхомъ завѣтѣ, знаменованъ былъ видимымъ неугасимымъ огнемъ на жертвенникѣ.»

* Кн. VI, гл. 5.

Когда Іерусалимскій Патріархъ Захарїя отвѣденъ былъ въ плѣнъ, съ частію гражданъ, и никого не оставалось для управленія осиротѣвшею Церковію, избранъ былъ ея блюстителемъ Модестъ, архимандритъ обители Θεодосія Киновїарха, одинъ изъ величайшихъ мужей, какихъ даровалъ Господь обѣтованной земль; потомство назвало его вторымъ Веселеиломъ, строителемъ скинии, и Зоровавелемъ, обновившимъ Іерусалимъ; ибо онъ возстановилъ опять изъ развалинъ созженное зданіе Св. гроба, и церковь Голгоубы и самый Вифлеемъ, не опасаясь гоненія Иудеевъ, ни скитавшихся въ Палестинѣ Персовъ. Мужественный Императоръ Ираклій, вооружившійся изъ Египта противъ нечестиваго тирана Фоки и вѣнчаннй въ Царьградѣ на его мѣсто, способствовалъ, своими сокровищами, благочестивому Модесту, и велъ переговоры съ Персами: но еще, обуреваемый другими войнами, не могъ исхитить оружіемъ Св. града, изъ подъ ихъ владычества, въ первые годы своего правленія. Нашелся и другой великій помощникъ блюстителю Модесту, Св. Іоаннъ милостивый, Патріархъ Александрійскій, который оплакавъ сперва, подобно Пророку Іеремїи, бѣдствїя Св. града, принялъ, съ отверстыми объятїями, всѣхъ бѣглецовъ Палестинскихъ въ Александрію, утѣшалъ плачущихъ, врачевалъ болящихъ и употреблялъ сокровища церковныя, на пропитаніе не имѣвшихъ крова и на обновленіе раззоренныхъ святилищъ. Онъ послалъ Модесту тысячу золотыхъ и тысячу пудовъ желѣза, ты-

сячу кулей пшеницы, столько же овец, тысячу мѣръ сухой рыбы и столько же мѣховъ вина, и тысячу работниковъ Египетскихъ, съ смиренною граматою, въ коей просилъ извиненія, что не посылаетъ ничего достойнаго храмовъ Господа Иисуса Христа: ибо и самъ пламенно желалъ бы придти трудиться, какъ простой каменьщикъ, при сооруженіи храма Св. воскресенія, матери всѣхъ церквей. Писатель духовнаго луга, Іоаннъ Мосхъ, и будущій преемникъ Модеста, Софроній, находились тогда въ Александріи, при милостивомъ Святителѣ и раздѣляли его заботы, о бѣдствующихъ согражданахъ Палестинскихъ*.

Благочестивый инокъ Антиохъ, сохранившій намъ подвиги Модеста, говоритъ и о другомъ имениномъ настоятелѣ, Іустинѣ, монастыря Анастасіева, лежавшаго на разстояніи пути одного часа отъ Св. града. Временно призрѣвъ у себя монашествующихъ великой лавры, изъ коей и самъ происходилъ, Іустинъ строго соблюдалъ чинъ Св. Саввы въ собственной обители, и въ духъ сего великаго аввы управлялъ ею, посреди обурѣвавшихъ бѣдъ, такъ что мало по малу собралось около него великое число иноковъ. Однимъ изъ учениковъ его былъ славный мученикъ Персидскій, запечатлѣвшій своими страданіями исповѣданіе имени Христова.

Анастасій былъ родомъ изъ Персіи и наученъ волхвованіямъ отъ языческихъ родителей. Когда честное древо креста принесено было Хозроемъ, юношѣ языческому любопытно было знать, почему

* *Vie des peres*, liv. VII, ch. 56. Четвъ Минея 22 Генваря.

оказываютъ оному такое уваженіе Христіане? То, что услышалъ о ихъ вѣрѣ, побудило его обратиться къ истинѣ, и, оставивъ броню воинскую, удалился онъ сперва въ Іераполь; тамъ принялъ его съ любовію одинъ изъ вѣрныхъ, и часто водилъ по церквамъ, объяснялъ иконы, ихъ украшавшія. Особенно занимали Анастасія изображенія подвиговъ мученическихъ, и это было предзнаменованіемъ, что самъ некогда удостоится вѣнца мученическаго. Потомъ пришелъ онъ въ Іерусалимъ; представленный архимандриту Модесту, принялъ во святомъ крещеніи имя Анастасія, и желая совершенно оставить міръ, постригся въ обители Іустина; но и тамъ, изъ всѣхъ духовныхъ чтеній, наипаче привлекало его описаніе мученическихъ подвиговъ. Господь открылъ ему и его игумну, въ сновидѣніи, предстоящее мученіе, и еще болѣе укрѣпленный въ пламенномъ желаніи, пострадать за Христа, онъ причастился Св. таинъ, и съ благословенія своего настоятеля, пошелъ въ Кесарію, бывшую тогда въ рукахъ Персовъ. Тамъ схватили его воины, какъ соглядатая, и привели къ правителю области, Марзавану, который спросилъ его о вѣрѣ и, осыпавъ поруганіями и ударами, бросилъ въ темницу. Анастасій, твердо исповѣдуя Христа, просилъ только своихъ мучителей, снять съ него рясу иноческую, прежде ударовъ, чтобы не обезчестить сію одежду его славы. Днемъ и ночью молился онъ въ темницѣ, остерегаясь нарушить покой того узника, съ которымъ былъ вмѣстѣ скованъ; и настоятель Іустинъ, со-

всею братією, молились также, чтобы Господь далъ ему силу довершить начатый подвигъ; небесныя видѣнія утѣшали его въ темницѣ. Между тѣмъ, правитель спрашивалъ у Царя Хозроя, что дѣлать съ плѣнникомъ? Царь позволилъ отпустить его, если только въ присутствіи двухъ свидѣтелей скажетъ, что онъ не Христіанинъ. Анастасій съ ужасомъ отвергъ такое предложеніе; тогда правитель рѣшилъ отправить его въ Персію, на судъ Царя; но такъ какъ въ теченіе сего времени случился праздникъ обновленія храма Іерусалимскаго, онъ позволилъ узнику идти отслушать литургію, въ одной изъ церквей Кесарійскихъ, въ сопровожденіи двухъ иноковъ, присланныхъ къ нему отъ игумна Іустина, и его присутствіе утѣшило Христіанъ, возбудивъ упавшій духъ многихъ. Одинъ изъ иноковъ сопровождалъ Анастасія и въ Персію, чтобы потомъ извѣстить о немъ своего игумна.

Царь Хозрой послалъ сановника своего испытать вѣру исповѣдника; но Анастасій не хотѣлъ даже и отвѣчать ему по Персидски и отвергъ все предложенія почестей и богатствъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней терзали его жесточайшими муками, раздавили обѣ ноги подъ тяжелою доскою, вѣшали за руку, привязавъ камень къ одной ногѣ; все напрасно: мученикъ остался непоколебимъ. Вѣрныя навѣщали его въ темницѣ, по дозволенію стража, который былъ также изъ тайныхъ Христіанъ. Наконецъ Царь повелѣлъ умертвить его съ семидесятью другими плѣнниками. Ихъ удавили одного за другимъ предъ его глазами, и въ послѣдній

разъ предлагали ему жизнь за отреченіе отъ Христіанства; онъ же отвѣчалъ сановникамъ царскимъ: «я думалъ, что вы разсѣчете меня на части ради Іисуса Христа; но если угрожаете мнѣ только такою смертію, то благодарю Господа, что столь легкимъ путемъ приобщаетъ меня къ славы своихъ мучениковъ.» Голову его отсѣкли и послали Хозрою; но еще наканунѣ, онъ предсказалъ смерть свою Христіанамъ, говоря: «знайте, что я завтра умру, по милости Божіей; вы же братія освободитесь чрезъ немного дней, ибо убіенъ будетъ нечестивый Царь.» Скоро исполнилось его предсказаніе; тѣло мученика Анастасія выкуплено было, послѣдовавшимъ за нимъ инокомъ, и положено въ пустынной обители Сергіевой, а потомъ въ собственномъ его монастырѣ.

Императоръ Ираклій рѣшился наконецъ дѣятельно противоборствовать Хозрою, котораго оружіе распространилось уже на югъ до Египта, Ливіи и Еѳіопіи, а къ сѣверу даже до Халкидона, предметія столицы, осажденной военачальникомъ Персидскимъ Саиномъ*. Ираклій хотѣлъ сперва преклонить его, мирными словами, и Саинъ подалъ ему благою надежду; но честолюбивый Хозрой отвергъ дружелюбную грамоту Ираклія, умертвилъ самаго Саина и надмѣнно объявилъ посланникамъ царскимъ, что не пощадитъ Римлянъ, доколь не отрекутся отъ распятаго Христа и не поклонятся солнцу. Тогда Ираклій, заключивъ миръ съ Каганомъ Скиѣскимъ, по недостатку денегъ, взялъ для

* Флери, кн. XXXVII, гл. 31—39.

священной войны имущества церковныя и даже серебряные подсвѣчники Св. Софіи, и отпраздновавъ пасху, предсталъ лично своимъ дружинамъ. Онъ взялъ съ собою и нерукотворенный образъ Спасителя и поклонился предъ нимъ, что будетъ сражаться до смерти, послѣ же клятвы со слезами произнесъ слова сіи: «вы видите братія мои и дѣти, что враги Божіи попрали святыя мѣста, церкви сожгли, обители обратили въ пустыни, жертвенники и алтари обрушили, все осквернили, все раззорили: время отмстить имъ!» — Патріарху Сергію поручилъ онъ царствующій градъ и малолѣтнаго сына своего, и взойдя въ послѣдній разъ въ великую церковь Св. Софіи, такъ помолился: «Господи Иисусе Христе Боже нашъ, не дай за грѣхи наши радоваться врагамъ нашимъ; но призри и помилуй насъ, да не превозносятся беззаконные и не попираютъ наслѣдія твоего.»

Ираклій выступилъ въ походъ, въ двѣнадцатый годъ своего царствованія, и первые шаги его были ознаменованы побѣдою въ Арменіи. На слѣдующій годъ, онъ проикнулъ въ Персію и принудилъ Хозроя оставить городъ Газакію, гдѣ находилось знаменитое капище огня. Въ чертогахъ царскихъ нашелъ онъ истуканъ Хозроя, подъ снѣгою, изображавшею небо, а вокругъ него солнце, луну и звѣзды, съ ангелами, ему поклонявшимися. Императоръ сжегъ капище и дворецъ, и желая узнать, гдѣ ему провести зиму, очистилъ прежде трех-

* Досво. кн. VI, гл. 5.

дневнымъ постомъ войска свои, потомъ открылъ Св. Евангеліе, и изъ прочитанныхъ имъ словъ, рѣшился остаться въ Албаніи. Тамъ отпустилъ онъ до пятидесяти тысячъ взятыхъ имъ плѣнниковъ и челолюбиво снабдилъ ихъ въ путь, такъ что все они молили Бога даровать побѣду кроткому Ираклію надъ жестокимъ Хозроемъ. Съ наступившею весною продолжались успѣхи оружія царскаго. Видя воиновъ своихъ, смятенныхъ многочисленностію враговъ, онъ имъ сказалъ: «братія, съ помощію Божіею, одинъ изъ васъ поразитъ тысячу; пожертвуйте собою для спасенія братьевъ и воспримемъ вѣнецъ мученической, дабы намъ воспріять мзду отъ Бога и прославиться въ вѣкахъ грядущихъ.» Императоръ обратилъ въ бѣгство Сарвасара, военачальника Персовъ; раздраженный Хозрой велѣлъ расхитить имущество всехъ церквей Христіанскихъ въ Персіи и принуждать православныхъ къ общенію съ Несторіанами, многочисленными въ его предѣлахъ. Между тѣмъ и Царьградъ подвергся великой опасности, отъ нападенія отряда Персовъ изъ Халкидона, и Хана Аварскаго съ сѣвера; но заступленіемъ Богоматери спасена была столица.

Ревностный Ираклій не останавливался на пути побѣдъ и все далѣе проникалъ въ Персію. Наконецъ, всеми ненавидимый Хозрой былъ свергнутъ съ престола, собственнымъ сыномъ своимъ Сироемъ, за то что хотѣлъ возвести на его мѣсто младшаго брата, и томимый голодомъ посреди собранныхъ

* Флери, кн. XXXVII, гл. 31—37.

имъ сокровищъ, скончался мучительною смертію. Воцарившійся Сирой немедленно заключилъ миръ съ Иракліемъ, и возвратилъ ему всѣхъ плѣнниковъ, съ Патріархомъ Захаріею, и честное древо креста, бывшее въ плѣну въ теченіе четырнадцати лѣтъ. — По нѣкоторымъ лѣтописцамъ, Императоръ прежде принесъ оное въ Царьградъ, гдѣ Патріархъ Сергій всенародно воздвигъ святыню сію въ храмъ Софійскомъ, и на другой только годъ отплылъ Ираклій въ Іерусалимъ, съ крестомъ Господнимъ; но Зонаръ, Теофанъ, и другіе утверждаютъ, что прямо изъ Персіи побѣдитель пришелъ въ Св. градъ.*

Съ торжествомъ хотѣлъ самъ Ираклій вознести на Голгоуу честное древо, думая украсить, величіемъ царскимъ, церковное шествіе, и облеченный въ порфиру, увѣнчанный діадимою, поднялъ крестъ на рамена свои. Патріархъ Захарія вышелъ къ нему на встрѣчу, со всемъ народомъ, до горы Элеонской, съ финиковыми вѣтвями въ рукахъ, воспѣвая осанна, и уже они приблизились къ краснымъ вратамъ, чрезъ которыя надлежало взойти на Голгоуу: но внезапно, силою Божіею удержанный Императоръ, сталъ во вратахъ и не могъ далѣе двинуться со крестомъ; старецъ же Патріархъ, духовнымъ окомъ, увидѣлъ во вратахъ молніеноснаго Ангела, возбранявшаго входъ, и уразумѣвъ его тайный глаголъ, сказалъ Императору: «знай, о Государь, что невозможно тебѣ, облеченному въ одежды царскія, вознести сіе святое древо, которое

* 628 годъ.

нѣкогда подъялъ самъ Господь, обнищавшій нашего ради спасенія; если же хочешь понести крестъ, то послѣдуй вольному его смиренію.» Смирися Ираклій, снялъ съ себя багряницу, вѣнецъ, и самую обувь, и облеченный въ убогое одѣяніе, безъ всякаго препятствія, вознесъ честное древо, по ступенямъ Голгоубы, на то мѣсто, отколь было оно взято Персами. Велика была радость вѣрныхъ, о возвращеніи креста Христова, какъ нѣкогда Израиля, когда кивотъ завѣта возвратился отъ Филистимлянъ. Опять воздвигаемо было честное древо Патріархомъ Захаріею, предъ лицомъ народа, какъ нѣкогда Макаріемъ, во дни Царицы Елены, чтобы всѣ могли поклониться распятому на немъ Царю славы. Такимъ образомъ, два радостныя событія воспоминаются на другой день праздника обновленія храма Іерусалимскаго: — и обрѣтеніе креста Еленою, и возвращеніе онаго Иракліемъ; но ради претерпѣннаго имъ плѣна и чуда, бывшаго для смиренія Царя, праздникъ сей, всемірнаго воздвиженія честнаго креста, совершается Церковію съ постомъ и повтореніемъ самаго воздвиженія, на утренни, предъ очами вѣрныхъ*.

Старецъ Патріархъ Захарія, истомленный четырнадцатилѣтнимъ плѣномъ, не долго пережилъ радостное освобожденіе; мѣсто его заступилъ достойный блюститель и обновитель Св. града архимандритъ Модестъ; но и ему не болѣе пяти лѣтъ суждено было сіять на свѣщникъ Сіона, ибо онъ уже совершилъ свой подвигъ, еще не будучи на престолѣ патріаршемъ, и

* Истор. Патр. Доснѣ. кн. VI, гл. 6. 14 Сент. Четьи Миссл.

для него уже готовъ былъ тотъ вѣнецъ правды, который, по словамъ Апостола Павла, ожидаетъ возлюбившихъ имя Христово.

Но Императоръ Ираклій, виновникъ столькихъ торжествъ, былъ причиною и распространенія новой ереси Моноелитовъ, которыхъ хотѣлъ привлечь къ общенію Церкви, во время славныхъ своихъ походовъ на Востокъ. Θεодоръ, Епископъ Фарана въ Аравіи, первый изложилъ, въ письмѣ къ Патріарху Цареградскому Сергію, свое неправильное мнѣніе, о единой волѣ въ Господь Іисусъ Христъ, когда напротивъ того, Церковь православная признаетъ двѣ воли, какъ и двѣ природы, божественную и человеческую, въ одномъ лицѣ Богочеловѣка. Моноелиты, т. е. единовольники, были отраслю ереси Монофизитовъ или послѣдователей Евтихія, Севера и его главнаго ученика Іакова Вардаи, который распространилъ въ Сиріи такъ называемую секту Іаковитовъ, и донинѣ тамъ сохранившуюся, въ общеніи съ Армянами и Коптами Египта. Сергій, происходившій самъ отъ родителей Іаковитскихъ, принялъ мнѣніе Θεодора Фаранскаго, и симъ ложнымъ мнѣніемъ увлекся Императоръ Ираклій, когда вступалъ въ преніе съ послѣдователями Севера въ Арменіи, съ Киромъ, Епископомъ Лазовъ, и наконецъ съ Аѳанасіемъ, главою Іаковитовъ въ Іераполь, стараясь склонить ихъ къ единомыслію въ вѣрѣ. Аѳанасій, которому польстилъ Императоръ надеждою на кафедрѣ Антіохійскую, обманулъ его, признаніемъ двойкой природы въ Господь Іисусъ,

† Ист. Флери, XXXVII, 41, 44.

хотя она и была несомвѣстна съ единою волею; Киръ же вполне раздѣлилъ образъ мыслей Императора и Патріарха Сергія, и былъ поставленъ на кафедрѣ Александрійскую; а какъ, въ то же время, Патріархъ Константинопольскій, польстивою своею грамотою, увлекъ и Папу Римскаго Онорія, то внезапно всѣ патріаршіе престолы, исключая Іерусалимскаго, поколебались въ православіи, и ересь сія укоренилась въ Александріи и Царьградѣ, до шестаго вселенскаго собора.

XVII.

ЗАВОЕВАНІЕ ІЕРУСАЛИМА АРАБАМИ.

Патріархъ Софроній.

Изъ Александріи восталъ сильный противуборникъ ереси, въ лицѣ священноиннока Софронія, который возвратился туда изъ Рима, по смерти блаженнаго своего учителя Іоанна Мосха. Патріархъ

* Ист. Флери кн. XXXVIII. 6—6.

Киръ далъ ему прочитатъ изложеніе своихъ догматовъ, и Софроній со слезами бросился къ ногамъ его, умоляя не оглашать ихъ въ соборной церкви; не послушалъ мудраго совѣта Киръ, ибо надѣялся тѣмъ привлечь на свою сторону всѣхъ Монофизитовъ, отдѣлившихся отъ Церкви, и точно привлечь; но чрезъ это самъ отступилъ отъ православія, и съ тѣхъ поръ большая часть Египтянъ закоснѣла въ расколѣ, подѣ народнымъ своимъ именемъ Коптовъ. Ревностный Софроній, не ожидая никакого успѣха въ Александріи, отплылъ въ Царьградъ; но тщетно убѣждалъ онъ Патріарха Сергія отступить отъ мнѣній Кировыхъ. Онъ принужденъ былъ возвратиться въ родственнѣйшій ему по сердцу Іерусалимъ, и тамъ волею Промысла, который воздвигъ его для соблюденія православія, единодушно избранъ былъ на кафедрѣ Св. града, послѣ кончины знаменитаго Патріарха Модеста*.

Первымъ дѣяніемъ Св. Софронія было созвать соборъ всѣхъ Епископовъ Палестины, для предупрежденія ихъ противъ лжеученія Монофелитовъ, и написать соборную общительную грамоту къ Святителямъ старшихъ престоловъ, дабы изложить имъ исповѣданіе своей вѣры. Замѣчательно пространное его посланіе къ Патріарху Сергію Константинопольскому, которое было отправлено также къ Папѣ Онорію, и въ послѣдствіи послужило правиломъ вѣры, на шестомъ вселенскомъ соборѣ. Софроній начинаетъ свое посланіе, горькими жалобами на то, что его извлекли изъ мирнаго уединенія на

* 633 годъ.

столь великую кафедру; потомъ излагаетъ свое исповѣданіе, объясняя таинство Пресвятыя Троицы и опровергая всѣ богопротивныя ереси, особенно Несторія и Евтихія, въ ясномъ свѣтѣ выставляя спасительный догматъ вочеловѣченія Христова, и двоякую волю въ единомъ лицѣ Богочеловѣка, соответствующую двумъ его природамъ, божественной и человеческой. Онъ осуждаетъ также Оригена и анаѳематствуетъ всѣхъ еретиковъ, признавая за основаніе чистой вѣры рѣшенія пяти вселенскихъ соборовъ, до него бывшихъ; но не смотря на заблужденія Патріарха Сергія, весьма скромно изъясняетъ ему истину, поручая себя его молитвамъ, и уже предвидя грозу Сарацинскую, предстоящую Св. граду, такъ заключаетъ свое посланіе: «помолись о нашихъ Императорахъ Иракліѣ и сынѣ его Константѣ, дабы Господь далъ имъ побѣду надъ всеми варварами, и наипаче дабы смирилъ надмѣнность Сарациновъ, которые, по грѣхамъ нашимъ, столь нечаянно противъ насъ возстали и все вокругъ опустошаютъ съ нечестивою дерзостію*.»

Заботясь столько же о благѣ вселенской Церкви, сколько и о собственной паствѣ, обурѣваемой внѣшними бѣдствіями, Софроній собралъ до шести сотъ отрывковъ изъ Св. отецъ, противъ ереси Монофелитовъ, для ихъ обличенія; видя же, что ничто не успѣваетъ, а враги умножаются, онъ рѣшился въ Римъ искать подкрѣпленія истинѣ, ибо не зналъ еще, что и Папа Онорій впалъ въ заблужденіе,

* Флери кн. XXXVIII, гл. 6—8.

Призвавъ Стефана, Епископа Доры, благочестивый Софроній возвелъ его на Голгоѳу и сказалъ: «ты дашь отвѣтъ распятому на семь святомъ мѣстѣ, когда придетъ онъ судить живыхъ и мертвыхъ, если пренебрежешь опасностію, въ коей обрѣтается святая вѣра; и такъ исполни то, чего я самъ не могу сдѣлать, ради набѣговъ Сарацинскихъ. Поспѣши, отъ сего края земли, предстать кафедрѣ Апостольской, гдѣ основанія чистой вѣры; открой святымъ мужамъ, собраннымъ тамъ, все что здѣсь происходитъ, и не престань умолять ихъ, доколь не осудятъ соборно сего новаго лжеученія.» Стефанъ, утращенный симъ заклинаніемъ и убѣжденный мольбами многихъ Епископовъ Востока, поспѣшилъ въ путь и, не смотря на всѣ препятствія со стороны Моноелитовъ, и на опасности отъ Сарацинъ, достигъ благополучно Рима; но уже не засталъ въ живыхъ Папу Онорія и присутствовалъ въ послѣдствіи на соборахъ его преемниковъ, для утвержденія православія.

Страшная гроза, которую видѣлъ Софроній, возстающею отъ юга на Іерусалимъ, и которая надъ нимъ разразилась, еще во дни его святительства, была новая вѣра лжепророка Магомета, возникшая, какъ нѣкій пустынный вихрь, изъ песковъ Аравіи, и проповѣданная оттолъ оружіемъ по вседенной; кровь и пламя знаменовали путь ея и предѣлы. Сбылось предсказаніе Ангела Агари, скитавшейся нѣкогда въ пустынь Аравійской, съ отрокомъ своимъ Измаиломъ: что онъ будетъ мужъ дикій, и руки его на всѣхъ, и рука всѣхъ на немъ,

и что вселится съ оружіемъ предъ лицомъ братій своихъ, чадъ Авраамовыхъ, плотскихъ и духовныхъ. Отъ колѣна Измаилова возникъ Магометъ, изъ племени Корейшитовъ; испытанный нищетою, скитался онъ съ верблюдами по пустынямъ, предаваясь созерцаніямъ и почерпая смѣшанныя понятія, о Іудействѣ и Христіанствѣ, отъ разбѣянныхъ въ Аравіи Евреевъ и отъ нѣкоего еретическаго инока Сергія, съ коимъ встрѣтился въ Вострѣ, во время своего странствованія, для купли житейской. Сорока лѣтъ выступилъ онъ на поприще міра, и убѣдивъ сперва, въ своемъ небесномъ посольствѣ, богатую вдову, на коей женился, племянника Алія, и тестя по другой женѣ, Абубекра, проповѣдывалъ единство Божіе посреди идолопоклонниковъ, признавалъ Пророковъ и посланниковъ Божіихъ, Ноя, Авраама, Моисея и Мессію, Господа Іисуса, чудно рожденнаго отъ Дѣвы, какъ Слово и Духъ Божій, но не распятаго за родъ человѣчскій, а спасеннаго будто бы тайно Богомъ изъ рукъ Евреевъ; признавалъ ветхій и новій заветъ, но въ искаженномъ видѣ, и составилъ, изъ отрывковъ священныхъ преданій, собственную книгу Коранъ; ибо себя выдавалъ онъ за исправителя Іудеевъ и Христіанъ, и за послѣдняго изъ пророковъ, обѣщаннаго Богомъ, для обращенія къ истинѣ всѣхъ народовъ; посему и изложилъ новое законодательство свое въ Коранѣ, повелѣвая всѣхъ покорять его ученію. Принужденный бѣжать изъ Мекки въ Медину, отъ возставшихъ противъ него Корейшитовъ, въ 622 г. по Р. Х., онъ утвердился

въ Мединѣ. Бѣгство сіе, по Арабски эгира, принимается за начало лѣтосчисления у послѣдователей Магомета; семь лѣтъ спустя, побѣдителемъ вступилъ онъ опять въ Мекку, и уже въ часъ смерти, вся Аравія преклоняла предъ нимъ колѣна. Тестъ его Абубекръ принялъ послѣ него званіе Халифа, т. е. его намѣстника или властителя всѣхъ правовѣрныхъ, и собралъ въ одну книгу разсѣянные листы Корана.

Тогда выступилъ бурный потокъ сей изъ предѣловъ Аравіи и разлился по вселенной. Сирія и Палестина, первыя испытали силу фанатизма Магометова, и тѣмъ скорѣе подверглись игу чуждому, что еще не успѣли оправиться отъ опустошеній Персидскихъ. Малыя дружины Императора, который не ожидалъ, послѣ своихъ славныхъ побѣдъ, столь сильнаго нападенія съ юга, отъ пренебрегаемыхъ имъ Сарацинъ, не могли защитить безлюдныхъ городовъ. Въ окрестностяхъ Газы были первыя сраженія Грековъ съ Арабами, которые предлагали миръ и братство, съ однимъ лишь условіемъ, — принять ихъ вѣру, и все предавали огню и мечу, если отвергали Коранъ. Амру, Каледъ, Обейдъ, были вождями неодолимыхъ дружинъ, и уже предъ ними пали главные города Сиріи, Востра и Дамаскъ, когда Халифъ Омаръ заступилъ мѣсто Абубекра. Дошла очередь до Иерусалима, ибо, по общему совѣту старѣйшинъ Арабскихъ и по уваженію, какое питали послѣдователи лжепророка къ сему мѣсту погребенія истинныхъ Пророковъ, они

жаждали овладѣть имъ: военачальникъ Арабскій получилъ повелѣніе осадить Св. градъ. Императоръ Ираклій, послѣ паденія Дамаска, удалился съ войсками въ Антиохію, не въ силахъ будучи противустать новой бурѣ, какъ некогда Хозрою, и по свидѣтельству летописца Теофана, унесъ съ собою, изъ Иерусалима, честное древо креста, дабы оно вторично не досталось въ руки варваровъ, ибо предвидѣлъ, что не устоитъ противъ нихъ Св. градъ*.

При первомъ повелѣніи Халифа, пятитысячный отрядъ войскъ Арабскихъ, подъ начальствомъ Абу Софіяна, подступилъ къ стѣнамъ Иерусалимскимъ, и мало по малу собрались другія войска**. Въ предложенія о сдачѣ были отвергнуты и отбиты первыя приступы, продолжавшіеся въ теченіе десяти дней. Главный воевода Обейдъ, приведшій съ собою остальные дружины, думалъ устрашить осажденныхъ, зрѣлищемъ своихъ несмѣтныхъ полчищъ, и написалъ къ нимъ письмо такого содержанія: «мы требуемъ отъ васъ, чтобы вы признали единого Бога и Магомета его пророкомъ, и страшный день судный, и что мертвые возстанутъ изъ гробовъ. Когда обнародуете сіе исповѣданіе, намъ уже нельзя будетъ проливать крови вашей, ни расхищать имущества и чадъ вашихъ; если же отречетесь отъ сего, то должны платить дань; иначе пошлю противъ васъ людей, которые болѣе любятъ смерть, нежели сколько вы сами любите

* Флери, кн. XXXVIII, гл. 5, ** Marigny, histoire des Arabes, T. I, p. 273—290.

упиваться виномъ и пресыщаться свинымъ мясомъ; и я не оставлю васъ, если сіе угодно будетъ Богу, доколѣ не порабошу васъ и дѣтей вашихъ, истребивъ и тѣхъ, кто за васъ сражался.» Надпись сего письма была: «именитымъ гражданамъ Эліи,» ибо такъ называли Іерусалимъ Арабы; но не утрашились угрозъ мужественные воители Св. града и, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, продолжались непрестанныя вылазки, стоившія много крови и осажденнымъ и осаждавшимъ. Положеніе сихъ послѣднихъ было еще затруднительнѣе, отъ чрезвычайно холодной зимы, ихъ обурьвавшей подъ шатрами.

Патріархъ Софроній, все еще надѣясь на защиту Ираклія, поддерживалъ рѣчами своими мужество гражданъ и возбуждалъ ихъ къ покаянію. Намъ сохранилась проповѣдь его на Рождество Христово, въ коей оплакивалъ, что не можетъ совершать молитвы, надъ колыбелію Виоелемскаго младенца, по случаю осады: «Пастыри, говорилъ онъ, имѣли утѣшеніе пойти въ Виоелемъ поклониться тамъ Спасителю міра и не страшились никакого препятствія. Волхвы отъ Востока, руководимые звѣздою, посланною имъ отъ Бога, на пути въ Виоелемъ, заботились только о томъ, кого искали и нашли, съ радостію великою, повиутаго пеленами въ убогихъ ясляхъ; въ нихъ познали они Бога, Господа и Спасителя міра, хотя божество его не могло быть зримо тѣлесными очами, подъ покровомъ его человечества. Мы же, ради безчисленныхъ грѣховъ нашихъ, не можемъ

участвовать въ семь блаженствъ, будучи принуждены оставаться заключенными въ стѣнахъ нашихъ, и хотя мы не связаны узами, однако страхъ Сарацинскій удерживаетъ насъ паче всякихъ узъ. Конечно виною тому грѣхи наши; ибо если бы достойны были участвовать въ утѣшеніи пастырей и волхвовъ, и мы могли бы, подобно имъ, идти въ сей любезный намъ Виоелемъ, издали только нами видимый теперь, хотя онъ такъ близко отъ насъ, и мы бы тамъ воспѣли пѣснь святыхъ Ангеловъ: слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣкахъ благоволеніе! Поистиннѣ, мы можемъ воспѣвать и здѣсь сію пѣснь, но мы не имѣемъ утѣшенія видѣть святыхъ яслей и той дивной и небесной пещеры рождества, которой мы сдѣлались недостойными по грѣхамъ нашимъ. Мы подверглись участи перваго нашего праотца, когда онъ былъ изгнанъ изъ рая и поселился прямо рая, имѣя предъ собою огненный мечъ Херувима, воспрещавшаго ему входъ. Не сего пламеннаго оружія мы страшимся, горѣвшаго во вратахъ Эдемскихъ, но земнаго оружія варваровъ, и находясь недалеко отъ Виоелема, не можемъ въ него проникнуть. И такъ углубимся въ самихъ себя, обратимся къ Господу, оставимъ дѣла нечестія, которыхъ столько гнушался сей божественный Младенецъ, и мы еще будемъ опять имѣть утѣшеніе поклоняться ему на томъ мѣстѣ, гдѣ благоволилъ родиться, дабы тамъ вознести предъ нимъ наши молитвы*.» Такъ возбуждалъ Св. Софроній плачу-

* Vie des peres, liv. 36. ch. 56.

щій народъ къ покаянію, подобно древнему Пророку Іонъ, проповѣдавшему покаяніе въ Ниневіи.

Однакоже постоянство, съ какимъ непріатели переносили всѣ трудности долгой осады, поколебало наконецъ твердость осажденныхъ; они стали опасаться совершеннаго раззоренія Св. града и, послѣ двухлѣтней обороны, старѣйшины рѣшились вступить въ переговоры съ самымъ кроткимъ изъ военачальниковъ Арабскихъ, Обейдомъ, который, по промыслу Божію, занялъ мѣсто жестокаго Каледа, раззорителя Востры и Дамаска. Они умолили своего Патріарха, принять на себя столь опасное дѣло, и не отречься благой пастырѣ положить, въ случаѣ нужды, душу свою за овецъ своихъ. Софроній потребовалъ свиданія съ Обейдомъ и, въ долгой бѣсѣдѣ, старался тронуть его, святостию мѣста и великими воспоминаніями, внушая ему, что и самое небо накажетъ гнѣвомъ своимъ всякаго, кто дерзнетъ вступить непріятельски въ завѣтныя стѣны.

«Знаю, отвѣчалъ вождь Арабскій, что Іерусалимъ, мѣсто рожденія и погребенія многихъ Пророковъ, и даже, изъ сего именитаго города, собственный нашъ пророкъ Магометъ былъ однажды ночью восхищенъ на небо и приблизился къ Господу, на два верженія стрѣлы. Мы его ученики и посему болѣе васъ достойны владѣть святынею; и такъ не оставимъ осады, доколь Богу не угодно будетъ предать намъ сей городъ, подобно какъ и многіе другіе.» — Такъ передаетъ бесѣду сію

Арабскій летописецъ Алвакеди. — Тогда Патріархъ Софроній, видя, что уже не остается никакой надежды, старался только сдать городъ на выгодныхъ условіяхъ, и опасаясь жестокости варваровъ, требовалъ, чтобы изъ уваженія къ столь священному мѣсту, самъ Халифъ пришелъ принять оное изъ рукъ Христіанъ. Согласился Обейдъ, и немедленно послалъ вѣстника въ Мекку, убѣдить Омара къ исполненію сего условія.

Раздѣлилось мнѣніе совѣтниковъ Халифа: Отманъ, будущій его преемникъ, противился такому снисхожденію къ Христіанамъ, недостойнымъ чести видѣть лице его; но племянникъ Магомета, Али, утверждалъ напротивъ, что не должно проливать крови вѣрныхъ дружинъ, если одно присутствіе Халифа можетъ покорить городъ, и Омаръ собрался въ путь, въ совершенной простотѣ древнихъ патріархальныхъ нравовъ Востока. Два мѣха съ пшеницею и плодами, и мѣхъ воды, составляли весь запасъ его пиши, на томъ же верблюдѣ, на коемъ сидѣлъ; совершенная простота сія привлекала ему любовь многочисленныхъ подданныхъ. Такъ прибылъ онъ въ станъ Іерусалимскій, путемъ горы Масличной, и послѣ утренней молитвы, осудилъ многихъ, за непозволительную роскошь одежды, ибо опасался, чтобы богатство не угасило воинственнаго духа послѣдователей Магомета.

Христіане Іерусалимскіе, услышавъ о прибытіи Халифа, послали избранныхъ мужей своихъ въ станъ, и послѣ многихъ совѣщаній, Омаръ поло-

жидъ слѣдующія условія, которыя послужили образцемъ для всѣхъ будущихъ, при завоеваніи городовъ: «Христіане не будутъ строить новыхъ церквей ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ, и препятствовать входить въ оныя Мусульманамъ, ни днемъ, ни ночью; двери ихъ должны быть отперты всѣмъ мимоходящимъ. Если странствующій Мусульманинъ остановится въ ихъ городѣ, они обязаны содержать его три первые дня. Христіане не могутъ учить дѣтей своихъ Корану или говорить открыто о своей вѣрѣ; колыми паче убѣждать къ ея принятію и удерживать другихъ отъ Магометанства. Имъ не дозволено одѣваться подобно Мусульманамъ, ни носить ихъ чалмы и обуви; они не будутъ говорить языкомъ Арабскимъ, ни даже называться именами Арабскими. Каждый Христіанинъ долженъ вставать предъ Мусульманиномъ, чтобы воздать ему должную честь, и стоять пока тотъ не сядетъ. Христіане не будутъ продавать вина, ни держать у себя рабовъ, бывшихъ въ услуженіи у Мусульманъ; не позволено имъ совершать крестные ходы по улицамъ, гдѣ живутъ Мусульмане, или ставить кресты на церквахъ своихъ, и звонить въ колокола.» Халифъ далъ отъ себя краткую охранительную грамоту Христіанамъ Іерусалимскимъ: «во имя Бога милостиваго и милосердаго, Омаръ, сынъ Хаттиба, даруетъ безопасность народу города Эліи, какъ самимъ гражданамъ, такъ и ихъ женамъ и дѣтямъ, имуществамъ и всѣмъ ихъ церквамъ; онъ не будутъ ни сломаны, ни закрыты.» Но Халифъ, хотя и не кровожадный

по праву, не въ точности исполнилъ свое обѣщаніе, ибо попустилъ войскамъ безчинствовать въ городѣ и его окрестностяхъ. Двѣнадцать тысячъ воиновъ Греческихъ защищали Св. градъ и должны были выдти изъ онаго, положивъ оружіе; могли оставаться въ немъ только туземцы, числомъ до пятидесяти тысячъ, которые всѣ, кромѣ старцевъ и дѣтей, обложены были данію отъ трехъ до пяти золотыхъ*.

Побѣдитель взошелъ въ Іерусалимъ, съ видами вѣшняго благочестія: ибо по чрезвычайнымъ судьбамъ Св. града, онъ не только есть святилище Христіанъ и Евреевъ, но и Магометанъ, уважающихъ въ немъ мѣсто Соломонова храма, отколѣ, по ихъ преданіямъ, лжепророкъ взошелъ на небо. Халифъ облеченъ былъ, ради смиренія, въ верблюжью убогую власяницу, хотя и окружала его блестящая дружина. Съ тяжкою скорбію въ душѣ, пришелъ встрѣтить завоевателя, во вратахъ покореннаго имъ города, блаженный пастырь Іерусалимскій Софроній, когда уже не могъ болѣе защитить паству свою отъ враговъ**. Халифъ благосклонно принялъ великаго мужа Церкви, спрашивалъ съ любопытствомъ о древностяхъ Св. града и пожелалъ видѣть храмы. При посѣщеніи перваго изъ нихъ, онъ спросилъ Патріарха: можетъ ли совершить въ немъ молитву? и услышавъ горькій отвѣтъ: что все въ его власти, вышелъ вонъ изъ храма безъ моленія. Такъ поступилъ и во всѣхъ прочихъ церквахъ,

* Leming, Comment. Kemalodin, p. 45. ** Marigny, histoire des Arabes, T. 1, p. 287—288.

и остановился только въ главномъ соборѣ Воскресенія Христова. Тамъ, осмотрѣвъ прежде внутреннюю красоту зданія, преклонилъ колѣна на ступеняхъ храма и совершилъ намазъ или молитву; потомъ сказалъ Патріарху: «ты конечно осуждаешь мои своеправные поступки; но знай, что я такъ дѣйствовалъ изъ уваженія къ тебѣ, для того, чтобы вамъ сохранить обладаніе вашими церквами; ибо если бы я въ нихъ совершилъ свою молитву, Мусульмане стали бы у васъ ихъ оспаривать и непременно бы овладѣли, по тому праву, какое имѣютъ молиться, на тѣхъ мѣстахъ, где молился ихъ Халифъ.»

Тогда Омаръ велѣлъ принести себѣ условія, о сдачѣ Иерусалима, и прибавилъ, собственною рукою, что Мусульманамъ дозволяется только приходить молиться на ступеняхъ или въ преддверіи Христіанскихъ храмовъ, и что ихъ муеззимы, или глашатаи, не могутъ на сихъ мѣстахъ призывать къ молитвѣ. — Такъ рассказываетъ лѣтописецъ Арабскій Алвакеди; но мѣстное преданіе говоритъ, что когда Халифъ хотѣлъ совершить свою молитву, въ храмъ Воскресенія, мужественно воспротивился сему Патріархъ Софроній, напомнивъ условія мира. Послушалъ старца Омаръ, и въ виду храма велѣлъ разостлать коверъ, для совершенія первой молитвы въ стѣнахъ Св. града, который и у Арабовъ называется Эль-кодсъ, т. е. святымъ. Мѣсто сіе обозначено и донинѣ, малою мечетію съ высокимъ минаретомъ, свидѣтельствующими ревность благочестиваго пастыря о спасеніи святилища.

Историки Арабскіе, восхваляя благочестіе своего Халифа, утверждаютъ, что онъ спросилъ Патріарха, о мѣстѣ Соломонова храма, и ему указали камень, на коемъ спалъ Іаковъ, когда видѣлъ во снѣ небесную лѣстницу. Мѣсто сіе было въ совершенномъ заустыніи у Христіанъ, ибо они не хотѣли касаться развалинъ древняго храма, когда самыя основанія его еще недавно были созжены, чудеснымъ огнемъ, при отступникѣ Императорѣ Іуліанѣ. Омаръ оскорбился такимъ пренебреженіемъ мѣста, священнаго по его мнѣнію; онъ началъ самъ сносить съ онаго нечистоту, въ полъ своей одежды, и вся дружина ему подражала, такъ что въ короткое время очистились развалины и открылся совершенно мнимый камень Іакова; Халифъ, преклонивъ на немъ колѣна, совершилъ молитву, изъ уваженія къ памяти Патріарха Іакова; но камень сей, по мнѣнію Христіанъ, есть тотъ, на коемъ остановился Ангель смерти, поражавшій Израильскій народъ во дни Давида. Лѣтописецъ Греческій Теофанъ присовокупляетъ, что видя сіе блаженный Софроній со слезами сказалъ: «теперь поистиннѣ будетъ на мѣстѣ святомъ та мерзость заустынія, о коей предрекалъ еще Пророкъ Даніиль!» ибо обломки древняго святилища Іудейскаго, отверженнаго за грѣхи народа, обновлялись новыми врагами имени Христова. Такъ какъ Омаръ молился посреди развалинъ и землею работою измаралъ свою одежду, Софроній предложилъ ему отъ себя чистое одѣяніе, но Халифъ согласился только принять оное на то время, пока измывалось его собственное. Тотъ же

лѣтописецъ свидѣтельствуеть, что нѣсколько лѣтъ спустя, когда уже началъ сооружать мечеть свою Омаръ, — зданіе не могло держаться твердо на основаніи; онъ спросилъ о причинѣ сего явленія, и Евреи ему объяснили, что мечеть не утвердится, доколѣ будетъ стоять крестъ на противулежащей горѣ Елеонской. Снятіе креста укрѣпило мечеть, и въ послѣдствіи враги имени Христова стали снимать всѣ кресты съ церквей Іерусалимскихъ*.

Омаръ пробылъ нѣкоторое время въ Іерусалимѣ, чтобы устроить дѣла завоеванныхъ имъ областей; онъ ввѣрилъ правленіе Палестины и Іерусалимъ Абу Софіану, который прежде всѣхъ подступилъ къ Св. граду, и повелѣвъ воеводамъ, Обеиду и Амру, продолжать завоеванія въ Сиріи и Египтѣ, самъ возвратился съ торжествомъ въ Медину. Новые успѣхи ознаменовали оружіе Арабовъ; имъ содѣйствовало малодушіе войскъ Греческихъ, при вѣроломствѣ нѣкоторыхъ изъ вождей. Скоро палъ Аленъ, и самъ Императоръ Ираклій, на время затворившійся въ Антиохіи, принужденъ былъ удалиться въ Царьградъ, отъ превозмогавшей силы Арабовъ, которые овладѣли сею столицею востока. Обеидъ сдѣлался правителемъ Сиріи; между тѣмъ, Амру изгонялъ изъ Палестины сына царскаго Константина. Сперва, при личномъ свиданіи съ Царевичемъ, военачальникъ Арабскій требовалъ отъ него или дани, или исповѣданія Магометанства; потомъ, побѣдивъ его въ сраженіи, при-

* Corpus Byzantinorum, Bonae, Theophanes T. I, p. 520—24.

нудилъ заключиться въ стѣнахъ Кесаріи, и всѣ поморскіе города, одинъ за другимъ, покорились врагамъ. Услышавъ о паденіи Тира, Константинъ бѣжалъ въ Царьградъ и Кесарія сдалась военачальнику Арабскому. Завоеваніе всей Палестины и поморія было столь быстро, что оно казалось болѣе путешествіемъ, нежели походомъ. Тогда обратился Амру на Египетъ и покорилъ его стольже неожиданно. Александрія одна противустояла долгой осадѣ, — съ ея паденіемъ прекратилось владычество Императоровъ Греческихъ на Востокъ*.

Не вынесла столькохъ горестей пламенная душа Патріарха Софронія, исполненнаго ревности къ Богу и любви къ своей паствѣ, которую старался защищать предъ лицомъ завоевателя Арабскаго, съ мужествомъ, достойнымъ великаго святителя Христова. Три года спустя послѣ взятія Іерусалима, когда уже оружіе Арабовъ распространилось по всей Сиріи и Египту, и пали подъ иго ихъ два другіе патріаршіе престола, Александріи и Антиохіи, святыи Софроній отошелъ къ Господу; съ нимъ надолго закатилась слава Іерусалима, и Церковь вселенская утратила въ немъ одного изъ величайшихъ своихъ пастырей и ревнителей православія. Намъ осталась послѣ него сія вечерняя молитва, донинѣ пѣваемая въ православныхъ церквахъ Востока:

«Свѣте тихій, святыя славы, безсмертнаго Отца небеснаго, святаго блаженнаго, Іисусе Христе, при-

* 640 годъ. Четвъ Минея 11 Марта.

шедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца, Сына и Святаго Духа Бога. Достоинъ еси, во вся времена, пѣть быти гласы преподобными, Сыне Божій, животъ даѣй, тѣмъ же мѣръ ты славить.»

XVIII.

ХАЛИФАТЪ ОММИАДОВЪ.

Патріархи Оеодоръ, Анастасій, Иоаннь. Св. Андрей
Иерусалимскій.

Между тѣмъ продолжало распространяться владычество Магомета по ужаснувшемуся Востоку; третій Халифъ Отманъ, преемникъ Омара, сокрушилъ древній престолъ Сассанидовъ, Царей Персидскихъ, (столь долгое время враждебныхъ Императорамъ), въ лицѣ послѣдняго Царя Издигерда, внука Хозроева. Но и внутри необъятной державы Халифовъ проливалась непрестанно кровь преемниковъ лжепророка, ради пріобрѣтенія его престола. Отманъ палъ жертвою возмущившихся противъ него старѣй-

шинъ, и племянникъ Магомета, Али, женатый на его дочери Фатимъ, принялъ на краткое время бразды правленія, чтобы также пасть съ дѣтьми своими, въ кровавомъ междоусобіи. Моавія, изъ могущественнаго племени Оммиадовъ, назначенный, при Халифѣ Отманѣ, правителемъ Сиріи, утвердился независимо отъ Али въ Дамаскъ, и послѣ его бѣдственной кончины, принудилъ родъ Алиевъ уступить себѣ престолъ*. Не смотря на частыя смутенія, возникавшія противъ него въ Аравіи, двадцатилѣтнее царствованіе Моавіи было цвѣтущимъ временемъ Сиріи, и хотя онъ подступалъ съ судами своими къ Царьграду и велъ непрестанную войну съ Императорами Греческими, однако искалъ пріобрѣсть себѣ любовь своихъ Сирійскихъ подданныхъ, всѣхъ исповѣданій; Христіане не терпѣли при немъ сильнаго гоненія, хотя дѣла церковныя пришли въ разстройство, отъ завоеванія Арабскаго.

Послѣ взятія Иерусалима, временно прекращаются о немъ лѣтописи церковныя и гражданскія, и мракъ неизвѣстности лежитъ на великихъ мужахъ, подвизавшихся въ окрестныхъ пустыняхъ; безъ всякаго сомнѣнія многія обители опустѣли при нашествіи Персовъ и Сарацинъ. Изрѣдка только, изъ актовъ соборныхъ, или лѣтописей Византійскихъ, или житія Святыхъ, проявляется нѣкое событіе, относящееся до Св. града, или возстаетъ, изъ его Епископовъ и отшельниковъ, какое-либо свѣтлое лице, принимающее участіе въ дѣлахъ церковныхъ; все же прочее остается во мракѣ.

Даже преемство святительское, на кафедрѣ брата Божія, прервано было въ теченіе тридцати лѣтъ, послѣ кончины блаженнаго Софронія, и только мѣстоблюстители изъ Епископовъ Палестины, попеременно наблюдали за осиротѣвшею паствою, а между тѣмъ ересь Моноелитовъ, поддерживаемая въ Царьградѣ, властію Императорскою и Патріаршею, распространялась по Востоку*. Сергій, Епископъ Юппіи, еще послѣ перваго разоренія Персовъ, овладѣлъ самовольно мѣстоблюстительствомъ престола Иерусалимскаго и рукоположилъ, вопреки правилъ, нѣсколько Епископовъ въ сей церковной области, которые, чтобы удержаться на своихъ мѣстахъ, вступили въ общеніе съ Патріархомъ Павломъ Константинопольскимъ, Моноелитомъ, и тѣмъ возбудили смятенія въ Палестинѣ.

Старшій изъ Епископовъ Палестинскихъ, Стефанъ, посланный Св. Софроніемъ въ Римъ, для защиты православія, посреди безначалія своей родины и заблужденія Патріарховъ трехъ старшихъ престоловъ Востока, представилъ Папѣ Римскому Теодору бѣдственное положеніе Палестинской Церкви. Онъ самъ былъ назначенъ мѣстоблюстителемъ, съ властію низлагать Епископовъ, поставленныхъ Сергіемъ, если не присоединятся къ православію, но многія церкви остались безъ пастырей. Участіе Папы, въ дѣлахъ не подчиненныхъ ему Церковей, не выходило изъ древняго порядка, ибо во дни общей опасности бывали и прежде подобныя примѣры Епископовъ, дѣйствовавшихъ властію Апостольскою,

* Истор. Флери кн. XXXVIII, гл. 54.

въ чуждыхъ имъ епархіяхъ. Такимъ образомъ Св. Анастасій великій заботился о Церкви Антиохійской, и посланный имъ Луциферъ, Епископъ Кагліаріи, рукоположилъ тамъ пастыря, хотя и не того, котораго желалъ соборъ Александрійскій; Василиій великій заботился также о Церквяхъ сосѣдственной ему Арменіи, и Евсевій Самосатскій рукополагалъ тамъ Епископовъ, доколь миръ церковный не привелъ опять всѣ епархіи Востока въ установленный соборами порядокъ.

Неправильное изложеніе вѣры Императора Ираклія, въ пользу ереси Моноелитовъ, и нечестивый указъ, подъ именемъ типа или образа, изданный его внукомъ Константиємъ, который запрещалъ всякое разсужденіе о вѣрѣ, побудили Св. Папу Мартина созвать соборъ Латеранскій въ Римъ, чтобы спасти православіе*. Это была одна изъ самыхъ бѣдственныхъ эпохъ Церкви: Арабы Магометанскіе мечемъ и огнемъ распространяли повсюду вѣру свою; а между тѣмъ кафедры Восточныя заняты были Моноелитами. Епископы и ипоки Палестинскіе, услышавъ о созваніи собора, поспѣшили прислать въ Римъ мѣстоблюстителей, въ надеждѣ на умиротвореніе своей Церкви. Предстоятелемъ ихъ былъ Стефанъ, Епископъ Доры; въ пространномъ прошеніи, жаловался онъ собору на безпорядки Востока, напомнилъ, какимъ образомъ еще блаженный Софроній заклиналъ его идти въ Римъ и какъ поручено ему было наблюдать за Церковію Палестины, и

* 649 годъ.

умолялъ не презрѣть православныхъ Епископовъ и народовъ Востока, но свѣтомъ своихъ повелѣній стереть съ лица земли остатки ереси Аполлинаривой и Северовой, которыя опять возобновились.

Тоже повторили многіе архимандриты и игумены Греческіе, изъ коихъ нѣкоторые уже давно жили въ Римѣ, а другіе прибыли на соборъ. Но въ ихъ смиренномъ прошеніи замѣтна неколебимая приверженность къ православію, основанная не на слѣпомъ довѣрїи къ Папѣ или Епископамъ, которыхъ умоляли утвердить католическое ученіе, о двухъ воляхъ и двухъ природахъ въ Господѣ Исусѣ Христѣ. Такъ укрѣпилъ ихъ своимъ ученіемъ въ истинѣ блаженный Патріархъ Софроній*. — «Знайте, говорили они, что если вы рѣшите иначе, чему мы даже не можемъ и повѣрить, то мы свидѣтельствуемъ впередъ, что не примемъ въ семь участія, и для большей вѣрности, просимъ васъ перевести, со всевозможною точностію, на Греческій языкъ все, что вы теперь рѣшите, дабы испытать оное подробно, мы могли изъяснить и наше согласіе.» Прошеніе было подписано пятью игумнами и тридцатью двумя иноками, между коими много находилось пресвитеровъ и діаконовъ, и во главѣ всѣхъ стоялъ Іоаннъ, священноархимандритъ великой лавры Св. Саввы. Желаніе ихъ было въ точности исполнено и акты соборныя разсланы Папою Св. Мартиномъ, по всему Западу и Востоку, за подписью всѣхъ Епископовъ.

Св. Мартинъ написалъ также окружныя посланія

* Флери, кн. XXXVIII, гл. 43—54.

къ Церквамъ Восточнымъ, возбуждая ихъ сохранить согласіе съ Римскою и избѣгать общенія овладѣвшихъ неправедно кафедрями Александріи и Антиохіи. Онъ назначилъ соборно мѣстоблюстителемъ Іоанна, Епископа Филадельфійскаго, по благоприятнымъ о немъ отзывамъ Стефана, Епископа Дорскаго, и иноковъ обители великаго Θεодосія, до времени избранія законнаго пастыря, дабы не истребилось совершенно священство въ сихъ предѣлахъ; для сего внушалъ наполнять Церкви католическія Епископами, священниками и діаконами, и искать обращенія отпавшихъ отъ православія. Папа писалъ къ нему чрезъ архимандрита Θεодора и иноковъ обители Θεодосіевой, Іоанна, Стефана и Леонтія, присутствовавшихъ на соборѣ Латеранскомъ, и возбуждалъ также другихъ благочестивыхъ Епископовъ Палестинскихъ, содѣйствовать мѣстоблюстителю Іоанну. Такова была ревность Св. Мартина, который и самъ въ послѣдствіи пострадалъ за вѣру въ Царьградѣ. Императоръ Константій сослалъ его въ Херсонисъ Таврической, гдѣ некогда окончилъ дни свои, первый Епископъ Римскій Св. Климентъ. Церковь Восточная была точно въ самомъ бѣдственномъ положеніи, послѣ упадка владычества Греческаго: въ Сиріи поднялись Несторіане, Евтихіане или Іаковиты въ Египтѣ. Всѣ раздѣленія Христіанскія безразличны были для Магометанъ; но они болѣе благопріятствовали тѣмъ изъ нихъ, которые чуждались общенія съ Царьградомъ; самые Патріархи православные, въ

сихъ предѣлахъ, стали называться Мелькитами, т. е. царственными, въ противоположность Іаковитскимъ, которые были враждебны Императорамъ. Наконецъ, уже во время владычества Халифа Моави, поставленъ былъ въ Іерусалимъ Патріархомъ Іоаннъ, вѣроятно Филадельфійскій Епископъ, спустя двадцать девять лѣтъ послѣ кончины Софронія*.

Но Досиѳей, утверждаетъ въ своей исторіи, что первымъ Патріархомъ, послѣ долгаго опустыніа кафедръ Св. града, былъ Θεодоръ, похваляемый за свое православіе, и послѣ него Іоаннъ; по сказанію же нѣкоторыхъ, Анастасій слѣдовалъ за Θεодоромъ, а за нимъ уже Іоаннъ, что достовѣрнѣе, присовокупляетъ Досиѳей**. — Однако на шестомъ вселенскомъ соборѣ, который созвалъ правнукъ Иракліевъ, Императоръ Константинъ Погонатъ въ Царьградѣ, для умиренія Церкви отъ ереси Монофелитовъ, Θεодоръ названъ только мѣстоблюстителемъ престола Іерусалимскаго, а не Патріархомъ; вмѣсто него присутствовали Георгій, священноинокъ, и архидіаконъ Іерусалимскій Андрей, сидѣвшіе на одной сторонѣ съ легатами Папскими, такъ какъ оба престола, Римскій и Іерусалимскій, дружно подвизались за православіе***.

Въ темную годину для Іерусалима, свѣтлымъ лицомъ Восточной Церкви явился блаженный Андрей, назнаменованный отъ самаго дѣтства десницею Вышняго****. Онъ родился въ Дамаскѣ, отъ благочестивыхъ родителей, и былъ нѣмъ до семилѣтняго

* 668 годъ. ** Кв. VI, гл. 19. *** Флери, кн. XL. 11, 49. 681 годъ. **** Четья минея 4 Іюля.

возраста; но уста его дивно открылись во славу Божию, въ минуту причащенія Св. таинъ; ибо самъ сущій, подъ видомъ хлѣба и вина, Христосъ Богъ, изъ устъ сего нѣмотствовавшего отрока, совершилъ себѣ хвалу, показавъ, сколь велика сила пречистыхъ таинствъ. Наученный Св. писанію, Андрей приведенъ былъ въ Іерусалимъ, четырнадцати лѣтъ, и не смотря на юный возрастъ, сопричтенъ къ клиру; но пламенное желаніе житія иноческаго увлекло его въ окрестныя пустыни, и наипаче въ лавру великаго Саввы. Патріархъ Θεодоръ, изумленный глубокимъ знаніемъ и благочестіемъ юноши Андрея, избралъ его сперва своимъ письмоводителемъ, а потомъ рукоположилъ въ архидіакона, и по чрезвычайной къ нему довѣренности, послалъ его, съ своими мѣстоблюстителемъ, на шестой вселенскій соборъ въ Царьградъ: тамъ, какъ нѣкогда великій архидіаконъ Аѳанасій, въ Никее подвизавшійся противъ Аріанъ, блаженный Андрей, въ томъ же санѣ и съ тою же силою, опровергалъ ересь Монофелитовъ, писаніями Святителя Іерусалимскаго Софронія, и прославился предъ лицомъ Императора и всего собора.

Потомъ опять возвратился въ мирное свое уединеніе, во Св. градѣ, гдѣ смиренно пребывалъ въ трудахъ, на него возложенныхъ Патріархомъ, имѣя попеченіе о странныхъ, больныхъ и убогихъ, коимъ служилъ, какъ самому Христу Богу; а между тѣмъ Церковь украшалась его дивными гимнами, которые доселѣ воспѣваетъ во дни великаго поста. Его удивительный канонъ покаянія читается

въ первые дни четырехдесятницы, дабы возбудить сердечное сокрушеніе нераскаянныхъ, примѣрами паденія и возстанія грѣшниковъ, обоихъ завѣтовъ, и добродѣтелями святыхъ; и его же трипѣснцы заключаютъ каждое повечеріе страстной седмицы, какъ достойный отголосокъ дивныхъ событій сихъ великихъ дней. Блаженный любитель пустыни долженъ былъ однако оставить свое безмолвіе, для Архіепископской каѳедры острова Крита, куда вызвала его воля Императора Іустиніана II, и, вмѣстѣ съ Патріархомъ Іерусалимскимъ Анастасіемъ, преемникомъ Θεодора, опять присутствовалъ онъ въ Царьградѣ, на соборѣ Трульскомъ, который дополнилъ, изложеніемъ правилъ церковныхъ, дѣянія двухъ предъидущихъ вселенскихъ соборовъ.

Это было горькая эпоха для Іерусалима, оставленнаго безъ всякой защиты со стороны Императоровъ, на произволъ Халифовъ. Между тѣмъ сынъ и внукъ сильнаго Моавіи, какъ тѣни проскользнули на Дамаскомъ престолѣ, непрестанно воюемые племенемъ Алія въ Аравіи. Мирванъ, также изъ рода Омміадовъ, принужденный бѣжать оттолъ, воцарился въ Дамаскѣ вмѣсто семейства Моавіи, и могущественный сынъ его Абдель Мелекъ напомнилъ Арабамъ времена первыхъ Халифовъ*. Намъреваясь совершенно одолѣть своихъ соперниковъ, въ Меккѣ и Мединѣ, онъ заключилъ миръ съ Императорами Греческими, и обязался даже платить имъ ежегодную дань; а для того, чтобы отвлечь Магометанъ Сирійскихъ, отъ поклоненія дому Авраамову или

* Marigny, histoire des Arabes, T. II, p. 307.

Каабъ въ Меккѣ, и чрезъ то ослабить нравственное вліяніе своего соперника Абдаллы, онъ учредилъ новое странствіе въ Іерусалимъ, для своихъ подданныхъ. Вмѣсто чернаго камня Авраамова, бывшаго предметомъ общаго уваженія Арабовъ въ Меккѣ, Халифъ положилъ, посреди мечети Омаровой, мнимый камень Патріарха Іакова, на коемъ отдыхалъ онъ, когда видѣлъ во снѣ небесную лѣствицу, и съ коего будто бы лжепророкъ Магометъ вознесся на небо. Должно предполагать, что Абдель Мелекъ, для той же цѣли, желая расширить мечеть Омарову въ Іерусалимѣ, отнялъ, по сосѣдству съ нею, у Христіанъ и знаменитую церковь введенія во храмъ Божіей Матери, сооруженную великимъ Іустиніаномъ; ибо никто другой изъ Халифовъ столько не заботился о украшеніи мечети Омаровой. Онъ сдѣлалъ надъ нею новый куполъ и, по описаніямъ Арабскимъ, всегда высокопарнымъ, устроилъ въ ней до пятидесяти дверей и шесть сотъ столповъ, повѣсилъ триста восемьдесятъ пять серебряныхъ лампадъ, и воздвигъ по краямъ мечети четыре минарета, учредивъ при ней до трехъ сотъ священнослужителей*. Такимъ образомъ, вмѣсто одной, двѣ знаменитыя мечети сдѣлались предметомъ благоговѣнія Арабовъ въ Св. градѣ: Эль-Харамъ, т. е. завѣтная, называемая еще и Эль-Сахара, отъ лежащаго въ ней камня, и Эль-Акса или отдаленная, отнятая у Христіанъ. Халифъ хотѣлъ также похитить и драгоценныя мраморныя столпы изъ Св. Геосиманіи; но пред-

* Leming, Comment. libri Kemalodini p. 46.

стоятели Христіанъ Палестинскихъ, Патриціи Сергій и Клезъ, оба знаменитые своимъ благочестіемъ, и Мансуръ, отецъ Св. Дамаскина, бывший Логоеетомъ, т. е. близкимъ сановникомъ при дворѣ Халифа, убѣдили его не касаться столповъ, обѣщая испросить вмѣсто ихъ другіе у Императора Іустиніана II, что и было исполнено*. Неизвѣстно однако, о какихъ столпахъ здѣсь говорится; ибо въ пещерѣ Геосиманской ихъ никогда не бывало. Развѣ не стояла ли надъ пещерою знаменитая церковь Архидіакона Стефана, сооруженная Императрицею Евдокіею, коей теперь нѣтъ и слѣдовъ, или, быть можетъ, лѣтописецъ Теофанъ упомянулъ по ошибкѣ, о Геосиманіи вмѣсто Виолеемскаго собора, точно великолѣпнаго по своей колоннадѣ? Это происходило уже при Патріархѣ Анастасіѣ, преемникомъ коего былъ Іоаннъ, съ 705 года.

Намъ сохранилось описаніе Св. мѣста сего времени, Галликанскаго Епископа Аркульфа, который, на обратномъ пути изъ Палестины, занесенъ былъ бурей, на одинъ изъ Шотландскихъ острововъ, и рассказалъ свое странствованіе тамошнему аббату Адамнану, а тотъ изложилъ слова его на хартіи и даже начерталъ планъ Св. гроба. Но хотя эпоха сія весьма любопытна, потому что Аркульфъ видѣлъ Св. мѣста, послѣ раззоренія Персидскаго и обновленія ихъ Иракліемъ, и уже во время владычества Арабовъ, однако описаніе его весьма недостаточно и во многомъ не сходно съ тѣмъ, какъ

* Лѣтопись Теофана, изд. Нибура, стр. 559.

мы привыкли себѣ представлять Св. мѣста, по прежнимъ и послѣдующимъ ихъ описаніямъ. Такъ напримѣръ: Аркульфъ говоритъ о тройной стѣнѣ храма, посреди коего стоитъ часовня Св. гроба: — что зданіе около часовни Св. гроба кругло, это справедливо и болѣе сходно съ нынѣшнимъ его состояніемъ, нежели три притвора о коихъ писалъ Евсевій; но что разумѣлъ онъ подѣ тройною стѣною? развѣ трехъярусные хоры, на аркахъ вокругъ часовни, какъ мы и теперь это видимъ въ новомъ Іерусалимѣ, и чего не понялъ Адамнанъ, опустивъ на своемъ планѣ хоры сіи до помоста, въ видѣ тройной стѣны? Часовня же Св. гроба совершенно такова въ описаніи Аркульфа, какъ и теперь, да и не могла быть иначе, ибо она изсѣчена въ скаль. По словамъ его, пещера обращена къ востоку и разделена на двѣ части; шесть человекъ могутъ свободно въ ней помѣщаться; наружность обложена великолѣпнымъ мраморомъ, а на верху, надъ малой главою, золотой литой крестъ. Съ сѣверной стороны, внутри вертепа, изсѣчена гробовая плита, въ семь футовъ длины, на коей покоилось божественное тѣло, и тамъ днемъ и ночью горятъ двѣнадцать лампадъ. Большой серебряный крестъ воздвигнутъ на Голгоѣѣ, на самомъ мѣстѣ распятія Господня. Аркульфъ упоминаетъ еще о серебряномъ потирѣ, съ двумя ручками, служившемъ для тайной вечери, въ коемъ хранилась и губа, напоившая желчію распятаго Спасителя.

Во времена Аркульфа, святой градъ былъ обнесенъ крѣпкою стѣной, съ осьмидесятью четырьмя башнями и шестью вратами, что объясняетъ его двухлѣтнюю защиту противъ полчищъ Арабскихъ. Ежегодно, въ день воздвиженія, все окрестное народонаселеніе стекалось туда на торжище, и нечистота, накоплявшаяся въ теченіе нѣсколькихъ дней отъ множества коней, воловъ и верблюдовъ, внезапно сметаема была большимъ дождемъ, который падалъ тотчасъ послѣ праздника, такъ что весь соръ стекалъ въ долину Иосафатову и Кедронскимъ потокомъ въ Мертвое море. На вершинѣ горы Элеонской, церковь безъ крыши ограждала то мѣсто, гдѣ въ послѣдній разъ ступила на землю стопа Спасителя, предъ вознесеніемъ на небо; церковь сія была осьмиугольная, и въ каждомъ изъ ея стеклянныхъ оконъ горѣла лампада; ночью отрадный свѣтъ ихъ проливался на всю гору Элеонскую, въ видѣ небснаго яркаго вѣнца. При Аркульфѣ еще стоялъ посреди Иордана большой деревянный крестъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ крестился Спаситель, и даже высокій каменный мостъ соединялъ оба берега священной рѣки; малая церковь означала мѣсто, гдѣ лежала одежда Христова, во время его крещенія, а неподалеко находился пространный монастырь во имя Св. Іоанна Предтечи.

Тридцать лѣтъ спустя послѣ Аркульфа, другой Епископъ, Виллибальдъ Саксонскій, съ двѣнадцатью спутниками, посѣтилъ Св. мѣста; по его путешествію не заключаетъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго. Онъ засталъ пятнадцать

лампъ во Св. гробѣ, вмѣсто двѣнадцати, видѣнныхъ тамъ Аркульфомъ, и уже въ его время не существовалъ каменный мостъ чрезъ Иорданъ, но протянутая съ берега на берегъ веревка, помогала Христіанамъ переходить чрезъ бурный потокъ его или выдерживать стремленіе весеннихъ волнъ*.

Сынъ Халифа Абдель Мелека, Валидъ, распространилъ, чрезъ своихъ военачальниковъ, славу оружія Арабскаго. по сѣверу Африки даже до Испаніи; но онъ не былъ столь снисходителенъ къ Христіанамъ, какъ отецъ его, ибо отнялъ у жителей Дамасскихъ и разорилъ до основанія великолѣпную церковь Іоанна Предтечи, чтобы воздвигнуть на ея мѣстѣ мечеть*. Халифъ Омаръ, второй имени, испуганный страшнымъ землетрясеніемъ, сложилъ вину гнѣва Божія на Христіанъ и многихъ сталъ обращать силою къ Магометанству; онъ запретилъ имъ употребленіе вина, по заповѣди Корана, избавляя отъ податей отступниковъ вѣры, и не велѣлъ принимать на судилищахъ свидетельства Христіанъ противъ Магометанъ. Омаръ даже написалъ догматическое посланіе къ Императору Льву Исавру, восшедшему на престолъ послѣ истребленія рода Иракліева, надѣясь склонить его къ ученію лжепророка; однако, по чувству справедливости, далъ обѣщаніе Христіанамъ Дамасскимъ, не касаться болѣе ихъ церквей, за тотъ храмъ Предтечи, который у нихъ отнялъ его предѣстникъ.

При его наслѣдникѣ Іезидѣ, явился ложный

* Histoire de Jerusalem, Poujoulat, T. II. p. 500. * Ист. Флеры кн. ХLI, 42.

мессія между Евреями, выдававшей себя за сына Божія; но въ то же время, другой обманщикъ, также изъ Евреевъ Тиверіадскихъ, обольстилъ Халифа, обѣщаніемъ долгой жизни, на томъ условіи, чтобы онъ предписалъ повсемѣстно, стереть всякія изображенія, въ церквахъ Христіанскихъ, и истребить всѣ иконы на торжищахъ, даже изваянія, поставленныя для украшенія городовъ; повѣрилъ ему Халифъ и издалъ нечестивое повелѣніе во всѣ предѣлы своей державы. Повсюду бѣжали Христіане изъ городовъ, скрывая Св. иконы, чтобы ихъ самихъ не принуждали подымать руки на святыню; Эмиры, или правители областей, употребляли на то Евреевъ и Арабовъ, которые сожигали иконы или стирали ихъ со стѣны храмовъ. Но на другой годъ умеръ Халифъ, и его преемникъ Ихамъ позволилъ возстановить честныя иконы; многія изъ нихъ были спасены, ибо еще не успѣло повсюду распространиться или исполниться нечестивое повелѣніе.

XIX.

ГОНЕНІЯ ИКОБОРЦЕВЪ.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ. — Патріархи Осодоръ, Илія.

Къ стыду имени Христіанскаго, между православными возникъ жесточайшій гонитель святыхъ иконъ, и гдѣ же? на престолъ Цареградскомъ, отколъ долженствовало бы истекать покровительство Церкви. Императоръ Левъ Исаврскій, былъ обольщенъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ, который нѣсколько разъ переходилъ отъ Христіанства къ Магометанству, и внушилъ ему, что всякое поклоненіе честнымъ иконамъ есть идолопоклонство. Напрасно Св. Германъ, Патріархъ Константинопольскій, старался вразумить царственнаго гонителя, примѣрами святаго писанія. «Поелику Сынъ Божій благоволилъ принять на себя образъ человѣческій, писалъ Патріархъ, то и мы, воздавая должную честь изображенію его человѣчества, ста-

раемся имѣть оное всегда предъ глазами, чтобы тѣмъ укрѣпить себя въ вѣрѣ истинному, а не мнимому его вочеловѣченію, какъ учили нѣкоторые еретики. Мы изображаемъ и пречистую его Матерь Дѣву, для вѣчной памяти божественнаго воплощенія, и ублажаемъ Мучениковъ, Апостоловъ, Пророковъ и всѣхъ Святыхъ, угодившихъ Богу, представляя подвиги ихъ на иконахъ, для возбужденія къ подражанію онымъ. Но чувствуя ихъ, какъ друзей Божіихъ, мы не воздаемъ имъ поклоненія, подобающаго единому Богу, а только утверждаемся сами, чрезъ посредство зрѣнія нашего, въ тѣхъ истинахъ, о коихъ слышали; ибо будучи облечены плотію, имѣемъ пужду въ чувственныхъ убѣжденіяхъ, какъ и въ духовныхъ для души.» Папа Римскій Григорій II. писалъ о томъ же къ Императору, угрожая ему возстаніемъ областей Италійскихъ, за поруганіе святыни; но никакія убѣжденія не могли остановить разъяреннаго Льва Исаврскаго. Первый пострадалъ Св. Патріархъ Германъ, и былъ низверженъ съ своей кафедрѣ; мѣсто его заступилъ недостойный Анастасій; началось святотатное сокрушеніе иконъ въ палатахъ царскихъ и въ храмахъ столицы, распространившееся и по другимъ областямъ имперіи; новая ересь иконоборцевъ нашла себѣ послѣдователей, и въ теченіе ста лѣтъ возмущала спокойствіе Церкви Восточной, нѣсколько разъ начинаясь и прекращаясь, не смотря на рѣшенія соборныя; слѣдствіемъ ея было отложеніе всей Италіи отъ державы Восточной и независимость Епископовъ Римскихъ, которые, будучи гони-

мы Императорами, прибѣгли къ защитѣ Королей Франціи.

На Востокъ, куда также распространилось гоненіе Исавра, востекло яркое свѣтило православія, озарившее и утѣшившее, кроткимъ своимъ сіяніемъ, всю Палестину, — Св. Іоаннъ Дамаскинъ*; онъ былъ свѣтильникъ горящій предъ лицемъ Церкви, хотя и не на кафедрѣ епископской; вмѣстѣ съ наименованіемъ Мансура и Дамаскина, отъ его рода и мѣста рожденія, ему сохранилось и сладкое имя Хрисороасъ, т. е. златоструйный, по обильному потоку краснорѣчія, истекавшему изъ устъ его. Благородные предки Іоанна, въ тяжкую для Христіанъ годину, соблюдая свято вѣру свою, снискали, подобно Іосифу и Даніилу, милость иновѣрныхъ властителей, и отецъ его Мансуръ былъ даже поставленъ отъ Халифа судьей градскимъ и блюстителемъ общественныхъ строеній. Пользуясь своимъ саномъ, много добра сдѣлалъ онъ единовѣрной братіи, выкупая плѣнныхъ, освобождая узниковъ изъ темницъ и пропитывая убогихъ. Подъ надзоромъ столь благочестивыхъ родителей, отрокъ Іоаннъ наученъ былъ, не храбрости воинской или художеству человѣческому, но страху Божію и разумнію священныхъ писаній, и родители его молили прилѣжно Бога, да пошлетъ ему наставникъ мудрый и благовѣрный, ибо негдѣ было въ Дамаскѣ научиться наукамъ словеснымъ.

Услышалъ Господь его молитву; однажды Сарацины, ходившіе по окрестнымъ странамъ для

* Четья Минея 4. Декабря.

плѣненія Христіанъ, привели съ собою сановитаго инока, родомъ изъ Италіи, по имени Косму, чтобы продать его на торжищѣ. Варвары видя, что всѣ плѣнники, обреченные ими на смерть, припадаютъ къ ногамъ старца, спросили его: какимъ саномъ почтенъ онъ между своею братією? — «Я только недостойный инокъ, и даже не священникъ,» сказалъ имъ старецъ съ горькими слезами. Родители Иоанновы, стоявшіе недалеко, хотѣли его утѣшить приветливою рѣчью: «зачѣмъ же плачешь ты человекъ Божій, о разлукѣ съ міромъ, которому ты давно умеръ?» говорили они, и старецъ отвѣчалъ: «не о міръ я плачу, но о томъ, что отхожу безчаденъ.» — Изумленные такимъ отвѣтомъ, они еще болѣе удивились, когда услышали, что плачетъ не о плотскомъ наслѣдіи, но о духовномъ, ибо, какъ неплодное древо, никому не передалъ на землѣ даннаго ему таланта.

Обрадовался отецъ Иоанна, обрѣтенію желаннаго сокровища; онъ испросилъ себѣ у Халифа плѣннаго старца, ввелъ его въ домъ свой и далъ ему на воспитаніе Иоанна сына своего, съ другимъ отрокомъ Иерусалимскимъ, Космою, котораго усыновилъ. Оба достойны были великаго своего учителя: Иоаннъ, подобный парящему орлу, легко досягалъ высокихъ таинствъ вѣры; Косма же, братъ его духовный, какъ нѣкій корабль, плавающій по морямъ, быстро протекалъ въ глубины ученія; и доселѣ ублажаетъ ихъ вся Церковь, за тѣ гимны, какими ее украсили; но по мѣрѣ премудрости возрастало въ нихъ и смиреніе.

Блаженный ихъ учитель видя, что уже подвигъ его совершился, сказалъ родителю Иоанна: «вотъ желаніе твое исполнилось и отроки не требуютъ болѣе наставника; и такъ отпусти меня въ обитель, дабы я самъ сдѣлался ученикомъ житія иноческаго, и отъ философіи мірской перешелъ къ духовной, которая одна лишь потребна для спасенія души.» Старецъ упокоился надъ юдолюю плача, въ лаврѣ великаго Саввы; въ скоромъ времени преставились и родители Иоанна; по волѣ Халифа, хотя и вопреки собственной, Иоаннъ былъ поставленъ на мѣсто отца своего Мансура, старѣйшиною Христіанъ. Тогда возникло нечестивое гоненіе Льва Исавра на иконы; Иоаннъ разжегся ревностію по благочестію, подобно Пророку Іліи, обличавшему Ахаава. Извлекши мечъ слова Божія, поражающаго нечестивое ученіе иконоборцевъ и заглушилъ рыканія львиныя, тремя окружными посланіями ко всѣмъ православнымъ.

«Знаю, писалъ смиренный Дамаскинъ*, что ради моего недостойнства, я бы долженъ былъ хранить вѣчное молчаніе и довольствоваться исповѣданіемъ грѣховъ моихъ Богу; но видя Церковь, основанную на камнѣ, волнуемую страшною бурей, не почитаю полезнымъ молчаніе, ибо я всего болѣе боюсь Бога. Знаю, что Тотъ, кто никогда не лжетъ, сказалъ: не сотвори себѣ кумира, ниже всякаго подобія того, что на небѣ или подъ землею, и посему поклоняюсь единому Богу и ему одному воздаю поклоненіе богослужебное. Не обожаю твари,

* Истор. Флери, кн. XLII, гл. 18, 19.

но Творца, ради меня сдѣлавагося тварію по моему подобію, и поклоняюсь тѣлу его, какъ порфирь, облекшей великаго Царя; дерзаю изображать Бога невидимаго по той мѣрѣ, какъ онъ самъ сдѣлался намъ видимымъ. Но Господь сказалъ Моисею: не сотвори себѣ кумира; — внемли же, какъ изъясняетъ сіе самъ Моисей во второзаконіи: Господь глаголаше намъ изъ среды огня, вы же не видѣли никакого образа; а только слышали гласъ его, для того, чтобы взирая на небо и видя солнце, луну и звѣзды, вы не обольстились и не стали служить имъ. Видите ли, что намбреніемъ его было отвлечь васъ отъ поклоненія твари вмѣсто Творца, и заповѣдь сія была для Евреевъ, склонныхъ къ идолослуженію. Намъ же, которымъ, благодатию Божіею, дано лучше разумѣть естество Божіе, и которые уже прешли младенчество ветхаго завета, намъ извѣстно, что можно и чего нельзя изображать иконами. Можно ли сдѣлать изображеніе не имѣющаго ни образа ни предѣловъ, или выразить красками безплотнаго? но съ тѣхъ поръ, какъ воплотился Господь, можемъ изображать его въ подобіи человѣческомъ, и живописать красками, такъ какъ и словами, рожденіе его отъ Дѣвы, и крещеніе въ Иордань, и преображеніе на Оаворь, святыхъ страсти его, ради насъ подъятыя, распятіе и погребеніе, и воскресеніе и вознесеніе.

Двойное бываетъ поклоненіе: одно, какъ богослужбное, воздаемъ мы единому, по существу своему, достопоклоняемому Богу, со страхомъ рабскимъ или сыновнимъ, съ выраженіемъ удивленія

нашего и любви, въ благодарность за дарованныя намъ блага, или съ внутреннимъ сознаниемъ нашей нищеты, испрашивая себѣ что либо сходно съ нуждою каждаго, или исповѣдая грѣхи свои съ чувствомъ раскаянія. Другое же, совсѣмъ иное поклоненіе, есть то, какое мы воздаемъ твари, ради Творца, Пречистой Дѣвы, бывшей храмомъ воплощеннаго Бога, и Святыхъ, въ коихъ почиваетъ Господь. Мы поклоняемся имъ не какъ богамъ, но какъ вѣрнымъ служителямъ, прославленнымъ отъ Господа, которые имѣютъ дерзновеніе къ нему и о насъ ходатайствуютъ. Такъ приходившіе ко Христу, чрезъ Апостоловъ, получали исцѣленіе, и даже тѣнь, платки и полотенца Апостоловъ, источали исцѣленія. Мы поклоняемся и вещамъ, чрезъ которыя совершилъ Богъ спасеніе наше; таковы суть: Вифлеемскія ясли и вертепъ, святая Голгофа, древо креста, гвозди, губа, трость, копіе, хитонъ, пелены и плащаница, святыи гробъ, источникъ нашего воскресенія, камень гроба, святая гора Сионъ, также гора Элеонская, садъ Геосиманскій. Поклоняюсь имъ, какъ и всякому храму Божію, не потому чтобы сіи предметы сами, по себѣ, были того достойны, но поелику служили орудіемъ силы и славы Божіей. Не единъ ли Богъ есть законодатель всяческихъ? — зачѣмъ же будетъ предписывать заповѣди, противурѣчія одна другой? — зачѣмъ повелѣваетъ Моисею все устроить по образцу, видѣнному имъ на горѣ, и вылить золотыхъ Херувимовъ надъ кивотомъ и выткать ихъ на скинни? — и такъ вся

сія святыня, дѣло рукъ человѣческихъ, есть иѣчто недостойное Господа? Но какимъ же образомъ, скинія и все, что она въ себѣ заключала, было, по выраженію Апостола, образомъ будущихъ благъ? Не ужели, одинъ и тотъ же законъ, и запрещаетъ, и повелѣваетъ дѣлать образы? — или отвергни всякое поклоненіе, всякій обрядъ внѣшній, всякое уваженіе святыни, или сознайся, что можно почитать образы Бога воплощеннаго и его угодниковъ, и воздавать подобающее святыни*.»

Все сіе подтверждалъ Дамаскинъ, свидѣтельствами изъ Св. писанія и Св. отецъ, уважаемыхъ вселенскою Церковію, и такъ заключилъ: «благочестивые властители не дерзаютъ нарушать преданій отеческихъ и обрядовъ церковныхъ, ибо не они, но соборы судятъ подобные предметы, и не имъ, а Апостоламъ своимъ и ихъ преемникамъ, вручилъ Господь Иисусъ Христосъ власть вязать и рѣшить. Мы повинемся тебѣ, Государь, во всемъ, что только касается до гражданской жизни, но въ предметахъ духовныхъ слѣдуемъ слову пастырей нашихъ.» Эти послѣднія слова показываютъ, какъ еще во времена Св. Іоанна Дамаскина, т. е. въ половинѣ осьмаго столѣтія, не смотря на владычество Халифовъ Арабскихъ по всей Сиріи, Христіане восточные все еще съ надеждою обращали взоры свои къ Царьграду, отколѣ чаяли избавленія; ибо сохраняя законы Римскіе и языкъ Греческій, продолжали признавать законными своими государями Императоровъ Константинопольскихъ.

* Слово III. о иконахъ.

Посланія Іоанновы дошли до нечестиваго Льва и возбудили ярость его. — Соединяя коварство со злобою, онъ велѣлъ написать, сходно съ почеркомъ святаго, посланіе, какъ бы отъ его имени, въ коемъ Іоаннъ умолялъ Императора, спасти Дамаскъ и всѣхъ единовѣрныхъ отъ владычества Сарацинъ. Мнимое сіе посланіе отправилъ Императоръ къ Халифу, при собственномъ письмѣ, и увѣряя его въ своей пріязни, совѣтовалъ казнить преступника. Разгнѣванный, не виявъ оправданій святаго, велѣлъ немедленно отсѣчь ему ту руку, кою будто бы написалъ посланіе, и повѣсить ее на торжищѣ. Къ вечеру, Іоаннъ, зная, что уже миновался первый пылъ ярости Халифа, послалъ просить у него отсѣченную руку и, приложивъ ее къ мышцѣ своей, со слезами простерся предъ иконою Пречистой Дѣвы; онъ молилъ Владычицу, ходатайствовать предъ Сыномъ своимъ, о исцѣленіи руки, дабы опять могла подвизаться въ защиту православія; тогда, въ сонномъ видѣніи, предстала Іоанну Матерь Божія, исцѣляющая руку его: — проснувшись, онъ осязалъ ее совершенно здоровою и, въ радостномъ восторгѣ, воспѣлъ пѣснь новую Господу и его Пресвятой Матери.

Вѣсть, о чудесномъ исцѣленіи, дошла до Халифа; Іоаннъ исповѣдалъ предъ нимъ помощь, воспріятую отъ иконы Пречистой Дѣвы; когда же властитель Востока хотѣлъ облечь его высокимъ саномъ, святой смиренно бросился къ ногамъ его и молилъ только отпустить съ миромъ. Возвратясь домой, Іоаннъ освободилъ всѣхъ арабовъ

своихъ, роздалъ имъ нѣе иеиумицимъ и, съ другомъ своимъ Космою, — пошелъ поклониться Св. мѣстамъ; въ лаврѣ великаго Саввы, молилъ онъ архимандрита принять его, какъ заблудшую овцу, въ число братій. Обрадовался настоятель смиренію великаго мужа, ибо всемъ былъ извѣстенъ Іоаннъ, но никто изъ опытныхъ старцевъ лавры не рѣшался принять его къ себѣ на послушаніе, зная его премудрость. Одинъ только старецъ простой нравомъ, согласился быть его руководителемъ духовнымъ, и первую заповѣдію наложилъ на него запрещеніе мудрствовать, письменнo или словесно, дабы испытать, не превознесся ли помысль его житейскою славою.

Долгое время пребывалъ Іоаннъ при духовномъ старцѣ, свято исполняя его заповѣдь, которая не казалась тяжкою тому, кто оставилъ все блага міра для кроткаго ига Христова: но строгій наставникъ хотѣлъ испытать еще его смиреніе, другимъ образомъ, болѣе чувствительнымъ для самолюбія. Онъ послалъ его продавать, за высокую цѣну, ничтожныя кошницы, въ родственннй ему Дамаскъ, и, безъ малѣйшаго прекословія, пошелъ Іоаннъ скитаться по торжищамъ роднаго города, гдѣ каждый, видѣвшій его прежде во всемъ блѣскѣ мірскаго величія, дивился вольному обнищанію; не прежде возвратился онъ въ лавру, какъ получивъ положенную цѣну за кошницы, отъ одного изъ бывшихъ рабовъ своихъ, который притворился будто бы его не узнаеть, чтобы только избавить отъ столь унижительнаго послушанія.

Противъ одного лишь испытанія не устояло чувствительное сердце Дамаскина; нѣкто изъ иноковъ, потерявъ друга, съ горькими слезами просилъ его, написать духовную пѣснь ему въ утѣшеніе. Тщетно отговаривался Іоаннъ своимъ обѣтомъ, отчаянный инокъ не преставалъ молить его, доколь накопецъ, проникнутый самъ его горемъ, изъ состраданія написалъ онъ тѣ дивныя стихи, которые и понынѣ поются надъ усопшими: «Кая житейская сладость пребываетъ печали не причастна? кая ли слава стоитъ на землѣ непреложна? — вся сѣни немощнѣйша, вся соній прелестнѣйша; единымъ мгновеніемъ и сія вся смерть приемиетъ; но во свѣтъ, Христе, лица твоего, и въ наслажденіи твоя красоты, его же избралъ еси, упокой, яко челоуѣколюбець.» «Плачу и рыдаю егда помышляю смерть, и вижду во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную красоту, безобразну, безславну, не имущую вида. Очудесе! что сіе еже о насъ бысть таинство? како предахомся тлѣнню? како сопрягохомся смерти? — во истинну Бога повелѣніемъ, якоже писано есть; подающаго преставльшемуся упокоеніе.» Старецъ, услышавъ Іоанна поющаго сіи дивныя пѣсни, изгналъ непослушнаго изъ своей келліи. Напрасно просилъ весь монастырь помилованія благочестивому Іоанну; неумолимый старецъ, глубоко проникнутый святостію иноческаго обѣта, полагалъ, что суетное самолюбіе могло подвигнуть Іоанна къ написанію надгробной пѣсни; онъ далъ ему на выборъ, или удалиться изъ лавры, или

идти очистить весь ея смрадъ. Но сколь велико было его удивленіе, когда увидѣлъ знаменитаго пѣвца, съ лопатою въ рукахъ, смиренно исполняющаго сію тяжкую эпитимію. Тронутый до слезъ старецъ, нѣжно обнялъ Іоанна и въ сердечной радости воскликнулъ: «сынъ мой! твое послушаніе окончилось, ты совершилъ свой подвигъ! Отнынѣ возьми десятиструнный псалтырь Давида и вслѣдъ за Царемъ Пророкомъ, излей намъ твои высокія думы, въ трогательныхъ пѣсняхъ, ибо ты освятилъ ихъ, еще на днѣ души твоей, смиреніемъ.»

Съ тѣхъ поръ, разрѣшенный инокъ, исключительно посвятилъ небу свое вдохновеніе, и, въ остальные годы жизни, написалъ торжественные каноны Восточной Церкви. Тогда составилъ онъ и октоихъ, или собраніе ирмосовъ на восемь разныхъ гласовъ, присовокупивъ, къ принятымъ уже въ Христіанствѣ пѣснямъ, творенія собственныя, которыя вошли во всеобщее употребленіе. Много ему помогалъ другъ его Косма, Епископъ Констанціи, котораго убѣдилъ онъ оставить архіерейство для иноческой жизни. Но творенія Дамаскина особенно отъ другихъ отличаются силою вдохновенія; онъ не искалъ въ умѣ напряженныхъ выраженій, легко истекали онъ изъ пылкаго сердца, и потому въ пѣсняхъ его такъ утѣшительно сливаются вѣра и любовь; — что можетъ сравниться съ его погребальными стихами, или съ вдохновеннымъ канономъ Пасхи!

Въ лаврѣ Св. Саввы и доселѣ показываютъ, въ одной изъ башенъ Іустиніановыхъ, тѣсную келлію

Іоанна, и надъ нею малый придѣлъ, имъ устроенный во имя Ангела своего Предтечи; бібліотека лавры, хранящаяся въ той же башнѣ, поясняетъ, почему Іоаннъ избралъ ее предпочтительно своимъ жилищемъ. Патріархъ Іерусалимскій Θεодоръ, тридцать пять лѣтъ занимавшій кафедрю Св. града, поставилъ въ пресвитеры Іоанна Дамаскина; изъ письма же его къ аввъ Георгію, противъ Анастасія, игумна обители Евѣиміевой, который неправильно относилъ къ Сыну Божію трисвятую пѣснь, явствуетъ, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ, находился святой и съ предмѣстникомъ Патріарха Θεодора, Іоанномъ. Дамаскинъ, защищая его отъ нареканій Анастасія, говоритъ: «кто лучше меня зналъ мнѣнія блаженнѣйшаго Патріарха Іоанна? всякое духовное свое сужденіе передавалъ онъ мнѣ, какъ ученику своему; теперь же обвиняютъ его, когда уже онъ безгласенъ!» Но въ какое время Дамаскинъ былъ ученикомъ Патріарха, не видно изъ его жизнеописанія, которое, составилъ другой Патріархъ Іерусалима Іоаннъ. Намъ сохранилась еще, отъ сего великаго учителя Церкви, его пространная догматическая богословія, раздѣленная на четыре книги, которая и донинѣ служитъ зерцаломъ православія для всего Востока; остались также его обличенія ересей, и книга сравнительныхъ изреченій отеческихъ съ текстами Св. писанія. Подобало столь великому свѣтилу возсіять на горизонтѣ Церкви, обурываемой въ одно время Халифами и Императорами; ибо сынъ Льва Исавра,

Константиъ, прозванный Копронимомъ, былъ достойный преемникъ отцу въ иконоборствѣ.

Не менѣе Іоанна подвизался, въ составленіи божественныхъ гимновъ, другъ и сотрудникъ его Косма, отъ котораго имѣемъ умиленные каноны и трипѣсны, на всю великую четыредесятницу, и особенно на святые дни страстной седмицы. Такимъ образомъ, даже въ столь бѣдственную эпоху для Христіанства на Востоку, мы обязаны Іерусалиму, лучшими цвѣтами краснорѣчія духовнаго и вдохновенными гимнами Андрея, Іоанна и Космы. Противъ своего желанія поставленъ былъ Косма на кафедрѣ мученика Петра, Епископа Маіумскаго, который запечатлѣлъ святую жизнь, исповѣданіемъ имени Христова. Разболѣвшись, Петръ созвалъ къ себѣ приверженныхъ ему сановниковъ Арабскихъ, и сказалъ имъ: «молю Господа, дабы наградилъ васъ за ваше посѣщеніе, и желаю, чтобы вы были свидѣтелями моего завѣщанія. Всякой, кто невѣруетъ Отцу, Сыну и Св. Духу, Троицѣ единосущной, тотъ слѣпъ душею и достоинъ всякой казни, какъ и лжепророкъ вашъ Магометъ, предтеча антихриста; и такъ, умоляю васъ, отрекитесь отъ сего лжеученія; приѣмлю противъ васъ во свидѣтели землю и небо.» Сановники, хотя и раздраженные такою рѣчью, потерпѣли ее изъ любви къ Святителю, приписывая его обличенія болѣзненному состоянію; но когда, исцѣлившись, онъ громко возгласилъ опять анаѣему Магомету и его нелѣпой книгѣ, и всѣмъ вѣрующимъ оной, то мужественному исповѣднику отсѣкли голову. Въ то

* Истор. Флери, кн. XIII, гл. 28, 29.

же время другому Петру, Митрополиту Дамасскому, урвали языкъ и сослали его въ счастливую Аравію, за то что онъ смѣло обличалъ, въ столицѣ Халифовъ, нечестіе Арабовъ и Манихеевъ.

Война, предпринятая Константиномъ противъ Арабовъ, была причиною гоненія Христіанъ; Халифъ Ишамъ воспользовался междуусобіемъ, возникшимъ между Императоромъ и зятемъ сего, чтобы отразить оружіе Греческое и повелѣлъ умертвить, по всѣмъ городамъ своей державы, военнопленныхъ. — Имъ предлагали отречься отъ Христіанства, для спасенія жизни; но они предпочли мученическую смерть. Желая еще болѣе потрясти державу Восточную, Халифъ покровительствовалъ самозванцу, который выдавалъ себя за Тиверію, сына Императора Іустиніана, и послалъ его съ торжествомъ въ Іерусалимъ, а оттоль по всей Сиріи. — Однако Халифъ сей, современникъ Св. Іоанна Дамаскина, оказалъ и великую услугу опустѣвшимъ кафедрамъ Антиохіи и Александріи; онъ позволилъ избрать въ Антиохіи, гдѣ уже сорокъ лѣтъ не было Патріарховъ, благочестиваго мужа Стефана, котораго самъ полюбилъ и даже предложилъ Христіанамъ возвести въ санъ сей: — отъ Стефана начался опять прерванный рядъ Святителей Антиохійскихъ. Въ то же время, Косма, Патріархъ Александрійскій, простой нравами и ученіемъ, умѣлъ себѣ снискать довѣренность Халифа, и пришедши въ Дамаскъ, испросилъ православному всѣ церкви, которыя у нихъ отняли Іаковиты, со времени завоеванія Египта Арабами.

Состояніе православныхъ было тамъ столь убого, что имъ остались только двѣ обители: Св. Саввы въ Александріи и Св. Георгія въ старомъ Каирѣ, и они посылали рукополагать своихъ Епископовъ къ Архіепископу Тирскому. — Патріархъ Косма не только пріобрѣлъ прежнія церкви, но и самъ совершенно оставилъ заблужденіе Моноелитовъ, которое господствовало въ Египтъ около ста лѣтъ, со времени Императора Ираклія и Патріарха Кира; онъ же, вмѣстѣ съ Патріархомъ Антиохійскимъ Θεодоромъ, и Θεодоромъ Іерусалимскимъ, по взаимному согласію, осудили и предали анаемѣ, Косму Епископа Епифаніи Сирійской, обвиненнаго собственною паствою, за то что расточилъ сосуды церковныя, и предался иконоборству*.

Тяжкое бѣдствіе постигло Сирію и Палестину, во время святительства Θεодора: 18 Января 746 года, страшное землетрясеніе обрушило многія церкви и монастыри около Іордана, и наипаче въ пустынь около Іерусалима**, и хотя мы не знаемъ, какія именно погибли, но вѣроятно они болѣе не возставали изъ развалинъ, по недостатку средствъ, посреди бѣдственныхъ обстоятельствъ Палестины. Такимъ образомъ, мало по малу, угасали въ ней сіи мирныя обители, которыя процвѣли съ такою славою въ пятомъ и шестомъ столѣтіи; и сколько еще подвиговъ великихъ отшельниковъ остались намъ неизвѣстными, во мракъ сихъ печальныхъ временъ; ибо никому не пришло на мысль описать житія ихъ, какъ некогда Кириллу, Іоанну Мосху и Со-

п. 755 г. Флери, кн. XLIII, гл. 36. ** Дѣт. Θεод. стр. 651.

фронію. Однако еще держались первостепенныя обители, служившія разсадниками прочимъ: лавры Фаранская и Сухумская Харитонія, и обители Евхимія и Θεоктиста, монастырь Θεодосія Киновіарха, и особенно великая и новая лавры освященнаго Саввы; имена ихъ изрѣдка проявляются, то въ лѣтописи, то въ посланіи какого либо святителя или аввы. Самый Іерусалимъ, какъ и вся Сирія, бывшіе предметомъ междоусобій упавшей династїи Халифовъ Омміадскихъ, переходили изъ рукъ въ руки. Послѣдній Халифъ изъ сего рода, Мерванъ, обрушилъ его стѣны; и по свидѣтельству Патріарха Досифея*, въ теченіе сего смутнаго времени, Императоръ Константинъ, семь разъ отнималъ Св. гробъ у Сарацинъ, однако не могъ удержать въ своей власти. Непрестанныя сіи осады могутъ дать понятіе о бѣдственномъ его состояніи; но ко благу Церкви, посреди безпорядковъ внѣшнихъ, долготѣствовали Патріархи Іерусалимскіе, и отъ того не опустѣла ихъ каѳедръ; послѣ 35 лѣтъняго правленія Θεодора, Илія заступилъ его мѣсто, на столько же лѣтъ.

* Кн. VI, гл. 49.

...иногда...
...иногда...
...иногда...
...иногда...
...иногда...

XX.

ХАЛИФАТЪ АББАСИДОВЪ.

Патріархъ Оома. Св. братья Теодоръ и Теофанъ, начертанные.

Въ половинѣ осьмаго вѣка произошелъ важный переворотъ въ могущественномъ Халифатѣ Арабскомъ, который имѣлъ вліяніе и на судьбу Христіанъ Восточныхъ, ибо съ переменною династіи, измѣнилась и столица, перенесенная изъ Сиріи дальше на Востокъ*. Племя Омміадовъ, девяностолѣтъ занимавшее престолъ Халифовъ, по внутреннимъ своимъ раздорамъ, должно было уступить больше сильному племени Аббасидовъ, которое происходило отъ дяди лжепророка, Аббаса. Абдалла Сафи, старшій въ родѣ семь, былъ провозглашенъ Халифомъ въ Аравіи и вооружился противъ послѣдняго Халифа Омміадовъ, Мервана. Сирія, Палестина и Египетъ сдѣлались поприщемъ кровопролитныхъ битвъ, отъ которыхъ много пострадали

* Флери кн. XLIII, гл. 6.

Христіанамъ. Наконецъ, Мерванъ, взятый въ плѣнь своимъ соперникомъ, былъ умерщвленъ, и съ нимъ прекратился родъ Омміадовъ; одна только отрасль его возникла въ Испаніи. Абдалла воцарился по всему Востоку, и передалъ власть свою болѣе славному сыну Алмансору, при которомъ умножились гоненія противъ Христіанъ. Патріархъ Іерусалимскій Досифей пишетъ*, что дядя Халифа, Абдалла, предводитель Арабовъ въ Сиріи, сдѣлалъ много вреда Христіанамъ: сослалъ въ заточеніе Теодора Патріарха Антиохійскаго, замнимыя его сношенія съ Императоромъ Константиномъ; многіе храмы обратилъ въ стоила безсловесныхъ, не позволялъ строить новыхъ церквей, ни выставлять наружу кресты, и обложилъ податію самыхъ пустынниковъ и столпниковъ, которые дотолъ были свободны отъ всякой дани, по заповѣди Корана; ради сего притѣсненія, бѣдствующіе иноки, принуждены были продавать или отдавать въ залогъ священные сосуды, чтобы только удовлетворять алчности жестокихъ правителей. Онъ запретилъ всенощныя бдѣнія, вѣроятно изъ опасенія ночныхъ собраній и заговоровъ, запретилъ Христіанамъ говорить даже о вѣрѣ съ Магометанами, или учить дѣтей своихъ другой грамотѣ, кромѣ Арабской, дабы не сроднились языкомъ Греческимъ съ подданными Императора, такъ что православные, по необходимости, принуждены были перевести на Арабскій языкъ все свои богослужебныя книги, и самые учителя Церкви стали проповѣдывать на языкѣ своихъ вла-

* Кн. VI, гл. 19.

стителей. Наконецъ, самъ Халифъ Алманзоръ, почувствуя ненависти и презрѣнія, налагать клейма на рукахъ Христіанъ и Евреевъ, отчего многіе изъ нихъ бѣжали къ Грекамъ.

Посреди такихъ гоненій, со стороны властителей иновѣрныхъ, Церковь православная страдала еще отъ Императоровъ иконоборцевъ; ибо Константинъ, вполне достойный своего позорнаго имени Копронима, преслѣдовалъ всѣхъ исповѣдниковъ правой вѣры и соединялъ противъ нихъ нечестивыя соборища, предавая анаѣмъ Св. Іоанна Дамаскина, подъ именемъ Мансура, за его обличительныя писанія. Но къ славѣ Палестины отнести можно то, что въ ней находили себѣ убѣжище всѣ гонимые иконоборцами въ Царьградѣ. Св. Стефанъ, игуменъ обители Авксентіевой близъ столицы, величайшій исповѣдникъ сего времени, направлялъ туда иноковъ, изгнанныхъ изъ своихъ монастырей: ибо святители Св. града, Феодоръ и Ілія, принимали ихъ, не смотря на гражданскія бѣдствія, обуръвавшія собственную паству, а святые Дамаскинъ, Косма и иные аввы пустынные, горѣли какъ яркіе свѣтильники въ своихъ уединенныхъ лаврахъ.

Наконецъ, съ кончиною Копронима и сына его Льва Хазарскаго, временно прекратилось гоненіе и, по внушенію Патріарха Цареградскаго Тарасія, Императрица Ирина, съ сыномъ своимъ Константиномъ, созвала седьмой вселенскій соборъ въ Nikei, для возстановленія Св. иконъ*. Тарасій восполь-

* 786 годъ.

зовался миромъ между Имперіею и Халифатомъ, чтобы отправить двухъ своихъ повѣренныхъ, съ окружнымъ посланіемъ, къ Патріархамъ Александрии, Антиохіи и Іерусалима, умоляя ихъ прислать отъ себя, хотя двухъ мѣстоблюстителей, на соборъ. Посланные открыли сперва свое посольство двумъ знакомымъ инокамъ Палестинскимъ, которые утали ихъ отъ подозрѣній Арабовъ, чтобы не были приняты за соглядатаевъ; иноки же собрали втайнѣ представителей главныхъ обителей и, подъ клятвою, сообщили имъ великую тайну о соборѣ*. Обрадовались пустынные старцы и со слезами возблагодарили Бога, за столь счастливую перемѣну въ Царьградѣ, послѣ полувѣковаго нечестія: они не рѣшились, однако, по извѣстной имъ ненависти Магометанъ къ Христіанамъ, допустить повѣренныхъ Тарасія, до свиданія съ Патріархами, и призвавъ ихъ къ себѣ, умоляли не нарушать мира церковнаго, слишкомъ открытыми дѣйствіями, чтобы тѣмъ не умножать бѣдствій угнетеннаго народа.

Огорчились такимъ предложеніемъ посланные Патріаршіе, говоря: «что они съ тѣмъ и пришли, дабы жертвовать своею жизнію въ пользу Церкви, во исполненіе воли Императора и Патріарха,» и когда иноки Палестинскіе возражали имъ: «что не одни они потерпятъ, но вся страждущая Церковь Восточная,» повѣренные спросили: «какъ же имъ явиться обратно къ пославшимъ ихъ?» Тогда иноки Палестинскіе избрали изъ своей среды двухъ имъ извѣстныхъ мужей, по ревности къ вѣрѣ и

* Истор. Флери кн. XLIV, гл. 27.

любви къ уединенію, которые оба были келейниками Патріарховъ, Іоаннъ Антиохійскаго а Ѳома Александрійскаго. «Вотъ, братія, время удобное для спасенія вашего, и подвиговъ, превосходящій безмолвіе, сказали имъ отцы Палестинскіе, идите съ сими посланными на соборъ и объясните отцамъ нашимъ и пастырямъ словесно то, чего не можемъ мы изложить на письмѣ. Вы знаете, какъ по малѣйшему подозрѣнію, въ сообщеніи съ Греками, святѣйшій Патріархъ нашъ Ілія былъ заточенъ, болѣе нежели за шесть сотъ поприщъ отъ Св. града. Когда же совершится дѣло Божіе и откроется отцамъ нашимъ, какъ соблюдаются Апостольскія преданія въ Церквахъ Сиріи и Египта, тогда возвратитесь опять въ любимое свое уединеніе.» Напрасно старались уклоняться избранные, по чувству своего недостойнства; они принуждены были принять на себя должность мѣстоблюстителей Патріарховъ Восточныхъ, которые сами не могли даже отправить съ ними грамотъ. Такимъ образомъ, иноки Палестинскіе опять спасли православіе на Востокъ, какъ во дни ереси Евтихіевой; Іоаннъ представлялъ лице Патріарха Антиохійскаго Ѳеодорита и Іерусалимскаго Іліи, а Ѳома Патріарха Александрійскаго Политіана, преемника Космы; но на соборъ каждый изъ нихъ подписывался, какъ представитель всѣхъ трехъ Патріарховъ. Съ молитвою и слезами разстались они съ братією Палестинскою, которую уже не должны были болѣе увидѣть, ибо Іоаннъ навсегда остался въ Царьградъ, а Ѳома едѣланъ былъ Архіеписко-

помъ Ѳессалоникійскимъ. Именемъ великаго ревнителя православія, Св. Іоанна Дамаскина, обличали они истину, на соборъ Никейскомъ, какъ нѣкогда, именемъ Патріарха Софронія, Св. Андрей Іерусалимскій, гремѣлъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ; такъ, даже и посреди бѣдствій Палестины, дважды изъ нее истекало чистое ученіе вѣры для утвержденія Церкви вселенской.

Послѣ Патріарха Іліи оказывается опять разногласіе, у церковныхъ историковъ, о преемствѣ Святителей Іерусалимскихъ. Флери * называетъ нѣкоего Георгія, основываясь на словахъ писателя Александрійскаго, Евтихія, и считаетъ тридцать шесть лѣтъ его святительства, послѣ коихъ вступилъ на кафедру Ѳома, въ 811 году; но Патріархъ Досіеѣй поставляетъ, въ своемъ каталогѣ, Георгія прежде Ѳеодора, не означая годовъ ихъ святительства; послѣ же Іліи немедленно ставитъ Ѳому, ибо извѣстно, что онъ былъ современникъ славнаго Халифа Аарона Альрашида, внука Алмансорова, при коемъ временно отдохнула Церковь Палестинская. Вотъ что о немъ пишетъ Вильгельмъ, Архіепископъ Тирскій, лѣтописецъ Крестовыхъ походовъ **, «со времени покоренія Св. града, Халифомъ Омаромъ, и до Крестоносцевъ, четыре ста девяносто лѣтъ страдалъ онъ, по грѣхамъ нашимъ, подъ игомъ недостойнаго рабства, хотя и въ различной степени; ибо, съ частымъ измѣненіемъ дѣлъ, часто измѣнялись и властители, но расположенно коихъ приходили на Іерусалимъ

* Кн. XLV, гл. 57. ** кн. I, гл. 3.

времена свѣтлыя и темныя, какъ то бываетъ съ болящими; но исцѣлиться не могъ онъ подъ игомъ безбожнаго племени. Во времена же именитаго Халифа Аарона Альрашида, щедрость и образование коего доселѣ прославляются въ тѣхъ странахъ, и по ходатайству другаго безсмертнаго мужа, Императора Карла великаго, посѣтили народъ Божій миръ и утѣшеніе, такъ что, казалось, Иерусалимъ болѣе состоялъ подъ державою Императора, нежели Халифа. Сколькимъ же и каковымъ измѣненіямъ, подвергались бѣдствующій градъ Божій и окрестныя страны, со времени ихъ завоеванія Арабами и до крестовыхъ походовъ, это можно найти въ моей книгѣ дѣяній властителей Восточныхъ;» но по несчастію, книга сія не дошла до насъ, и утрачены весь драгоценныя свѣдѣнія, съ такимъ трудомъ собранныя просвѣщеннымъ Архіепископомъ.

Болѣе двадцати лѣтъ продолжалось царствованіе Аарона, знаменитѣйшаго изъ всѣхъ Халифовъ; онъ ходилъ восемь разъ на поклоненіе въ Мекку и Медину, не минуя и Иерусалима; когда же не могъ самъ исполнять сего долга, содержалъ на свой счетъ до трехъ сотъ богомольцевъ, раздавая обильную милостыню убогимъ всѣхъ исповѣданій. Онъ утвердилъ столицу свою въ Багдадѣ, основанномъ дѣдомъ его Алманзоромъ, на берегахъ Тигра, и обновилъ опять знаменитую мечеть Омара, въ Иерусалимѣ, которая частію обрушилась при Алманзорѣ, отъ землетрясенія, и не была исправляема, по скупости сего Халифа, такъ что, для ея поддержанія, принуждены были употребить серебряныя и зла-

тыя украшенія дверей ея, великолѣпно устроенныхъ Абдель Мелекомъ. — Свобода, кою пользовались Христіане въ его правленіе, позволила Патріарху Иерусалимскому послать отъ себя нѣкоторые священныя дары Императору Карлу великому, и Карлъ, съ своей стороны, отправилъ въ Иерусалимъ придворнаго пресвитера Захарію, который къ нему возвратился на слѣдующій годъ, въ сопровожденіи двухъ иноковъ Иерусалимскихъ; они поднесли Императору, отъ имени Патріарха, и конечно съ согласія Халифа, священную хоругвь, съ ключами Св. гроба и Голгофы. Милостиво принявъ ихъ Императоръ и отпустилъ, съ великими дарами, къ Патріарху и Халифу. Сношенія его съ Альрашидомъ были самыя дружественныя, ибо сей властитель Востока предпочиталъ дружбу Государя Западнаго всѣмъ прочимъ, и не только согласился на то, чего у него просили посланники Императора, въ пользу Св. гроба, но и совершенно уступилъ въ его обладаніе Св. мѣста, что вѣроятно и ознаменовано было хоругвію и ключами. Но тотъ же Патріархъ Оома, во время тяжкихъ междоусобій, возникшихъ между сыновьями великаго Аарона, Аль Аминомъ и Аль Мамуномъ, когда хотѣлъ исправить обветшавшій куполь надъ храмомъ Св. гроба, временно подвергся темничному заключенію, за то будто бы, что распространилъ церковь, ибо это было строго запрещено Христіанамъ. По свидѣтельству летописца Теофана, заключившаго тѣмъ свою лѣтопись, первые годы

* 801. ** Истор. Флери кн. XXV, гл. 25.

девятого столѣтія были столь бѣдственны, для Христіанъ Палестинскихъ и вообще для всего Востока, что отъ непрестанныхъ разбоевъ, грабежей и насилій, многіе Христіане, клирики и міряне, подверглись мученической смерти, а другіе толпами бѣжали изъ Сиріи на островъ Кипръ и въ Царьградъ. Въ самомъ Іерусалимѣ, храмъ Воскресенія и Голгофы, и прочія церкви были расхищены и даже на время оставлены, почему и долженъ былъ приступить Патріархъ Оома къ обновленію купола надъ Св. гробомъ; а въ окрестныхъ пустыняхъ оставлены были иноками даже двѣ великія лавры, Фаранская Харитонія и Св. Саввы, на юдоли плача, также и знаменитыя обители Св. Евѳимія и Оеодосія, и неизвѣстно, всѣ ли онѣ опять населились въ послѣдствіи*.

Однако благодѣянія великаго Императора Карла, Церкви Іерусалимской, были столь дѣйствительны, что даже сорокъ шесть лѣтъ послѣ его смерти, еще слѣды ихъ оставались во Св. градѣ. Такимъ образомъ, монахъ западный Бернардь, ходившій на поклоненіе Св. мѣсть, въ половинѣ IX вѣка, нашелъ библіотеку и страннопріимницу, устроенныя симъ Государемъ; онъ примыкали къ церкви Св. Маріи, называемой Латинскою, ибо тамъ всегда находили себѣ пріютъ пришельцы западные; когда кто либо изъ поклонниковъ приходилъ изъ Европы, его встречали со крестами, въ дверяхъ обители, и отводили ему келлію; гостинница состояла изъ двѣнадцати

* Оеофанъ стр. 778, изд. Нибура.

покоевъ, имѣла поле, виноградники и садъ, въ долину близъ купели Силоамской; не вдалекѣ, видны были гробницы благочестивыхъ странниковъ, почившихъ въ Іерусалимѣ. Малое торжище находилось предъ домомъ богомольцевъ, и за право водворяться въ немъ платили туземцы, по два золотыхъ монастырю Латинскому; особенно, въ большемъ числѣ, совершали тамъ купли свои жители Амальфи и другихъ поморскихъ городовъ Италиі. Инокъ Бернардь видѣлъ на гробѣ Господнемъ только девять лампадъ, вмѣсто двѣнадцати, горѣвшихъ во время странствованія Аркульфа, въ минувшемъ столѣтіи, и при немъ уже совершалось торжество Св. огня, на Св. гробѣ, въ великую субботу*.

И такъ, вотъ первое свидѣтельство западныхъ о Св. огнѣ, въ половинѣ IX вѣка: мы имѣемъ, въ исходѣ того же столѣтія, и свидѣтельство Восточныхъ, которое приводитъ Патріархъ Досіеѳей Іерусалимскій**; онъ говоритъ, что Ареѳа, Епископъ Кесарійскій, писалъ, отъ имени Императора Льва премудраго, къ нѣкому визирю Эмира Сарацинскаго, въ пользу Св. гроба: «донынѣ сей святой и всечестной гробъ, каждое лѣто, наканунѣ свѣтлаго изъ него воскресенія Христова, чудодѣйствуетъ; ибо когда угашается въ день сей всякой огонь въ Іерусалимѣ, готовится Христіанами невозженное кандило на Св. гробѣ, въ присутствіи Іерусалимскаго Эмира, который стоитъ близъ самыхъ дверей вертепа, Христіанъ, тѣснящихся вокругъ онаго и поющихъ: Господи помилуй! —

* Histoire de Jerusalem, T. I, p. 302. ** кв. VII, гл. 8.

и внезапно, при блескъ молніи, возжигается самъ собою свѣтъ въ кандиль, и уже отъ сего небеснаго свѣта зажигаютъ у себя огонь всѣ живущіе въ Іерусалимѣ. »

Опять возникло, при нечестивомъ Императорѣ, Львѣ Армянскомъ, гоненіе противъ честныхъ иконъ, и опять стали подвизаться за нихъ, словомъ и дѣломъ, православные Іерусалимляне. Знаменитый игумень обители Цареградской, Св. Феодоръ Студить, пострадавъ самъ за иконы, послѣ низложенія законнаго Патріарха Цареградскаго Св. Никифора, писалъ изъ своего заточенія убѣдительныя посланія, о защитѣ православія, къ прочимъ вселенскимъ Патріархамъ Рима, Александріи, Антиохіи и Іерусалима; онъ умолялъ ихъ подать руку помощи, ибо алтари опрокинуты, обезображены церкви и обители, Епископы, клирики, иноки и міряне упали духомъ, всѣ разбѣжались по вертепамъ и ущеліямъ, стадо безъ пастыря, никто не смѣетъ говорить о истинной вѣрѣ. «Конечно Арабы, властвующие въ предѣлахъ вашихъ, говорятъ пламенный Студить, болѣе оказываютъ уваженія къ Господу Іисусу Христу, нежели сей новый Царь Ахаавъ, гонящій уже не Ілію Пророка, но самаго Христа и его честную Матерь и всѣхъ Святыхъ. Именемъ всѣхъ прошу помощи, хотя бы и одной молитвы, ибо и она будетъ намъ сильною опорой въ сію страшную годину.» — «О кто взвѣститъ мнѣ, что писаніе мое достигло до Апостольскихъ рукъ твоихъ! писалъ Св. Феодоръ Патріарху Іерусалимскому Ѳомъ, ибо не безразсудное

желаніе, но крайность побудила меня къ тебѣ обратиться; хотя и отсутствую тѣломъ, но въ духѣ я объемлю священныя стопы того, кто обходить Св. мѣста! О да прииду и я во Св. землю, да облобызаю слѣды ногъ моего Спасителя и тотъ священный гробъ, гдѣ три дня покоилось его тѣло, за насъ страдавшее! взыду на божественную Голгоѳу, гдѣ Господь славы вознесенъ былъ на крестъ, прииду съ пастырями въ Вилеємъ, въ сей новый Эдемъ нашъ; поклонюсь яслямъ, большимъ той златой стамны, которая только хранила въ себѣ манну, ибо въ нихъ хранился хлѣбъ жизни! Да созерцаю и ту Св. гору, гдѣ совершилось божественное преображеніе, и гору Элеонскую, отколѣ вознесся на небо Господь, и у подошвы ея, гробницу Давидовой всесвятой Дщери, гдѣ временно успокоилась въ Геосиманской пещерѣ! О священная глава! во истину ты первый изъ Патріарховъ, хотя и стоишь пятымъ по чину счисленія Патріаршаго; первый, ибо въ Іерусалимѣ возникла въ началѣ Церковь Христова, и тамъ явился Архипастырь всѣхъ Христосъ, творящій чудная, распятый, погребенный, воскресшій и оттолѣ вознесшійся на небо*!»

Св. Феодоръ отправилъ письмо сіе на Востокъ, съ инокомъ Діонисіемъ, и писалъ также къ архимандритамъ лавры Св. Саввы и Евѣимія, Харитонія и Феодосія; ибо для него важно было церковное общеніе столькихъ священныхъ мужей, не зависѣвшихъ отъ царственнаго гонителя. Не дали

* Досно. кн. VII, гл. 7.

отвѣта Патріарха Александріи и Антиохіи; но ревностный Ѳома отвѣчалъ, пространнѣмъ посланіемъ, чрезъ своего синкелла, святаго и ученаго мужа Михаила, который остался навсегда въ Царьградъ; съ нимъ вмѣстѣ прислалъ онъ на помощь Св. Студиту, двухъ именитыхъ отшельниковъ, братьевъ Θεодора и Θεοφана, названныхъ начертанными, отъ воспріятого ими мученія. Они происходили отъ благородныхъ родителей въ Иерусалимѣ, и въ юныхъ лѣтахъ отданы были для духовнаго образованія въ лавру Св. Саввы, гдѣ исключительно занялся ихъ ученіемъ одинъ благочестивый пресвитеръ Іона. Оба искали высшей философіи Христіанской, довлѣющей и за предѣлами преходящаго міра, и постригшись въ лавръ, ихъ духовной колыбели, строго соблюдали всѣ ея уставы; вскорѣ, по своей добродѣтели, Θεодоръ рукоположенъ былъ пресвитеромъ; но уже ему заблаговременно была предсказана мученическая кончина, тѣмъ же старцемъ, который направлялъ его первые шаги на пути къ свѣтлomu вѣнцу. Святитель Иерусалимскій Ѳома, хотя и самъ обуръываемый непрестанными междоусобіями Арабовъ и ихъ нападеніями на пустынные лавры, не пожалѣлъ однако отпустить обоихъ братьевъ въ Царьградъ, для обличенія беззаконія; ибо зналъ, что только исцѣленіемъ болѣзни внутренней можно врачевать вѣшнюю.

Оба брата, какъ истинные чада послушанія, ими изученнаго въ лаврѣ великаго Саввы, ревностно устремились на предстоявшій имъ подвигъ, и достигнувъ столицы, обличили сперва лже-

патріарха Θεодота, поставленнаго на мѣсто Св. Никифора, а потомъ и самаго Императора. Левъ изумился ихъ смѣлой рѣчи, но уважая добродѣтель, сперва старался привлечь ихъ на свою сторону, ласками и убѣжденіями; видя же непреклонность и ожесточенный справедливыми обличеніями, сослалъ въ заточеніе обоихъ исповѣдниковъ, на берегъ Чернаго моря, гдѣ въ большой тѣснотѣ, голодѣ и убожествѣ, пребыли до кончины гонителя. Новый Императоръ, Михаилъ Травль, умертвившій Льва, возвратилъ всѣхъ гонимыхъ имъ; но святые братья уже почитали родиною своею не Палестину, а то мѣсто, куда посланы были для проповѣди слова Божія, и многихъ обратили отъ иконоборства въ Царьградъ, доколѣ не подверглись новому истязанію, при сынѣ Михаила, Θεοφилѣ, ревностномъ иконоборцѣ, за обличеніе его и лжепатріарха Іоанна. Пріявъ многія раны, они сосланы были опять въ заточеніе и, два года спустя, еще однажды предстали на судъ, по зову самаго Императора.

Съ яростію спросилъ онъ святыхъ братьевъ: отколѣ родомъ? и предалъ ихъ въ руки Сарацинъ, чтобы отвести на мѣсто рожденія; но прежде осыпалъ поруганіями и велѣлъ начертать, иглами на ихъ лицахъ, укорительные стихи. Эпархъ города призвалъ ихъ къ себѣ и приглашалъ, однажды только, пріобщиться съ иконоборцами, чтобы избѣжать мученія; но блаженный Θεодоръ отвѣчалъ: «слова твои подобны тому, какъ если бы кто сказалъ мнѣ: прошу тебя, дай мнѣ однажды отсѣчь тебѣ голову и потомъ иди, куда хочешь; но знай,

что прежде превратятся небо и земля, нежели мы отступимъ отъ благочестія.» Тогда предалъ ихъ епархъ въ руки мучителей и цѣлый день терзали ихъ, исполненіемъ надъ ними жестокаго приговора; они же молились, громко взывая къ Господу и его пречистой Матери, и съ горящими отъ истязанія лицами, сказали мучителямъ: «знайте, что Херувимъ, стрегущій двери рая, увидѣвъ сіе начертаніе, опуститъ предъ нами свое пламенное оружіе, ибо отъ начала вѣка не было еще изобрѣтено такого истязанія, и, въ глазахъ вашихъ, оно отразится, на лицѣ самаго Господа, въ тотъ день, когда представимъ вмѣстѣ на страшный судъ его.» Въ Вионіи скончался отъ ранъ мученикъ Θεодоръ; братъ же его Θεофанъ дожилъ до лучшихъ временъ, ибо онъ былъ свидѣтелемъ возстановленія честныхъ иконъ, супругою Θεофана, Императрицею Θεодорою и сыномъ ея Михаиломъ. Самъ онъ поставленъ былъ, отъ блаженнаго Патріарха Меодія, въ Митрополи-та Никеи, и по красотѣ и обилію гимновъ, которыми обогатилъ церковь, прозванъ творцемъ каноновъ*.

И такъ, вотъ еще одинъ духовный пѣвецъ изъ Палестины, и опять изъ лавры великаго Саввы, отко- лѣ уже возникли Св. пѣснопѣвцы: Андрей Іерусалимскій или Критскій, Іоаннъ Дамаскинъ, Косма Маіумскій, и наконецъ сей новый творецъ кано- новъ, начертанный Θεофанъ Никейскій. Такимъ образомъ, при совершенномъ упадкѣ внѣшняго бла- госостоянія, подъ бурю Арабскою, уже двѣсти

лѣтъ свирѣпствовавшей въ Палестинѣ, не изсякало въ ней образованіе духовное, и лавры пустынные были разсадниками онаго. Столь велики для всей православной Церкви заслуги освященнаго Саввы и его послѣдователей, изъ юдоли плача, напоившихъ слезами благочестія весь міръ Христіанскій!

Патріархъ Досіеѣй пишетъ*, что посреди гру- баго невѣжества, омрачавшаго Западъ, Папа Левъ III. обращался также, съ просительнымъ посланіемъ, къ Патріарху Іерусалимскому Θεомъ, умоляя его прислать къ нему мужей опытныхъ и ученыхъ, для прогнанія тьмы невѣжества, и что Святитель исполнилъ его благочестивое желаніе. Болѣе дру- гихъ извѣстный, по своимъ сношеніямъ со всемъ Христіанскимъ міромъ, Патріархъ Θεома, писалъ, чрезъ своего ученаго синкелла Михаила, обличитель- ное посланіе и къ Армянамъ, не принимавшимъ со- боръ Халкидонскій, и послѣ двадцати лѣтняго пра- вленія Церковію Божіею, оставилъ каедрѣ ученику своему, столь же благочестивому, Василию, кото- рый возсѣдалъ на ней двадцать пять лѣтъ. Но по свидѣтельству самаго Патріарха Досіеѣя, пи- савшаго исторію своихъ предшественниковъ, со вре- мени Патріарха Захаріи, при коемъ разоренъ былъ Персами Іерусалимъ, и особенно послѣ завоеванія Арабскаго, при Патріархѣ Софроніѣ, до такой сте- пени запутаны лѣтосчисленіе и имена Патріарховъ Іерусалимскихъ, или ихъ мѣстоблюстителей, что иногда нельзя доискаться истины. Досіеѣй при- бѣгалъ къ Арабской лѣтописи Патріарха Алексан-

* Кн. VII, гл. 4.

дрійскаго Евтихія, жившаго въ Х. вѣкъ, и часто встрѣчалъ въ ней противорѣчія съ актами тѣхъ соборовъ, на коихъ присутствовали Патріархи Іерусалима, и съ царскими грамотами на ихъ имя, и даже съ диптихами или помянниками церковными, хранящимися въ Іерусалимѣ. Посему, не въ состояніи будучи опредѣлить въ точности времени святительства каждаго Патріарха, иногда только онъ называлъ его по имени, не входя въ исчисленіе годовъ и въ подробности дѣяній, тѣмъ болѣе, что о многихъ молчитъ лѣтопись.

XXI.

УПАДОКЪ АББАСИДОВЪ.

Патріархи Василій, Іоаннъ, Сергій, Θεодоръ и Ілія. Досиоей, на основаніи Арабской лѣтописи того же Евтихія, пишетъ*, что въ 836 году, Святитель Іерусалимскій Василій, вмѣстѣ съ Па-

* Кн. VII, гл. 9.

тріархомъ Александрійскимъ Христофоромъ и Антиохійскимъ Іовомъ, составили въ Св. градѣ соборъ противъ иконоборцевъ; это восемьдесятъ Епископовъ сихъ трехъ престоловъ, восемьдесятъ игуменовъ окрестныхъ монастырей Палестины, Сиріи и Египта, и тысяча сто пятьдесятъ иноковъ, осудивъ единодушно злую ересь, написали обличительное посланіе Императору Θεофилу, отъ лица трехъ патріаршихъ престоловъ и всей іерархіи Восточной. Соборное число Святителей, пресвитеровъ и иноковъ показываетъ, въ какомъ еще цвѣтущемъ состояніи находилась Церковь Восточная, не смотря на все, что она перенесла, въ теченіе двухвѣковаго ига Арабскаго, и даже въ то самое время, когда горѣла жестокая война между Императоромъ Θεофиломъ и однимъ изъ самыхъ могущественныхъ Халифовъ, Аль Мауномъ, сыномъ знаменитаго Аль-Рашида. Война сія возникла за разореніе Θεофиломъ города, гдѣ родился Аль-Маунъ, и кончилась разореніемъ Аморіи, родины Θεофиловой; потоки Христіанской крови, были бѣдственнымъ слѣдствіемъ частной вражды двухъ сильныхъ властителей. Съ кончиною Аль-Мауна, просвѣщеннаго покровителя наукъ и художествъ, стала упадать и слава Халифата; братъ и преемникъ его Мотамедъ, окружилъ себя избранною дружиною Турковъ, и оставивъ столицу Багдадъ, поселился въ царской усадьбѣ, Самаратъ, чтобы не было распрей между жителями и его буйною дружиною; а Турки, усиливаясь болѣе и болѣе, овладѣли всею властію и стали, по прихоти своей, смѣнять и назначать Хали-

фовъ. Свирѣпый внукъ Мотамеда, Мотавакель, говитель своихъ подданныхъ, былъ уже провозглашенъ Турками и ими же умерщвленъ. Халифъ сей, будучи раздраженъ успѣхами Грековъ, вторгшихся въ Египеть, издалъ оскорбительный указъ, коимъ воспретилъ избирать, въ какія либо должности, Христіанъ и Евреевъ, и употреблять имъ для верховой ѣзды лошадей, и велѣлъ иновѣрцамъ всегда носить на себѣ кожаный поясъ, для отличія отъ Мусульманъ.

Во дни Святителя Іерусалимскаго Василія, Александрійскій Патріархъ, ереси Іаковитовъ, воздвигая изъ развалинъ монастыри, разоренные въ Египть, которые нѣкогда принадлежали православнымъ, основалъ и въ Іерусалимѣ станнопріимный домъ, съ церковію для богомольцевъ Іаковитскихъ, т. е. Коптовъ, своихъ единоплеменниковъ. Станнопріимница сія была, вѣроятно, начальнымъ пріютомъ секты ихъ въ Св. градъ; ибо до того времени о нихъ не слышно было въ Палестинѣ, хотя они имѣли своихъ Патріарховъ въ Египть и Антіохіи. Патріархъ Іоаннъ VI. заступилъ мѣсто умершаго Василія, но святительство его продолжалось не долго*. Чрезъ три года, граждане Іерусалимскіе, возбужденные противъ него навѣтами Арабскихъ властей, осыпали его всякими поруганіями, и онъ, убоявшись послѣдствій, отказался самъ отъ своей кафедры. Кажется, сей Іоаннъ написалъ житіе Св. Дамаскина.

Ему наследовалъ Сергій, сынъ гражданина Дамаскина.

* Истор. Флери, кн. XLVIII, 3. 839 годъ.

масскаго, по имени Мансура, который передалъ опять городъ сей изъ подъ власти Христіанъ въ руки Сарациновъ; но самъ Патріархъ Досіею говоритъ, что не знаетъ, какіе Христіане владѣли тогда Дамаскомъ*. — Послѣ шестнадцати лѣтняго правленія Сергіева, Соломонъ на четыре года воспріялъ его кафедру и передалъ Θεодору, или Θεодосію, при коемъ произошли сильныя возмущенія въ Церкви Константинопольской, между двумя Патріархами, Игнатіемъ и Фотіемъ.

Бѣдственная сія распря отозвалась и на Востокъ; ибо и оттолъ вызывались мѣстооблестители патріаршіе на соборы, созываемые постепенно въ Царьградъ, то Фотіемъ, то Игнатіемъ. Императоръ Василій Македонскій долженъ былъ для сего обращаться, уже не къ Халифамъ Багдадскимъ, но къ самодержавному властителю Египта и Сиріи, Ахмету эбнъ-Тулуну, который, изъ простаго воина Турецкой дружины, сдѣлался сперва правителемъ, а потомъ Султаномъ сихъ двухъ областей и, на краткое время, оставилъ по себѣ державу своему роду. Владычество его было менѣ пагубно для Христіанъ Восточныхъ, нежели слабое и корыстное правленіе мѣлкихъ намѣстниковъ, посылаемыхъ изъ Багдада; ибо при ихъ безсиліи, новая фанатическая секта Керматовъ, возникшая изъ Аравіи, дѣлала безпрестанныя опустошенія по всей Сиріи и въ окрестностяхъ Св. града.

Но мѣстооблестители Восточныхъ Патріарховъ,

* Кн. VII, гл. 22.

призванные на соборъ противъ Фотія, оказались въ послѣдствіи ложными, и ихъ обличилъ другой соборъ, оправдавшій Фотія, по кончинѣ Игнатія; это засвидѣтельствовано было письмомъ Патріарха Александрійскаго, Михаила, — который, обвиняя мнимаго своего мѣстоблюстителя, говорилъ и о Іерусалимскомъ Іліи, выдававшемъ себя за синкелла, Патріарха Сергія, что онъ, по возвращеніи въ Палестину, умеръ бѣдственно въ проказѣ*. Патріархъ Іерусалимскій, Θεодосій, послалъ на соборъ Фотіевъ, своими мѣстоблюстителями, двухъ братьевъ священноинокъ, Андрея и Ілію столпника, съ окружнымъ посланіемъ, коимъ признавалъ, за себя и за своего предмѣстника, законнымъ Патріархомъ Фотія, отлучая всѣхъ и cadaго, кто его не пріемлетъ. То же писалъ и Патріархъ Антіохійскій Θεодосій, который вмѣстѣ съ тѣмъ жаловался на тяжкое гоненіе, имъ претерпѣнное отъ Ахмета эбнъ-Тулунъ. Въ продолженіе собора, пришло извѣстіе, о кончинѣ Патріарха Іерусалимскаго Θεодосія, и новый Патріархъ Ілія, братъ бывшаго на Іерусалимской каѳедрѣ Сергія, написалъ также общительную грамоту къ Фотію, чрезъ Епископа Мартиропольскаго, Василия*. Такимъ образомъ, весь Востокъ пребывалъ и остался съ нимъ въ постоянномъ общеніи.

Около тридцати лѣтъ продолжалось святительство Іліи, сильнаго въ Іерусалимѣ, по своему именитому роду и по тѣмъ заслугамъ, какія оказалъ Сарацинамъ отецъ его Мансуръ, и по долготу

* 879 годъ. Флерп, кн. LIII, гл. 15.

правленію брата, Патріарха Сергія. Вліяніе его распространялось и на Египетъ; онъ посвятилъ въ Іерусалимъ Христодула, уроженца Алепскаго, въ Патріарха Александріи, и когда не хотѣли принимать его въ Египтъ, самъ Ілія пошелъ и утвердилъ на каѳедрѣ рукоположеннаго имъ Святителя, что доказываетъ довѣренность, какою онъ пользовался у преемниковъ Султана эбнъ-Тулунъ. Проникнутый бѣдствіями своей паствы и родины, Ілія подражалъ примѣру одного изъ своихъ предшественниковъ, Патріарха Оомы, искавшаго себѣ помощи на Западѣ, и послалъ, съ двумя иноками, краснорѣчивое посланіе: ко всѣмъ благочестивымъ и славнымъ князьямъ, отъ рода великаго Императора Карла, Царямъ всей земли Галликанской, Митрополитамъ, Архіепископамъ и Епископамъ, пресвитерамъ, діаконамъ, клирикамъ Св. Церкви, инокинямъ и всѣмъ вообще поклонникамъ Господа Іисуса Христа, именитымъ мужамъ и женамъ, каѳолическимъ и православнымъ всего Христіанскаго міра*. «Мы полагаемъ нужнымъ увѣдомить васъ, писалъ Патріархъ, о великихъ и неизчислимыхъ бѣдствіяхъ, которыя терпимъ отъ преступнаго и богоненавистнаго народа, и о коихъ могутъ достаточно возвѣстить вамъ приходящіе сюда богомольцы; но одна вещь наипаче насъ сокрушаетъ и ее довѣряемъ мы, любви вашей, чрезъ сію нашу грамоту. Видя храмы наши разрушенными или падающими отъ ветхости, и не дерзая обновлять ихъ, мы со многими воздыханіями и слезами, мо-

* Biblioth. des Croisades, T. I, p. 443.

лили милосердаго Бога, дабы во славу святаго своего имени, далъ намъ средства воздвигнуть церкви, нашимъ потомъ и трудами. Провидѣнію Божию угодно было, чтобы Князь земли сей сдѣлался Христіаниномъ, какъ васъ о томъ извѣстятъ посланные нами. (Неизвѣстно, о какомъ князь говорить здѣсь Патріархъ, быть можетъ о какомъ-либо частномъ правителѣ, или о томъ эмирѣ или визирѣ, коему писалъ Императоръ Левъ, о Св. огнѣ). Онъ намъ опять позволилъ владѣть нашими храмами и возстановить ихъ изъ развалинъ. Дозволеніе сіе пришло намъ съ неба, и мы не могли и не должны были пренебречь онымъ; — и такъ укрѣпленные Господомъ, мы вооружились, всѣми нашими силами, для столь великаго дѣла. Намъ нужны были средства, и мы по необходимости прибѣгли къ невѣрнымъ; но какъ никто изъ нихъ не хотѣлъ намъ давать денегъ безъ залога, мы принуждены были заложить наши масличные сады и виноградники, и самые священные сосуды, и, по нашему убожеству, не могли доселѣ выкупить ихъ изъ рукъ невѣрныхъ.» — Далѣе Патріархъ пишетъ, что по отчужденіи масличныхъ садовъ не достаетъ масла и для лампадъ святилища; что убогіе и иноки страдаютъ отъ голода, и многіе Христіанскіе узники, не въ силахъ будучи искупить себя, умираютъ въ невольѣ. «А такъ какъ, по божественному Апостолу, когда страдаетъ одинъ членъ, страдаютъ и всѣ прочіе члены, то Христіане Іерусалимскіе рѣшились обратиться къ братіямъ своимъ Западнымъ, уповаю, что они раскроютъ для нихъ

утробы своего милосердія. — Ничего бы не было страннаго, если бы они удѣлили часть своихъ имуществъ, для возобновленія церквей Іерусалимскихъ, какъ некогда сыны Израиля, сами собою, предлагали золото и серебро, для сооруженія скинии, такъ что должно было объявить чрезъ глашатая, что уже достаточно собрано приношеній, хотя и сіе не могло остановить щедрости народа Божія.» Доказавъ еще иными свидѣтельствами изъ Св. писанія, что долгъ вѣрныхъ сыновъ Церкви, вспомошествовать Іерусалиму, Патріархъ Илія поручалъ имъ и двухъ иноковъ, посланныхъ съ его грамотами, присовокупляя: «что все можно безъ страха доверить тѣмъ, коимъ Господь не пренебрегъ повѣрить святыя таинства и самый священный гробъ свой.»

Такимъ образомъ, Патріархъ Илія, излагая живую и горькую картину бѣдствій Іерусалима, старался всѣми средствами возбудить участіе Запада, и это первый кличъ отдаленнаго Востока къ многолюдному Западу, отголоскомъ коего было въ послѣдствіи движеніе столькихъ милліоновъ людей на Востокъ. Не извѣстно однако, о возобновленіи какихъ церквей, говоритъ Святитель: быть можетъ о тѣхъ, которые были разорены, по свидѣтельству летописи Ософановой, во время междоусобій дѣтей Халифа Аарона аль-Рашида, и весьма вѣроятно, что сыновья именитаго гражданина Мансура, оба бывшіе въ теченіе многихъ лѣтъ Патріархами, Сергій и Илія, какъ мужи государственные, рѣшились воздвигнуть изъ развалинъ все, что было разорено Арабами.

Десятый вѣкъ, самый темный для свѣдѣній историческихъ о Иерусалимѣ, начинается сбивчивымъ лѣтосчисленіемъ самихъ Патріарховъ. Въ первое его десятилѣтіе, Сергій, сынъ Таугіана, наследовалъ знаменитому сыну Мансура, Илии, и правилъ пять лѣтъ, его каедрю; на семнадцатъ лѣтъ, принялъ Патріархъ Левъ; послѣ него Аѳанасій, первый изъ Святителейъ Иерусалимскихъ, который по тѣснымъ обстоятельствамъ времени, или по упадку языка Греческаго, и потому что самъ былъ родомъ Арабъ, сталъ проповѣдывать въ церквахъ на языкъ Арабскомъ. Удрученный болѣзнію, онъ избралъ на свое мѣсто инока Николая; но сей смиренный мужъ, въ свою чреду уступилъ каедрю Аѳанасію, когда онъ опять укрѣпился въ силахъ, и, только по его кончинѣ, сталъ почитать себя законнымъ Патріархомъ; еще пятнадцать лѣтъ послѣ Аѳанасія святительствовалъ Николай, и его преемникомъ былъ Христула, родомъ изъ Аскалона, послѣдній изъ Патріарховъ Иерусалимскихъ, о коемъ упоминаетъ лѣтопись Евтихія Александрійскаго, ибо около сего времени скончался и самъ Патріархъ Евтихій, бывшій преемникомъ того Христула, котораго поставилъ на каедрю Александрійскую Патріархъ Иерусалимскій Илія.

Касательно времени и имени Иерусалимскаго Патріарха Христула, происходитъ разнорѣчіе, между Евтихіемъ и историкомъ Греческимъ Кедринымъ, которое старается согласить новѣйшій писатель Досиоѣй; ибо Кедринъ называетъ вмѣсто

* Ист. Досиоѣ. кн. VII, гл. 22.

Христула Іоанна, и оба историка свидѣтельствуютъ, о томъ же событіи, при двухъ различныхъ Патріархахъ, т. е. о пожарѣ Иерусалимскаго храма. Евтихій говоритъ, что во время Христула или Христула, Сарацыны сдѣлавъ смятеніе въ храмъ Константиновомъ, въ день Пасхи, сожгли святыя врата его, и полагаютъ это событіе въ 937 году; а Патріархъ Досиоѣй говоритъ, что къ лѣтосчисленію Евтихія должно прибавить еще восемь лѣтъ, ибо онъ неправильно начинаетъ эру Магометанскую, осмью годами ранѣе опредѣленнаго, т. е. 622 года; Досиоѣй предполагаетъ также, что смятенія Сарацынскія начались только при Христулѣ, но что храмъ сгорѣлъ при Іоаннѣ, и самъ Патріархъ сдѣлался съ нимъ вмѣстѣ жертвою пламени, какъ о томъ пишетъ историкъ Кедринъ; но и здѣсь однако не сходится лѣтосчисленіе его съ Евтихіевымъ, ибо онъ поставляетъ сіе бѣдственное событіе въ 968 году. Темная эпоха десятаго вѣка, исполненнаго смятеніями гражданскими, при упадкѣ просвѣщенія, могла быть причиною сихъ хронологическихъ недостатковъ.

Въ началѣ десятаго столѣтія, распалась и могущественная держава Аббасидовъ, около двухъ вѣковъ господствовавшая по всему Востоку; но еще, въ теченіе цѣлаго вѣка, довершала она бѣдственное свое существованіе. Напрасно благоразумный Халифъ Мотамедъ старался поддержать то, что началъ исправлять мудрый его отецъ; при сынѣ его и слабыхъ внукахъ, вся власть перешла опять въ руки Турецкой дружины. Много повредилъ и бѣд-

ственный примѣръ, данный еще славнымъ Халифомъ аль Мамуномъ; надѣясь на свое могущество, онъ сдѣлалъ независимымъ правителемъ Хорасана, нѣкоего воеводу, который помогъ ему вступить на престолъ; съ тѣхъ поръ, частные правители областей, мало по малу, стали отпадать отъ власти Халифовъ и только требовали отъ нихъ подтвержденія своей независимости, подобно эбнъ-Тулуну, Султану Египта; въ Халифъ же уважали одну лишь власть духовную, перваго Имама, или преемника лжепророка Магомета. Онъ принужденъ былъ освящать, именемъ своимъ, всякое неправильное приобрѣтеніе непокорныхъ властителей, и потому еще до времени окружали его, почестями царственными, доколь наконецъ не упало и сіе наружное величіе. Между тѣмъ въ Африкѣ возстала другая династія Халифовъ Фатимитскихъ, которые производили родъ свой отъ дочери Магометовой, Фатимы, и его племянника Алиа, и уже, не какъ независимые свѣтскіе правители, но какъ соперники по власти духовной, вступили въ борьбу съ Аббасидами.

Магометъ Обейдаллахъ, былъ родоначальникомъ Фатимитовъ, и утвердившись силою оружія въ Кезроапъ, покорилъ всю сѣверную Африку своему владычеству; но доколь еще его преемники не утвердили Халифата въ Египтѣ, тамъ возникло новое племя Султановъ, замѣнявшихъ родъ Тулуна. Халифы Багдадскіе, устрешенные его могуществомъ, думали, частою переменною областныхъ правителей, воспрепятствовать ихъ усилению, но

избранный ими Турокъ, Магометъ Ахмидъ, не хотѣлъ болѣе подчиняться ихъ власти, и овладѣвъ Сиріею, принудилъ слабаго Халифа Рахи признать его независимымъ. Эти смятенія были, вѣроятно, тѣ самыя, отъ коихъ пострадалъ Іерусалимъ и храмъ Св. гроба. Однако въ сѣверной части Сиріи, Ахмидъ встрѣтилъ себя сильныхъ противниковъ, въ поколѣніи Гаманидовъ, князей Алепскихъ, которые оспаривали у него Дамаскъ, и сражаясь постепенно, то съ нимъ, то съ Императорами Греческими, нарушали непрестанно спокойствіе Христіанъ Палестинскихъ.

Не оставалось уже и тѣни древняго Халифата; малодушный Рахи еще болѣе разстроилъ власть свою, учредивъ новый санъ Эмиръ-эль-Омара, или князя князей; санъ сей переходилъ сперва отъ одного вождя Турецкой дружины къ другому, а потомъ, на нѣкоторое время, сдѣлался достояніемъ сильнаго племени Буидовъ, властителей Персіи; они стали произвольно смѣнять Халифовъ. Между тѣмъ секта Керматовъ овладѣла совершенно Аравіею и самымъ святилищемъ Магометанъ, и прочія области продолжали постепенно отпадать отъ Багдада; иногда самыя Халифы принуждены были предаваться въ руки частныхъ властителей, чтобы только избѣгнуть гоненія своихъ эмировъ. Посреди сихъ междоусобій, преемникъ Ахмида, Кафаръ, самовластно обладая Сиріею и Египтомъ, продолжалъ кровавую распрю съ князьями Алепа, которыхъ съ другой стороны воевалъ Императоръ Греческій, Романъ Лакапень, опекунь и тестъ Кон-

стантина Багрянороднаго. Романъ заставилъ Сарацинъ выдать ему, изъ города Едессы, славную нерукотворенную икону Спаса, присланную некогда, по церковнымъ преданіямъ, самимъ Господомъ Царю Авгарю, и перенесъ ее съ торжествомъ въ Царьградъ; онъ оставилъ по себѣ благуя память и въ Иерусалимѣ, обильными милостынями, даже и тогда, какъ самъ былъ уже невольно постриженъ неблагоприятными дѣтьми.

Побѣды Императора Никифора Фоки, управлявшаго государствомъ, за малолѣтнихъ внуковъ Багрянороднаго, въ послѣдніе годы X вѣка, горькими послѣдствіями отозвались для патріаршихъ престоловъ Сиріи и Палестины; ибо когда побѣдоносное оружіе Греческое проникало горы Ливанскія и покоряло Антиохію, Алепъ и Дамаскъ, — раздраженные Сарацины, предполагая, что Императоръ дѣйствуетъ по внушенію Патріарховъ, умертвили Христофила, Антиохійскаго Святителя, и сожгли Іоанна Иерусалимскаго, искавшаго себѣ спасенія въ церкви Св. гроба, и ограбили немилосердно храмъ*. Цимисхій, преемникъ Никифора, поддержалъ его успѣхи на Востокъ, и временно вся Малая Азія и часть Сиріи принадлежали опять державѣ Греческой; Патріархи Антиохійскіе стали избираться по назначенію Императоровъ. Самъ побѣдитель Цимисхій увѣдомилъ Царя Армянскаго, о своихъ побѣдахъ, радостнымъ письмомъ изъ Антиохіи, гдѣ отдыхалъ послѣ счастливой брани**;

* 968 годъ, ** 972 годъ, Biblioth. des Croisades, T. 1, p. 486.

сіе откроетъ тебѣ о великихъ дѣяніяхъ, какія Господь совершилъ, противъ всякаго чаянія, нашею рукою. Персы сдѣлались данниками нашей державы, мы исторгли изъ рукъ ихъ мощи Св. Іакова, почивавшаго въ городѣ Низивіи. Повелитель Африканскихъ Арабовъ имѣлъ дерзость съ нами сразиться и былъ пораженъ. Мы завоевали обратно бывшія области нашей имперіи и, покоривъ города Антиохію и Алепъ, подступили къ Дамаску; правитель онаго предложилъ намъ дань и принять отъ насъ стражу воинскую; жители Тиверіады и Назарета подражали Дамаскимъ. Въ то время, какъ посѣщали мы священную вершину Фавора, граждане Палестины и Иерусалима прислали просить нашей пощады, предаваясь совершенно въ наши руки и требуя отъ насъ стражи. Мы согласились, по съѣмъ условіемъ, чтобы Св. гробъ освобожденъ былъ изъ рукъ нечестивыхъ Турокъ: (Императоръ говоритъ, вѣроятно, о стражѣ Турецкой, стоявшей тогда, какъ и теперь, при вратахъ храма). Постепенно покорились намъ Кесарія, Веритъ, Тиръ и Сидонъ, ибо всюду бѣжали предъ нами войска Африканскія. Въ семь мѣсяцовъ окончили мы блистательный походъ сей, и все намъ покорилось до Вавилона, гдѣ трепещетъ заключенный Халифъ. Господу единому слава, силою коего совершили мы всѣ сіи подвиги.»

Таково вкратцѣ содержаніе письма Императора, который сражался съ остатками силъ Султановъ Египетскихъ Ахмидовъ, Гаманидовъ Сирійскихъ, и съ возникающею силою Фатимитовъ. Подъ име-

немъ Вавилона разумѣтъ онъ старѣй Каиръ, или иногда и Багдадъ. Но тяжкое иго Церкви Иерусалимской ни мало не облегчилось отъ сихъ побѣдъ, одержанныхъ почти подъ стѣнами Св. града. Бѣдствующіе преемники соуженнаго Іоанна, послѣ краткаго святительства, умирали большею частію въ Египтъ, куда призывали ихъ дѣла церковныя*. Тамъ скончался Патріархъ Христодулъ, иначе Агапій, только два года управлявшій своею паствою. Преемникъ его Ѳома, болѣе счастливый, десять лѣтъ сидѣлъ на каедрѣ Апостольской, но наследовавшій ему Патріархъ Іосифъ, врачъ искусный и мудрый философъ, послѣ трехлѣтняго святительства, окончилъ дни свои въ Египтъ; а по смерти Ѳеофила, заступившаго его мѣсто, не болѣе какъ на восемь лѣтъ, и до Патріарха Никифора, одиннадцать лѣтъ сиротствовала безъ пастыря Церковь Иерусалимская. Такъ бѣдственны были для Св. града послѣдніе годы десятаго столѣтія.

* Истор. Досноея кн. VII, гл. 22.

XXII.

ХАЛИФАТЪ ФАТИМИТОВЪ.

Разореніе и обновленіе храма Св. гроба.

Причиною невольнаго хожденія Патріарховъ Иерусалимскихъ, въ Египетъ, было утверженіе въ странѣ сей Халифата Фатимитовъ, власти коего подпали Иерусалимъ и вся Сирія. Правнукъ родоначальника Фатимитовъ, Моезь - лединъ - Аллахъ, одолѣлъ слабыхъ преемниковъ Султана Ахмида, и основалъ новую столицу Каиръ, или городъ побѣды, гдѣ утвердилъ престолъ для своего потомства на два столѣтія*. Это случилось во дни Багдадскаго Халифа Моти, котораго имя перестало съ тѣхъ поръ поминаться въ Сиріи и Египтѣ и даже въ Аравіи, гдѣ имя Алія превозмогало Аббасидовъ. Халифъ Моезь принялъ и бѣлый цвѣтъ Алія, въ противоположность чернаго царственнаго цвѣта Аббасидовъ, и такъ совершенно распалась исподни-

* 969 годъ.

ская держава, простиравшаяся во дни ихъ величія, отъ Индіи до Испаніи. Сынъ эль Моеза, Азиръ-эль-биллахъ, наследовалъ славу и могущество отца своего, и женившись на Христіанкѣ, Маріи, по любви къ ней, доставилъ двумъ ея братьямъ Іереміи, (иначе Оресту) и Арсенію, патриаршія кафедръ Іерусалима и Александріи. Арсеній, пользуясь покровительствомъ Халифа, отнялъ у Іаковитовъ, въ старомъ Каирѣ или Фостатѣ, знаменитую церковь Божіей матери, древле похищенную ими у православныхъ. Но плодомъ сего брака, который, казалось, обѣщалъ столько благоденствія Церкви Христовой, былъ Халифъ Хакимъ Біармаллахъ, жесточайшій ея гонитель въ теченіе двадцати пяти лѣтняго царствованія.

Злобный, нечестивый въ своихъ предпріятіяхъ и звѣрскій до безумія, онъ, какъ второй Неронъ, сжегъ большую часть своей столицы, чтобы насладиться зрѣлищемъ зарева и убійства многихъ тысячъ невинныхъ подданныхъ. Равно преслѣдуя Христіанъ и Евреевъ, Халифъ разорялъ церкви и синагоги, силою совращая всѣхъ къ исламизму, и потомъ опять позволялъ возвращаться къ исповѣданію отцевъ своихъ и обновлять сожженные храмы. Наконецъ, безумный возмечталъ и самъ быть богомъ, и нашелъ до шестнадцати тысячъ малодушныхъ, которые согласились поклоняться ему, какъ божеству. Нѣкій волхвъ Персидскій, Магометъ, сынъ Измаила, сдѣлался его помощникомъ, проповѣдуя сего новаго бога по Египту, и былъ умерщвленъ разъяреннымъ народомъ, въ самой колесни-

цѣ Халифа; но сыскался другой оболститель, Гамза, который распространилъ ученіе его по Сиріи, и досель оно еще въ силѣ, въ горахъ Ливанскихъ, между Друзами. Пренебрегая обязанностию своего сана, Хакимъ пересталъ совершать всенародныя молитвы пятка и соблюдать постъ рамазана, запретилъ богомолье въ Мекку, и закрылъ все церкви Христіанъ въ Каирѣ, такъ что въ одной только, и то втайнѣ, могло совершаться богослуженіе; Патриарха же Іаковитскаго Захарія бросилъ въ ровъ львиный; но алчные звѣри пощадилъ старца, показавъ себя болѣе милосердными, нежели властитель бѣдствующаго Востока. На Іерусалимъ излилъ онъ всю свою ярость*.

Западный иннокъ Главеръ рассказываетъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ Іерусалимъ, что причиною ихъ были Евреи, съ ненавистію видѣвшіе усердіе безчисленнаго множества Христіанъ, ходившихъ на поклоненіе Св. гробу. Евреи Орлеанскіе, пользуясь покровительствомъ Короля Французскаго Роберта, были весьма сильны и надмѣнны; они подкупили одного бѣлаго послушника монастырскаго, по имени Роберта, который, подъ видомъ странника, скитался повсюду, и отправили чрезъ него грамоту, къ властителю Вавилона (т. е. Каира), вложивъ ее во внутренность трости. Евреи предваряли Халифа, что если вскорѣ не разорить храмъ Св. гроба, столь драгоценный для Христіанъ, то сами Христіане придутъ лишить его царства, и испуганный Халифъ послалъ немедленно разрушить до основа-

* Флери кн. LVIII, гл. 38 — 40.

нія священное зданіе. Исполнители жестокаго приказанія старались даже, желѣзными ломами, сокрушить и священный вертепъ, но не одолѣли самороднаго утеса, хотя слѣды ихъ орудій остались на камнѣ; — такъ вторично была разрушена церковь сія послѣ Персовъ. Когда же Христіане узнали въ послѣдствіи, кто были виновниками сего бѣдствія: они обратили ненависть свою на Евреевъ и изгнали ихъ изъ своихъ предѣловъ; многіе погибли въ общемъ гоненіи; Епископы западные запретили своей паствѣ входить въ какія бы то ни было сношенія съ Евреями, если не пожелаютъ креститься, отъ чего нѣкоторые изъ нихъ и крестились; самъ же бѣглый Робертъ изобличенъ былъ, по возвращеніи въ Орлеанъ, однимъ поклонникомъ, видѣвшимъ его на Востокъ, и сознавшись въ своемъ преступленіи, предавъ заслуженной казни. Его сожгли всенародно; тогда Евреи стали опять мало по малу являться въ городахъ. Но пять лѣтъ спустя послѣ разрушенія храма Христіанскаго, мать Халифа, Марія, начала вновь сооружать церковь Св. гроба, и безчисленное множество Христіанъ стеклось изъ всѣхъ странъ въ Іерусалимъ, жертвуя для сего большими деньгами*.

Другой лѣтописецъ западный, Адемаръ**, рассказывая о многихъ знаменіяхъ, предвѣщавшихъ чрезвычайное бѣдствіе, говоритъ, что оно совершилось, когда Халифъ Египетскій велѣлъ разорить храмъ Св. гроба; ибо Евреи обвинили предъ нимъ

* Glaber. III, lib. 7. ** Bibliothecae de Croisades, T. I, p. 205 — 205.

Христіанъ, будто у нихъ въ готовности сильное войско для завоеванія Востока. По его разсказу, язычники, т. е. Магометане, развели большое пламя, чтобы сжечь камни разрушеннаго храма Воскресенія; но камни, подобно алмазу, противились дѣйствию огня; тѣ же изъ невѣрныхъ, которые хотѣли сломать церковь Виолеемскую, погибли отъ внезапнаго пламени, изъ нее изшедшаго. Обитель Синайская, гдѣ мирно обитали до пяти сотъ иноковъ, была также спасена чудомъ; ибо вся гора показалась Сарацинамъ объятаю пламенемъ, и самъ Халифъ, когда услышалъ о такихъ чудесахъ, раскаялся и велѣлъ вновь соорудить храмъ Господень: но уже новый не имѣлъ болѣе слѣдовъ древняго великолѣпія.

Греки, въ лѣтописяхъ своихъ, разсказываютъ весьма коротко, что въ 1010 году, властитель Египта Азизъ (ошибкою вмѣсто Хакима), нарушивъ, по ничтожной причинѣ, мирный договоръ съ Императоромъ разрушилъ въ Іерусалимѣ великолѣпный храмъ Св. гроба, разорилъ и прочія обители, разогнавъ иноковъ, которые разбѣжались повсемѣстно. Всѣхъ подробности и обстоятельство повѣствуетъ о семъ бѣдственномъ произшествіи ученый Архіепископъ Тира, Вильгельмъ, жившій около ста лѣтъ спустя, въ своей исторіи Крестовыхъ походовъ, и я приведу здѣсь его описаніе*.

«Св. градъ, подпавшій власти Египтянъ, временно отдыхалъ отъ своихъ бѣдъ, доколь, по преизбытку нечестія челоуковъ, не возсталъ властитель»

* Lib. 1, cap. 8.

лемъ Хакимъ. Сей Халифъ далеко превзошелъ злобою предшественниковъ своихъ и потомковъ, такъ что и въ будущихъ вѣкахъ сдѣлался громкою притчею, ибо до такой степени сталъ ненавистенъ Богу и челоуѣкамъ, что безумная жизнь его требовала бы особеннаго повѣствованія. Онъ, между прочими ужасами, велѣлъ разрушить до основанія храмъ Воскресенія Господня, сооруженный Императоромъ Константиномъ, стараніями благочестиваго Епископа Максима, и обновленный блаженнымъ Модестомъ, во дни правленія Ираклія. Исполнителемъ безумнаго велѣнія Халифа былъ нѣкто Гирей, областной правитель Рамлы, который получивъ повелѣніе царское о разрушеніи храма, на дѣль оное совершилъ. Въ сіи бѣдственныя времена былъ Патриархомъ Церкви Іерусалимской Орестъ, мужъ благочестивый, родной дядя по матери нечестивому Халифу, который для того и покусился на столь ужасное дѣло, чтобы дать невѣрнымъ своимъ поданнымъ свидѣтельство единовѣрія съ ними; ибо многіе подозрѣвали его въ Христіанствѣ, какъ рожденнаго отъ матери Христіанки. И такъ, дабы отстранить такое нареканіе, онъ предполагалъ, что ничѣмъ лучше не очистится отъ мнимой клеветы, какъ сокрушеніемъ самой колыбели вѣры Каболической, откъмъ изошло Христіанство. Съ того времени еще бѣдственнѣе сдѣлалось состояніе Христіанъ во Св. градѣ, какъ по справедливой ихъ горести о разореніи святилища, такъ и по умножившимся гоненіямъ со стороны невѣрныхъ. Кроме чрезвычайныхъ налоговъ и податей, превосхо-

дившихъ всякую мѣру, и вопреки всѣхъ правъ, дарованныхъ имъ предшественниками Халифа, Хакимъ запретилъ самыя торжества церковныя, которыя до того дня явно и тайно совершались. Чѣмъ торжественнѣе былъ день, тѣмъ строже заключались Христіане въ стѣнахъ своихъ жилищъ; но не смѣя являться на улицу, не были безопасны и внутри домовъ, ибо туда бросали камни и нагло вривались невѣрные; чѣмъ свѣтлѣе былъ праздникъ, тѣмъ язвительнѣе были обиды. Сверхъ того, за каждое легкое слово, по малѣйшему доносу, немедленно предавали Христіанъ мученіямъ и казнямъ, похищали имѣнія ихъ, а малолѣтнихъ дѣтей, ласками и угрозами, и даже жестокимъ бѣніемъ, припуждали измѣнить Христіанству. Патриархъ тѣхъ печальныхъ дней, первый подвергался поруганіямъ, мужественно возбуждая паству свою къ долготерпѣнію, и общая вѣчныя награды за временныя страданія. Одушевленные его рѣчами и примѣромъ, они переносили всѣ мученія, Христа ради, и взаимною любовію утѣшали другъ друга.

Трудно было бы изчислить всѣ муки, какія испытали сіи вѣрные служители Божіи, ради его небеснаго царствія; но мы приведемъ хотя одинъ примѣръ изъ тысячи, чтобы показать только, по какимъ ничтожнымъ причинамъ подвергались они казнямъ. Одинъ изъ враговъ Христіанъ, по ненависти къ нимъ, желая возбудить противъ нихъ гоненіе, бросилъ ночью мертваго пса въ преддверіе уважаемой всеми мечети Омаровой, въ коей онъ былъ блюстителемъ; утромъ, пришедшіе на молитву

Сарацѣны воскипѣли яростію, при видѣ сего трупа, и какъ неистовые исполнили воплями городъ. Сбѣжался народъ, и всѣ единодушно зывали, что Христіане сдѣлали поруганіе мечети; вопля сего достаточно было, чтобы обречь ихъ всѣхъ погибели за мнимое преступленіе. Вѣрныя, зная свою невинность, готовились однако пріять смерть за Христа, и мучители уже предстояли съ обнаженными мечами, когда одинъ мужественный юноша вышелъ изъ толпы и сказалъ: «горько будетъ, братія, если такъ погибнетъ вся сія Церковь, лучше же одному погибнуть за весь народъ; уступите мнѣ это право, дабы меня всегда имѣли вы въ своей памяти, съ благословіями, и роду моему навсегда сохранилась должная почестъ; я же, съ помощію Божіею, отклоню отъ васъ сіе убійство.» Съ радостію услышали слова его граждане и единодушно положили, чтобы въ память великодушнаго самопожертвованія, родственники его одни навсегда имѣли право, въ день вербнаго воскресенія, торжественно вносить въ городъ маслину, знаменующую Господа Іусуса. Тогда благородный юноша добровольно предалъ себя въ руки старѣйшинъ Сарацынскихъ, исповѣдуя мнимое преступленіе, для спасенія столькихъ невинныхъ, и осужденный немедленно на смерть, положилъ душу свою за братьевъ, уповаю на Господа, дарующаго возмездіе въ будущей жизни.

Милосердіе Божіе, соболѣзнуя о скорбящихъ, даровало имъ немалое утѣшеніе въ ихъ бѣдахъ, когда по смерти нечестиваго властителя, умерщвлен-

наго своими присными, престало гоненіе, при державѣ сына его Дагера. Халифъ сей, возобновивъ миръ, нарушенный отцемъ его, съ Императоромъ Константинопольскимъ Романомъ Аргиромъ, по просьбѣ его, позволилъ вѣрнымъ возстановить изъ развалинъ обрушенныя ихъ святилища. Услышавъ о семъ разрѣшеніи, обрадовался вѣрный народъ Іерусалимскій; но не чувствуя себя въ силахъ совершить столь великое дѣло, отправилъ посланниковъ къ преемнику Романа, державшему скиптръ, Константину Мономаху; въ умиленной просьбѣ гражданъ изложено было, въ какое бѣдственное положеніе впали Христіане, жители Св. града, послѣ разоренія святилища; посему и заклинали Богомъ, простерть къ нимъ руку помощи и царственными щедротами возобновить низверженное зданіе. Предстоятелемъ посольства былъ нѣкто Іоаннъ, по прозванію Киріанитъ, уроженецъ Цареградскій, именитый по роду и еще болѣе по добродѣтельной жизни, который, оставивъ почести свѣтскаго званія, послѣдовалъ за Христомъ, и облекшись въ санъ иноческій, убого обиталъ въ Іерусалимѣ. Іоаннъ, съ должною заботливостію, успѣшно исполнилъ свое посольство и исходатайствовалъ, у боголюбиваго Кесаря, все нужное для расходовъ на сооруженіе новаго храма, радостно возвратился въ Іерусалимъ, гдѣ утѣшилъ весь клиръ и народъ, какъ болящихъ послѣ тяжелой немощи. Патріархомъ Св. града былъ тогда благочестивый мужъ Никифоръ. Такимъ образомъ, съ дозволенія Халифа, царственными издержками, возстановлена была ны-

нѣшняя церковь Воскресенія въ Иерусалимѣ, въ лѣто отъ воплощенія Христова 1048, тридцать-семь лѣтъ послѣ ея разрушенія и за пятьдесятъ одинъ годъ до освобожденія Св. града; сооруженіе ея исполнило утѣшенія Христіанъ, посреди угрожавшихъ опасностей и непрестанной смерти; ибо не прекращались частыя оскорбленія противъ вѣрнаго народа, какъ то: оплеванія, удары, узы, темницы и наконецъ всякаго рода казни. Не только подвергались имъ жившіе съ невѣрными въ одномъ городѣ, но даже и въ Оекуи и Виолеемѣ, гдѣ были одни только Христіане. При каждой перемѣнѣ правителя области, возобновлялись прежнія казни противъ народа Божія, для домогательства денегъ, и если происходили малѣйшія замедленія, со стороны Патріарха или народа, въ исполненіи начальственныхъ требованій, имъ угрожали немедленнымъ разрушеніемъ храма; недостойные и алчные правители притворялись, будто уже имѣли въ рукахъ своихъ царское повелѣніе разрушить храмъ, если немедленно не будутъ уплачены подати. Во время правленія Арабовъ и Египтянъ, Христіане пользовались еще нѣкоторою пощадою; когда же превозмогли Турки надъ обоими Халифатами и овладѣли Св. градомъ, то въ теченіе тридцати-шести лѣтъ, жители Иерусалимскіе подверглись жесточайшимъ гоненіямъ, до самаго освобожденія ихъ Крестоносцами*.»

Архіепископъ Тирскій оставилъ намъ и краткое описаніе церкви Св. гроба, какъ она была въ его

* Вильгельма Тир. кн. 1, гл. 4, 5, 6.

время, послѣ ея обновленія. «На покатоности горы Сіонской, (вѣроятно Гіонской, ибо такъ назывался въ древности близъ лежащій холмъ), сооружена круглая церковь воскресенія Христова, которая нѣсколько темна, потому что надъ нею господствуетъ гора, на склонѣ которой она стоитъ. Куполь храма высоко поднятъ на брусьяхъ, чудно сплоченныхъ между собою, въ видѣ вѣнца, но сверху оставлено отверстіе, изъ коего проливается необходимый свѣтъ во внутренность зданія, и подъ симъ отверстіемъ находится гробница Спасителя. Прежде однако же пришествія Латинянъ, мѣсто страданія Господня, называемое лобнымъ или Голговою, и то, гдѣ обрѣтено было честное древо креста, и то, гдѣ помазано было тѣло Спасителя, снятое съ креста, и обвито плащаницею, по обычаю Іудеевъ, находились внѣ объема вышеупомянутой церкви и на нихъ сооружены были только малые алтари, (вѣроятно по убожеству тогдашнихъ Христіанъ Иерусалимскихъ, которые заботились о украшеніи главнаго святилища Св. гроба). Когда же наши, съ помощію Божіею, овладѣли Св. градомъ, слишкомъ убогимъ и тѣснымъ показалось имъ такое зданіе, и они, расширивъ прежнюю церковь, стольже прочною и великолѣпною пристройкою, включили и сіи священныя мѣста во внутренность одного общаго дивнаго храма.»

Кварезмій, въ описаніи своемъ Св. земли**, желая согласить рассказъ инока Глабера, съ повѣствованіемъ Архіепископа Тирскаго, о различныхъ

* Кн. VIII, гл. 5. ** Кн. V, гл. 6, пар. 1, 2.

строеніяхъ обновленнаго храма, предполагаетъ, что мать Халифа, Марія, начала только строеніе разрушеннаго зданія, съ помощію Христіанъ Запада и Востока; потомъ же оно постепенно довершаемо было Императорами Греческими, Романомъ и Михаиломъ, при помощи и Римскаго Конрада, какъ о томъ свидѣтельствуесть лѣтописецъ Кедринъ, и наконецъ совершенно украшено Императоромъ Константиномъ Мономахомъ. Гораздо труднѣе согласить Архіепископа Тирскаго съ Патріархомъ Досиеемъ, въ лѣтосчисленіи Патріарховъ Іерусалимскихъ, ибо Вильгельмъ говоритъ, что при разореніи храма былъ Орестъ, а при сооруженіи Никифоръ; но Патріархъ Досиеей утверждаетъ*, что Орестъ святительствовадь послѣ Никифора, уже во время Императора Романа, при коемъ обновился храмъ, и былъ отъ крови царской (что справедливо, ибо онъ приходился дядею Халифу); скончался же, послѣ двадцати двухъ лѣтняго правленія, въ Царьградъ, при Императорѣ Константиѣ Мономахѣ. А послѣ Ореста упоминаетъ онъ о Минѣ, Софроніи, Маркѣ, правившемъ четырнадцать лѣтъ, и наконецъ о Патріархѣ Симеонѣ, при коемъ уже Крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ, не называя однако Никифора, о которомъ говоритъ Архіепископъ Тира.

Но изчисляя такимъ образомъ рядъ Патріарховъ, Досиеей говоритъ опять**, что во время Императора Константина Мономаха, содѣйствовавшаго къ обновленію храма, Христіане Іерусалимскіе подняли и часть стѣнъ Св. града, и по ходатайству

* Кн. VIII, гл. 22. ** Кн. VII, 26. VIII, 4.

царскому испросили, у благосклоннаго къ нимъ Халифа Фатимитовъ Дагера, исключительное право, владѣть сею частію города, и не имѣть надъ собою никакого судію, кромѣ собственнаго Патріарха, которымъ былъ тогда Никифоръ. И такъ вотъ и у Досиеей является имя Никифора, пропущенное имъ въ каталогъ Патріарховъ. Участокъ города, предоставленный, снисхожденіемъ Дагера, въ область Патріархамъ Іерусалимскимъ, составлялъ четвертую часть онаго, т. е. весь сѣверозападный уголъ, присоединенный Царицею Еленою къ древнему городу и заключавшій въ себѣ главное святилище Св. гроба и прилежавшія обители, почему и населенъ былъ исключительно Христіанами. Потомъ Досиеей говоритъ еще, что во дни Патріарха Софронія, т. е. въ 1064 г., многія тысячи западныхъ поклонниковъ, предводительствуемые двумя первостепенными ихъ Епископами, пришли вооруженною силою въ Іерусалимъ и были приняты благочестивымъ Патріархомъ, со всевозможною честію, при звукѣ гимновъ и кимваловъ, при блескѣ многихъ свѣтильниковъ, и что сіи поклонники, видя въ Іерусалимѣ и на пути къ Іордану многія разрушенныя обители, пролили обильныя слезы.

Благосклонный пріемъ, оказываемый Святителями Іерусалима пришельцамъ Западнымъ, свидѣтельствуесть, что они, посреди бѣдствій, ихъ обурывавшихъ, не принимали участія въ распряхъ, возникшихъ между Патріархомъ Цареградскимъ Михаиломъ Керуларіемъ и легатами Папы Льва IX, и не подозрѣвали, что это былъ уже окончатель-

ный разрывъ между Церковію Греческою и Римскою. Патриархи Антиохійскіе, знаменитые своею ученостію, Петръ и Феодоръ Валсамонъ, какъ подлежавшіе имперіи Греческой, послѣ освобожденія ихъ престола, и приходившіе въ Царьградъ по дѣламъ церковнымъ, письменно и словесно вступали въ преніе съ Западными; но изъ Іерусалимлянъ, кроткій инокъ Косма, украсившій своими добродѣтелями катедру Цареградскую, въ мирѣ прошелъ пятнадцатое свое святительство, возвратившись опять въ стѣны обители, при воцареніи Алексія Комнина; одинъ только Патриархъ Симеонъ, послѣдній до Крестonosцевъ, писалъ противъ опресноковъ, неправильно принятыхъ Римскою Церковію, и уже, быть можетъ, тогда, какъ самъ былъ насильственно выгнанный съ своей катедры, которую занималъ около двадцати лѣтъ. Патриархъ Досифей свидѣтельствуеъ самъ, что рѣшительною причиною разрыва между Западомъ и Востокомъ были крестовые походы, во время коихъ Папы старались совершенно покорить себѣ всю іерархію Восточную, поставляя Латинскихъ Епископовъ на мѣсто законныхъ пастырей Греческихъ*.

Говоря о Императорахъ Греческихъ и властителяхъ западныхъ, благодѣтельствовавшихъ Св. гробу, должно упомянуть и о Царяхъ Грузинскихъ, движимыхъ тою же благочестивою ревностію къ мѣсту Воскресенія Господня, въ теченіе многихъ вѣковъ и наипаче въ XI столѣтіи. — Такимъ образомъ, Георгій I. Куропалатъ основалъ въ Іеруса-

* Кв. VIII, гл. 5.

лимъ великолѣпный монастырь во имя Апостола Іакова, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ страдалъ; и сынъ его Багратъ IV, обновилъ тамъ многія обители, принадлежавшія Грекамъ и Грузинамъ, особенно же церковь на Голгоѣ, ибо по родству съ Императоромъ Романомъ, онъ имѣлъ большое участіе въ его благодѣянїяхъ Христіанамъ Палестинскимъ. Архимандритъ Георгій, Иверскаго монастыря на горѣ Аѳонской, которому обязаны Грузины переводомъ священныхъ книгъ на свой родной языкъ, былъ вѣрнымъ исполнителемъ воли царской, оставивъ по себѣ благую память въ Іерусалимѣ. Преемники Баграта, Георгій II. и Давидъ II., прозванный возобновителемъ, наслѣдовали и царственную ревность его къ украшенію Св. мѣста, и псаломное имя Давида сладостно откликнулось опять во градъ Давидовомъ, когда духовникъ царскій, самъ рода княжескаго, Арсеній, посвятившій себя подвигамъ иночества, щедро рукою сыпалъ милости его на Св. мѣста.

Одиннадцатый вѣкъ былъ особенно обилень богомольцами, которые стремились одинъ за другимъ въ Палестину, и это уже сдѣлалось мало по малу необходимостію того времени. Наступившее тысячелѣтіе отъ Рождества Христова, сопровождаемое многими страшными знаменїями и бѣдствїями, поразило умы всѣхъ, мыслию о скорой кончинѣ міра; земля постыла для ожидавшихъ скорой ея утраты и послѣдняго сѣда. Казалось, одинъ только путь велъ на небо, сквозь пустыню преходящаго міра, и этотъ путь лежалъ чрезъ

земной Иерусалимъ въ небесный. Никогда бы нельзя было подумать, говоритъ лѣтописецъ Глаберъ*, чтобы Св. гробъ Спасителя могъ привлечь столь несмѣтное число поклонниковъ. Сперва подвиглось низшее сословіе народа, потомъ среднее, дабы заняться куплями житейскими; наконецъ пробудились и сильные міра, графы, герцоги и князья; вотъ и Епископы поднялись съ кафедръ своихъ и могущественные Цари съ своихъ престоловъ; даже и самыя жены, простыя и благородныя, не утрашились дальняго пути, всѣ устремились толпами къ Св. граду; они шли на встрѣчу Антихриста, открывая себѣ путь въ дальнія края, говоритъ тотъ же лѣтописецъ западный, но не безъ воздаянія останет-ся ихъ благочестивая ревность. Глаберу казалось уже, что раздается звукъ трубы Архангельской, возвѣщающей послѣдній день. Но глубокіе перевороты нравственные таились въ семъ бурномъ стремленіи народовъ, и страшное состязаніе Запада съ Востокомъ, временно сломило возраставшую силу исламизма, хотя и много повредило Церкви Восточной.

Макарій, Патріархъ Антиохійскій, открываетъ сей рядъ благочестивыхъ поклонниковъ одиннадцатаго вѣка*. Движимый пламенною ревностію ко спасенію душъ, онъ оставилъ свою кафедру, для проповѣди слова Божія Евреямъ и Сарацинамъ, и видя бѣдственное поруганіе Св. мѣстъ, при безумномъ Халифѣ Жакимѣ, пошелъ искать имъ помощи на Западъ, гдѣ и окончилъ дни свои. Иной по-

* Кн IV. ** Histoire de Jerusalem, T. II. p. 315—520.

клонникъ, Фулкъ черный, графъ Анжевинскій*, трижды странствовалъ во Св. землю, для очищенія многихъ своихъ убійствъ, и во вретницѣ терпѣлъ удары отъ своихъ служителей, на улицахъ Иерусалимскихъ: такое покаяніе возложилъ на него Первосвятитель Римскій.

Лѣтописецъ Глаберъ, пишетъ о чудѣ Св. огня, въ великую субботу, коего свидѣтелемъ былъ богомолецъ Одольрикъ Епископъ Орлеанскій**. Когда все собраніе Христіанъ, соединившись въ храмъ Воскресенія, съ благоговѣніемъ ожидало появленія небснаго свѣта, одинъ нечестивый Сарацинъ, ради насмѣшки, возгласилъ: агіосъ киріе елейсонъ, то что пѣли обыкновенно Христіане при явленіи огня, и вырвалъ свѣчу изъ рукъ Христіанина, но самъ вскорѣ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ. Между тѣмъ Св. огонь явился по обычаю, на одномъ изъ семи кандялъ, повѣшенныхъ на Св. гробъ, и отъ него зажглись прочія. Епископъ Одольрикъ купилъ за фунтъ золота, у Патріарха Иерусалимскаго, сію лампаду и принесъ ее въ свою церковь, исцѣляя масломъ ея болящихъ.

Бононій, аббатъ монастыря Лукскаго, для забвенія горестей семейныхъ, сперва посвятилъ себя жизни иноческой въ Египтъ, потомъ основался временно на Сіонѣ, благодѣтельствуя Христіанамъ Восточнымъ, и благодѣянія сіи послужили ему отрадными воспоминаніями въ часъ смертный. Въ 1044 г., Рихардъ II, Герцогъ Нормандскій, принялъ на себя издержки странствованія въ Палестину, Рихарда, аббата оби-

* 1020 годъ. ** Кн. IV, гл. 6.

тели Викторовой, и съ нимъ семисотъ поклонниковъ. Съ торжествомъ вступили, они въ Св. градъ, при пѣніи псалмовъ, и благоговѣнно посѣтили весь Св. мѣста; аббать раненъ былъ камнемъ отъ Сарацынъ, въ минуту, когда погружался въ Иорданъ. Въ присутствіи Патріарха и клира Иерусалимскаго совершилъ онъ литургію на горѣ Сіонской, въ храмъ Тайной вечери, и омывалъ ноги двѣнадцати убогимъ, снабдивъ ихъ пищею и одеждою. Десять лѣтъ спустя, еще болѣе многочисленная толпа, трехъ тысячъ богомольцевъ, пустилась въ путь, подъ предводительствомъ Луидберта, Епископа Камбрезійскаго, и толпа сія называлась ратію Божіею, по своему назначенію. Не дошедши до Лаодикіи Сирійской, поклонники принуждены были съ горестію возвратиться, ибо услышали, что Халифъ Египетскій запретилъ Христіанамъ входъ къ Св. гробу.

Еще десять лѣтъ спустя, семь тысячъ поклонниковъ, подъ начальствомъ Сигфрида, Архіепископа Маннскаго, и съ нимъ трехъ Епископовъ и многихъ рыцарей Германскихъ, предприняли также странствіе въ Иерусалимъ; о нихъ говоритъ Досифей въ своей лѣтописи. За одно поприще отъ Рамлы, дружина сія принуждена была сражаться противъ двѣнадцати тысячъ Арабовъ, искушенныхъ роскошью одежды Епископовъ и рыцарей, и хотя многіе изъ нихъ погибли въ битвѣ, однако мужественно отразили нападеніе, съ помощію Турковъ, высланныхъ къ нимъ изъ Иерусалима. Съ торжествомъ вступили они во Св. градъ, при звукѣ кимваловъ,

при свѣтѣ факеловъ, и дали обильныя даянія Патріарху Софронію, для обновленія Св. мѣстъ, разрушенныхъ Сарацынами; но уже церковь Св. гроба воздвиглась изъ развалинъ прежде ихъ прихода. Между поклонниками было много купцовъ, которые задержали другихъ въ Палестинѣ, до продажи своихъ товаровъ, и болѣе трехъ тысячъ изъ сей многочисленной дружины положили кости свои на чужбинѣ; флотъ Генуэзскій возвратилъ ихъ въ отечество. — Были и еще иные поклонники, но странствія ихъ не имѣли ничего замѣчательнаго.

Турки, властвовавшіе тогда въ Палестинѣ, на которыхъ столь горько жаловался Архіепископъ Тира, принадлежали знаменитому племени Сельджукидовъ, возникшихъ изъ Туркменіи, съ береговъ Каспійскаго моря: родоначальникъ ихъ Сельджукъ, принужденный оставить родную землю, прославился подвигами воинскими въ окрестностяхъ Самарканды, а славный внукъ его Тогруль-Бекъ, дорого заплатилъ Султану Хорасанскому, Махмуду Газнеvidу, за допущеніе сильной орды его въ свои предѣлы. Еще болѣе умножилось могущество Тогруль Бека, когда слабый Халифъ Багдадскій, Кагемъ, притѣсняемый своимъ Эмиръ-эль-Омра, изъ племени властителей Персидскихъ, призвалъ къ себѣ на помощь Султана Сельджукскаго и передалъ ему, вмѣстѣ съ симъ блестящимъ званіемъ, все владѣтельство въ державѣ Арабской. Тогруль-Бекъ избавилъ его и отъ нападенія Халифа Фатимитовъ и, ознаменовавъ себя новыми побѣдами, окончилъ славное свое поприще въ Багдадѣ, уже въ каче-

ствъ зятя Халифа. Мужественный его племянникъ, Альпъ-Арсланъ, участвовавшій во всѣхъ его битвахъ, наследовалъ его сану и власти при слабомъ Халифѣ. Онъ распространилъ свои завоеванія въ Малой Азій* и состязался съ Императоромъ Греческимъ Романомъ Диогеномъ, опекуномъ малолѣтнихъ дѣтей царственного Константина Дука.

Альпъ-Арсланъ, прозванный львомъ исламизма, съ малою дружиною встрѣтилъ многочисленное войско Греческое, въ предѣлахъ Арменіи, и тщетно предлагая миръ, принужденъ былъ отчаянно вступить въ битву. Победа осталась въ рукахъ его, и самъ Императоръ приведенъ былъ плѣнникомъ къ Султану; онъ наступилъ ему на выю, въ знакъ своего владычества, потомъ же привѣтливо спросилъ: «какой участи ожидаетъ себѣ отъ побѣдителя?» «Если ты властитель Турковъ, отпусти меня съ честью, отвѣчалъ ему плѣнный Императоръ, если купецъ, продай меня въ неволю; если палачъ, умертви меня.» Съ честью и дарами отпустилъ его Арсланъ; но уже имперія не хотѣла принять пораженного однажды властителя, и заключеніе монастырское было жребіемъ Романа. Не долго торжествовалъ и Альпъ-Арсланъ; его поразилъ князь другого именитаго плѣнника, имъ поруганнаго. «Вы все видѣвшіе величіе Альпъ-Арслана, возносившееся до небесъ, придите посмотреть его во прахъ:» такое надгробіе написано было ему на родинѣ въ Хорасанѣ. Сынъ его, столь же знаменитый Малекъ Шахъ, утвержденъ былъ Хали-

* 1072 годъ.

фами Кагемомъ и его преемникомъ Мостади, во всѣхъ достоинствахъ великаго отца, какъ настоящій повелитель всѣхъ Мусульманъ.

Въ свою чреду, Малекъ Шахъ оказалъ важныя услуги Халифу; онъ покорилъ оружіемъ всю страну, отторгнутую отъ Багдада, частию Фатимитами, частию Императоромъ Пимисхіемъ; имя Халифа Аббасидовъ стало возноситься въ мечетяхъ Сиріи, вмѣсто имени его соперника Мостангера, сына Дагерова, изъ рода Фатимитовъ. Христіанская Антіохія впала опять въ руки Магометанъ, Дамаскъ и Іерусалимъ открыли врата свои побѣдителю, и черное знамя Аббасидовъ стало развѣваться на ихъ стѣнахъ, вмѣсто бѣлаго Фатимитовъ. Отсель умножились и бѣдствія Св. града, о коихъ столь жалостно взываетъ Архіепископъ Тира; ибо жестокое иго Турковъ, суровыхъ сыновъ сѣвера, было гораздо чувствительнѣе для него владычества Арабовъ, болѣе образованныхъ, и уже смягчившихся нравами. Малекъ Шахъ успѣшно сражался и съ дружинами императорскими въ Малой Азій, и умеръ исполненный славы, посреди торжествъ своихъ въ Багдадѣ, выдавъ дочь свою за Халифа Мостади; но съ нимъ поколебалось и могущество племени Сельджукидовъ. Сынъ его Баркіарукъ уже принужденъ былъ оспаривать оружіемъ права свои, у младшаго брата Махмуда, хотя самъ признанъ былъ за Эмира-эль-Омра, Халифомъ. Наконецъ, обширная держава Сельджукидовъ раздѣлилась на пять частей, между дѣтьми и родственниками Малекъ Шаха, и

* 1075 годъ.

образовалось пять различныхъ династій, хотя и сильныхъ, но часто враждебныхъ другъ другу, въ Персіи, Керманѣ, Дамаскѣ и Анатоліи. Въ такомъ разрозненномъ положеніи застигли ихъ, въ исходѣ XI вѣка Крестоносцы, и это было причиною ихъ первыхъ успѣховъ противъ ослабѣвшихъ Князей Турецкихъ, при соперничествѣ двухъ Халифовъ, Багдадскаго Мостадера и Мостади-биллаха Египетскаго.

Краснорѣчивый Архіепископъ Тира, Вильгельмъ*, описывая послѣднія бѣдствія, удручавшія Христіанъ Палестинскихъ, до начала крестовыхъ походовъ, такъ говоритъ о нихъ въ своей лѣтописи: «доколѣ еще продолжалось благоденствіе имперіи Греческой, была нѣкая отрада и Св. граду, въ нуждахъ его, отъ дома императорскаго; ибо здоровое состояніе царства, вновь покорившаго соседніе Иерусалиму города, а наипаче Антиохію, поддерживало и въ его гражданахъ, хотя слабую надежду на освобожденіе. Когда же они, истомленные собственными бѣдами, услышали горькія вѣсти о пораженіяхъ единовѣрцевъ, тогда и самая жизнь имъ постыла, ибо увидѣли себя обреченными вѣчному рабству. Въ горькія времена сіи случалось многимъ, изъ числа Грековъ и Латинъ, приходитъ на поклоненіе Св. мѣстамъ; но прошедшимъ тысячи смертей по враждебнымъ странамъ, въ виду Св. храма, отказывался желанный входъ, если не въ силахъ были заплатить червонецъ привратникамъ; и такъ иногда многія тысячи, въ тщетномъ ожиданіи, томились

* Кн. I, гл. 9—12.

голодомъ и болѣзнями предъ стѣнами Св. града, и сіи живые мертвецы были только въ большую тягость для гражданъ, ибо они должны были питать живыхъ и хоронить мертвыхъ, когда и сами одолѣвались собственными заботами. Но и тѣ, которые заплативъ даже положенную дань, вступали во Св. градъ, столько же обременяли собою жителей, ибо они безпрестанно страшились, чтобы пришельцы, неосторожно обходя святыя мѣста, не навлекли на себя поруганія и ударовъ отъ Сарацинъ, и не погибли бы гдѣ либо тайною смертію, Посему, желая предупредить такія несчастія, они съ братскою заботливостію повсюду слѣдили за приходящими, не оставляя неопытныхъ одними.

Былъ въ Иерусалимѣ монастырь Амальфитянь, называемый Св. Марією Латинянь, и при немъ страннопріимница, съ малою церковію во имя Св. Іоанна милостиваго, гдѣ принимались и содержались несчастные странники, милостію вѣрныхъ; ибо едва изъ тысячи одинъ могъ поддерживать себя, собственными средствами, утративъ ихъ въ дальнемъ пути, вмѣстѣ съ силами тѣлесными. И такъ не было бѣднымъ гражданамъ покоя, ни дома, ни внѣ домовъ, вездѣ одна лишь смерть и рабство, ужаснѣйшее самой смерти. Къ довершенію бѣдствій, они не были спокойны и внутри церквей, которыя обновили изъ развалинъ съ неимовѣрными трудами; ибо и въ нихъ, во время богослуженія, съ шумомъ и яростію врывались невѣрные, поражая Христіанъ, вскакивая на алтари, опрокидывая Св. потіры и попирая ногами священные сосуды,

и осыпая поруганіями самый клиръ. Не было пощажено ими и священное лице Патріарха, представлявшаго Церкви въ бѣдственныхъ времена сїи; какъ недостойнаго раба, невѣрные совлекали его, за сѣдые волосы и браду, со священной каедрой и со смѣхомъ бросали на землю; иногда же безъ всякой причины заключали въ темницу, чтобы безчестіемъ Пастыря сокрушать паству. Подъ бременемъ столь жестокаго ига стоналъ народъ Божій многіе годы, и днемъ и ночью, со слезами взывалъ къ Богу отцевъ своихъ, о спасеніи, дабы Господь престалъ обличать ихъ яростію своею и наказывать гнѣвомъ своимъ, ибо уже все низошли въ бездну золь: но какъ, по выраженію псалмопѣвца, бездна призываетъ бездну, такъ бездна золь привлекла наконецъ бездну милосердія, отъ Господа всякихъ щедротъ, услышавшаго гласъ плача своего народа, и пришло избавленіе. Такъ по крайней мѣрѣ казалось Архіепископу Тирскому.

Въ числѣ поклонниковъ западныхъ, посѣтившихъ Св. мѣста, пришелъ нѣкто Петръ пустыжникъ, именемъ и дѣянїями, родомъ изъ Франціи, человекъ большой добродѣтели и строгой жизни; онъ былъ роста малаго и убогаго вида, но въ маломъ тѣлѣ заключалъ великую душу. Вступивъ въ Св. градъ, болѣзненно пораженъ былъ Петръ, зрѣлищемъ Св. мѣстъ, подъ игомъ невѣрныхъ, и ихъ мечети, заступившей мѣсто Соломонова храма, и конюшенъ Сарацынскихъ, примыкавшихъ къ самому зданію церкви Св. гроба. Какъ человекъ опытный, спросилъ онъ Христїанина, у коего остано-

вился въ домъ, не только о настоящемъ бѣдствіи вѣрныхъ, но и о томъ, что терпѣли отцы ихъ, и въ теченіе долгаго пребыванія въ Св. градъ, посѣтивъ самъ все церкви, собственными глазами удостоверился, въ настоящемъ горестномъ состояніи дѣль.

Услышавъ, что Патріархъ Іерусалимскій Симеонъ, былъ человекъ добродѣтельный и богобоязливый, Петръ пожелалъ его видѣть, и вступилъ съ нимъ въ разговоръ чрезъ переводчика, по незнанію имъ языка Греческаго; оба насладились взаимною бесѣдою. Патріархъ проникнувъ, въ простомъ богомольцѣ, человека благоразумнаго, съ большею опытностію и весьма убѣдительнаго словомъ, излилъ предъ нимъ со слезами душу свою, и видя, что и онъ не можетъ удержать теченія слезъ своихъ, спрашивалъ его, не знаетъ ли какого облегченія въ толикихъ скорбяхъ? — «Грѣхи наши, говорилъ плачущій Святитель, причиною, что Господь не внемлетъ нашимъ молитвамъ, ибо мы еще не довольно наказаны; но быть можетъ, была бы и намъ нѣкая ослаба, если бы вашъ народъ, искренно служащій Богу, и еще крѣпкій и страшный силами своими врагамъ нашимъ, пришелъ бы сюда къ намъ на помощь, или бы хотя помолился о насъ Господу Іисусу; ибо мы уже болѣе ничего не ожидаемъ отъ Грековъ, хотя они къ намъ и ближе, какъ по самой мѣстности, такъ и по узамъ крови. Едва могутъ они защищать самихъ себя; до такой степени упала прежняя ихъ сила, и ты уже могъ слышать, какъ, въ теченіе послѣднихъ

немногихъ лѣтъ, они внезапно утратили половину своего царства.»

Пустынный Петръ отвѣтствовалъ Патріарху: «вѣдай святой отецъ, что если бы Римская Церковь и вѣстители Западные извѣщены были о гоненіи, какое вы здѣсь терпите, чрезъ челоуѣка достойнаго вѣры, то непременно постарались бы приложить нѣкое врачеваніе вашимъ язвамъ. И такъ напиши Папѣ и Государямъ пространныя посланія, скрѣпленныя твоею печатію; я же вызываюсь отнести ихъ и повсюду идти, съ помощію Божіею, просить для васъ помощи!» Обрадовались такой рѣчи Патріархъ и присутствовавшіе Христіане, и воздавъ должную хвалу пустынноку Петру, за его ревность, снабдили его отъ себя желанными грамотами.

Нѣсколько времени спустя, говоритъ тотъ же лѣтописецъ западный, когда пустынный молился въ храмъ Св. гроба, о успѣхъ своего путешествія, заснулъ онъ, и въ сонномъ видѣніи узрѣлъ Господа Иисуса Христа, ему говорящаго: «возстань Петръ, и поспѣши исполнить данное тебѣ порученіе, безъ всякаго страха, ибо я съ тобою буду; — настало уже время очищенія сихъ святыхъ мѣстъ и помощи вѣрнымъ моимъ служителямъ.» Еще болѣе возбужденный симъ сновидѣніемъ, пустынный Петръ простился съ Патріархомъ, и съ его благословеніемъ отплылъ въ Италію; достигнувъ Рима, вручилъ онъ Папѣ Урбану II. грамоту Святителя и бѣдствующихъ Христіанъ Палестинскихъ, самъ же, преядя Альпы, пошелъ возвыщать бѣдствія

Иерусалима всему Западу, въ слухъ народа и сильныхъ земли, возбуждая всѣхъ къ освобожденію Св. мѣсть, и приготавливая умы и сердца къ принятію перваго зова, какой услышать отъ Римскаго престола. — Тогда, по выраженію инаго лѣтописца, разверзлась къ Востоку дверь Латинянъ.

Конецъ первой части.